

«БЛИЖНИЙ КРУГ»  
А. Кончаловский  
А. Усов

КИНОСЦЕНАРИИ 1'93

Американский вариант  
«СТАЛИН» —

«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»  
Э. Тополь — бестселлер

«ПРОХИНДИАДА-2»  
А. Гребнев

МЕРИЛ СТРИП —  
актриса номер один  
американского кино

Н. МИХАЛКОВ,  
Р. ИБРАГИМБЕКОВ  
— гусарский роман

ВУДИ АЛЛЕН —  
сплошной парадокс



**В роли Сталина — Роберт Дювалл.  
В роли Нади Аллилуевой — Джулия Ормонд.**

# СЕГОДНЯ В ЖУРНАЛЕ

**Анатолий Гребнев**

**Эдуард Тополь**

**Поль Монаш**

**Андрей Кончаловский  
Анатолий Усов**

**Рустам Ибрагимбеков  
Никита Михалков**

**Илья Вайсфельд**

**Вуди Аллен**

**Мерил Стрип**

**Александр Червинский**

**Журнал издается  
с 1973 года.**

## КИНОСЦЕНАРИИ 1'93

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И  
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

*нам 20 лет*

Этот сценарий написан для режиссера Виктора Трегубовича как своего рода продолжение фильма «Прохиндиана, или Бег на месте»...

«В смерти моей прошу никого не винить, во всем виноват сам. Прощайте. Цвигун».

На какое-то время взгляд Сталина прикован к Красной звезде. Затем он поворачивается к Наде и губы их сливаются...

Прототип этого героя жив по сей день. На Западе такой человек давно выпустил бы мемуары, заработал бы кучу денег...

Капитан Фокин в костюме, парике и гриме севильского доктора Бартоло хлопнул по плечу счастливого, улыбающегося Толстого. Фокин. Хорошо, юнкер! Знатно! Толстой [весело]. Хорошо, ваше благородие!..

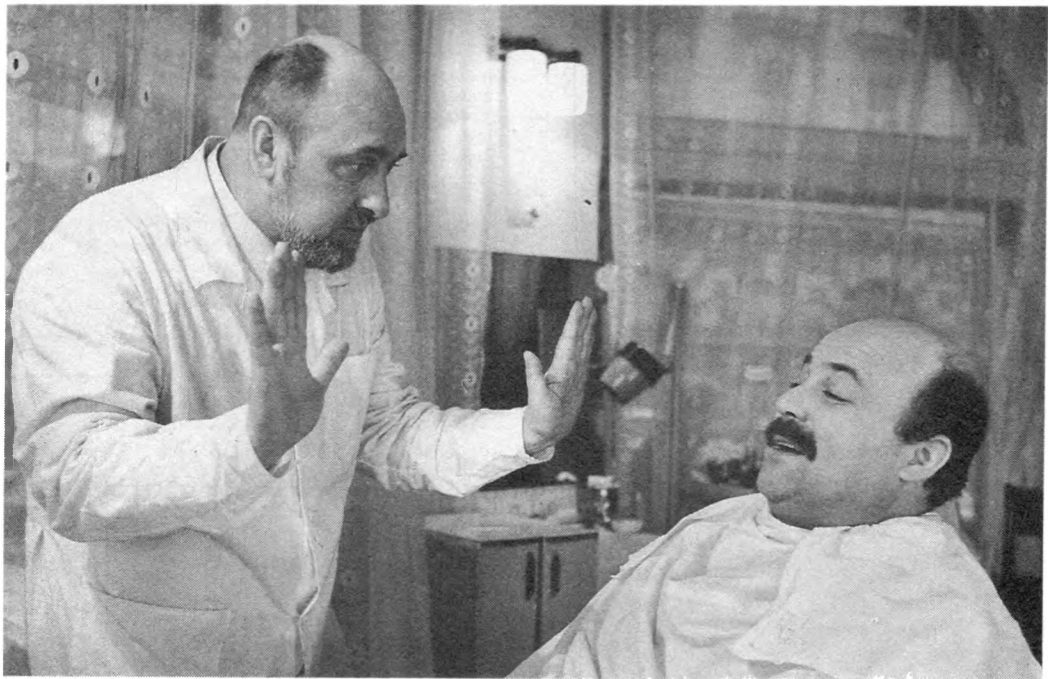
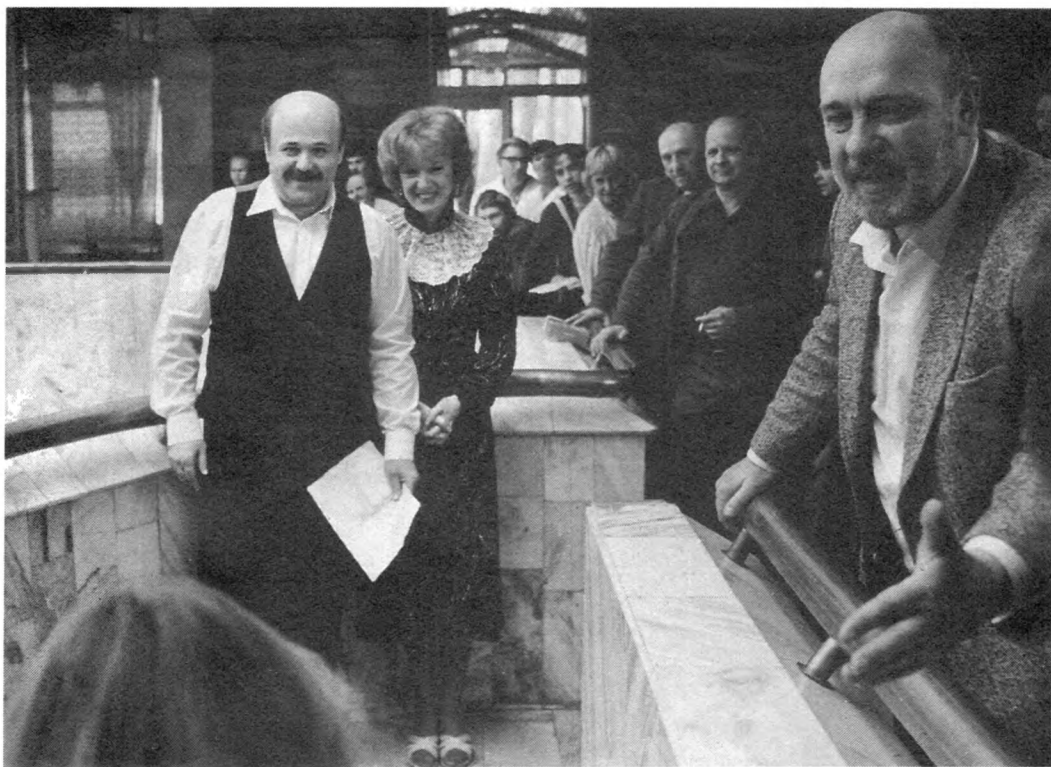
Рассказы о том, что было или могло бы быть.

Из всех знаменитых людей прошлого я больше всего хотел быть Сократом...

Среди американских актрис в ходу такая приписка: «Каждый год в Голливуде бывает лишь парочка хороших ролей, и те достаются Мерил Стрип».

Как хорошо продать хороший сценарий.

Учредители:  
Комитет кинематографии  
при правительстве  
Российской Федерации,  
Конфедерация Союзов  
кинематографистов,  
А/О «Киноцентр»



Виктор Трегубович во время съемок фильма «Прохиндиада, или Бег на месте».  
Виктор Трегубович в роли парикмахера. Кадр в фильм не вошел.



Драматург Анатолий Гребнев и режиссер Виктор Трегубович.

### От автора

*Этот сценарий написан для режиссера Виктора Трегубовича как своего рода продолжение нашего фильма «Прохиндиада, или Бег на месте», снятого в 1984 году,— с теми же персонажами (и понятно, в исполнении тех же актеров) — в теперешних обстоятельствах, девять лет спустя. Мы полагали, что тема прохиндея и прохиндейства, да просто жизнь наших прежних героев может иметь занимательное продолжение в сегодняшнем дне. Напомню, что наш тогдашний Александр Александрович — А. Калягин — не был объектом, так сказать, сатирического осмеяния, а скорее вызывал удивление и сочувствие — этот «вездесущий колобок, который испечен из сегодняшнего воздуха, из злобы дня», как определил тогда мудрый критик. Тем менее мы собирались «осуждать» его сегодня, и термин «прохиндиада», как мы думали, относится больше к самой жизни, к «воздуху», нежели к отдельным личностям. Но вы это прочтете сами.*

*Так случилось, что мой друг и любимый режиссер, с которым сделали художественно три картины и собирались начинать четвертую, умер нелепой смертью, в результате несчастного случая, 57 лет от роду, здоровый, полный сил, запрограммированный, как нам всем казалось, на две жизни.*

*Он жадно жил, он быстро снимал, чуть ли не по сто метров в смену — кинематографисты знают, что это такое. Он не то чтобы специально торопился к сроку, а просто не мог иначе: если работал, то вздохнул. Все, что он знал и умел, было достигнуто собственным трудом и умом, руками крестьянского сына, с детства приученного к работе и порядочности. Он был образован, как мало кто из его коллег, потому что читал, любил и собирал книги, наделенный к тому же незаурядной памятью. Его внешность, лишенная столичного лоска, с рубашкой, вечно расстегнутой на животе, с бородой, в которой появилась седина,— была обликом работника, трудяги, которому недосуг холить себя, а есть дела поважней.*



**Екатерина Ивановна — Людмила Гурченко,  
Александр Александрович — Александр Калягин.**

*И фильмы его — того же свойства. В них широкий шаг, юмор, страсть и спутница размаха — небрежность, нежеланье мелочиться; в них он весь — в «На войне, как на войне», «Даурии», «Уходя — уходи», «Старых стенах», в его последней работе — фильме «Хмель», где он дорвался до заветных своих мотивов, до отчей земли — Сибири, всегда тянувшей его к себе.*

*В последний месяц мы все время перезванивались: он у себя в Ленинграде готовился к работе и ждал, я заканчивал сценарий, обещал «к понедельнику», потом опять «к понедельнику», как это всегда бывает. И все это время мысленно адресовал каждую написанную сцену, придуманную деталь — ему, который должен был, конечно, прочитать это первым. И в минуты самообождения, знакомые каждому пишущему, мне мнилось, что вот здесь он смеется и потирает руки... Увы, этого не случилось.*

*Надеюсь, читатели поймут мое желание предварить этот сценарий, независимо от его дальнейшей судьбы, строчкой:*

*Памяти Виктора Трегубовича.*

---

## Анатолий Гребнев

# ПРОХИНДИАДА — 2

ПАМЯТИ ВИКТОРА ТРЕГУБОВИЧА

1.

**А**лександр Александрович, герой «Прохиндиады» 1984 года, явится нам на этот раз в образе благополучного, скажем больше, преуспевающего деятеля нового времени. Как он вынырнул из сложных перипетий прежней эпохи, одному богу известно. Если помните, тогда он испарился, исчез в неизвестном направлении. Нынче — появился, возник, да и куда ж ему было деться — наступил его час.

Итак...

В один из дней лета в Н-ском посольстве в Москве давали прием в честь — ну, скажем, национального праздника данного государства. В тихом арбатском переулке длинной чередой, приткнувшись друг к другу, выстроились машины. Внутри посольского особняка, в бело-голубой зале со старой лепниной, толклись у столов приглашенные. Большинству из этих мужчин и женщин не было в общем-то никакого дела до Н-ского государства с его государственными праздниками, они общались больше в своем кругу, друг с другом, держа в руках

тарелки и бокалы. Если учесть, что вся церемония продолжается часа полтора-два, а на тарелках не бог весть какая снедь и никаких важных разговоров или развлечений в это время не происходит, можно удивляться стойкой живучести бессмысленного ритуала и количеству людей, отдающих ему дань. Тем не менее, среди лиц незначительных и никому не известных, разве что друг другу, мы встретим здесь и ряд знаменитостей, сошедших с экранов телевизоров, чтобы, так сказать, живьем украсить данный фуршет, усилив его значение.

Вот в таком обществе и возникнет на этот раз Александр Александрович Любомудров — с тарелкой в одной руке и бокалом в другой, как все; образцово-светский, а именно сдержанный и непринужденный одновременно, то есть необычайно уместный в этой обстановке. Полюбуйтесь — как он мило общается с дамами и господами, употребляя по необходимости отдельные слова на европейских языках, включая итальянский; как славно держится, будучи представлен послу и его супруге; смотрите — он запросто общается со знаменитым парла-

ментарием, и тот еще знакомит его с другой столичной знаменитостью — из мира искусства...

Так что же он, и впрямь процвел, наш Александр Александрович? Занял вожделенную высотку на сегодняшнем нашем Олимпе, вознесшись сюда вместе с другими?

Этим вопросом задался сейчас один из приглашенных, мужчина непримечательной наружности, стоящий в скучном одиночестве, тоже с тарелкой и бокалом, который он, правда, догадался пристроить на подоконник. Зовут этого человека Виктор Викторович. Если имя это вам ни о чем не говорит, напомним директора в джинсах, в свое время донимавшего Александра Александровича. («Я вам нужен» — уверял Александр Александрович. — «Нет!» — говорил директор в джинсах. — «Нужен», — настаивал Александр Александрович. — «Нет» — сопротивлялся директор. — «Вы меня еще позовете»... По ходу рассказа мы вам напомним эту сценку из того времени.) Так вот, Виктор Викторович был и на сей раз тут как тут и, как уже сказано, наблюдал за нашим героем, будто желал его вычислить заново. Вот они встретились взглядами. Вот и сошлись.

— Это вы? — спросил Виктор Викторович.

— А вы как полагали? — нашелся Александр Александрович.

— Живы?

— Как видите.

— Да, — сказал Виктор Викторович. —

И где же вы теперь?

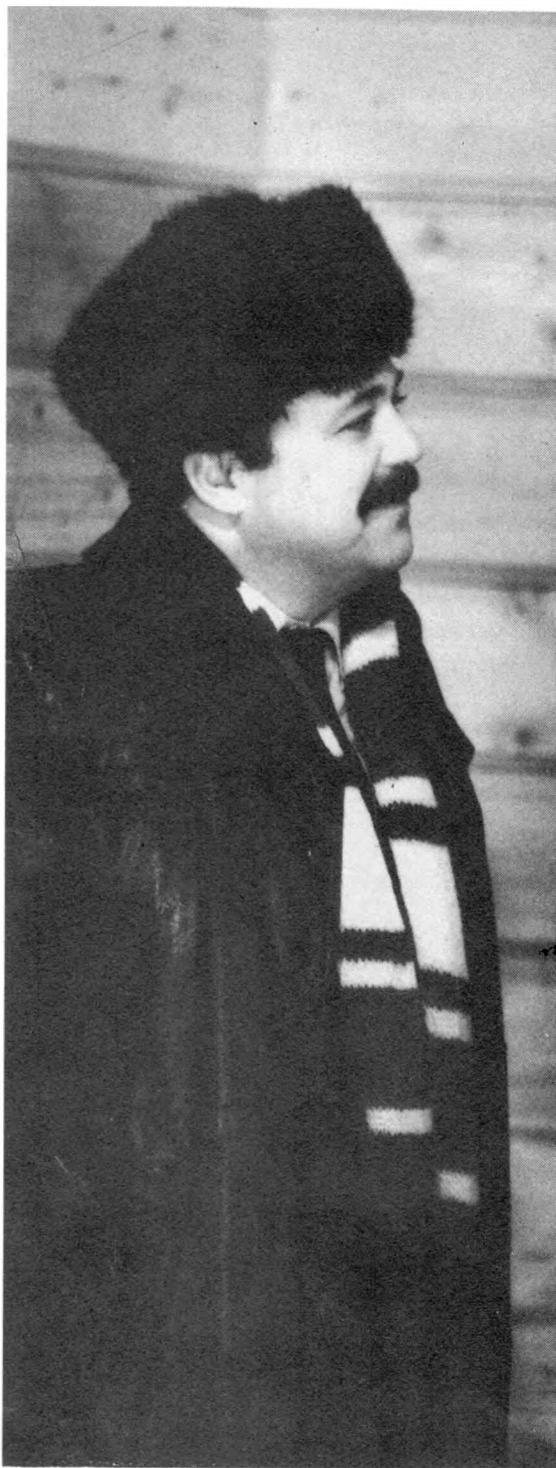
Александр Александрович сделал неопределенный жест, очертив как бы круг или параболу.

— Всюду! — угадал Виктор Викторович.

И они обменялись улыбками. Вслед за тем Александр Александрович увидел знакомого, направлявшегося к нему с бокалом. — «О, бон суар! — приветствовали они друг друга. — Коман сова? Бьен?» — на чистом французском, из чего следовало, что Александр Александрович здесь и впрямь человек не случайный и что дела его, похоже, действительно пошли в гору.

## 2

Машина доставила Александра Александровича к дому, и здесь он, как и в былые времена, игриво звонил в дверь, возвещая о своем появлении. В квартире мало что изменилось: тот же солидный кабинет — кресла, книги, шторы, уютный свет над письменным столом, да вот еще и камин... И как когда-то, настречу мужу вышла преданная жена, и это была все та же Екатерина



Александр Александрович —  
Александр Калягин





Тимофей Тимофеевич —  
Владимир Сошальский

Ивановна... все та же, но уже и не та. Вот где произошли перемены, что ни на есть радикальные: забитое, измученное жизнью существо, каким была, если помните, супруга Александра Александровича, распрямилось и приняло образ уверенной хозяйки дома, светской женщины, знающей толк в тряпках и косметике. Вот так.

— Какие новости, кто звонил, где Марина? — спросил, как всегда, с порога Александр Александрович.

Екатерина Ивановна воздела указательный палец, призывая мужа замереть, прислушаться и не мешать. В доме звучала музыка. Два голоса, два инструмента, струнный и духовой, нежный струнный и нежный духовой, арфа и флейта, выводили свои мелодии то вместе, то соло, замирая поочередно и снова сливаясь в дуэт. И вот смолкли оба, и тогда Александр Александрович спросил подобающим шепотом:

— Это кто?

— Это Геша на флейте, — отвечала шепотом Екатерина Ивановна.

— Какой еще Геша?

— Тсс! Геша из их оркестра. Они уже целый час. Идем, не мешай. Видишь, они остановились!

Александр Александрович расположился в кабинете, снял пиджак, не позабыв разгрузить карманы: визитные карточки, целый ворох чьих-то новоприобретенных имен и адресов перекочевал в ящик стола, где уже хранились коллекции таких же визиток.

— Чего они перестали? — поднял голову Александр Александрович.

— Не знаю. Отдыхают, наверно.

— Как это — отдыхают?!

— Ах, Саша!

Но тут, к счастью, дуэт возобновился, и Александр Александрович, послушав, спросил:

— Что за имя такое — Геша?

— Геннадий, наверно.

— Геннадий — это Гена.

— Ну, не знаю. Откуда-то из Подмосковья. Так, по виду серьезный.

— «По виду»!

— На тебя не угодишь. Девочке тридцать четыре года в конце концов. Сама разберется.

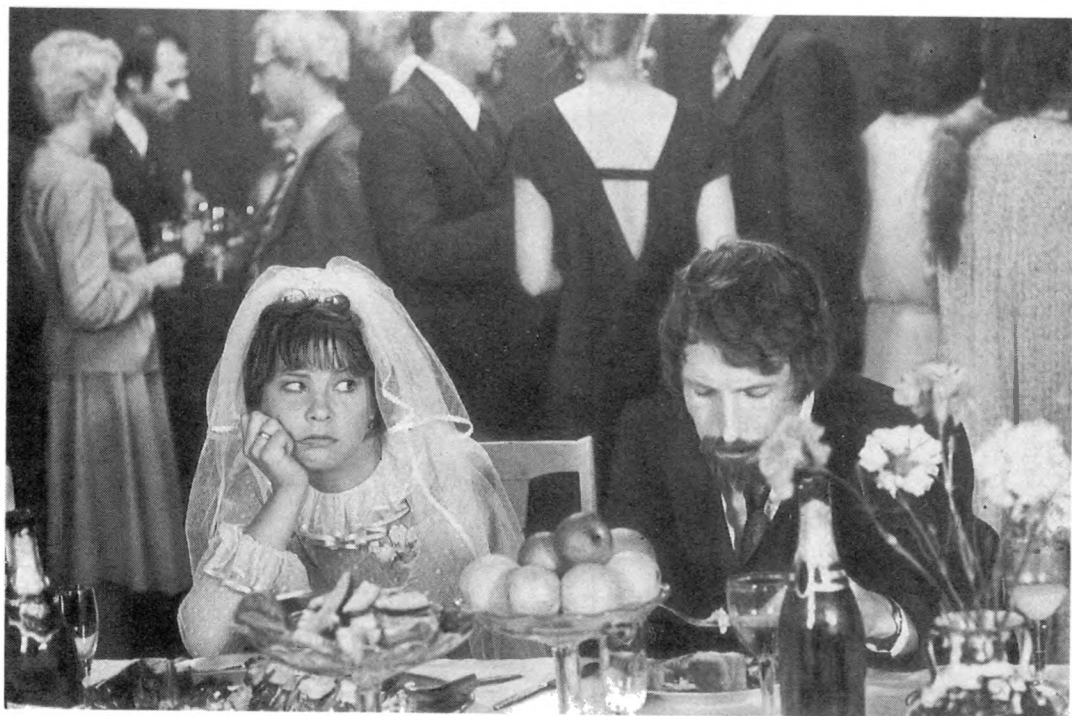
— Мы уж видели, как она разбирается! Один муж, другой, четвертый...

— Откуда ты взял четвертого?

— А этот — какой, ты считаешь?

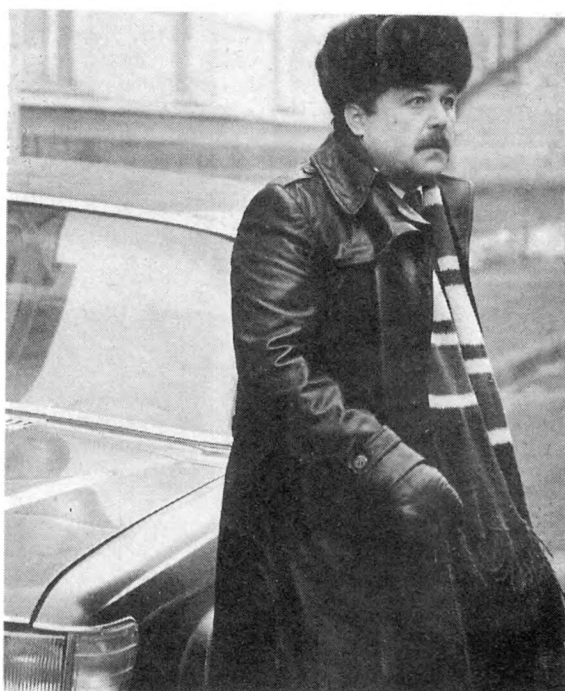
— Да он, во-первых, еще не муж. Во-вторых. Во-вторых...

Музыка опять смолкла, и опять Александр Александрович, а с ним и Екатерина Ивановна замерли в тревоге. Екатерина Ивановна стала что-то объяснять знаками, но



Кадр из фильма: Марина с «женихами».

Кадр из фильма: свадьба.



Кадр из фильма. Александр Александрович в театре с Наташей (Ирина Дымченко).

Екатерина Ивановна — Людмила Гурченко.

Александр Александрович отмахнулся, он взялся за телефон.

Это была особая процедура. Дело в том, что в последнее время телефон Любомудрова, как современного делового человека, был оснащен автоответчиком, что позволяло, как известно, обращаться к хозяину в его отсутствие. Александр Александрович нажал клавишу и услышал сначала свой собственный голос:

— Здравствуйте. Меня нет дома. Вы можете передать всю необходимую информацию. Назовитесь, пожалуйста. Говорите!

Затем — тот же текст на английском.

И уж затем — голоса:

— Александр Александрович, надеюсь, ты узнал мой голос. Говорят, обещанного три года ждут, но пошел уже четвертый год. Если ты, зараза, будешь еще тянуть, я приду к тебе с приятелем, его фамилия Калашников, надеюсь, ты понял...

— Александр Александрович, вас беспокоит фирма «ККК—Гермес», вы, очевидно, догадываетесь, по какому поводу. Пожалуйста, свяжитесь с нами...

— Александр Александрович, это Мила, она же Люда, напоминаю свой телефон... — В этом месте Александр Александрович посмотрел на Екатерину Ивановну, но телефон записал.

Из комнаты дочери меж тем не доносилось ни звука, и Александр Александрович не выдержал, вскочил, зашагал. Екатерина Ивановна сказала — не тем молящим голосом, что когда-то, а тоном приказа:

— Успокойся. Сядь.

— Я хочу его видеть, — заявил Александр Александрович.

— Увидишь. Всему свое время.

— То есть что ты хочешь сказать!..

Тут, впрочем, опять полилась музыка, и надо признать, это была музыка высших сфер — Бах или, может быть, Гендель. Флейта вторила арфе, арфа — флейте.

— Саша, — вздохнула Екатерина Ивановна, — а вдруг у них всё будет хорошо? Ты только послушай! Я всегда хотела, чтобы у Мариночки был муж музыкант.

— А этот кто был, по-твоему — Саша или, как его, Шурик?

— Ну, ты не сравнивай. Тот был, во-первых, старый, а этот молодой, совсем мальчик.

— То есть как мальчик?!

— Ну совсем мальчик, лет двадцать пять.

— Сколько?

— Ну двадцать шесть. Это не страшно, Саша. Разница в возрасте в пользу женщины — это теперь даже модно в какой-то степени. И самые прочные союзы, я где-то даже читала.

— Союзы! Что за слово такое!

— Не будь консерватором!

— Да, я консерватор и горжусь этим! Я держусь старых понятий, господа! — произнес Александр Александрович. — Мир сошел с ума, но мне, простите, нет до этого дела! Увольте, господа! — так, в старинном духе, рассуждал он, обращаясь к Екатерине Ивановне, а в ее лице к обществу. Он ходил по комнате, оттопырив пальцами жилет, как Ленин в исполнении артиста Щукина, и монолог его грозил затянуться, но тут музыка снова смолкла, в комнате дочери открылась дверь, и Александр Александрович, выйдя в прихожую, увидел наконец человека с флейтой. Человек этот был и впрямь молод, смазлив, волосы зачесаны назад и стянуты в косичку на загривке. Вот чего еще не доставало — косички!

— Геша, — представился он и протянул Александру Александровичу руку, которую тот после некоторой заминки пожал.

— Александр Александрович.

— Как поживаете?

— Благодарим-с.

— Извините, если помешали. Приходится репетировать.

— Нет, ничего. Хорошая музыка.

— Восемнадцатый век, — пояснил Геша.

— Божественно, — подтвердила Екатерина Ивановна. — Может быть, чаю?

— Оно, конечно, хорошо бы, да время позднее, — сказал Геша. — Мне еще добираться. Электрчка, потом автобус.

— Это где ж такое? — спросил Александр Александрович.

— Московская область.

— Да, слышал. У вас там... родители?

— Мамана.

— М-да, — сказал Александр Александрович и посмотрел на протянутую ему руку. И дал свою.

Ушли с Екатериной Ивановной в кабинет. Марина провожала гостя. Вернулась.

— Ну что, родители? Обсуждаете?

Родители сидели в молчании, уставившись друг на друга.

— Хочет чудак обязательно жениться. А я — за свободные отношения.

— Лучше свободные, Мариночка, — сказала Екатерина Ивановна, закуривая.

Александр Александрович сверкнул на нее глазами и зашагал, пальцы в жилетку. Комнаты ему не хватило, ушел в коридор, походил и там, вернулся.

— У него звук хороший! — сказала Марина.

— Что?

— Звук. — И поиграла пальцами, как на флейте.

Черные «волги» остались, и шоферы в них, вероятно, все те же, и возят они опять начальников, только уже других. Вот и Александр Александрович пересел со случайных машин-леваков (среди которых попадались, если помните, даже пожарные) в нормальную черную «волгу», положенную ему теперь по рангу. Шофер Борис Иванович, повидавший на своем веку разных хозяев, аккуратно припарковал машину к точно таким же другим на площадке у административного здания, и Александр Александрович — уже не с громоздким портфелем, как в былые времена, а с тоненькой папкой в руке — шагнул в недра многоэтажного дома: в вестибюль с милиционером при входе, в лифт, в коридор, в приемную с секретаршей и — в кабинет.

Здесь он теперь служил, и кабинет, обитый ореховыми панелями, просторный письменный стол, столик с телефонами, стакан чая в подстаканнике, бумаги на подпись — всё предназначалось ему. Пожилая секретарша Анна Матвеевна (не девчонка, заметьте, а старый опытный кадр, знающий порядок) постояла у стола, сбоку, ровно столько, сколько требовалось для просмотра документов, ни минуты лишней; ей же были отданы неотложные распоряжения, после чего шеф оставлен в одиночестве, дверь заботливо закрыта, а посетителям в приемной сказано:

— Вы записаны? После трех, пожалуйста...

Итак, Александр Александрович занимал некий пост в нынешних структурах власти, как их стали называть. Опустим подробности, не в них дело, проследим — как он надевает очки, кивком отпускает секретаршу, снимает телефонную трубку, чтобы сказать несколько слов на языке современного человека: «Слушаю. Я уже дал добро. А кто спонсор? Пришлите факсом» — и т. д.

Обратим внимание, что и в облике нашего героя соблюдена форма, принятая для государственного служащего: галстук пока еще не отменен, спортивная куртка годится для неофициальных встреч на природе, в кабинетах же по-прежнему применяется пиджак, как и в додемократические времена. Александр Александрович повесил свой пиджак на спинку кресла, оставшись в рубашке с короткими рукавами и расслабив галстук. Через некоторое время, когда кабинет опустел, пиджак оставался там же, на месте хозяина, как бы знаменуя его присутствие. Так, если помните, уже случалось когда-то, так было и на этот раз.

Пиджак оставался, а Александр Алек-

сандрович, покинув непостижимым образом кабинет (уже не через потайную ли боковую дверь), оказался на лестнице, только не на парадной, а на узкой лестнице в конце коридора, и оттуда черным ходом проник на улицу, где его ждала за углом машина — уже другая машина, с другим шофером, на этот раз маленькая юркая иномарка красного цвета, и шофер под стать ей молод и понятлив, из лиц кавказской национальности, как их называют. Он роскошно взял с места, вытаскивая зубами из пачки хорошую сигарету, закурил на ходу и в считанные минуты, маневрируя в уличных потоках, доставил Александра Александровича по нужному адресу.

Представим себе теперь старый московский двор, где в тылу основного здания, выходящего фасадом на улицу, приютились одно- и двухэтажные строения-флигеля, невесть когда поставленные, со сбитыми ступенями и облезлой штукатуркой. Стены таких домов обыкновенно раскрашены надписями в честь команды «Спартак» или группы «Ласковый май», двери кажутся наглухо заколоченными, никаких признаков жизни... Но это только видимость. Откройте такую дверь, потяните ее на себя посильнее, и вы окажетесь в уютном холле, обитом свежей вагонкой, а там дальше коридорчик и комнаты: вы попали в западный офис — с компьютерами, телефонами, мягкой мебелью и, наконец, самоваром. Вот в таком домике — «строении № 2», как гласила табличка снаружи, — приютилось учреждение, куда ступил сейчас, выйдя из красной «тойоты», Александр Александрович — тот же, да не тот, уже в модной спортивной куртке, неизвестно когда надетой, динамичный и раскованный.

Офис принадлежал Обществу любителей бега, как объявлял плакат с изображением бегуна. Приветливые сотрудницы, и среди них сотрудник-мужчина, занимались неотложными делами. Главный стол в отдельной комнате-кабинете, с компьютером — ждал Александра Александровича.

— Здравствуйте! — приветствовал он коллегу. — Что новенького, кто звонил и почему такие лица?

— Нас выселяют, — сообщил шепотом, нагнувшись к Александру Александровичу, пожилой сотрудник.

— Да что вы! — отвечал с иронией и притом громко, не стесняясь посторонних, Александр Александрович. — Кто же это посмеет нас с вами! — и придвинул к себе бумагу, как видно, относившуюся к данному предмету. — ККК? Что это за аббревиатура такая — ККК? Не слышали? — обратился он к посетительнице, ожидавшей его, и лишь затем спросил: — Вы ко мне?

И, отстранив небрежно эту бумагу — тем самым лишив ее всякого значения, — занялся гостьей.

Гостья, молодая, в брючках, с длинными распущенными волосами, придававшими ей, скажем так, эффектность, оказалась журналисткой.

— Очень приятно познакомиться. Я, признаюсь, давний поклонник вашей газеты. Начинаю с нее трудовой день. Утром — первым делом, уже традиция. Хотя, надо сказать, в последнее время что-то много стали публиковать про секс. Ну, может, для молодого читателя так и надо...

— Для пожилого — тем более, — сказала эффектная журналистка.

— Может, вы и правы. Закуривайте, пожалуйста, прошу. Тереза, пепельницу.

Тереза, молодая помощница Александра Александровича, поставила перед гостьей пепельницу, окинув ее враждебным взглядом.

— Да, так на чем мы... — напряг лоб Александр Александрович.

— Мы говорили о сексе, — напомнила гостья.

— О сексе, да. Секс в наше время занимает умы, — изрек Александр Александрович. — Не знаю, признак ли это здоровья общества. Не уверен. Мы же как раз, имея в виду нашу фирму, более всего печемся об общественном здоровье, видя в этом свой, если хотите, гражданский долг. Сейчас как-то немодно говорить о гражданском долге...

Звонил телефон, и Александр Александрович отвлекся, назначив кому-то деловое свидание, потом продолжал, потеряв прежнюю мысль и заменив ее новой:

— В стадии становления, — сказал он почему-то. — Любители бега — это по самым скромным подсчетам — тридцать миллионов человек только в России, я не беру Украину и Молдову, а также страны Балтии, где наша инициатива безусловно найдет отклик. Политические, национальные и прочие различия не принимаются в расчет. Человек должен бегать — он бегаёт! Но как? Вот в чем вопрос. Мы имеет экспертизу независимого медицинского общества «Глас». Не путать с глазом. «С» на конце! — предупредил он журналистку. — Мне жаль, что вы не записываете! И, кстати, в отношении секса — твердо установлено, что дозированный ежедневный бег...

Тут опять прервали, и опять телефон. На этот раз речь шла о бумаге, которую, видимо, поторопился отбросить Александр Александрович.

— Да, получили, — сказал он кому-то в трубку. — Разберемся. Разбираемся. Найдем консенсус, как сейчас говорят. Уже не говорят? Хорошо... На чем мы остановились?

— На сексе, — сказала журналистка.

— Да, конечно. Так вы представляете, собственно, какую рубрику в вашей газете?

— Как раз именно эту. «Он и она».

— «Он и она». Чудесно. Он и она! Как ваше имя-отчество?

— Марина Олеговна.

— Почти как моя дочь. Она — Александровна, вы — Олеговна. Прекрасно. Вот как раз насчет дочерей — хорошо, вы вспомнили. У нас будут свои дочерние фирмы. Можно сказать, они есть. Кроссовки. Майки. Фляжки, если угодно. Всё для бега! Холдинг! Это значит — компания, уставной капитал которой образован контрольными пакетами дочерних фирм! Что требуется? Реклама! Но нет, не эта наша беззубая реклама, которую вы видите по телевизору. Нужны статьи, интервью. Фельетоны. Да, представьте себе. Сенсации. Намеки на связи с иностранными банками. Если напишете, что у меня есть свой самолет, — это как раз то, что нужно. Согласны?

— Скажите, а деньги откуда?

— Ну, деньги! Что в наше время деньги? Миллионы валяются под ногами! — Теперь, кажется, Александр Александрович окончательно обаял корреспондентку. — Напишите о нас, Марина Олеговна!

— Постараюсь.

— Жаль, вы не записывали нашу беседу.

— Почему же, записывала. — И Марина Олеговна вытащила из сумки включенный диктофон.

— Гм, вот как... Ну что же, желаю успеха, будем ждать... Одну минуту! У нас принято... Вот, пожалуйста. Наш скромный сувенир.

Сувенир был наготове, его уже принесла Тереза — пластиковую сумочку с оттиснутым на ней бегуном.

— Спасибо, — сказала корреспондентка. Вытащила из сумки содержимое — коробку с парфюмерией, майку с бегуном, еще какой-то сверток. Выложила на стол. — А сумочку я, пожалуй, возьму. До свиданья.

Александр Александрович проводил гостью, вернулся сияющий. Похлопал по руке своего пожилого сотрудника:

— Что, Семен Семенович? Вы хотите сказать, что я несколько как бы преувеличил? Не страшно!

— Насчет миллионов. Миллионы валяются под ногами.

— А они валяются, Семен Семенович! И мы их поднимем! Вы там у себя в райкоме партии... бывшем... извините, что напоминаю...

— Пожалуйста. Для нас вопрос денег не стоял.

— Конечно. Кто спорит... Теперь насчет

так называемого выселения... Что это за ККК да еще «Гермес», через тире, как я понимаю?

— Фирма такая. Товарищество с ограниченной ответственностью. А «Гермес», надо понимать, дочернее предприятие.

— Хорошо. Пишите, Тереза. У вас всегда должен быть блокнот наготове... Я вас не обидел, Семен Семенович, по поводу райкома?.. Пишите. Факс. Двести тридцать два четырнадцать одиннадцать. Департамент нежилых помещений, управление номер два,— диктовал Александр Александрович.— Общество любителей бега просит сохранить за ним...

Удивительное средство связи — этот факс, к которому мы только-только привыкаем. Признайтесь, еще лет пять назад знали вы, что это такое? А ведь так просто: вы закладываете отпечатанный или рукописный текст или, пожалуйста, рисунок, что угодно, в аппарат, стоящий рядом с вашим телефоном, набираете номер, и где-то на другом конце города или даже мира невидимый абонент вытаскивает из такого же аппарата точную копию вашего послания. Дело двух минут!

Как до сих пор жило человечество без факсимильной связи?

В другом конце города, на шестом этаже большого административного здания, пожилая секретарша сняла с факсимильного аппарата деловое письмо на бланке Общества любителей бега и, проглядев для порядка, а также поставив регистрационный номер, отправилась с ним к шефу.

Александр Александрович также пробежал послание и наискосок, набегая строчкой на фигурку бегуна, начертил резолюцию:

«Сч. возможным удовлетворить. А. Любомудров».

4

Автоответчик записал английскую речь, некто прибывший из чужих краев нуждался в Александре Александровиче и, не застав, передавал ему свой привет. Екатерина Ивановна переводила. За эти годы она сделала успехи в английском.

— Как ты сказала?

— Уорби. Джек Уорби.

— Ей-богу, не помню. Может, еще как-нибудь?

— Ну вот послушай.

— И что он еще говорит?

— Говорит, что помнит свое обещание.

— Какое обещание?

— Вот слушай. «Ту промис» — значит обещание.

— Может быть, мое обещание?

— Может быть, твое.

— А что я ему обещал? Или он мне?

— Какая разница, если ты не помнишь.

— Да, пожалуй. А ты молодец! Вот бы еще испанский! Я все-таки подумываю о Мексике. В Аргентине жарко.

— И политическая нестабильность.

— Вот то-то и оно. Ты давай учи. Как его фамилия? Уорби? Джек? Они произносят, черти,— не разберешь...

Следующий звонок слегка нарушил идиллию, царившую в доме, как всегда, в вечерний час, когда хозяин после трудов праведных располагался в кресле у камина, а верная подруга его, все еще милая и изящная, а теперь еще и прибранная, усаживалась рядом. Этот чертов автоответчик мог испортить настроение.

— Ты, старый козел! — заговорил он вдруг хриплым баском, уже знакомым.— Думаешь ли ты выполнять свои обязательства? Торопись, пока не пришли с Калашниковым! У меня всё!

— Что за обязательства, какой еще Калашников, Саша? Он всё время звонит, этот тип!

— Ерунда, не бери в голову.

— А что за Калашников?

— Автомат. Ничего, я уже принял меры. Давай дальше!

Дальше — было не лучше. Аппарат заговорил знакомым голосом:

— Родители, к вам не дозвонишься. Я — чтобы вы не волновались. Я вышла замуж.

— Что? — вскочил Александр Александрович.— Ну-ка, повтори! Что она говорит?

Екатерина Ивановна послушно отмотала пленку, и тот же голос, голос Марины, произнес заново:

— Родители, к вам не дозвонишься... — и всё остальное.

— Что за бред! Замуж! За кого замуж? — уже клокотал Александр Александрович.

— Ну как же, Саша, мы же его видели.

— Вот этого? За него замуж?

— А что, почему? Человек ее профессии.

Она у нас с запросами, ты знаешь. Ценит прежде всего духовное начало...

Нет, Саша, ты не прав,— развивала успех Екатерина Ивановна.— Смотри, сколько сейчас, как раз полдевятого. По гороскопу сегодня после восьми вечера Козерогов ждут благодетельные перемены в жизни. Она как раз Козерог! И ты Козерог!

— Я хочу знать, где она находится! — потребовал Александр Александрович.— Где?

— Ну где-то там... Электричкой, потом автобусом. Не понравится — вернется.

— Как это вы легко рассуждаете!



Официант Коля — Алексей Жарков.

И тут — позвонили в дверь. Наступила пауза. Позвонили еще раз.

Всё, что последовало далее, происходило в прихожей. Вошла Марина, а с нею Геша — надо понимать, в качестве мужа, с поклажею в руках — в одной руке футляр с флейтой, в другой чемодан, а под мышкой свернутый тюфяк.

— Вы что, не рады? — удивилась Марина. — А мы решили жить у нас, тут все-таки уютнее и с вами как-никак.

— Проходите в комнату, — сказала Екатерина Ивановна.

— Здравствуйте, — поздоровался Геша и, по обыкновению, первый протянул руку — уже по-родственному — тестю.

На этот раз Александр Александрович ощутил силу его рукопожатия и даже несколько удивился.

— А ну-ка подыми, — предложил он новому зятю, кивнув на его увесистый чемодан.

Геша с легкостью поднял.

В свою очередь попробовал и Александр Александрович.

Было чему удивиться. Александр Александрович с новым интересом поглядел на Гешу.

— Силен.

— Да, — подтвердил новый зять. — Занимаюсь. — И показал.

И затем, как бы подмигнув тестю, снова поднял играючи чемодан и заодно тюфяк.

— Куда идти? Вон в ту?

Когда-то, помнится, Александр Александрович хаживал в сауну. С годами мода поменялась: нынче люди его уровня предпочитают встречаться на теннисном корте. Тут уж, конечно, не пообщаешься вволю за бутылкой коньяка, как когда-то, но ведь и темп жизни, согласитесь, стал другой... Удар, еще удар ракеткой наотмашь, и соперник, бедняга, бежит за мячом, и снова твоя подача, а там, глядишь, и прошел час, пора собираться, — немолодые мужики в красивых белых шортах и майках гуртом отправляются под душ, оттуда в раздевалку, и уж тут можно поглядеть друг на друга, обменяться новостями, поговорить, если угодно, но опять же недолго: время — деньги, каждого ждут дела и ждет машина. И это тоже небезынтересно: взглянуть на машины, выстроившиеся в этот час у стадиона — и черные «волги и «зил»-членовоз, и, конечно же, иномарки всех цветов и калибров...

Вернемся к сюжету. Александр Александрович, как вы уже поняли, помахал ракеткой, в какой-то момент даже вошел в азарт; партнер не уступал; потом они обменялись традиционным рукопожатием у сетки и отправились мыться. В раздевалке человек десять теннисистов превращались в респектабельных пожилых джентльменов, почти все при галстуках, двое в генеральских мундирах, что как бы высвечивало ранг остальных... Кто-то рассказывал анекдот. Кто-то заметил: «Давно не слышно анекдотов, куда они вдруг исчезли, к чему бы это?»

О делах не говорили. Дела подразумевались. Один из теннисистов сказал Александру Александровичу:

— Получил твое поздравление, спасибо. Как это ты запоминаешь? — И постучал по голове: — Компьютер!

Александр Александрович скромно улыбался.

— Как жизнь, как дела? — последовал вопрос.

— Лучше всех, — отвечал Александр Александрович.

— Ну и молодец.

— Стараюсь.

— Надо повидаться.

— Надо.

И бывший партнер сказал:

— Надо повидаться. Звони.

И еще кто-то кому-то:

— Надо повидаться. — Что может быть истолковано как некоторый деловой результат встречи на кортах, помимо результата спортивного.

Машины разъезжались. Подъезжали им на смену другие.



В уютной гостиной, обитой свежей вагонкой, закипал самовар. Тереза расставляла чашки.

— Как, мол, это вы запоминаете? — рассказывал сотрудникам Александр Александрович. — Прямо, говорит, компьютер — и на голову показывает, мол, в переносном смысле. Почему же, думаю, в переносном, когда можно в самом прямом! Уж не стал ему открывать!

— Мы всё заложили, — сказала Тереза. — Там еще две даты в этом месяце — тридцатое и тридцать первое. Открытки или телеграммы — как?

— Телеграммы, конечно. Или адреса с цветами. Открытки — это вчерашний день, запомните.

— У меня в райкоме это было отработано, — поведал Семен Семенович. — Человек, который специально за это отвечал. Однажды, был случай, перепутали год. Поздравляли с 70-летием, а ему шестьдесят. Лучше бы, конечно, наоборот, а то обидели заслуженного человека, он на нас потом писал...

Так они вспоминали тихо-мирно за самоваром, пока Александр Александрович не глянул в окно. То, что он там увидел, было недобрый знаком.

— Посмотрите, пожалуйста, Семен Семенович. Что там?

Семен Семенович вышел, посмотрел, застал странную картину: домик был окружен — притом в самом буквальном смысле — молодцами в форме пресловутого ОМОНа с дубинками на поясах. Их было человек семь-восемь, и они стояли, заняв позиции, иначе не скажешь, со всех четырех сторон.

— Мы окружены, — доложил, вернувшись в дом, Семен Семенович.

И тут настало время быстрых решений.

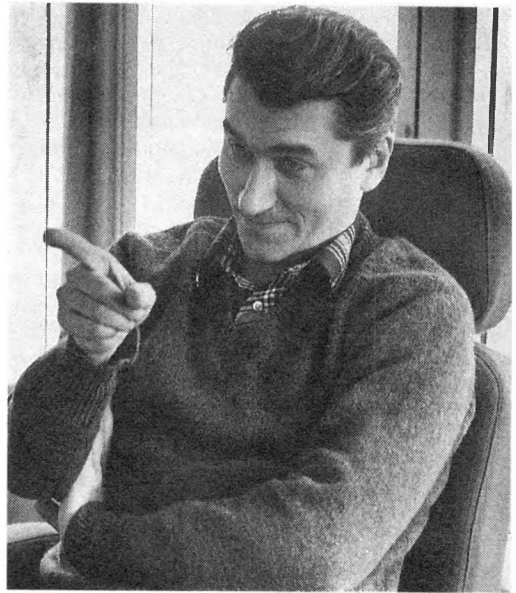
— Все по местам! — скомандовал Александр Александрович и мигом проскользнул в кабинет.

Когда вошедший в дом — не иначе как с ультиматумом — милицкий чин потребовал начальника, Александр Александрович восседал вальяжно за своим столом с телефонной трубкой, прижатой к уху, и карандашом в руке. Он жестом пригласил вошедшего сесть и некоторое время продержал его в ожидании.

— Слушаю вас.

— Прошу ознакомиться, — сказал милицкий чин, выкладывая на стол бумагу.

— Прошу ознакомиться, — сказал в свою очередь Александр Александрович, выкладывая свою.



Виктор Викторovich — Виктор Зазулин.

Это был факс, тот самый, с резолюцией — «Сч. возможным удовлетворить», — и при нем еще бумажка.

— Вам предлагается освободить незаконно занятое помещение, — объявил милицкий чин.

— Это согласно вашей бумаге, а согласно нашей оно занято на законном основании.

— Что будем делать?

— Обменяемся. Вы мне — вашу бумагу, а я вам — свою, — предложил Александр Александрович.

— Так не пойдет, — сказал милицкий чин. — Вот решение арбитража.

— Оно не имеет силы.

— То есть?

— Поскольку есть другое решение, от того же числа.

— Но вот! — сказал милицкий чин и покрыл это решение, только что предъявленное, еще одной бумагой, как покрывают дамой валета.

— А вот! — парировал Александр Александрович. — И вот еще, прошу!

— Минуточку! А это? — не сдавался его партнер.

Сотрудники, а с ними и двое омонцев толпились в дверях, наблюдая за состязанием. И похоже, Александр Александрович в какой-то момент уступил противнику, ибо тот вытащил, судя по впечатлению, туза, никак не меньше!

Но надо знать Александра Александровича: могло ли у него не быть козыря? В ящиках стола? Нет, ничего подобного. В карманах?

Нет! Вот в этой тонюсенькой папочке, за которой он сейчас потянулся. В целлофановой обложке, которая оказалась там внутри. Некий документ с печатью и подписью, бережно, как видно, на крайний случай. Взгляните на печать, оцените подпись, и будем считать, что вопросов нет.

Так оно и было. Милицейский чин удостоился поддержать документ собственноручно, после чего собрал свои бумаги.

Тут, конечно, выяснилось, что миссия его, столь неприятная, была как бы в тягость ему самому. А ну вас всех к лешему, разбейте сами, мне-то что, мое дело сторона — говорила вся его мимика. И еще: начальства развелось, бумаг этих самых!

— Ничего страшного, — утешил его великодушный Александр Александрович. — Бывает. Эта фирма, как ее там, «ККК—Гермес», они мастера пудрить мозги, вот и вас, видите, поставили в неудобное положение. Кризис власти. что поделаешь... Подождите, куда же вы! Тереза!

И милицейскому чину вручили сумочку с сувенирами,

— Нет-нет, — говорил Александр Александрович, — это у нас традиция! Каждому гостю! Пожалуйста! Ваше имя-отчество, я не спросил!

— Наоели вы мне все — вот как! — сказал милицейский чин.

Но сумочку все-таки взял. За труды... Проводили. Убедились: милиция отъехала. Перевели дух.

— Гермес — он бог чего, напомните. Бог войны? — спросил Александр Александрович.

— Бог войны — Марс, — сказала Тереза. — А этот, кажется, — торговля.

— Да? А ККК что такое? Не выяснили?

— Это никто не знает.

— Мда! Ну и что? Кто кого? — торжествовал Александр Александрович. — Они, видишь ли, грубой силой, а мы? Умом! Они, извините, подкупом, а мы? А мы — дружбой!

— Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Народная мудрость, — подтвердил Семен Семенович.

— Вот именно! — И Александр Александрович уложил в папочку своего козырного туза с подписью и печатью. — Ну что, Тереза? Как там наш самовар? Кипит небось?

Пил чай Александр Александрович уже в другом кабинете — с ореховыми панелями. Пиджак висел на стуле, Александр Александрович, в рубашке, расслабив галстук, просматривал бумаги и прихлебывал из стакана в мельхиоровом подстаканнике.

— Гермес в греческой мифологии — сын Зевса, покровитель пастухов и скитальцев, бог торговли и прибыли, — читала, войдя в комнату с раскрытой книгой, Екатерина Ивановна. — Известен также, как хитрый бог воров и обманщиков. Еще в младенчестве Гермес с помощью хитрости похитил у Аполлона стадо коров...

— Bravo. Все подходит. Садись.

А за стеной звучала музыка — все тот же неутомимый дуэт.

— Ну что, он всегда так и будет? — спросил Александр Александрович. — А может, приспособить к делу?

— К какому делу, Саша. Ты видишь, они увлечены... Надо Мариночке платье концертное...

— Ну, и за чем же стало? Заказать.

— Деньги, Саша.

— А эти что, кончились?

— Конечно. Давно.

— Напомни мне завтра. Черт, видишь как. У нас, у миллионеров. Ты встречала миллионера, чтоб были у него карманные деньги? Вот он, парадокс.

— Жизнь, видишь, какая стала, — пожаловалась Екатерина Ивановна.

— Нормальная жизнь. Конечно, не для лентяев.

— А лентяям что делать, Саша? А ведь их сколько!.. А кто этот Гермес, Саша?

— Мои враги.

— У тебя их раньше не было.

— «Раньше!» Забудь, что было раньше! — И Александр Александрович зашагал по квартире, как всегда, в раздумье и, может быть, в поисках, чем бы еще заняться.

Сделал еще круг и постучал к дочери. Музыка прекратилась. Марина открыла дверь и встала на пороге, как бы преградив проход. Александр Александрович выманил пальцем Гешу.

Зять Геша в тренировочном костюме и с флейтой в руках предстал перед ним в кабинете.

— А что ты еще умеешь? — спросил Александр Александрович.

— В смысле чего? — спросил Геша.

— Хочу тебе дать совет. Сам первым никогда не подавай руки, жди, когда тебе подадут.

— Ясно, — согласился Геша.

— Отчество твое как?

— Георгий Рубинович.

— Это как? То есть?

— Отца так называли. В честь рубиновых звезд.

— Каких еще звезд?

— Кремлевских.



Рисунки Юлии Зубревой

— Вот еще новости. Будешь Романович. Костюм у тебя есть?

— Ну? Какой смотря.

— Знаменитый миллионер, даже скорее миллиардер, Онассис — слышал?

— Ну?

— Опять «ну». Будучи бедным, почти нищим, наскреб деньги и справил себе костюм, чтобы отправиться в нем в клуб богатых людей — послушать, о чем они там говорят. И услышал!

Через минуту Геша явился тестю в концертном фраке с шелковыми лацканами и при бабочке.

Вошли домашние — Екатерина Ивановна и Марина.

— Ну да,— сказал Александр Александрович.— А что-нибудь попроще?

## 8

Пиджака у Гешы не было, нашлась бархатная курточка. В бархатной курточке, с бабочкой, с косичкой на загравке — свободный художник! — он и отправился с тестем в важное путешествие, о котором пойдет рассказ.

Дело было утром. Еще дома, перед зеркалом, осматривая и наставляя зятя, Александр Александрович объявил:

— Едем с тобой, брат, за миллионом.

— Как это? — не сориентировался Геша.

— Не такие большие деньги по нынешним временам. Тем более, если они безналичные. То есть они как бы есть, но их нельзя потрогать.

— А что с ними делать?

— Вложить.

— А потом взять,— догадался Геша.

— А ты соображаешь.

— И опять вложить. Давайте,— обрадовался Геша.— Так, может, чемодан с собой?

— Обойдемся без чемодана.

Бегущие строчки электрического табло говорили посвященным о ценах на нефть, зерно и сахар; озабоченные люди сновали по залу, останавливались у стоек, что-то записывали на ходу, группировались, разбегались. Это была биржа.

Многоопытный Александр Александрович просвещал Гешу:

— Вот смотри и запоминай. Не надо вертеть головой, так смотри. Эти люди, собственно говоря, и есть миллионеры. Ты как себе представлял миллионера? Нас в детстве учили: мистер Твистер. Толстенький такой,

в котелке. А вот смотри — вот этот парень, видишь? Да, вот этот, пальцем не надо показывать. Ему, видишь, двадцать шесть лет, как тебе.

— Умный.

— Да уж не глупый, наверно. Он занимается нефтепродуктами. Это нам не подходит в данный момент. Вот кто нам нужен! — И Александр Александрович подвел Гешу к плечистому рослому молодцу, по виду скорее спортсмену, чем бизнесмену, хотя одно другого не исключало.— Василий Васильевич, привет!

— Это вы? — без охоты откликнулся спортсмен.

— Это мы,— подтвердил Александр Александрович.— Мой молодой партнер Георгий Романович.

— Общество любителей? И кто же у вас бегаёт?

— Вот мы с ним и бегаем.

— Давайте,— сказал спортсмен и тут же, увидев кого-то более интересного, удалился.

— Ничего,— ободрил Гешу Александр Александрович.— Ты, главное, не теряйся. И улыбку. Он еще к нам подойдет. Никуда не денется.

— Почему?

— Потому что продавец без покупателя — это как город без населения, понял мысль?

— А что он продает?

— Деньги. Вот так. Смотри и запоминай. Учись. Вот, минуточку. Андрей Андреевич!

— Я,— откликнулся мелкого вида человек.— А, привет. Каким ветром?

— Попутным. Есть, кстати, яхта на Черном море. Один грек.

— Это не ко мне,— сказал человек.— Вы, кстати, сняли с моего счета деньги.

— Разве? Надо будет проверить.

— Не трудитесь. Я их уже разыскал с вас.

— Быстро.

— Да. Поторопился. Скажите спасибо. С первого числа другие процентные ставки. Я бы вас раздел.— И человек отошел.

— Наивный человек,— сказал ему вслед Александр Александрович.— Вчера мы разыскали их обратно, он узнает об этом через неделю... А вот, смотри...

К ним направлялся тот самый спортсмен.

— Так. Сколько? И ваши условия.

— Один,— скромно сказал Александр Александрович.— Можете два. Условия те же.

И протянул визитную карточку, как бы подкрепляя сделку.

— Один — это что? — полюбопытствовал Геша.

— Миллион. Ему их некуда девать. Он запишет два или три, часть вернет налич-

ными, без налогов. Это то, что их устраивает. Без нас они, как без рук. Усекаешь?

В этот момент в зале, точнее, у входа в зал, в ротонде, служившей вестибюлем, наметилось особое движение: стоявшие там расступались, пропуская некую группу лиц во главе с человеком представительной, как ему и полагалось, внешности: он был главным, остальные — свитой. Рост, фигура, осанка, шаг — всё соответствовало. Он шел не оборачиваясь, не меняя шага, свита — за ним.

— Смотри, смотри, — толкнул Гешу Александр Александрович. И сам смотрел во все глаза.

И — не напрасно. Он был замечен. Великий человек поднял брови и остановился.

— Знакомое лицо. Александр Александрович! — молвил он и протянул руку. И Геша тоже протянул.

— Тимофей Тимофеевич! — сказал в ответ Александр Александрович. — Очень рад.

— Где вы, что вы? Тыщу лет. Хоть бы позвонил, зашел!

— Ну, к вам теперь не пробьешься.

— Ну уж, ну уж, — усомнился Тимофей Тимофеевич. — Кому надо, те почему-то пробиваются, — и обратился за понимаем к свите. Свита, как ей и положено, играла короля.

Сделал шаг-другой, остановился снова. Александр Александрович был опять рядом.

— Как дома? Все здоровы? Дочка? Вот, господа, человек, у которого надо поучиться бодрости и присутствию духа, между прочим, во все времена, — сказал Тимофей Тимофеевич, еще раз продемонстрировав давность знакомства, что было, конечно, очень лестно.

И напоследок:

— Заходи, не забывай!

Это был тот самый Тимофей Тимофеевич из прошлых времен, могущественный босс и благодетель тогдашнего Александра Александровича, чья дружба чуть не стала для него роковой; Тимофей Тимофеевич, владелец дачи и «мерседеса», патриарх теневого бизнеса, как это тогда называлось, — ныне, слава богу, вышедший из тени на свет, да еще и в каком ослепительном качестве!.. Вспомним, как это было в то время, и прокрутим кадры тогдашней «Прохиндиады». Вот этот старый московский рынок, куда направляется Александр Александрович... шашлычная... официант Коля... сам Тимофей Тимофеевич за столиком... «Мне Володя передал твою просьбу. Зачем тебе такая сумма? Что,

долги?» — «Расходы» отвечает Александр Александрович. — «Живешь на широкую ногу?» — «А что делать? Чтобы иметь много денег, надо много тратить»... — «Это ты здорово сказал... Ну хорошо, деньги я тебе дам. На год, под расписку, устроит?..»

И снова — рынок, шашлычная, другое время года, и Александр Александрович с тоской в глазах, и тот же Коля, в пальто поверх грязного передника: «А вы кто, друг его, что ли?» — «Ну конечно. Не помнишь разве? Были мы тут с ним и с Володей». — «Слухи разные. Вы домой-то — не пробовали?» — «Пробовал». — «Ну, может, и правда посадили. Всё бывает. Так что вот. Но вы не огорчайтесь. Это ненадолго». — «Почему думаешь?» — «А они долго не сидят»...

Красная «тойота» притормозила у павильона под вывеской, выполненной разноцветными буквами — «Игровые автоматы», и Александр Александрович повел Гешу вглубь этого заведения, в зал, где в дневной час было достаточнолюдно: каждый из автоматов окружен группой игроков и болельщиков — от неопытных школьников до крутых молодцов, искавших здесь не только развлечения. Геша по молодости тоже захотел попытать счастья, но тесть подталкивал его: пошли-пошли — и наконец втокнул в помещение, находившееся как бы за кулисами основного зала — в комнату, за которой оказалась другая, и вот тут их спросили:

— К кому?

— К Николаю Николаевичу, — сказал Александр Александрович, не привыкший останавливаться перед кабинетами. Но богатырь в майке прочно стоял на страже:

— Вы договорились?

— Меня зовут Александр Александрович.

— Обождать придется.

Так — не сразу, после доклада — Александр Александрович попал в заповедный кабинет, где за столом восседал сам Николай Николаевич, очевидный хозяин этого заведения, важный и недоступный, в котором без труда узнавался бывший официант Коля.

Вид его да и вся обстановка неопровержимо говорили о том, как меняются люди.

Стол, за которым сидел бывший Коля, был, кстати говоря, не письменный, а скорее обеденный, с выпивкой и закуской. Трапезу с Колей делили приятель и две девицы.

Нет, Коля не заважничал, хоть и не сразу признал Александра Александровича, приняв его за кого-то другого. Впрочем, и признав, он имел в виду, очевидно, еще кого-то третьего,

и так, до конца не подтвердив знакомство именно с Александром Александровичем, принял его, тем не менее, как родного.

— Садитесь, пожалуйста.— Это относилось и к Геше.— Какими судьбами? Вот день сегодня — недаром говорили эти самые астрологи: во второй половине дня неожиданные встречи.

— Это вчера, — поправила одна из девиц.

— Сегодня, — заспорил Коля. — Будешь ты мне говорить! Это точно, что сегодня! Приходи этот самый Лисицкий, твой друг, по-моему, тоже из военных, и тоже с ним не виделась черт-те сколько. Выпьешь, нет?

Александр Александрович не стал отрицать Лисицкого, о котором слышал первый раз в жизни. От выпивки отказался. Геша отказываться не стал.

— Деньги ему, видишь, нужны, — продолжал Коля, — он в коммерцию ударился, ищет, видишь, спонсора. Я говорю: слушай, бывший полковник, еще, говорю, допустим, для искусства или там восстановления храма, тут еще может быть разговор. Дело святое. Я религию уважаю. Все мы должны по мере возможности, у кого деньги, а стало быть, грехи. Авось он нам зачет на том свете, — Коля показал на потолок, то есть на небо. — А так, за здорово живешь? Ты ешь, не стесняйся, — подбодрил он Гешу. — Ты кто вообще? — показал на бабочку.

— Артист, — сказал Геша.

— Оно понятно. А вообще?

— Артист. На флейте.

— А! Вот это еще туда-сюда. Но денег все равно нет. Так что, ребята, если вы за этим...

— Ясно, — сказал Александр Александрович.

— Расходы, — объяснил Коля. — Обновляем парк. Эти наши аппараты морально устарели. И ломаются всю дорогу, черт их поберет.

— «Черта» не надо Коля, — сказала девица.

— Да, ты права. Привычка проклятая!.. Так что если где услышите, в том числе за валюту...

— Услышим! — пообещал Александр Александрович.

Тут Коля наконец узнал его:

— Послушай! Это же ты, я тебя узнал! Эта самая с «мерседесом» история! Александр Александрович! Ну надо же! — И заново потряс руку. — В шашлычной, на Пятницком рынке, с этими жуликами! Ну ты смотри! Да что ж ты сразу не сказал? Давайте, ребята, выпьем, раз такое дело!

— Коля, тебе хватит, — сказала девица.

— Но денег все равно не дам, не прося, — заключил Коля.

Возвращались. Красная «тойота» неслась по загородному шоссе.

— Держится за свои деньги, — комментировал Александр Александрович, как бы попутно, но и в назидание молодому зятю. — И глупо, и помимо всего нерентабельно. Человек без размаха никогда не процветет, это аксиома, запомни. Чтобы много получать, надо много тратить — кто сказал? Я сказал. И это попало в книгу, между прочим. Знакомый писатель использовал!

Вдоль шоссе, на обочинах, то и дело встречались столики с выставленными на них напитками в разноцветной таре, торчали парни и девушки, занятые этим новым, уже, впрочем, прижившимся бизнесом.

— Развелось бездельников! — заметил по этому поводу шофер Леня.

— Ну как бездельников, — возразил Александр Александрович. — Все с чего-то начинали. Знаменитый Онассис — он что, родился с миллиардами? Тоже где-то чего-то...

— Костюм, — подказал Геша.

— Правильно, костюм. А это о чем говорит? Опять же, возвращаясь к нашей теме...

— По-моему, за нами — машина, — сказал Леня. — Не отстают!

Серая иномарка и впрямь шла за ними впритык, словно преследуя. Сверкнула фарами и пошла на обгон, затем, уступив дорогу, снова пристроилась в хвост.

— Ну-ка, тормозни, посмотрим, — сказал Александр Александрович.

Остановились. Как раз возле табуретки с разноцветными бутылками.

Серая иномарка прошла мимо на скорости, затем, также притормозив, остановилась и начала подавать назад. Что бы это значило?

— Почему фанта? — спросил Геша.

— Триста, — подоспел парень в джинсах.

— Ого! И не стыдно тебе?

— Я пить хочу, — пожаловался Геша, и Александр Александрович выложил сотенные.

— Стыдно не продавать, а покупать, — сказал парень.

— Это верно, — согласился Александр Александрович. — Но что ж ты тут встал — так неудачно? Надо выбрать место, где знак — ограничение скорости. Сообразил?

Тем временем серая иномарка уже приблизилась и встала рядом, подтвердив тем самым факт преследования. И из передней двери, с шоферского места вышла женщина.

— Ну куда ж вы удираете? — сказала она. — Александр Александрович! Гоню, гоню за ним, а он удирает! Ну что, вспомнили? Ай-яй-яй! А обещал! В Ялту, в Пицунду! Меня зовут Наташа, я у тебя работала, а ты со мной жил! Не пугайся, ничего страшного, он ни бум-бум по-русски. — Наташа пока-

зала на человека, который вслед за ней вышел из машины. — Это мой супруг. Помнишь, я тебе говорила, что люблю стареньких. А он еще вдобавок итальянец, живем в Милане...

Муж-итальянец и Александр Александрович обменялись поклонами.

— Ну что, устроился? Выплыл? Дочку выдал замуж? — спрашивала не церемонясь Наташа. — А где записная книжка? Там теперь другие фамилии?.. Ну, будь здоров! Чао!

И чмокнула его в щеку.

— Ну и день сегодня! — сказал Александр Александрович.

— Неожиданных встреч, — сказал Геша.

— Вот именно. — И уже вслед Наташе: — Звони!

## 9

Пиджак висел на спинке кресла, Александр Александрович просматривал почту, жизнь продолжалась. Вплыла Анна Матвеевна, принесла чай, отдельно на блюде сахар и еще пачку свежих газет.

— Вот, заварила, как вы любите.

— Спасибо.

— Газеты.

— Угу.

— Федор Федорович интересовался. Он у себя.

— Да, хорошо.

— Соединить вас с ним?

— Чуть попозже.

Анна Матвеевна удалилась. Александр Александрович углубился в газеты, развернув ту из них, которую привык, по собственному признанию, читать первой. И не ошибся.

Статья под заголовком «Купит ли он личный самолет?» — красовалась на развороте, довольно обширная статья, внизу подпись: «Марина Прыгунова».

— Гм, — произнес громко Александр Александрович. Статья была уж никак не хвалебная. Она содержала в себе нечто, чему приходилось удивляться. И Александр Александрович удивлялся. На лице его отражалась целая гамма разнообразных чувств, как пишут в таких случаях. Ну и стерва же эта Марина Прыгунова. Ну и расписала же меня. Хотя, конечно, нельзя отказать в остроумии: вот, к примеру, смешной пассаж... Мда, забавно. Хлестко пишет, зараза... А вот это уж совсем ни к чему. Что за чушь!.. Надо сохранить газетку. Александр Александрович сложил ее аккуратно, спрятал в заветную папочку, еще раз хмыкнул и зашагал по кабинету.

После чего надел пиджак, поправил галстук и снова уселся в кресло, важный и неприступный. Человек, которого голыми руками не возьмешь.

Это уж дома, расслабившись, он стал названивать стерже корреспондентке.

— Марина Олеговна? Здравствуйте. Один ваш знакомый. Правильно угадали. Статья? Какая статья? Признаться, первый раз слышу. Да вы что! Надо будет поглядеть. И тем не менее, хотелось бы повидаться. Зачем? Ну как зачем! Я думаю, мы друг другу интересны. Через месяц? Почему такой странный срок? Ну что ж, не смею настаивать...

Вошел осторожно Геша.

— Вы звали?

— Да. Садись. Вот можешь в кресло. — Александр Александрович раздумывал, словно вдруг позабыл, зачем ему понадобился Геша. — Вот что, Георгий Романович. О чем я хотел с тобой...

Заглянули в кабинет Екатерина Ивановна с Мариной.

— Дайте нам поговорить! — сказал им внушительно глава семьи. — Итак, Георгий Романович, на чем мы остановились...

— Поговорить, — подсказал Геша.

— Да, именно так. Видишь ли, в жизни каждой семьи наступает момент, когда дети должны идти на смену родителям. Не стану скрывать, я присматривался к тебе с этой, как бы сказать, практической точки зрения и нахожу, что ты в состоянии принять мои дела...

— Что вы, зачем! — испугался Геша.

— Постой, не забегай вперед! Итак... итак, — продолжал с торжественностью Александр Александрович, то ли задумав, то ли импровизируя на ходу эту речь, — я хотел бы в данный момент оформить кое-какие документы на твое имя, разумеется, с правом подписи и ведения дел, как физического лица. Не скрою, в настоящий момент в этом есть свое удобство, учитывая, что имеются определенные силы, которые чинят препятствия персонально мне и моему делу, причем в последнее время особенно активно и даже в прессе. Ты, друг мой, всего не знаешь и не должен знать. А то, что вы с Мариночкой не расписаны, не имеет принципиального значения и даже, может быть, в какой-то степени развязывает мне руки. Ну-ка, подойди сюда. Распишись.

— Где?

— Да вот хоть здесь, на листочке.

— Зачем? Ну?

— Опять «ну». Расписался? Покажи. Да нет, что за странные завитушки. Ты что, неграмотный?

— Грамотный, почему.

— Инициал, фамилию. Можешь не полнотью. Вот так-то лучше. Образец подписи.





— Александр Александрович, папа, зачем все это? — пожаловался Геша. — Вы со мной прогорите, вот слово даю!

— Я с тобой — да, а ты со мной — никогда в жизни, запомни.

— Но я хочу это самое... на флейте!

— Будешь! Будешь на флейте! И Мариночка на арфе! И весь ваш трудовой коллектив, я тебе обещаю! Мы снимем самый лучший зал, с акустикой, позовем общественность, прессу! В ложе бенуара — не хочу тебе сейчас называть имена! Ты можешь мне поверить. Мы сошьем вам новые фраки. У Зайцева. Всем до единого, сколько вас там?

— Восемнадцать, не считая женщин.

— Женщинам — платья, длинные, так? И на гастроли — в Монтевидео, в Милан. Что?

Екатерина Ивановна и Марина уже стояли в дверях, привлеченные громкой вдохновенной речью. Вопрос «что?» был обращен к ним. «Что?» — вопрошал глава семьи, и мать с дочерью не находили слов для ответа.

— Чай будешь? — спросила Екатерина Ивановна.

— Буду! Все мы будем! Идите, накрывайте на стол!

Оставшись в одиночестве, Александр Александрович отдышался, вспомнил про злополучную статью, нашел ее в папочке, поглядел. И закрывшись в кабинете, сел за телефон. Нажал клавишу автоответчика.

Тут нынче было что послушать!

— Ну что, старый козел? Допрыгался? — звучал знакомый басок.

Другой голос, явно измененный, ехидно спрашивал:

— Александр Александрович, позвольте узнать, читаете ли вы прессу?

Третий сообщал:

— Александр Александрович, фирма «Поднебесье» беспокоит. По поводу самолета, если вас интересует — эксклюзивная возможность приобрести современную легкую модель по доступной цене порядка 40 миллионов. Запишите контактный телефон...

Четвертый:

— Фирма ККК предлагает вам свои услуги...

И еще:

— Александр Александрович, дядя Саша, это Коля, Николай Николаевич, «Игровые автоматы». Есть разговор. Заезжай. Прямо с утра. Привет...

Александр Александрович задумался, выключил голоса.

И снова набрал номер:

— Марина Олеговна, это опять я, простите за назойливость. Прочел вашу статью. И знаете, понравилось. Да нет, не придираюсь. Кстати, интересное выражение, надо

бы его использовать. И про самолет — в самый раз. Правда, вы поняли слишком буквально, я говорил в переносном смысле, но не беда. Я что подумал: а стоит ли нам откладывать нашу встречу? Вы знаете, мой принцип: ничего не откладывать...

Приоткрылась дверь. Позвали:

— Всё на столе!

## 11

С цветами, бутылками, тортом, при всем падае — к стерве журналистке, в уютную однокомнатную квартиру с торшером, книгами и тахтой, с телефоном на длинном шнуре — обителью одинокой независимой женщины возраста между тридцатью пятью и сорока.

— Это все-таки вы? С цветами, надо же! Ну давайте, заходите, что с вами сделаем! А адрес откуда? Адрес не проблема? Проходите. Тапочки не надо, не ищите. Вот сюда...

— Спасибо.

— Ну и как вы себе представляете, чем займемся?

— Это как получится.

— Я пока не пойму цели. Вы хотите мне отомстить? Или, наоборот, привлечь меня в союзники?

— И то, и другое.

— Интересно, каким образом.

— Вот тем самым.

— Какой наглец. Ну давайте, обольщайте меня!

— Сейчас буду.

— Мне раздеться?

— Успеете. Этот у вас включен?

— Диктофон? Нет, не успела.

— А кто вас знает. Злая женщина. Вы мне нравитесь, Выпьем давайте.

— Вы хотите меня напоить?

— Необязательно.

— Ну давайте. За что?

— За любовь и дружбу.

— Вот так сразу? И то, и другое?

— Да!

— Не откладывать на завтра то, что можно сегодня?

— Именно.

— Ваш принцип, я уже поняла.

— Давайте! На «ты»!

— Подождите, мы еще мало поговорили. Знаете, женщина любит ушами.

— Ушами?

— Да не в том смысле. Вы испорченный субъект.

— Читаю вашу газету.

— Уж не знаю, что вы там вычитали.



Подождите, руку уберите. Давайте еще поговорим. Так я вам нравлюсь?

— Да! Определенно!

— Особенно после этой статьи?

— Да, именно.

— Вы что, не умеете обижаться? Считаете нецелесообразным?

— Само собой. Мой принцип. А во-вторых, вы сделали мне рекламу, на что обижаться? Если я тот, каким вы меня расписали, значит со мной можно иметь дело. Человек, который может купить личный самолет... Кстати, мне уже предлагали. За сорок миллионов, я не взял... Ну так что, мы выпьем сегодня или нет?

— А откуда миллионы, из чего вы их делаете, если не секрет? Из воздуха?

— В том числе.

— Как здорово. Вы можете купить, допустим, нашу газету?

— Запросто. Если вас еще никто не купил до меня, вы узнайте. Ваше здоровье!

— Послушайте, мы опьянеем.

— Тем лучше!

— Вот так?

— Может, музыку?

— Ах, еще и музыку!

— И свет!

— Что, совсем?

— Вот тот, верхний.

— Так?

— Да. Так хорошо. Садитесь поближе.

— Куда ж еще?

— А теперь ты мне скажи. Почему я здесь?

— Вот интересно! Это вас надо спросить.

— Я уже ответил. Теперь ты. Почему меня позвала?

— Как позвала? Кто позвал? Сам напрашивался!

— Мало ли кто когда напрашивался.

— А вот мало, представьте себе! Все думают: а, у нее есть, у нее их много — и не идут. А вы — пришли, приперлись.

— Могла меня выставить.

— Вас! Выставишь! А кроме того, интересно же. С миллионером. Хоть посмотреть, что за фрукт.

— Мы такие же люди, как все. Ничто человеческое, как говорится, не чуждо. Ну давайте — за вас!

— Будете пьяный, какой интерес. С пьяным ложиться.

— Не беспокойтесь, меня ничто не берет.

— Это уж я заметила.

— Мой девиз...

— Опять девиз?

— У меня их много. «Всё — сегодня, завтра будет поздно».

— Это вы уже говорили. Еще?

— Еще: «доброта спасет мир». Это цитата. Ты опять куда-то отсела.

— Я здесь.

— Злая женщина! Отчего ты злая? Меня пьянит твоя злость! Я хочу ее победить, я ее...

— Победу!

— Победу. Как правильно?

— Ох, Александр Александрович, это добром не кончится. И сел на пол! Это что такое? Ну? Оставьте мою ногу! Вот еще! Что за ухватки! Пролетарские, в стиле тридцатых годов!

— А как ты хочешь?

— Снял бы хоть пиджак!

— Пиджак, да.

— Галстук! Прямо в галстук!

Тут, совсем некстати, зазвонил телефон. Она унесла его на кухню. Оттуда слышались реплики, ничего особенно не объяснявшие, как ни прислушивался Александр Александрович, уже снявши галстук, а заодно и рубашку.

Вернувшись, она выдернула телефонный шнур из розетки. Александр Александрович сказал:

— Вот, правильно! — расценив этот поступок по-своему.

— Ну что, что? — говорила она, избавляясь от его объятий, все более настойчивых. — Нет, так не надо.

— А как надо?

— Не здесь.

— А где?

— Всё ему покажи. Сядьте вот сюда.

— Ну?

— Молчите.

— Молчу.

— Всё должно быть молча. Ложитесь.

— Что, в брюках?

— Зачем? Давно надо было снять брюки. Закройте глаза.

— Хорошо. Закрыл.

— Считайте до ста.

— Почему?

— Так надо.

— Вслух?

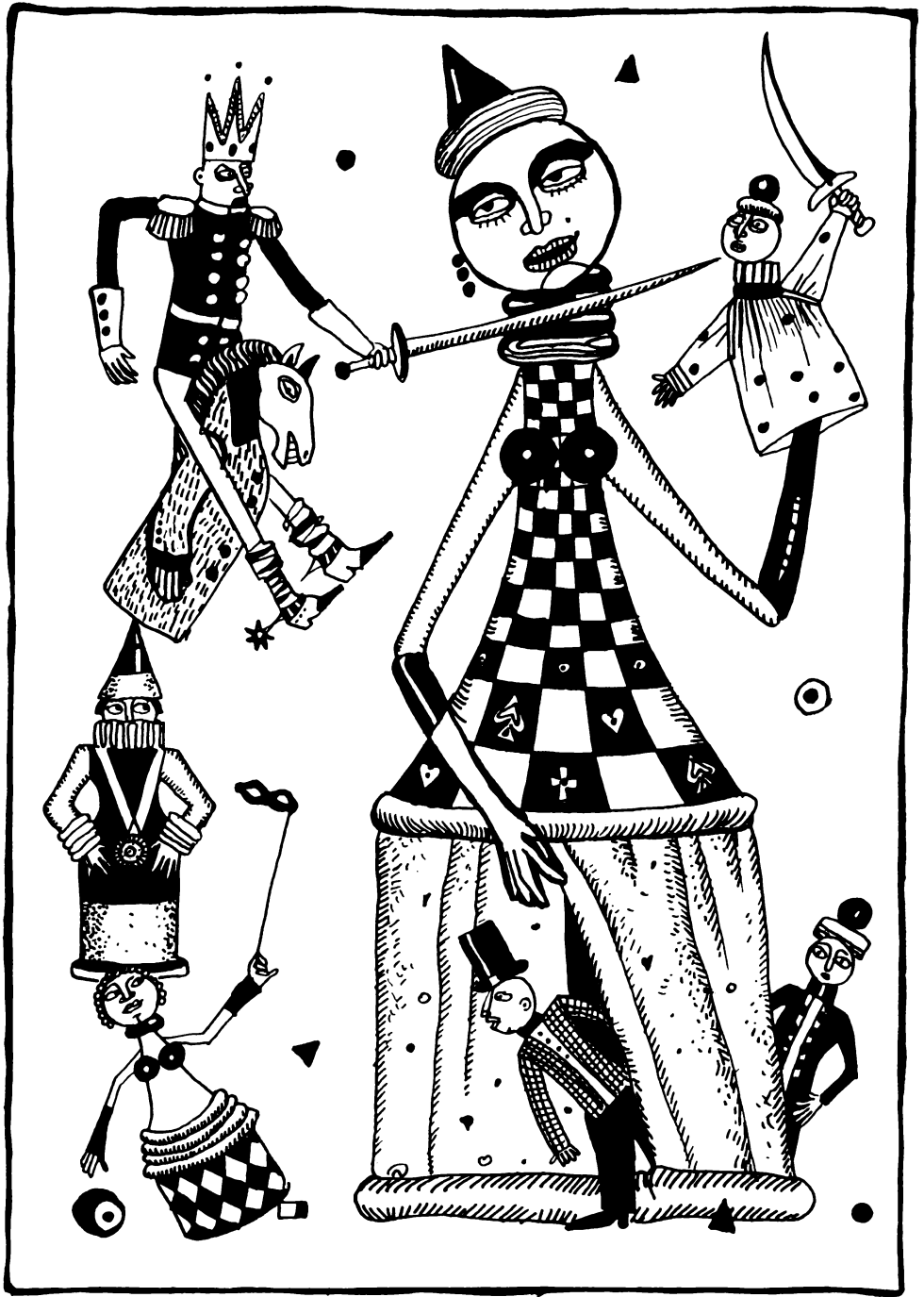
— Про себя, молчком. Ждите меня.

— Жду.

И Александр Александрович закемарил. К этому, собственно, и шло. Он что-то еще пробормотал, борясь со сном, потом дыхание его стало ровным, с присвистом, потом он вдруг проснулся и привстал, но, не найдя ее в комнате, отвалился снова и теперь уже надолго.

Она вошла с пледом, укрыла его заботливо, и так, заботливо укрытый, Александр Александрович проспал до утра.

Было уже светло, когда он проснулся.



Он лежал на тахте под пледом, с подушкой под головой.

Вошла Марина Олеговна. В халатике.

— Это вы? — спросил он.

— Ну что уж теперь на «вы»! Здравствуй, милый, я не хотела тебя будить. Тебе не пора домой?

— А сколько времени?

— Ах ты, мой дорогой! — Она присела к нему на тахту. — Ну, поговорим давай, как близкие люди. Ведь мы теперь близкие? Куда ты меня увезешь на своем самолете? Александр Александрович вытаращил глаза.

— Что?.. А разве?..

— Он еще спрашивает! Мне это даже обидно. Никогда б не легла с пьяным, мне казалось, мы оба отдаем себе отчет...

— Мгм, — промычал Александр Александрович.

— Ах, мужики! Теперь он скажет, что он ничего не помнит.

— Помню, — соврал Александр Александрович.

— Вот то-то же! — Она погладила его лысину. — А ты ничего!

— Ничего? — взбодрился Александр Александрович.

— Одевайся, я не смотрю.

Она вышла. Александр Александрович быстро собрался, глянул на себя в зеркало.

Поцеловались на прощанье: она подставила щеку.

— Не забывай!

А на улице, у дома, ждала «тойота». Верный Леня так и проспал ночь за рулем.

— Ты что, не уезжал?

— А как я вас оставлю, — сказал верный Леня.

## 12

Александр Александрович захворал.

Он лежал дома, в кабинете, покоясь на подушках, печальный и значительный. Домашние берегли его покой.

Екатерина Ивановна вкатила на колесиках чай и пирог. Перед тем убедилась, что не потревожит спящего. Александр Александрович не спал.

Напротив, он был сейчас в некотором беспокойстве.

— Геша не звонил?

— Ну как же, он даже забегал на минутку, за чемоданом, и сразу умчался. Не хотели тебя будить.

— То есть как за чемоданом? Куда умчался? Он что...

— Да нет, ничего. Никто никому не бросил, лежи спокойно. Ты, Саша, всему придаешь значение, я понимаю, это твой характер, менталитет, как сейчас говорят, но все-таки. Врач еще раз сказал: не волноваться. Тем более, дни такие.

— Какие еще дни?

— Противостояние Юпитера и Венеры. Ты зря волнуешься. Всё хорошо. Ты ставишь цель, и ты ее достигаешь. Ставишь и достигаешь. Нет разве?

Александр Александрович погладил руку жены.

— Что бы я без тебя делал, Катя! — И еще: — Ты учи, учи испанский!

Прежняя Екатерина Ивановна растаяла бы от такой ласки. Нынешняя сказала строго:

— Лежи.

Лежать Александр Александрович не стал. Надев поверх пижамы халат, он отправился к дочери.

Играла арфа. Одна, без флейты. Геша не возвращался. Но и не ушел навсегда: флейта была здесь, на стуле. И здесь же, на полу — штанга, о которую чуть не споткнулся Александр Александрович.

— Играй, играй, — как всегда, напутствовал он дочь. — А где Георгий?

— Ты сам его куда-то послал. Он тебе все перепутает, вот увидишь.

— А где чемодан?

— А он пустой. Не бойся, мы пока не разводимся. Даже как бы наоборот.

— А именно?

— А именно то, что будем венчаться. Уже договорились в храме. На двадцать шестое.

— Двадцать шестого у нас как раз презентация. Ну ничего, совместим. Ты бы сказала заранее, у меня священник знакомый.

— Это который? Он раввин.

— Раввин — само собой. Священник или даже пастор, вот он кто.

— Пастор не годится.

— Ну как знаешь. Нужно вообще-то платье белое, у тебя есть?

— Есть, папа. Еще с того раза. Чуть-чуть расставить, самую малость. Все есть. Ты, главное, не беспокойся.

Вошла Екатерина Ивановна.

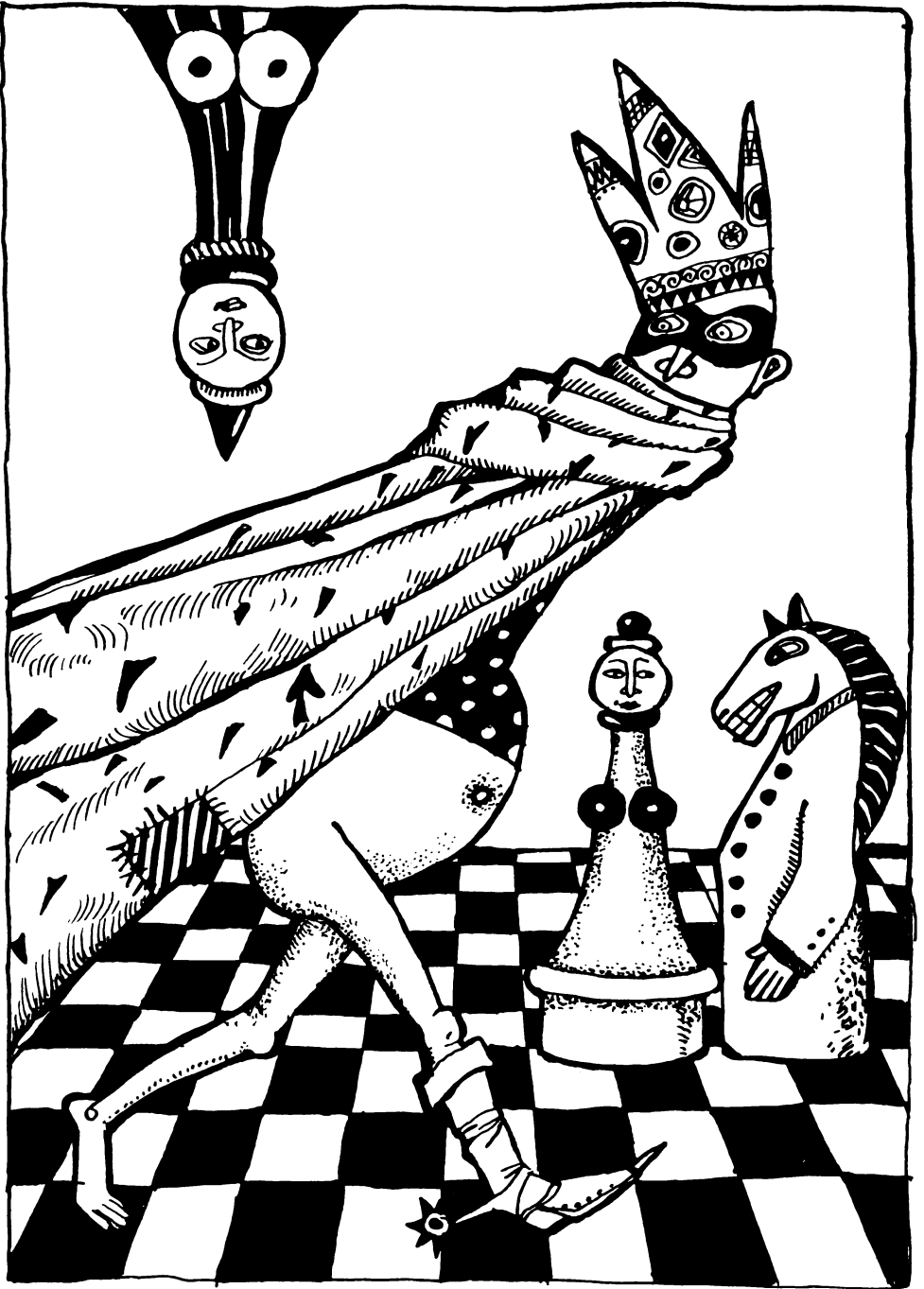
— Тут, Саша, к тебе пришли, с работы. Ты их примешь?

В гостиной почтительно ждали Семен Семенович и Тереза.

— Он вас примет, — известила их с важностью Екатерина Ивановна. — Идемте.

Теперь Александр Александрович снова возлежал на подушках в кабинете.

— Здравствуйте, — сказал он слабым голосом. — Прошу. Ну зачем вы беспокои-



лись? — это по поводу сумочки с гостинцами, без чего не обходятся визиты к больному. — Присаживайтесь, рассказывайте. Что у нас с презентацией?

— Двадцать шестого, как наметили, — доложил Семен Семенович.

— Успеем?

— Я надеюсь. Вопросы в основном проработаны. Вот приглашение, образец, нужно, чтобы вы дали добро. И список приглашенных. Заложили в компьютер.

— Билет хороший, — одобрил Александр Александрович. — Тут бы золота подпустить. Эмблему.

— Попробуем.

— Пусть завидуют, ничего. Зависти бояться не надо.

— Да! Александр Александрович! — вспомнила Тереза. — ККК — это знаете, что выяснилось? «Коммерция», «культура» и третья «К» — это, оказывается, «карьера». А «Гермес» — это их дочерняя фирма. Бог торговли, покровитель путешественников...

— И жуликов! — добавил, к удовольствию гостей, Александр Александрович. — Еще в детском возрасте увел у другого бога стадо коров. Мне как раз приготовили справку. — Это уже здоровым голосом, исцелившись. — Не бойтесь зависти, друзья! Чужая зависть только укрепляет, как показывает жизнь. Чтобы быть благополучным, надо им быть...

И похоже еще продолжал бы афоризм, но тут пришел Геша.

В бархатной курточке, с бабочкой, ничего не изменилось. И — с тяжелым чемоданом, тем самым, и он поставил его здесь же, переводя дух.

Ничего не изменилось, и тем не менее...

— Общий привет, — сказал Геша и опять, как встарь, будто ничему не научившись, сунул руку гостям. — Как вы тут? А можно? — и полакомился яблочком из гостинцев Терезы. — Я сегодня не обедал.

— Мы тут с Александром Александровичем по поводу презентации, — сказал Семен Семенович, как бы оправдываясь и одновременно докладывая о цели визита.

— Хорошо, — сказал Геша. — И сколько народа набирается?

— Вы знаете, Георгий Романович...

— Рубинович, — поправил Геша, доедая яблоко. — Я от отца не отрекусь.

— Рубинович, — согласился Семен Семенович. — В общем, заложили человек восемьдесят, на банкет имеется в виду. Итого с женами сто тридцать пять примерно.

— Как сто тридцать пять, если восемьдесят на два? Вы как считаете? — спросил Геша.

— Это есть коэффициент. Не все с женами обычно.

— Смотрите, — сказал Геша.

— Мы, пожалуй, тронемся, — догадался Семен Семенович. — Пожелаю вам...

И гости ушли. Остались Геша и чемодан.

— Ну, доложу я вам, — сказал Геша. — Значит, я приезжаю — его нет. Охрана. «Где Николай Николаевич?» Не говорят, у них не принято. Игровые автоматы, публика...

— Ты — ближе к делу, — сказал Александр Александрович.

— Ближе к делу, да. В общем, он приезжает. «Садитесь», то да се. Коньяк, виски.

— Ну, ну?

— Что за самолет, спрашивал. Очень заинтересовался. Я — как вы учили: ни «да», ни «нет». Тут пошел какой-то народ, я сижу...

— Дальше, дальше!

— Дальше что? Подписали с ним. Два миллиона пятьсот. Учредительский взнос, под гарантию. Протокол о намереньях, всё. Я ему насчет презентации...

— Он что?

— Артисты, говорит, будут?

— Будут. Ну и что дальше?

— Тут я, как на грех, паспорт забыл. И чемодан. Пришлось возвращаться.

— А чемодан при чем?

— А в банк. Я же их обналичил.

— Как?! — Тут Александр Александрович даже привстал с дивана.

Геша приподнял чемодан.

— Тяжелый, зараза. Как назло, одними пятерками-десятками.

И удивленному взору тестя предстало ошеломительное, обналиченное богатство: раскрытый Гешин чемодан с плотно уложенными в нем пачками купюр.

— Зачем ты это сделал?!

— А как же? А почему нет? — в свою очередь удивился Геша. — Если дают.

— И что теперь с этим?

— Это уж решайте. Еле допер. Такси, как назло, ни одного.

Тем временем в комнату вошли Екатерина Ивановна и Марина.

Вот такое зрелище: Екатерина Ивановна, Марина, Геша и сам Александр Александрович вокруг раскрытого чемодана с миллионами на полу.

Жизнь продолжалась. Александр Александрович, уже здоровый и благополучный, снова вышел на трассу своего марафона. И как тогда, десяток лет назад, пути-до-

роги привели его в ресторан, в тот же зал со сдвинутыми в этот час столиками и баррикадами перевернутых стульев. Надо же — всё поменялось, а ресторан как был, так и сохранился, и старый метрдотель Василий Петрович по-прежнему на своем посту.

— Презентация? — переспросил он с важностью, обозревая свои владения. — Это как будет у вас — типа симпозиума или, простите, по-русски говоря, пьянка?

— Скорее типа симпозиума, — пожелал Александр Александрович.

— Но с вином, как я понимаю?

— Да.

— Концерт?

— Ну, отдельные выступления.

— Столы — как? Буквой Т или буквой П, то есть, по-старому говоря, покоем?

— Да, пожалуй.

— А может, фуршет? Оно лучше будет в данном случае. Столы пустим по центру.

— Вот-вот.

— Цены — вы в курсе?

— Да.

— Понял.

— А вы меня помните? — спросил Александр Александрович.

— Стало быть, помню. Если вы меня, то и я вас. Году этак в...

— Да. До всего.

— До всего, да. Свадьба дочери, если не ошибаюсь.

— Смотри-ка, — произнес Александр Александрович, — сколько перемен, а ты всё здесь. Можно сказать, один ты и остался. Мы с тобой.

— То-то и оно. Угощайтесь.

— Благодарю. — И Александр Александрович взял предложенную ему стопочку. — За встречу!

## 14

Никто не знает своей судьбы. При выходе из ресторана Александр Александрович был схвачен неизвестными лицами.

Произошло это так. Его окликнули. По имени-отчеству. Он оглянулся: стояли в ряд машины. Одна из них — с приоткрытыми дверцами. Звали наверняка оттуда. Какие-то незнакомые люди, как убедился Александр Александрович, подойдя. И эта беспечность ему дорого стоила: в тот же момент он оказался в машине — чьи-то руки втащили его, чьи-то подтолкнули, плотный мужик, потеснив, уселся рядом, и машина рванула с места — всё сразу, в одно мгновение, среди бела дня.

— Вы что?! — успел крикнуть Александр Александрович, но машина уже неслась,

он сидел в ней, прижатый с двух сторон и схваченный за руки.

— Тихо! — предупредил грубый голос.

Сказать, что Александр Александрович не растерялся, было бы преувеличением. Растерялся. Но и не так, чтобы лишиться энергии сопротивления.

Руки были крепко зажаты, оставался язык.

— Ребятки, вы что? — уже мирным голосом, не теряя присутствия духа и, как всегда, веря в благополучный исход, заговорил Александр Александрович. — Во-первых, куда мы едем? Во-вторых, с какой целью? Отпустите руки!

Отпустили.

— А теперь давайте поговорим. — Александр Александрович поглядел на человека справа, потом на человека слева. — Что вам нужно? Сколько? Предлагайте, я слушаю.

Но машина уже остановилась, и тот, что справа, вышел, а тот, что слева, подтолкнул пленника:

— Выходи. Молчком. Вперед. — И ткнул в бок чем-то твердым. Пистолетом, скорее всего.

Вот так, у всех на виду, Александр Александрович был выведен из машины, взят под руку и доставлен на четвертый этаж обыкновенного жилого дома, в двухкомнатную квартиру — с диваном, книгами, телевизором, пианино, всё обыкновенное, кроме того, что был он здесь не в гостях, а в плену.

— Руки поднимите, — сказал тот, что был справа, видимо, старший.

Обыскали. Оружия не оказалось. Денег — какая-то мелочь. Брелок с ключами.

— Что ж вы у нас такой бедный? Садитесь давайте. За стол.

— За стол переговоров, — все еще шутил Александр Александрович. — Ребята, — взмолился он, — нет у меня миллионов!

— Как так нет? А куда ж вы их дели?

— Ребята, у меня их и не было! Это так, слухи, мистика! Можете проверить!

— А где ж они у вас? В швейцарском банке?

— Да не было их у меня сроду! Нету их! Физически! — уверял чистосердечно Александр Александрович, уже поглядывая в сторону, в угол, где хозяевами был оставлен — случайно ли или намеренно — уютю.

Вот так! Теперь, по всем законам жанра, этот уютю, многократно описанный, должен был стать орудием насилия.

— Пытать будете? — спросил Александр Александрович.

— А ты как думал! — сказал старший.



— Это не выход, ребята. Давайте договоримся по-доброму!

— Ну как же с тобой по-доброму? Сам награбил и нет, чтобы поделиться. «По-доброму»! Давай пиши записку жене. «Подателю сего» и так далее. Только без фокусов: милиция и тому подобное. Милиция найдет твой труп через полгода в речке!

Александр Александрович лихорадочно соображал. Что-то во всей этой сцене смахивало на злую пародию, розыгрыш. Уж больно веселыми, чтобы не сказать озорными, были лица рэкетиров, особенно вот этого, старшего... Если бы не уют!

— Давай. Приступай,— сказал своему напарнику старший.

— Куда его?

— Да на диван. Тряпку, чтоб не орал.

В этот момент, как и полагается в детективе, раздался звонок в дверь, обещая то ли избавление, то ли новые муки. Александр Александрович встрепенулся. Ему приказали:

— Сидеть! Спиной к двери!

Напарник пошел открывать и вернулся еще с одним человеком. Человек этот, судя по голосам из прихожей, был у них главным. «Здесь он, здесь. Да ничего, нормально. Все тихо». — «Сейчас разберемся»...

И перед Александром Александровичем возник, зайдя к нему из-за спины, его старый знакомый, более того, бывший начальник, некогда строгий и неподкупный — Виктор Викторович.

— Ну, здравствуйте, Александр Александрович,— молвил он с улыбкой, обыгрывая неожиданность встречи.— Не ждали? Вот как она жизнь устроена, видите?

— Вижу.

— Что, напугали вас ребята? Надеюсь, ничего себе не позволили? Я их предупреждал. Во-первых, все-таки бывший мой подчиненный на государственной службе, как бы там ни было. И человек в своем роде особенный. Со своими заслугами, которых у него не отнимешь. Он давно и чуть ли не раньше всех догадался, как надо жить в этой стране. С присущей ему энергией и талантом. Он указал нам путь! Да, Александр Александрович? В глухое время застоя! А помните ваш коронный тост? Какой мастер тостов! Ну вот что. Я вижу, вы не очень испугались, это делает вам честь. И все-таки мы вас здесь поддержим. Месячишко-другой — я думаю, это не смертельно. Миллионов ваших нам не надо, да у вас их и нет, как выясняется. И жаль, между прочим, ведь могли бы...

А вот отдохнуть нам друг от друга — будет, я думаю, хорошо для всех. Как вы на это смотрите? Вот здесь вам пожить какое-то время. Все-таки не «Матросская тишина»... Вот вам бумага — есть бумага? Пишите записку жене. Милая, или как там вы с ней, пришлось срочно вылететь в Мозамбик... Или куда еще? Мозамбик, я думаю, в самый раз. Так что не волнуйся, я жив-здоров... ну что еще там? Пишите. Руки не дрожат?.. Нет, все-таки дрожат. Давайте заново, ну что их волновать? У вас ведь еще дочь и зять? Вот так, Александр Александрович. Телефончик отсюда уберем. Телевизор ему оставим, ну что ж мы его совсем... Насчет кормежки. Это ты уж последи, Паша. Чтоб было нормально. Как в санатории. Все-таки старые приятели!

Александр Александрович начинал писать, прекращал, продолжал, то и дело уставляясь на Виктора Викторовича в удивлении, испуге, иногда и с улыбкой. Впору было ущипнуть себя — уж не сон ли? И сколько вопросов и догадок вертелось на языке! Одна из них, сведавшая Александра Александровича, была все-таки изречена:

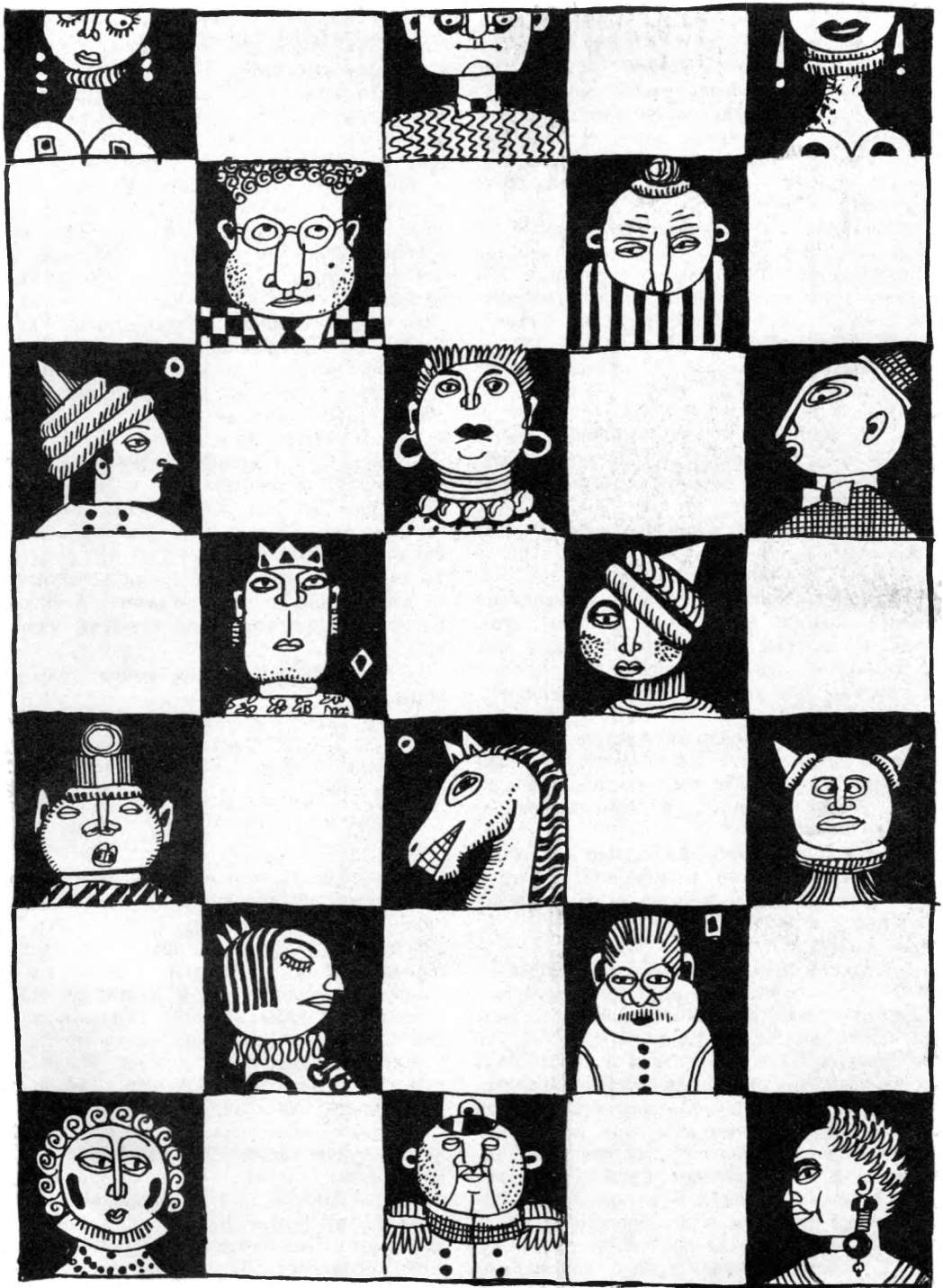
— Это что? ККК? Коммерция, культура, карьера?

— Ну, допустим,— отвечал Виктор Викторович.— Только расшифруем иначе. Вам, по секрету! Кто — кого — кинет. ККК... Теперь ясно?

## 15

Тогда, девять лет назад, в другую эпоху, Виктор Викторович занимал директорский кабинет в некоем НИИ, одном из 800 похожих друг на друга учреждений, угнездившихся в богатой нашей столице (цифра не придумана, а взята из статистики), и в этом качестве взялся навести там образцовый порядок, начав почему-то с Александра Александровича. Напомним, как это происходило. «А что у вас с образованием, Александр Александрович? — спрашивал новый директор.— Я тут случайно листал ваше дело. Вы где учились?» — «Это сложно,— отвечал с некоторой уклончивостью Александр Александрович.— В общем, всюду понемногу». — «Там написано: незаконченное высшее. И должность — старший специалист. Вас самого это не смущает?»

В другом эпизоде новый директор был еще более определенен: — «Я как раз решил не увеличивать штаты, а их сократить... Пусть пять человек, но чтобы были такие же



активные, как вы!» — «Думаете?» — «Да. Хотя лично вы мне, честно говоря, не нужны». — «Не нужен?» — «Нет». — «Нужен. Я вам нужен», — настаивал Александр Александрович. — «Нет» — упорствовал директор. — «Да!» — «Нет!» — «Да! — не уступал Александр Александрович. — Я нужен! Нужен тебе! Нужен всем! Вы меня еще позовете!»

Скорее всего, это вспоминал сейчас и сам Александр Александрович, маясь на диване, как на тюремных нарах, в комнате, которая была его узником. Как и положено узнику, он успел обрасти бородой. Кроме дивана, в комнате был еще телевизор, а рядом кухня с плитой, на которой они с надзирателем готовили себе пищу. Надзиратель, если так можно назвать современного культурного молодого человека в брюках-бананах и майке на волосатом теле, был приветлив или, скажем так, лоялен, никакого оружия, книжка в руках. Он, надо полагать, тоже скучал.

Александр Александрович уже успел рассказать ему свою жизнь и, конечно, эпопею с Виктором Викторовичем. Сейчас, вспомнив вышеупомянутую сцену, он прокомментировал ее так:

— Прямо как чувствовал, что мы еще встретимся. Но уж, конечно, не таким образом. Был нормальный советский начальник, можешь мне поверить? С партбилетом. Интересно, куда он его запузирил!

— Туда же, куда и все, — отвечал Паша. — Есть не хотите?

— Нет. Я думаю, придется объявлять голодовку.

— Вы тогда скажите. Надо будет боржом.

— Зачем еще!

— А как же! Питье. Полагается, если вы в курсе.

Так они и жили в своем заточении. Был еще и телевизор. Утром — последние известия, днем — знаменитый сериал, вечером — «Вести».

Иногда Александр Александрович делал еще зарядку. Паша наблюдал одобрительно:

— Вот это правильно. Мы, я помню, в Бутырках тоже занимались. Один старый вор со мной в камере. Уж на что они со своим законом — работать ни в какую и общаться тоже не с каждым, а зарядку — это да, святое дело. От застоя крови...

Вообще-то Паша, при всей доброжелательности, зорко приглядывал за подопечным. Стоило Александру Александровичу засесть в туалете, как Паша начинал ходить кругами и в конце концов не выдерживал и стучал:

— Ну что вы там? Живы?

— Жив, жив, выхожу! — успокаивал его из-за двери Александр Александрович.

И когда он, случалось, засыпал перед телевизором, тот же Паша заходил из-за спины и проверял, прислушивался — дышит ли...

А в телевизоре было немало интересного.

Во-первых, реклама. В том числе, и не один раз, реклама загадочной фирмы ККК. Молодой человек в смокинге и дама в бальном платье предупреждали: «Только у нас! Товары и услуги на все вкусы», «Вам предоставлен шанс, воспользуйтесь им!», «Скупой платит дважды» — и над всеми этими лозунгами возникали — то начертанные пером, то вдруг из огня и дыма, то звездами на ночном небе — три заветные буквы: К, К и еще раз К...

Во-вторых...

Во-вторых, случилась передача, в которой Александр Александрович увидел своего знакомого и, как бывает со всеми нами, захотел поделиться радостью узнавания с домашними, в данном случае с Пашей:

— Иди! Смотри!

На экране тележурналист, стройный симпатичный блондин с прибалтийским акцентом, интервьюировал знаменитого человека. Все, как обычно, ничего особенного, кроме того, что знаменитостью был Тимофей Тимофеевич — в роли представителя современного бизнеса, президента известного банка.

— Как вы думаете, у вас есть враги? — спрашивал блондин.

— Не сомневаюсь, — следовал ответ.

— Друзья?

— Хочу надеяться.

— Ученики?

— Предпочел бы, чтобы об этом сказали они сами.

— Тимофей Тимофеевич, — не уставал блондин, — нескромный вопрос: вы давно в бизнесе?

— Нескромный ответ: давно, — отвечал находчивый Тимофей Тимофеевич.

— Еще с тех времен, когда это предсказывалось по закону? Злые языки называют вас чуть ли не руководителем тогдашней мафии.

— Тогдашняя мафия — это абсурд. По крайней мере, я такой не знал. Мафия — это сращение преступных групп с официальными структурами, что мы имеем как раз сегодня.

— Вам пришлось побывать в заключении?

— Недолго.

— Как вы освободились?

— По знакомству.

— То есть?

— В те времена знакомства и связи значили очень много. Я знал людей, которые, не имея ни гроша за душой, могли, в сущности, всё. Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей. Сейчас это всё труднее, время романтизма кончилось...

— Вы хотите сказать: не имей сто друзей... то есть наоборот?

— Да, пожалуй что.

— А вы — щедрый человек?

— Спросите об этом друзей.

— А могу ли я, скажем, одолжить у вас небольшую сумму порядка двух тысяч?

— Надеюсь, с отдачей?

— Спасибо, Тимофей Тимофеевич...

Пошла опять реклама. Александр Александрович в помятом костюме, обросший, сидел перед телевизором в подозрительной неподвижности, и Паша уже приглаживался к нему и даже на всякий случай прислушался и потрогал пульс.

## 16

Когда-то в похожей ситуации, тревожась за исчезнувшего супруга, Екатерина Ивановна обращалась к следственным органам. Настали другие времена: теперь на месте следователя сидел глубокомысленный молодой человек в бороде, и перед ним лежала фотокарточка — Александр Александрович, улыбающийся, в шортах, с теннисной ракеткой в руке. И бородатый человек всматривался в нее, напрягши жилы на лбу, а Екатерина Ивановна, в свою очередь, взглядывалась в бородатого — с вопросом и надеждой.

— Мозамбик? Как вы сказали?

— Мозамбик! Государство на юго-востоке Африки, в прошлом португальская колония, население африканцы банту, столица Мапуту, — и Екатерина Ивановна для верности показала на карте в географическом атласе.

Молодой экстрасенс внимательно посмотрел на карту, затем снова на Александра Александровича с ракеткой, прошелся по фотографии ладонью и сказал твердо:

— Нет. В Мозамбике его нет, не вижу!

## 17

Паша притащил в сетке бутылки боржома. Это могло означать только одно: узник держал голодовку. Он лежал на диване, уже с бородой, свидетельствующей о долгом заточении, и со взглядом, устрем-

ленным в бесконечность. На экране телевизора прыгали зверушки из мультфильма, сверкала реклама, и опять ККК, но Александру Александровичу, нашему графу Монте-Кристо, не было никакого дела до всей этой праздной суеты.

— Пейте, — сказал Паша, но ответа не получил. — Хозяин сказал, что зайдет во вторник, сегодня у нас что? Вы пейте пока. — И даже поднес бутылку к его губам, пролив жидкость на бороду. — Может, побреемся?

Но и бриться Александр Александрович не пожелал. На лице его было написано: свобода или смерть.

В двенадцатом часу ночи, выключив «Вести», сам Паша тоже отправился на покой. Спал он здесь же, на раскладушке; Александру Александровичу, как гостю, было предоставлено более удобное ложе. Перед тем как улечься, Паша проверил входную дверь.

Все эти подробности, может быть, не имели бы значения, если бы не то, что должно последовать в дальнейшем.

Среди ночи Александр Александрович осторожно встал, босиком — туфли в руках — прошел в ванную, здесь, не зажигая света, схватил полотенца, затем, все так же крадучись, пробрался на кухню и раскрыл окно.

Он замыслил побег.

Кроме полотенца пошла в ход простыня, судя по всему, давно приготовленная. Пришлось ее надрезать, для этого сгодился кухонный нож, затем разорвать по длине, скрутить и связать узлом обе части, прибавить к ним полотенце... Граф Монте-Кристо действовал сноровисто и точно, в режиме рассчитанного риска, без паники, иногда лишь замирая и напрягая слух.

Оставалось привязать конец простыни к какому-то прочному предмету — то ли по эту сторону окна, то ли снаружи, и здесь наш беглец помучился и выбрал наконец водосточную трубу, а для этого пришлось опасно балансировать, взобравшись на подоконник.

С безумством человека, поставившего на карту жизнь, но и с завидным проворством Александр Александрович, была не была, выпрыгнул из окна и повис на связанных простынях и полотенцах.

Что ж делать, так и совершаются побег.

Очнувшись на земле, он ошалело посмотрел по сторонам, потершибленную ногу и пригнувшись, короткими перебежками, кинулся прочь со двора, на улицу, на свободу!

Погони не было. Александр Александрович сравнительно благополучно, если не считать хромоты, добрался до дома; перед входом в парадное бдительно огляделся, увидел пустую улицу уже при свете утра.

Как он звонил в свою дверь? А все так же — игриво и кокетливо, знакомой морзянкой: это я, я, откройте!

Опустим подробности. Можно себе представить радость, испуг, удивление и снова радость домашних. Сейчас они помогли ему раздеться, облачиться в халат — с одной руки Екатерина Ивановна, с другой — Марина. «Ничего-ничего, — утешал их Александр Александрович. — Все в порядке. Как вам моя борода?»

Он еще расскажет им о своих злоключениях, а сейчас он — счастлив и даже, как видите, не потерял чувства юмора и не забыл спросить, как обычно:

— Кто звонил?

— Потом, потом, — отвечала Екатерина Ивановна. И на следующий вопрос — так же: — Потом, потом!

А следующий вопрос был:

— А где Геша?

— Потом, потом!

И тут Марина возьми и скажи:

— А мы расстались. Я его бросила.

— Что-о?!

— Бросила, — вот так попросту, как о чем-то само собой разумеющемся, сообщила Марина. — Да ты не пугайся, папочка. Что особенного? В конце концов, это касается только нас двоих, вот мама тебе скажет...

— Как двоих? Как двоих? — прокричал Александр Александрович в халате, надетом на одну руку. — Что ты мелешь!

— Вот, мама, я тебе говорила! Ну что ты, в самом деле! Сядь, успокойся! Ну, видишь, если не вдаваться в подробности, мы с ним разные люди. Это выяснилось, — пожаловалась Марина. — Я полюбила в нем художника, артиста, с духовными интересами, а интересы оказались совсем другие! Мне это так же горько, как и тебе!

— Так, так, ну и что же? — говорил потрясенный Александр Александрович. — Интересы, это всё понятно. И что дальше?

— Поговорили и расстались.

— Она его выгнала, — сказала Екатерина Ивановна, уже приняв сторону отца.

— Выгнала? Куда?!

И Александр Александрович, будто все еще не веря, заковылял, волоча халат, к комнате дочери.

И, разумеется, не нашел там ни Геши,

ни следов его пребывания, в том числе и чемодана.

— А флейта? — спросил он, но можно было и не задавать такого вопроса. Флейты не было. Арфа стояла.

Все дальнейшее происходило в полнейшей тишине. Александр Александрович вернулся к себе в комнату, жена и дочь — за ним. Здесь он наконец надел в рукава халат, глянул на себя в зеркало, увидел и стол с картой Юго-Восточной Африки и опустился бессильно в кресло:

— Что-нибудь поесть!

## 19

Респектабельный, элегантный, в плаще по погоде, теперь еще и с ухоженной короткой бородой, возвращался Александр Александрович в эту сумбурную жизнь, готовясь продлить в ней свое существование. С тонкой папочкой в руке, с зонтиком, поскольку без машины, он вступал сейчас в знакомый московский двор, в его невзрачные недра, где в бедном флигеле, как мы помним, таилось современное компьютерное чудо под вывеской Общества любителей бега.

Но — что такое? Чуда не стало. На его месте громоздились обломки стен, груды неубранного кирпича, строительный мусор. Бульдозер довершал свою работу.

Александр Александрович постоял здесь в скорбном молчании, как стоят на пепелище. Поднял с земли какой-то знакомый ему предмет. Обрывок афиши. Что там еще оставалось? Бульдозер трудился, сгребая всё в кучу. Александр Александрович кивнул и ушел.

## 20

Департамент стоял на месте. Милиционер дежурил. Лифт работал. Доска объявлений в вестибюле — оставалась.

И коридор тот же. И дверь приемной. И кабинет.

И пиджак, повешенный на спинку кресла. Только — чужой пиджак, вот оно что.

— Александр Александрович, это вы? — из-за спины голос секретарши. Как это он прошел мимо?

Все та же любезная Анна Матвеевна, знающая порядок.

— А Сергея Сергеевича нет, он у Федора Федоровича на совещании. Подождете?

— Да, спасибо, — сказал Александр Александрович, отступая к двери.

— Там бумаги ваши у Ольги Игнатьевны, в 613-й.

— Да-да,— сказал Александр Александрович, уходя.

Никто ничему не удивлялся.

## 21

Наша история подошла к финалу.

На загородном шоссе торчали тут и там по обочинам уже примелькавшиеся столики с напитками, приглашая остановиться и утолить жажду, а то и прихватить с собой пару баночек пива или чего покрепче, на выбор. Продавцы терпеливо дежурили — кто здесь же, кто поодаль, в кустах, готовые выйти к тормознувшей машине.

Случались и такие, кто соорудил для себя тент, попросту зонтик, а для сиденья приспособил ящик или брезентовый раскладной стульчик — кто как.

Вот таким манером, с удобствами, расположился и продавец солидного возраста и вида, со шкиперской бородкой и в широкополой ковбойской шляпе. Набор напитков на его раскладном столике говорил сам за себя, не нуждаясь в рекламе. К тому же пристроен был столик как раз под дорожным знаком с цифрой 40 в красном кружке, то есть в таком месте, где хочешь не хочешь надо сбавить скорость, а там уж при желании и остановиться. И вот уже огромная фура с прицепом причалила к обочине, и шофер с пассажиром, сразу оба, соскочили и направились утолять жажду.

Остальные мчались мимо не останавливаясь, но все же иногда притормаживая, как предписывал знак.

Мчались «жигули» всех возможных окрасов, мчались черные «волги» с начальниками и белые с профессорами, и бесшумные иномарки, и инвалиды с тархтящими моторами.

Проехал дипломатический лимузин с флажком — машина посла иностранного государства, и сам посол, расположившийся на заднем сидении за занавеской, заинтересовался торговлей на обочине и велел, как мы сейчас увидим, остановить и подать назад, а затем приоткрыл дверцу и, не выходя, осмотрел столик. Но ничего не купил. И, что самое интересное, не узнал в про-

давце господина, с которым они еще недавно здоровались за ручку на приеме в посольстве. А ведь это был тот самый посол.

И журналистка Марина Олеговна тоже не узнала Александра Александровича. Ее вез на «жигулях» пожилой мужчина в спортивной куртке и шапочке с козырьком.

Настал черед красной «тойоты».

Красная «тойота» шла на приличной скорости, обходя другие машины, и шофер Леня ленивым жестом поднес ко рту пачку хороших сигарет, выдернул зубами и чиркнул зажигалкой. У столика под знаком получилась небольшая затор — здесь только что остановилась другая машина, притом на проезжей части, не съехав на обочину. Это чуть не привело к неприятностям для тех, кто шел следом, да и для нее самой. Леня, чертыхнувшись, притормозил и вывернул руль, готовясь втереться во второй ряд. Вот в этот момент Александр Александрович и увидел всё сразу: «тойоту», Леню и справа от Лени — бывшего зятя Георгия Рубиновича.

Они не остановились. Они, видимо, не нуждались в напитках, а может быть, купили их раньше, за километр, или купят позже. Они, скорее всего, и не узнали Александра Александровича, хотя за это нельзя поручиться. Когда Александр Александрович кинулся за ними, окликая и зовя, было уже поздно: «тойота» лихо вписалась в поток, вильнув хвостом.

Александр Александрович еще бежал — и остановился, размахивая кулаком и крича вслед. Слов было не расслышать. Что это были за слова? Что он там кричал?

Похоже, обещал, что еще вернется.

1992.

**Р. С. К моменту подписки этого номера в печать судьба сценария решилась: постановка фильма на студии «Ладога» кинообъединения «Ленфильм» поручена Александру Калягину.**

*Фото Юрия Трунилова*

## ЭДУАРД ТОПОЛЬ —



### ПИСАТЕЛЬ В АМЕРИКЕ

— Эдуард Владимирович, вот уже более двенадцати лет вы живете в Америке, достигли определенного успеха. А как вы начинали?

— С нуля. Ехал сюда, не зная языка, отлично понимая, что творчеством мне, увы, заниматься не придется, по крайней мере, в ближайшие годы. Но и подметать улицы в Америке не пришлось.

Таких как я, представителей творческого труда, в то время в Америку приехало очень много — музыканты, художники, артисты, операторы, сценаристы, хорошие, плохие... Но даже те, кто смог устроиться и зарабатывать приличные деньги, все же тосковали по общению. И я основал так называемый культурный центр творческой интеллигенции. Потратил год на затею, жил впроголодь. Но скоро все это рухнуло.

Было еще русское радио и телевидение (то, которое существует сейчас, когда то начинали мы). Я (главный редактор) и еще два молодых человека, владельцы этого дела. Мы заделали огромное количество интереснейших передач и радио-программ, работали отличные переводчики. Довольно долго «вещали», но... это никто не слышал! Оказывается, у нас кончились деньги, а мы и не знали.

В 1981 году познакомился с одним бывшим московским следователем. Он, посвященный во многие тайные дела, предложил написать детектив. Через восемь недель появился «Журналист для Брежнева». Самое важное для меня было то, что почти сразу же книжка вышла и в России в «самиздате». Мне потом подарили ее, знаете, такая страшная обложка, тончайшая бумага, порой трудно разобрать слова, фразы, но для меня это самый любимый экземпляр.

Вот это и было, собственно говоря, начало. «Журналист...» в корне изменил мое творчество, а потом и всю жизнь.

— А почему творчество?

— Ведь я сценарист, то есть, теперь уже бывший. И никогда до этого не занимался литературой.

— После «Журналиста»... вы продолжили работу с вашим консультантом?

— Мы рассорились и расстались с ним сразу после «Журналиста...», и я сел писать следующую книжку «Подводная лодка». Через полгода мой консультант пришел с бутылкой водки и, сказав, что был неправ, показал заявку на очередную книгу. Мы подписали контракт, получили аванс 1000 долларов и поехали в горы работать. Когда было написано 200 страниц, обнаружилось, что на 50-й как-то, мягко говоря, неточности по вине консультанта. В общем мы разругались. Я, брошенный на произвол судьбы, тем не менее написал «Красную площадь». Знаете, это — замечательная вещь. Не потому, что я ее сделал, а потому, что она меня сделала.

— Она вам принесла известность, не правда ли?

— Можно так сказать... Я отправил ее «Посеву», «Посев» — своему агенту в Англию, а тот — в крупное английское издательство «Колленс». В конце концов книга попала в издательство «Квартет», которое купило за 3000 долларов две книжки — «Журналиста» и «Красную площадь». Это было 9 ноября. А 10 ноября умер Брежнев. Надо сказать, что в «Красной площади» речь идет о борьбе за власть между Андроповым и Брежневым. В ней также описаны многие брежневские дела, и дело Гали Брежневой, и самоубийство Цвигуна. Короче, издатель, понимая, что у него в руках потенциальный бестселлер, нанял трех переводчиков. За десять дней предстояло перевести книгу, и за ночь я попытался кое-что подсократить. Утром начал диктовать. А мне вдруг говорят: «У нас этого нет». — «То есть как нет?» — «А вот так, нет. У нас рукопись заканчивается на 285-й странице». Оказалось, что «Посев» по ошибке отослал в Лондон не всю рукопись, а только половину. Эта половинка гуляла по разным издательствам Англии, и именно ее купили. Потом я спросил у редактора «Квартета», как она могла ей понравиться? В ответ услышал: «Подумала — такой вот русский роман, такой конец без конца...»

В общем «Квартет» устроил огромный скандал «Посеву». «Посев» на следующий день прислал вторую половину рукописи. Через пять недель книжка была на прилавках лондонских магазинов.

— Итак, в один прекраснейший день вы вдруг проснулись богатым и знаменитым?

— В один прекрасный день меня разбудил телефонный звонок из Вашингтона. Корреспондент лондонской газеты «Таймс» хотел немедленно приехать в Нью-Йорк, чтобы взять у меня интервью. Я говорю: «А вы уверены, что у меня?» — «Вы ведь Тополь? Вы написали «Ред сквер»? — «Да». — «Ваша книжка стала в Лондоне бестселлером, вы знаете об этом? — «Нет». «Короче, в завтрашний номер я должен отослать интервью с вами. Разрешите, приеду?»

Я попросил его приехать к 12 часам — был четверг, и мне надо было идти за пособием по безработице, а там всегда страшные очереди. Жили мы тогда очень бедно, в плохом районе, жили так, как только можно жить на пособие. Но я пошел в русский магазин, накупил на все деньги множество всяких деликатесов. И когда корреспондент приехал, единственное, что его удивило, почему я живу в этом районе. Он даже ни на секунду не заподозрил, на что я жил тогда.

В Англии получить хоть строчку в «Таймс» уже считается большим успехом, у меня же было 30 рецензий на «Красную площадь». Она вышла более чем на пятнадцать языках. Появились издатели по всему миру, появился свой литературный агент. Появилась возможность состояться, а смог ли я воспользоваться ею — не знаю...

— Вы автор 12 книг, и почти все они в жанре политического детектива. Вы не хотели написать ничего другого?

— Дело в том, что если ты начал игру «в детектив», то уже, как говорится, шаг влево, шаг вправо — расстрел. Я несколько раз пытался делать шаги в ту или иную сторону — меня «растреливали». Знаете, на чем я еще потерял нескольких издателей? Не могу написать хеппи энд. Не знаю, смогу ли вообще когда-нибудь написать счастливый конец.



— Был ли у вас опыт работы в кино за эти годы?

— Был опыт написания сценариев. До самого кино, к сожалению, дело не дошло.

Правда, была одна попытка, о которой приятно вспоминать. Вскоре после того как в Лондоне вышла «Красная площадь», мне позвонил продюсер Анрик Брунсберг, известный по фильму «Почтальон стучится дважды» и многим другим, которые я ставлю в двадцатку лучших; десять лет работал с Романом Поланским. У меня мурашки пошли по коже. «Я только что прочел вашу книжку в Лондоне, сел в самолет и прилетел сюда, чтобы встретиться с вами. Это — шедевр», — говорит он. Мы встретились в самом фешенебельном отеле Нью-Йорка. Все шло замечательно. Я был счастлив. Мы выбирали режиссера — я хотел Скорсезе, но Анрик сказал, что у Скорсезе плохой характер. На главную роль мы думали пригласить Николсона. Николсон — приятель Брунсберга, и Анрик отослал ему книжку... Скоро все это, к сожалению, кончилось: 40 миллионов на картину собрать не удалось.

Потом был Голливуд, где я почти со дна поднялся на самый верх. Но и в Голливуде все очень скоро лопнуло, потому что, пока я писал сценарий «Красной площади», умер Андропов, пока мы подписывали контракт, поменялась политическая ситуация, поменялось и руководство студии... В общем, кино у меня так и не получилось.

— Еще, может, получится...

— Да нет, кино больше не буду заниматься. В России я работал только над сценариями и считал почему-то эту работу как бы шахматной игрой, а прозу — игрой в шашки. И мне понадобилось написать 3—4 книжки, чтобы окончательно освободиться от кино и почувствовать вкус к созданию романа. Я совершенно убежден, что сценарий — это кладбище твоих замечательных замыслов. Каждый считает своим долгом исправить его: и режиссер, и редактор, и актеры. Сценарий пишется для очень узкого круга, для самых близких людей. А книгу — как написал, так и написал. Никто не имеет права исправить — я сам себе и цензор, и сам себе, к сожалению, редактор. Так что если книжка нравится, то ее покупают издатели, не нравится — не покупают, но никто не имеет права изменить строчку в твоей вещи. Что замечательно после всех этих Госкино и худсоветов... Так что с кино я завязал. И еще — в России я делал сценарии для друзей-режиссеров, а в Голливуде у меня друзей нет.

— Вы не скучаете по кино?

— Скучаю, потому что кино — это общение, другой ритм жизни. А писательство — занятие очень вредное, можно сойти с ума от бесконечного сидения дома.

— Есть ли у вас здесь круг друзей и как он отличается от того, который вы оставили в Москве?

— Я человек малообщительный. А друзья ведь с молодости. Чем ты старше, тем сложнее заводить друзей. В Нью-Йорке у меня не возникло «своего круга». Потом здесь трудно дружить. Чтобы доехать из одного конца города в другой, нужно очень и очень много времени. А я не имею права тратить время. Я должен много работать.

— Как вы считаете, в чем залог вашего успеха?

— Он был предопределен, мне кажется, двумя вещами — сценарной школой и тем колоссальным материалом, который был у меня в руках. Материал этот — опыт советской жизни. Я пытался рассказать про «нашу» систему и человека в этой системе, про то, как трудно остаться в ней человеком.

— Той системы, о которой вы писали, больше нет. Есть другая, которую вы не знаете. О чем же вы будете писать теперь?

— Есть ведь и другие темы. Я написал две книги не в жанре детектива — «Московский полет» и «Любожид» (подзаголовок «О русско-еврейской любви, ненависти и сексе»). Если бы эта книга вышла, думаю, она бы, пожалуй, вызвала разговоры.

— А сейчас вы что-нибудь пишете?

— Пишу. Но никогда не обсуждаю то, что в настоящий момент пишу.

— Вы постоянно работаете, иначе не успели бы столько написать...

— Я не писал два года, когда у меня родилась дочь. Иногда делал кое-какие

перерывы. Может быть, брошу писать на какое-то время — доктор сказал, что необходимо подлечить глаза.

— Если не секрет, чем вы собираетесь заниматься, когда не будете писать?

— Еще не придумал. Пока размышляю.

— Вы можете сказать, что довольны своей судьбой?

— Я не могу сказать, что доволен своей судьбой, доволен собой, но когда смотрю на эти полки, понимаю, что ничего этого в России не сделал бы. В Москве было желание прорваться. И к сорока годам там мне это, кажется, удалось. У меня было семь фильмов, два из которых были запрещены (что считалось очень престижным). Моя пьеса пошла сразу в двух театрах — в Вильнюсе и в Москве. И когда я инкогнито приехал в Вильнюс на свой спектакль, с трудом достал билет, увидел, как люди в зале смеются и плачут, понял, что должен уезжать сейчас, иначе никогда не уеду. Так что я сделал правильно, что приехал сюда. Конечно же, какие-то жизненные обстоятельства могли сложиться иначе, лучше. С удовольствием написал бы, например, пару хороших исторических романов. У меня много разнообразного материала, но для того, чтобы хотя бы на год отключиться и погрузиться в литературную работу, нужны материальные средства.

— Скажите, вы бы вернулись в Россию, если бы она стала цветущей страной?

— Если бы она стала хорошей страной... Я был бы первым ее певцом — умею это делать вкусно, поверьте. Если бы... Но ведь этого, к сожалению, не будет, во всяком случае, на моем веку. Очень смутное время настало. Не только в России. Мне надо разобраться во многом. А там посмотрим.

*Марика Майорова*

Нью-Йорк,  
октябрь 1992 г.

---

**Наш журнал начал издавать приложения:**

**В феврале — марте выйдут книги:**

● **«КАК ХОРОШО ПРОДАТЬ ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ»** — обзор американских учебников сценарного мастерства, составленный Александром Червинским.

● **«МЕРИЛ СТРИП»** — о современной американской кинозвезде номер один.

● **«СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК»** — кинороман из гусарской жизни Никиты Михалкова и Рустама Ибрагимбекова

В дальнейшем редакция планирует издать отдельной книгой сценарии Микелянджело Антониони, Ингмара Бергмана, Лукино Висконти, Жана-Поля Годара — из классики мирового кинематографа 60-х годов.

**Желающие приобрести эти книги, обращайтесь к нам в редакцию, в наш уютный особняк по Воротниковскому переулку, дом 12. Проезд до станции метро Маяковская.**

**Телефон 299-11-78.**

**Все книги выпускаются очень маленьким тиражом!**

# ЭДУАРД ТОПОЛЬ

## КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

**М**осква. Красная площадь. Зимний сад. Снегопад.

Куранты на Спасской башне бьют два часа дня.

Надпись: «Москва, вторник, 19 января 1982 года».

Из ворот Спасской башни чеканным шагом выходят два часовых и сержант, движутся к Мавзолею Ленина.

У Мавзолея происходит церемония смены караула. Прежний караул направляется к Спасской башне.

Навстречу, из ворот Спасской башни на большой скорости выезжает черный правительственный лимузин «чайка».

В лимузине на переднем сиденье шофер и телохранитель генерала Цвигуна. Сам Цвигун — в глубине лимузина, на нем парадная шинель генерала КГБ.

**Цвигун** (шоферу, отрывисто, зло). К Брежневу на дачу! Гони!

Шофер резко сворачивает с Красной площади на набережную Москвы-реки. Лимузин мчится по метельным улицам Москвы.

Мелькают центральные улицы.

Щетки стеклоочистителей сметают снежную пыль с переднего стекла.

При выезде на загородное шоссе «пробка»: два грузовика с прицепами на снежной дороге перекрыли все. Лимузин Цвигуна останавливается. Накатившие сюда легковые машины зажимают его в каре. Но появляются милицейские машины.

Цвигун в бешенстве смотрит по сторонам.

В автомобилях, которые окружили его лимузин, — холодные мужские лица, типичные для сотрудников его ведомства. И он понимает, что это ловушка.

Бессильно откинувшись, Цвигун сидит несколько мгновений, затем его взгляд останавливается на одной из милицейских машин, которая стоит на обочине дороги. В этой машине — милицейский капитан разговари-

вает с кем-то по радио. Цвигун еще раз смотрит по сторонам, затем резко открывает дверцу своего лимузина и быстрым шагом проходит меж машин к обочине, к милицейской машине.

Подойдя вплотную к милицейской машине, Цвигун едва заметным быстрым движением вытаскивает из-под шинели пистолет и в упор наставляет его на капитана.

**Цвигун.** Вон из машины!

Изумленный капитан застыл на месте с микрофоном в руке, но Цвигун вырывает у него микрофон и вместе со шнуром, вылетевшим из гнезда, отбрасывает в снег.

Плотная фигура Цвигуна перекрывает происходящее от всех, кто сидит в машинах, и от телохранителя Цвигуна, который спешит от лимузина к своему хозяину.

Цвигун хватает за шиворот милицейского капитана, вышвыривает его из машины и сам тут же занимает место за рулем милицейской «волги».

Телохранитель уже бегом спешит к Цвигуну, но еще какая-то машина возникает у него на пути, а Цвигун тем временем срывает с места милицейскую «волгу» и мчится назад, в Москву — по обочине дороги, по тротуару.

Все произошло так быстро — быстрее, чем вы успели это прочесть, — что только когда «волга» с Цвигуном, ревя мотором и взметая снежную пыль, откатила на порядочное расстояние, только тогда сразу несколько милицейских и «гражданских» машин стали разворачиваться и помчались за Цвигуном в погоню.

И буквально расталкивая легковые машины своим бронированным корпусом, стал спешно разворачиваться лимузин Цвигуна. Телохранитель Цвигуна на ходу запрыгнул в открытую дверь лимузина, и лимузин помчался назад в Москву, вдогонку за маши-

нами, которые преследовали удравшую «волгу».

Но «волга» с Цвигуном нырнула с Кутузовского проспекта в какой-то боковой переулок — преследователи потеряли ее из виду.

В лимузине Цвигуна телохранитель по радиосвязи запрашивает КГБ.

Телохранитель. Говорит майор Гавриленко! Товарищ Цвигун не появлялся? И не звонил?

Услышав ответ, дает отбой и тут же снова приказывает радиооператору:

— Квартира генерала!.. Вера Петровна? Это Гавриленко. Товарищ генерал не приехал домой? И не звонил?.. Нет, ничего, извините.

Дает отбой и приказывает шоферу:

— Давай на явку, на Качалова! Больше некуда...

Лимузин сворачивает с Кутузовского проспекта на Садовое кольцо, мчится на полной скорости, резко сворачивает на улицу Качалова и подкатывает к многоэтажному новенькому жилому дому № 16. Здесь у подъезда стоит брошенная Цвигуном милицейская «волга». Телохранитель, чуть успокоившись, выходит из лимузина, спешит к подъезду.

Дом № 16 по улице Качалова. День.

...Телохранитель входит в просторный вестибюль, нажимает кнопки двух лифтов, но лифты где-то наверху. Не дождавсь лифта, Гавриленко по боковой лестнице поднимается на третий этаж, проходит по коридору к квартире № 9 и нажимает кнопку звонка на двери. Никто не отвечает. Он нажимает снова. Никакого ответа. Где-то в стороне слышны громкая музыка, звон посуды, пьяные голоса, хлопки пробок шампанского, похожие на выстрелы. Телохранитель кулаком стучит в дверь, но от первого же удара дверь открывается — она не заперта. Он удивленно входит в квартиру.

Пройдя прихожую, майор Гавриленко входит в гостиную и видит: мертвый генерал Цвигун сидит за обеденным столом, уронив голову на стол, в правой руке — пистолет, лицо залито кровью. Перед ним на столе — предсмертная записка. Телохранитель хотел было взять записку, но в последний момент удержал руку, прочел, не трогая записки:

Текст записки на бланке с грифом «КГБ СССР. Первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии Семен Цвигун»: «В смерти моей прошу никого не винить, во всем виноват сам. Прощайте. Цвигун».

Сквозь открытую форточку в комнату влетают редкие снежинки, и слышно, как вдали,

на Красной площади кремлевские куранты пробили три часа дня.

За широкими окнами квартиры Цвигуна идет крупный снег, метель заштриховывает в белое стену какого-то дома напротив и очертания Москвы.

Возникают титры фильма.

Титры фильма продолжают на фоне: горы в снегу возле курортного города Сочи на юге России, туман, день. Белый туман двухметровым покрывалом накрыл невысокие снежные горы. Из тумана то и дело — то тут, то там — выскакивает красный шерстяной платок и юное простенькое личико голубоглазой 18-летней Ниночки.

Ниночка (кричит). Игорь!

В густом тумане Игорь Шамраев на четвереньках осторожно крадется на звук шагов и на голос Ниночки. Замирает, когда Ниночка приближается к нему, и — когда из тумана рядом с ним возникают ее ноги — резко, как охотник, прыгает, хватая Ниночку за ноги. Ниночка, испуганно вскрикнув, падает в снег. Шамраев набрасывается на нее, обнимает. Ниночка отбивается. Ниночка. Ой, это ты! Как ты меня напугал! Негодяй!

Она бьет Шамраева по груди и спине кулачками, но он закрывает ей рот поцелуем, оба барахтаются в снегу и катятся, катятся, катятся по снежному склону вниз...

Надпись: «Сочи, курорт на юге России. Четверг, 21 января 1982 года».

Небольшая площадка у горной дороги. Снег, туман, тот же день.

В автомобиле «жигули» (советский вариант «фиата») сидят Шамраев и Ниночка. Одежда у обоих еще в снегу, лица раскраснелись. Ниночка за рулем.

Шамраев. Сначала первую скорость...

Ниночка неумело включает первую скорость, правой ногой что есть силы жмет на газ, левую ногу резко снимает с педали сцепления, отчего машина дергается и прыгает, как лягушка, рывками.

Шамраева дергает на сиденье. Глохнет мотор, машина останавливается. Ниночка чуть не плачет.

Шамраев переводит рычаг переключения скоростей на нейтралку, тянет руку к ключу, чтобы завести машину, но Ниночка отводит его руку.

Ниночка. Я сама!!!

Она заводит машину, снова неумело включает первую скорость, и снова машина, как лягушка, рывками мчится к краю площадки.

Шамраев резко дергает рычаг ручного тормоза, машина останавливается.

Ниночка (увлеченно). Зачем? Зачем ты остановил? Мы уже ехали!!!

Шамраев взглядом показывает ей впе-

ред — передние колеса машины стоят в нескольких сантиметрах от обрыва.

Стук телетайпа. Телетайп стремительно выбивает текст телеграммы: «Совершенно секретно. Срочно. Военной спецсвязью. Следователю по особо важным делам товарищу Игорю Шамраеву. Гостиница «Жемчужина», город Сочи.

Генеральным прокурором СССР тебе поручено расследование причины смерти первого заместителя Председателя КГБ СССР генерала Армии Семена Цвигуна. Срочно вылетай Москву. С девочками догуляешь после. Начальник следственной части Прокуратуры СССР Герман Каракоз».

Баня, парная. Березовый веник хлестко гуляет по мокрой спине Шамраева. Шамраев лежит на деревянной лавке в парной, кричит и стонет от удовольствия. Ниночка плещет из ушата воду ему на спину и что есть сил хлещет его веником по спине. Затем, держась руками за стену, взбирается ногами Шамраеву на спину и пятками проминает ему плечи и спину. Подскальзывается и с хохотом шлепается голый попкой ему на спину.

Штаб Кавказского Военного округа.

Телеграмму на правительственном бланке запечатывают в правительственный пакет с сургучными печатями. Генерал — Командующий Кавказским Военным округом вручает пакет своему адъютанту — майору Аверьянову. За спиной генерала во всю стену — карта Кавказского Военного округа.

Генерал. Все дороги к Сочи закрыты снегопадом. Возьмите вездеход и пробейтесь в Сочи, вручите лично. Утром чтоб этот Шамраев был в Адлере на аэродроме.

Майор Аверьянов (kozyря). Слушаюсь!

Ресторан при гостинице «Жемчужина» в Сочи. День.

За широким окном ресторана видны заваленный снегом пляж, пальмы в снегу и море. На пляже группа «моржей» — толстые мужчины в одних плавках и толстые женщины в купальниках — под руководством инструктора-спортсмена усиленно делают гимнастику — разогреваются перед заплывом.

«Спидола» орет курортную песню. «Моржи» старательно размахивают руками, старательно прыгают и старательно дышат. Изотов валит пар. Потом с диким криком вся

группа бежит по снегу к воде и с разгону шлепается в море.

В ресторане, за столиком у окна — Шамраев и Ниночка. Ресторан почти пуст — только вдаль от Шамраева и Ниночки, в глубине зала, сидит за столиком группа мужчин в милицейской форме.

Ниночка, отведя взгляд от уплывших «моржей», читает меню. Шамраев курит.

Ниночка. Шашлык из китового мяса... Котлеты из китового мяса... Бефстроганов из китового мяса... Рагу из китового мяса... Всё из китового мяса... Игорь, не кури мне в лицо...

Мимо Шамраева и Ниночки толстый грузин — шеф-повар в белом колпаке набекрень и в грязном белом халате пронесит к дальнему столику милиционеров блюдо дымящихся шашлыков на шампурах, свежие помидоры, редиску, зелень. Ниночка произвольно тянет носом вслед этому ароматному блюду и говорит не столько капризно, сколько обиженно.

Ниночка. Я не хочу китовое мясо! Оно противное. Я хочу баранину.

Грузин шеф-повар, подав шашлыки на дальний столик, возвращается. Шамраев останавливает его.

Шамраев. Нам два шашлыка из баранины, помидоры...

Шеф-повар (перебивая, с грузинским акцентом). Дарагой! Баранины нету. Откуда? Сам видишь — в меню только китовый мясо. Помидоры тоже нету...

Шамраев (кивая в сторону милиционеров). А им откуда?

Шеф-повар. Им последний кусок отдал, честный слово! От себя оторвал! Себе купил на базаре, пришлось им отдать — знаешь, кто такие? (Доверительно нагибается к Шамраеву, говорит негромко, почти шепчет.) Из Москвы уголовный розыск! Сегодня утром прилетели и уже шестнадцать человек арестовали! Таких людей арестовали! Самого Председателя горсовета арестовали! Начальника милиции города — тоже арестовали! Ужас что делают! Всех подряд сажают! Как я могу им китовый мясо подать?! От себя оторвал последний кусочек! Клянусь — от себя отрезал! От детей!

Неожиданно из-за дальнего столика, из группы милиционеров поднимается сидевший спиной к залу невысокого роста, крепкий, живой мужчина в форме полковника милиции — Марат Светлов. Быстрым шагом от стремительно подходит к столику Шамраева и Ниночки, гневно хватая рослого грузина шеф-повара за шиворот.

Светлов. Последний кусок, говоришь?! От себя отрезал? Ну-ка, пошли на кухню, сволочь! Живо! (Толкает шеф-повара в сторону

кухни и поворачивается к Шамраеву.) Пошли со мной. И девочку свою возьми. (Снова толкает шеф-повара.) Иди, иди, сука!

Не оглядываясь больше, Светлов вталкивает шеф-повара на кухню, идет к стенным холодильникам и рывками открывает подряд несколько дверей холодильников. Там, в холодильниках висят бараны, свиньи и говяжьи туши. Осетрина, балык. Ящики со свежими помидорами, огурцами, зеленью.

Светлов (на ходу шеф-повару). А это что? Последний кусок? Китовое мясо? А? Паскуда! Спекулянт! Через час чтоб был в тюрьме! Сам придеши, своими ногами. (Подходит к стоящим в дверях Шамраеву и Ниночке, пожимает Шамраеву руку.) Здравствуй, Игорь! Отдыхаешь тут что ли? В отпуске? Суки! Пожрать не дадут спокойно — на каждом шагу все разворовывают!..

Шамраев (Ниночке). Познакомься, Нина: Марат Светлов — лучшая «ищейка» московского уголовного розыска. Мы с ним в молодости много дел провели. Он с тех пор не остыл еще...

Дорога через горные перевалы. Снегопад. Поздний вечер.

Тяжелый армейский вездеход на гусеничном ходу, тараня мглу желтыми фарами и ревя двигателем, пробивается по заснеженной горной дороге.

Номер Шамраева в гостинице «Жемчужина». Это же время. В полумраке однокомнатного гостиничного номера, у стены, на кровати спит Ниночка. Шамраев и Светлов сидят за столом при свете настольной, под темным абажуром, лампы. На столе остатки ужина, недопитые бутылки армянского коньяка, пива, минеральной воды.

Светлов (негромко, изредка оглядываясь на спящую Ниночку). Жареным пахнет на Красной площади, старик, жареным! По слухам, Цвигун — шурин самого Брежнева выехал три дня назад из Кремля от Суслова и через час застрелился. И тут же нам команда — операция «Каскад»: за двое суток замести всех главарей левой экономики по всей стране! В Москве тюрьмы переполнены, допросы круглые сутки. И нити, знаешь, куда ведут? (Он снова посмотрел на спящую Ниночку, пригнулся к Шамраеву и поднял палец вверх, к потолку.) Ты понял? И, между прочим, уже три дня ни в одной газете нет некролога Цвигуну...

Шамраев. Мне это до лампочки, я в отпуске. Светлов (откинувшись на стуле). Еще бы! (Кивает на Нину.) Где отхватил?

Шамраев. Тут, в гостинице. Гимнастка цирка. Приехала в отпуск из Риги.

Светлов (негромко присвистнув). Везет же людям! (Вздыхает.) Ладно, я пошел, мне еще шесть человек брать этой ночью. Слушай, ты с ней как — всю ночь кувыркаешься? Или?..

Шамраев. Марат, в этих делах я эгоист, ты же знаешь.

Светлов (отмахиваясь). Я не про то! Если я через пару часов вернусь и переночую тут у тебя на диване? А? Сам знаешь, после таких арестов всякие провокации могут быть, тут же мафия на мафии! Придушат ночью или сто тысяч в карман подсунут.

Сочи. Раннее утро.

По заснеженному курортному городу, еще пустому и темному в этот ранний час, мчится армейский гусеничный вездеход «АТТ» (артиллерийский тягач тяжелый). Напрямую по заснеженному пляжу, присыпанном снегом цветочным газаном вездеход подкатывает к гостинице «Жемчужина». Из вездехода выпрыгивают майор Аверьянов и еще два офицера. Быстро входят в гостиницу.

Коридор гостиницы.

Майор Аверьянов и два офицера в сопровождении администратора гостиницы выходят из лифта. Администратор показывает дорогу к номеру Шамраева. Из кармана шинели майора торчит свежая «Правда», в руках — пакет. Майор подходит к двери номера и громко стучит. Подождя, стучит снова. Слышны шаги за дверью и заспанный голос Шамраева.

Голос Шамраева. Кто?

Майор Аверьянов. Правительственная телеграмма! Открывайте.

Дверь открывается. За дверью полусонный Шамраев неуклюже закрывает бедра простыней. Майор и два офицера входят в номер. Майор Аверьянов. Вы Шамраев?

Шамраев. Угу...

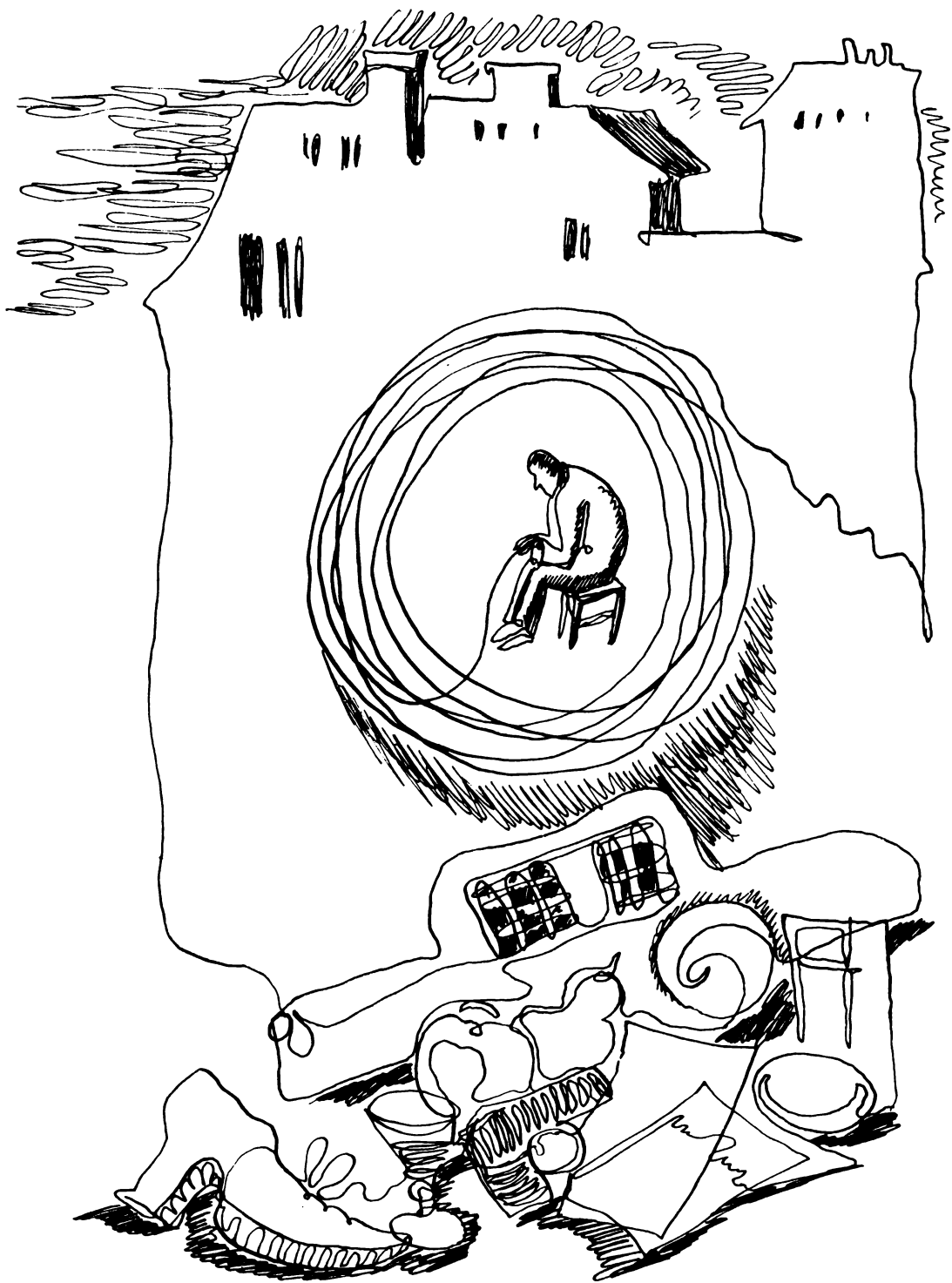
Майор Аверьянов (протягивая ему пакет). Откройте, прочтите при нас. Это срочно.

Пока Шамраев заспанно открывает пакет и читает телеграмму, майор и два офицера оглядывают номер. На столе — остатки вчерашнего ужина, пустые бутылки из-под коньяка, пива. На кровати, свернувшись калачиком, спит Ниночка. Из-под простыни торчат ее заголенные ноги, на подушке — юное личико с полураскрытыми губками.

На диване храпит полуодетый Светлов. Офицеры понимающе ухмыляются, пялят глаза на спящую Ниночку.

Шамраев, увидев их ухмылки, прокашливается.

Шамраев. Вот что, ребята. Посидите в вестибюле, я сейчас спущусь.



**Майор Аверьянов.** Товарищ Шамраев, командующий округом приказал срочно доставить вас в аэропорт, в Адлер. Там вас ждет самолет. Дороги закрыты из-за снегопада, но у нас вездеход. (Смотрит на наручные часы.) У вас — максимум десять минут на сборы. Вам нужно сдать номер и... (Кивает на спящую Ниночку и затем — на дверь.) **Шамраев** (довольно грубо). Я сам знаю, что мне нужно! Идите!

Майор и два офицера выходят. Шамраев, держа в руках пакет и телеграмму, встряхивает со сна головой, чтоб прийти в себя. Идет к ванной комнате. Крошки сургуча с печатей на пакете попали ему в тапочку. Он негромко матерится, отшвыривает тапочку с ноги, возвращается в комнату и пытается разбудить храпящего Светлова — толкает его в плечо.

**Шамраев** (негромко). Марат! Марат, твою мать! Вставай!

Светлов что-то мычит недовольно во сне, поворачивается набок, к стенке, и снова храпит.

**Шамраев** (сквозь зубы). Вот падла!..

Идет к окну, настежь открывает створки. Холодный ветер со снегом врывается в номер. Шамраев подставляет лицо этому ветру и снегу и сам, наконец, почти просыпается. За окном — рассветное утро над заснеженным пляжем, пальмы в снегу — красиво. Шамраев на мгновение загляделся на эту красоту.

Ниночка заворочалась в постели, поджала от холода ноги и, не открывая глаз, попросила жалобно.

**Ниночка.** Игорь, укрой меня, мне холодно!

Светлов перестал храпеть, произнес с дивана, не открывая глаз.

**Светлов.** Ты что, охерел?! Закрой окно!

**Шамраев** подошел к Светлову, щелкнул его по носу телеграммой.

Светлов сонно открыл глаза, увидел бланк телеграммы с жирными красными буквами «правительственная». Тут же рывком сел на диване, взял у Шамраева телеграмму. Шамраев направился к ванной комнате, бросил Светлову на ходу.

**Шамраев.** Одевайся. Меня в Адлере самолет ждет.

Шамраев скрылся в ванной комнате, дверь оставил открытой. Оттуда, из ванной послышался шум душа.

Светлов пробежал взглядом текст телеграммы, присвистнул.

**Светлов** (идет к ванной). Ну?! Я же говорил — паленым пахнет на Красной площади! Слушай! У меня идея! Возьмешь в Москву меня и арестованных...

Негромкий стук в дверь, затем в приоткры-

тую дверь просовывается фигура майора Аверьянова.

**Майор Аверьянов.** Товарищи, время! Там самолет...

**Светлов** (перебивая). Знаем! Знаем!

Он почти выталкивает майора за дверь, замечает у него в кармане газету «Правда».

**Светлов.** Свежая?

**Майор Аверьянов.** Так точно.

Светлов без спроса вынимает газету из кармана шинели майора.

**Светлов** (майору). Идите... мы сейчас...

Закрывает дверь, разворачивает газету и восклицает:

— Есть! Слушай! (Идет в ванную и читает стоящему под душем Шамраеву). «Советское государство понесло тяжелую утрату. 19 января на 65-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался...» Херня! Ничем он не болел... «...член Центрального Комитета КПСС, первый заместитель Председателя КГБ СССР генерал армии Семен Цвигун. Более четырех десятилетий жизнь генерала Цвигуна была связана с обеспечением безопасности нашей Родины...» Ладно, это мы знаем. Сорок лет проработал в КГБ. Самое интересное вот. «Светлая память о товарище Цвигуне навсегда сохранится в сердцах советских чекистов, всех советских людей. Подписи: Андропов, Устинов, Черненко, Алиев, Щелоков». Ну и так далее, по ранжиру. Ты понял? Ни Брежнев, ни Сулов некролог не подписали! А? Жены Цвигуна и Брежнева — родные сестры, а Брежнев ему некролог не подписал! Выходит, у Брежнева и Сулова никакой светлой памяти о Цвигуне не останется!

Шамраев выключил душ, вытирается полотенцем.

**Шамраев.** Я не понимаю, что мне расследовать, если ясно написано, что он умер после тяжелой болезни.

**Светлов.** А ты хочешь, чтоб народу сообщили, что член ЦК и практический хозяин КГБ покончил жизнь самоубийством?

В двери ванной появляется заспанная и окоченевшая Ниночка. Она в рубашке от шамраевской пижамы и тапочках на босу ногу. Рубашка эта доходит ей до колен и вполне заменяет халатик, длинные рукава рубашки болтаются полупустыми, и в этом наряде Ниночка кажется еще моложе своих восемнадцати лет — совсем подросток.

**Ниночка.** Мальчики, что случилось? Я замерзла и писать хочу...

**Светлов** (решительно). Вот что, детка! Родина зовет твоего Игоря на подвиг — он должен выяснить, почему умер шурин товарища Брежнева! Так что быстренько пописай,



поцелуй своего Игоря и — бай-бай, мы улетаем в Москву.

**Ниночка** (обиженно округлив глазки). Я тоже хочу в Москву!..

Шамраев уже прошел в номер и торопливо собирает свои вещи в дорожный чемоданчик. В том числе — берет с письменного стола фотографию четырнадцатилетнего сына.

Светлов вопросительно и с иронией смотрит на Шамраева.

**Шамраев** (Ниночке). Нина, я не могу тебя взять. Ко мне сын приходит на выходные дни. И потом — у тебя еще отпуск, прилетишь после...

**Ниночка** (совершенно по-взрослому). И вам не стыдно? Марат арестовал тут кучу жуликов и прячется от мафии в нашем номере. А теперь вы оба улетите, а меня бросите тут одну? Да?

Аэропорт в Адлере. Снегопад. День.

Ангары, самолеты и взлетные полосы в аэропорту засыпаны снегом. Лишь на одной взлетной полосе натужно режут двигателями военные, с красными звездами на корпусе, самолеты, бульдозеры расчищают полосу от снега. И то же самое — у ангара, где стоит пассажирский «ТУ-114»: два бульдозера расчищают перед самолетом дорогу к взлетной полосе, рядом стоит тяжелый танк.

К зданию аэровокзала подкатывает армейский вездеход «АТТ». Из вездехода выпрыгивают майор Аверьянов и два сопровождающих его офицера, следом за ними из вездехода выбираются Светлов и восемнадцать арестованных главарей сочинской нелегальной экономки в сопровождении помощников Светлова — здесь следователь Пшеничный, майор Ожерельев, майор Акопян и капитан Ласкин. Последними из вездехода выпрыгивают на снег Шамраев и Ниночка.

Вся группа спешным шагом идет к зданию аэровокзала. Светлов и его бригада подгоняют арестованных (они одеты весьма rispetабельно — в дубленках, дорогих меховых шапках — лучше, чем Шамраев или Пшеничный. Среди арестованных начальник сочинской милиции майор Морозов — он в милицейской темно-синей шинели).

**Майор Ожерельев** (арестованным, весело). Быстрее! Построиться парами, как в детском саду.

Вся группа во главе с майором Аверьяновым входит в здание аэровокзала. Аэровокзал забит пассажирами: из-за непогоды люди уже три дня не могут вылететь из аэропорта. Пассажиры густо, как в бомбоубежище, спят на полу, на подоконниках, в креслах. Здесь же едят всухомятку, курят, играют в карты.

Орут грудные дети. Дети постарше бегают среди узлов и чемоданов, играют в «казак-разбойники», в прятки. Какая-то десятилетняя девочка в очках, из породы вундеркиндов, разложив на коленях учебники, делает уроки. На девочке школьная форма — коричневое платье и белый кружевной передник.

Слышен хриплый голос радиообъявления:

— По метеорологическим условиям вылет всех рейсов задерживается на двенадцать часов...

Какой-то мальчишка на бегу налетел на груды огромных фибровых чемоданов. Один из чемоданов упал и раскололся, из него высыпались на пол мандарины. Мальчишка испуганно посмотрел на хозяина чемоданов — усатого грузина в огромной черной кепке. Грузин отчаянно махнул рукой.

**Грузин** (с грузинским акцентом). Бери мандарины, бери! Все равно пропали! Кушай!

Тут же дети со всего аэровокзала налетели на мандарины. Грузин, глядя на них, качал головой, как Будда, приговаривая:

— Вай-вай-вай! Тысячи рублей пропали, тысячи!!!

Видя, что мальчишки расхватали все мандарины и что маленькой девочке-«вундеркинду», которая прибежала последней, ничего не досталось, грузин в сердцах пнул ботинком еще один свой чемодан. Чемодан раскрылся, из него высыпались белые хризантемы — он полон этими цветами.

**Грузин** (девочке). Бери цветы, генацвале! Такой цветок в Москве, знаешь, сколько стоит? Один — пять рублей! На этот чемодан машину можно купить, «фиат»! Тебе дарю, генацвале! Все равно сгниют из-за этого снега, чтоб он сгорел!

Переступая через чьи-то ноги, узлы, чемоданы, через спящих на полу детей и взрослых, группа во главе с майором Аверьяновым проходит в глубину зала, к стеклянной двери с надписью: «Зал для депутатов Верховного Совета». У двери дежурит милиционер, он предупредительно открывает дверь майору Аверьянову и всей группе.

Сразу за дверью — совершенно иная обстановка: чистая, широкая, в красной ковровой дорожке, лестница ведет на второй этаж, в просторный и пустой зал для депутатов Верховного Совета СССР. В зале весь пол застлан мягким ковром, здесь стоят финские кожаные кресла, стеклянные столики с яркими журналами, цветами, пивом и минеральной водой. Уютно ворчит кофеварка. За стеклянными проемами окон видны засыпанное снегом летное поле и воинские бульдозеры, которые уже почти расчистили взлетную полосу от снега вокруг готовящегося к полету самолета.

Светлов и майор Аверьянов ушли в дверь с надписью: «Начальник аэропорта».

Группа арестованных устало расположилась в креслах, один из них хозяйски подошел к стенному бару, открыл. В баре — три полки со всевозможными напитками: коньяк, водка, шампанское, ликеры, вина. Он взял коньяк, стал наливать в бокалы.

Из дверей с надписью «Начальник аэропорта» вышел Светлов, быстрым шагом направился к стоящим у окна Шамраеву и Ниночке, но по дороге придержал шаг у бара, вопросительно поглядел на арестованного, который тут хозяйничал.

Светлов (арестованному). Кто разрешил? Арестованный. Я — депутат Верховного Совета. (Распахивает дубленку. На лацкане пиджака — красный значок с надписью «Депутат Верховного Совета СССР».) Хотите коньячку, товарищ полковник?

Светлов (приходя в бешенство, подходит к нему вплотную, негромко говорит в лицо). Ну-ка, сними значок, сволочы!

Арестованный. Но я же — член Правительства! Меня народ выбрал!

Светлов. Я сейчас спущусь вниз, скажу народу, сколько у тебя подпольных фабрик. Они тебя в ключья разорвут! Сними значок, сука!

Арестованный послушно, дрожащими руками отвинчивает значок с лацкана пиджака.

Светлов взял три бокала с коньяком и, остывая от бешенства, подошел к Шамраеву и Ниночке, подал им по бокалу.

Светлов (Шамраеву). Я позвонил в Москву. Похороны Цвигуна сегодня, через четыре часа. Гражданская панихида в клубе КГБ. Но по всей трассе — снежная буря. Решай! Полетишь или отложим?

Шамраев (затягиваясь сигаретой). А что летчики говорят?

Светлов (пожав плечами). Летчики военные — полетят в любую погоду.

Шамраев. Формально я обязан осмотреть труп до похорон...

Сквозь окно видно, как солдаты подцепили самолет к танку и танк потащил его к взлетной полосе.

Шамраев (усмехнувшись, кивнул на этот самолет). Впрочем, они уже решили за меня... Светлов. Значит, летим.

Светлов хотел отойти, но к нему подошел еще один арестованный — Симонян.

Симонян (с кавказским акцентом). Товарищ полковник, дарагой. Разрешите еду взять на дорогу. Честное слово, кушать очень хочется! (Посмотрел на Ниночку.) И такой прекрасный девушка тоже не может лететь голодный.

Светлов утвердительно кивнул.

Симонян быстро направился к столику с внутренним телефоном.

Ниночка (Светлову). Кто это?

Светлов. Еще один слуга народа. Директор сочинского треста курортной торговли. На его даче мы нашли 36 килограммов золота в слитках в виде баранов, коров и свиней. Прямо скульптуры!

Тем временем Симонян уже снял телефонную трубку.

Симонян (в трубку). Директора ресторана, срочно!.. Рафик? Это Симонян. «ТУ-114» видишь за окном? Это для меня, персонально везут в Москву, через несколько минут улетает... Да, на этот раз — с охраной. Очень важные люди! Понимаешь — очень важные! Двадцать три человека и одна девушка. Очень важная девушка! Чтобы все было по классу «люкс», ты хорошо понял?

К Симоняну тут же подскочили еще несколько арестованных. Начальник сочинской милиции — толстяк майор Морозов властно отнял у Симоняна трубку.

Майор Морозов (в трубку). Товарищ Каспаров, говорит начальник сочинской милиции майор Морозов. Чтобы через десять минут на борту самолета были три ящика мандаринов, два ящика коньяка, два ящика шампанского и грузинское вино — самое лучшее! Ты меня понял?

Кто-то из арестованных уже тянул трубку у него из рук...

В сопровождении майора Аверьянова к Шамраеву и Светлову подошла Тамара — высокая 22-летняя красивая брюнетка в роскошной норковой шубке.

Майор Аверьянов (Шамраеву). Самолет готов, товарищ Шамраев. И вот эта девушка хочет поговорить с вами лично.

Тамара. Извините, мне сказали, вы сейчас летите в Москву. Не могли бы вы взять и меня? Я очень спешу, честное слово! Я работаю в «Интуристе» переводчицей и застряла здесь в отпуске...

Светлов (глядя ей прямо в глаза). А какие у вас планы на сегодняшний вечер?

Тамара. Никаких. Я свободна.

Салон самолета.

По проходу в салоне движется тележка, на которой обычно стюардессы развозят еду и напитки. На сей раз на тележке не стандартные обеды в целлофановой обертке и на бумажных тарелочках, а блюда «цыплята-табака» (жаренные особым образом цыплята), жареные куриные потроха, сациви, свежие помидоры и прочая свежая зелень. Тележку катит Ниночка, подпоясанная белоснежным фартучком стюардессы. Следом за ней такую же тележку, нагруженную коньяком, мускатным шампанским, грузинским вином «Твиши» и ликерами, катит Тама-

ра. На нижней полочке ее тележки — коробки с дорогими конфетами.

Пассажиры самолета — бригада Светлова и арестованные — сами берут с блюд и накладывают себе в тарелки огромные порции жареных цыплят, сациви, закусок и каждый наливает себе по полному стакану коньяка. Арестованные — как заключенные перед тюрьмой — набрасываются на еду, едят жадно, много — словно последний раз в жизни. И так же жадно пьют коньяк и вина — стаканами. В салоне шумно, тепло. Симонян снимает с нижней полочки тележки огромную коробку конфет, протягивает Ниночке.

**Симонян.** Это тебе, генацвале! Это я персонально для тебя заказал! Товарищи, конфеты не трогать, конфеты для девочек! (Встречается взглядом со Светловым, поднимает свой бокал.) Твое здоровье, товарищ полковник! Если бы у нас вся милиция так честно работала, как ты, давно коммунизм был бы в стране, клянусь детьми! Твое здоровье, генацвале!

Симонян встает и, широко распахнув руки, идет по проходу к Светлову обниматься. Только теперь, по его нетвердой походке, видно, что он уже пьян.

Рядом со Светловым сидит Шамраев, задумчиво курит.

Светлов, уклоняясь от объятий Симоняна, встает с бокалом в руке, хитро оглядывает подвыпивших арестованных.

**Светлов (Симоняну).** Подожди, дорогой. Сядь! (Всем.) Граждане арестованные! Хотя я и москвич, но я хочу сказать кавказский тост. Я горжусь, что мне выпала честь арестовать таких талантливых людей, как вы. Нет, я серьезно! При том, что у нас в стране три карательные силы — милиция, КГБ и Прокуратура, вы смогли создать огромную нелегальную экономику. Например, Симонян. Вместе с мэром города Сочи он не только открыл подпольные цеха и фабрики по производству джинсов и трикотажа, но открыл в государственном банке липовый счет, на который они переводили доходы всех своих нелегальных фабрик и пользовались этим счетом как своим собственным. Ваше здоровье, Симонян! Тридцать шесть килограммов золота, которые вы скопили, — это большой подарок Родине! Или возьмем товарища Бараташвили. Шесть лет он снабжал все рестораны Москвы свежей молодой бараниной. Не один, конечно. Небольшая мафия работала — нелегальными рейсами самолеты каждый день везли с Кавказа баранину в Москву! И миллионные доходы имели — больше, чем Московский государственный трест снабжения ресторанов. Ваше здо-

ровье, Бараташвили! Шесть миллионов рублей, полтора миллиона американских долларов и килограмм бриллиантов, которые мы у вас изъяли, — на эти деньги целый завод можно построить! (Чокается с Бараташвили.)

Гамарджоба, дорогой! (Снова всем арестованным.) Друзья! Как вы уже поняли на своем примере, в стране идет операция «Каскад» — массовые аресты лидеров нелегальной экономики. Советская власть и советский народ не могут вам больше позволить безнаказанно разворовывать страну. И я хочу вам по-дружески сказать, что облегчить вашу участь может только одно: чистосердечное признание и сознание того, что накопленные вами ценности помогут Родине! Можете так и написать в своих показаниях, и суд примет это во внимание...

**Бараташвили (негромко).** Без моей баранины в московских ресторанах вообще не было бы свежего мяса...

**Светлов (живо).** Вот так и напиши, дорогой! (Пшеничному.) Валентин, раздайте арестованным бумагу, они сейчас будут писать чистосердечные признания, кто сообщники, кому в Москве взятки давали и так далее...

Пшеничный пошел по проходу, раздавая чистые стопки бумаги. Арестованные охотно брали.

Светлов вернулся на свое место рядом с Шамраевым, сел.

Шамраев, держа в руках газету с некрологом Цвигуну, наклоняется к Светлову, говорит негромко, усмехаясь.

**Шамраев.** Старик! Признания, полученные у пьяных, не являются следственными документами.

**Светлов (провожая взглядом Тамару, которая идет по проходу).** Я знаю. Зато потом, если будут выкручиваться и все отрицать — сунем им эти признания под нос и все — куда им деться?!

Светлов видит, как Тамара прошла во второй пустой салон и задернула за собой тяжелые матерчатые шторы.

**Шамраев (Светлову).** Марат, а может, это все сплетни насчет самоубийства? Может, он своей смертью умер, от болезни?

**Светлов (рассеянно).** Кто? Цвигун? Все может быть...

Светлов встает и поспешно уходит во второй салон вслед за Тамарой.

Москва. День. Снегопад.

Милицейская «волга» мчится к центру Москвы. Улицы достаточно многолюдны — особенно на Ленинском проспекте: очереди у больших магазинов, кинотеатров, на троллейбусных и автобусных остановках. У боль-

шинства прохожих в руках — тяжелые авоськи: у кого с картошкой, у кого с капустой или с рулонами туалетной бумаги, связанными одной веревкой и брошенными на плечо, как гирлянды.

Надпись: «Москва, 22 января 1982 года».

От тяжести этих авосек и кошелок с продуктами люди ходят, наклонившись вперед (вниманию режиссера! — это важная деталь, отличительная черта советских людей от западных!). Снег оторачивает белым их шапки, воротники, пальто.

Взвывая сиреной, милицейская «волга» мчится по осевой полосе мимо Библиотеки имени Ленина... Александровского сквера... по Манежу... по Кузнецкому мосту — самым центральным московским улицами. Несколько раз мелькают огромные портреты Брежнева, Черненко, Суслова, Андропова и др. советских лидеров, украшающие фронтоны зданий. Плакаты и транспаранты: «Вперед к победе коммунизма во всем мире!», «Партия — наш рулевой!», «Слава КПСС» и т. д.

В милицейской машине рядом с шофером — Шамраев, на заднем сиденье — Ниночка. При выезде с Кузнецкого моста на Лубянку машина вынуждена остановиться — Лубянка блокирована солдатским патрулем. Впереди у клуба КГБ — скопление черных правительственных лимузинов и «волг», патрули, мотоциклисты. Армейский офицер подходит к машине Шамраева, наклоняется к кабине.

**Офицер.** Пропуск!

Шамраев вынимает из кармана красную кожаную книжечку-удостоверение с крупными золотыми буквами: «Прокуратура СССР». Шамраев. Я — следователь по особо важным делам Генеральной Прокуратуры СССР.

Офицер берет книжку, открывает ее, сликает фотографию в удостоверение с оригиналом, кивает на Ниночку.

**Офицер.** А это?

**Шамраев.** Это со мной.

**Офицер.** Не положено. И вам придется выйти из машины и пройти пешком. Проезд запрещен.

Шамраев вздыхает, вытаскивает из кармана связку ключей, передает Ниночке и говорит шоферу:

— Отвезите ее ко мне домой. Улица Красноармейская, 12, квартира 17. (Ниночке.) Жди меня дома. Пока.

Шамраев выходит из машины и идет к клубу.

Машина разворачивается, уезжает.

У входа в клуб (огромное, тяжелое здание из серого камня в стиле сталинских

построек пятидесятых годов) — новый патруль, но уже не армейский, а в черных шинелях КГБ и с черно-красными траурными повязками на рукавах. На фронтоне клуба — портреты Брежнева, Черненко, Кириленко, Суслова, Андропова... Шамраев загодя вытащил свое удостоверение и предъявил его кирпичнолицему майору КГБ. Майор открыл черную коленкорую папку с золотым тиснением «КГБ СССР», бегло просмотрел список и отрицательно покачал головой.

**Майор.** Пропустить не могу, вас нет в списке. Шамраев. Прокуратура СССР имеет право... Майор (грубо и насмешливо перебивает). Не качайте права, следователь! Я вас не пропущу и все.

**Шамраев.** Вызовите начальника похоронной комиссии.

**Майор.** Слушай, следователь, а не пошел бы ты... Или тебя силой отправить?..

Три мордатых гэбэшника уже окружили Шамраева.

Из массивных стеклянных дверей клуба выходит пятидесятилетний, моложавый генерал КГБ Курбанов. Он не в шинели, а в новеньком щегольском мундире. Увидев Шамраева и окруживший его патруль, Курбанов спрашивает:

— В чем дело?

**Шамраев.** Я из Генеральной Прокуратуры. Мне поручено расследование обстоятельств смерти генерала Цвигуна. Я должен осмотреть труп до захоронения.

**Курбанов** (удивленно, с досадой и почти презрительно). Что? Какое расследование?! Вы что — газет не читаете? Генерал умер в результате тяжелой болезни...

Страхнув снежинки с новенького мундира, Курбанов собирается пройти мимо, но Шамраев берет его за рукав, останавливает.

**Шамраев.** Минуточку...

**Майор** (грубо). Руки!!!

Грубо и с силой отшвыривает руку Шамраева от генеральского рукава.

**Шамраев** (усмехнувшись, смотрит в глаза Курбанову и произносит вразяжку, с нажимом на каждое слово). Товарищ Курбанов! Я — знаю — отчего умер генерал Цвигун. По процессуальному закону я должен осмотреть труп до захоронения. Если вы мне не позволите, я задержу похороны.

Впервые генерал Курбанов с любопытством посмотрел в глаза Шамраеву.

**Курбанов.** Интересно, как вы это сделаете? Шамраев (выдерживая его взгляд). Вам показать?

Майор и другие офицеры гэбэшного каула молча и настороженно следят за этой дуэлью взглядов Шамраева и Курбанова. Курбанов (Шамраеву). Вот что. Пройдете со мной.



Патруль расступается, Шамраев следом за Курбановым проходит в стеклянные двери клуба.

Клуб КГБ. В просторном, отделанном мрамором, вестибюле клуба — пусто. Только десяток патрульных оперативных работников КГБ с траурными повязками на рукавах. Вешалка в гардеробе заполнена генеральскими шинелями. На стене — огромный портрет Дзержинского и лозунг «КГБ — щит и меч Советской власти».

По радио звучит приглушенная траурная музыка.

Курбанов и Шамраев проходят через вестибюль к массивным дверям, ведущим в актовый зал. В дверях стоят офицеры КГБ с черными креповыми повязками на рукавах. Шамраев вслед за Курбановым входит в актовый зал.

Актовый зал огромен. У сцены, на убранном кумачом столе стоит гроб с покойным генералом. Возле гроба замерли в почетном карауле Председатель КГБ Андропов, его заместители — генералы Пельше, Кириленко — их лица мы видели только что на портретах. Здесь же — другие ведущие деятели ЦК КПСС — все в черных и серых костюмах, все пожилые, за шестьдесят, толстые. Чуть в стороне от гроба — стул, на котором сидит одетая в черное вдова генерала Цвигуна. Возле вдовы заботливо склонился Черненко. Сразу при входе в зал генерал Курбанов останавливает Шамраева.

**Курбанов.** Стойте здесь.

Оставляет Шамраева, проходит к Андропову, что-то шепчет ему. Тот отрицательно качает головой (Шамраев видит это) и кивает генералу на Черненко, стоящего возле вдовы. Генерал Курбанов идет к Черненко, шепчет что-то ему.

Шамраев решительно пересекает зал, направляясь к гробу.

Генерал Курбанов замечает это и еще поспешней, быстрее шепчет что-то Черненко. Наконец, Черненко кивает Курбанову головой и идет к Шамраеву наперерез.

Андропов недовольно следит за приближением Шамраева к гробу. Но Шамраев подошел к гробу раньше, чем его остановил Черненко. Покойный генерал Цвигун лежит профилем к залу, вся левая часть лица открыта. Полное чистое надменно-волевое лицо с двойным подбородком. Никаких следов ранения. Высокая зальсина надо лбом. Рубашка цвета «хаки», галстук, генеральский мундир. Тяжелое, грузное тело будто расплылось в чуть тесноватом гробу. Рядом с гробом, как бы закрывая возможность приблизиться к нему вплотную, венки со стандартными траурными надписями, «От Комитета

Государственной Безопасности СССР», «От Центрального Комитета КПСС», «От Верховного Совета СССР» и широкая красная подушка с орденами и медалями покойного и золотой именной саблей.

Шамраев, сделав скорбное лицо, обходит эту подушку и приближается к гробу вплотную, наклоняется к покойнику словно в прощальном поклоне. Теперь он видит правую сторону лица покойника. Она — почти вся — утоплена в поддерживающую голову подушечку, и, более того, подушечка эта приклеена к правой скуле покойного генерала. Но возле виска видны следы грима на гробом, с рваными обожженными краями, огнестрельном ранении.

Шамраев поспешно выпрямляется, непроизвольно вытирает вспотевший лоб. В этот момент к нему подходят Черненко и Курбанов.

**Черненко** (негромко). Товарищ Шамраев. Я понимаю, что вы должны выполнить свой служебный долг. Но при таком стечении народа и при вдове уносить куда-то гроб для осмотра... Я, как секретарь Центрального Комитета партии, считаю это нецелесообразным...

**Курбанов** (нервно). Тем более, что у нас есть акт медицинского осмотра и специальное решение Политбюро, в котором ясно сказано: не разглашать факт самоубийства, опубликовать, что смерть наступила в результате болезни. Я не понимаю, кто назначил расследование и почему этим занимается именно товарищ Шамраев.

**Черненко.** Новое расследование поручено товарищу Шамраеву лично Леонидом Ильичом Брежневым.

Шамраев и Курбанов изумленно смотрят на Черненко.

**Курбанов.** Ну... тогда... тогда товарищ Шамраев может завтра зайти к нам в КГБ и ознакомиться с документами и всеми вещественными доказательствами.

**Шамраев** (усмехнувшись). Мне незачем к вам ходить, товарищ Курбанов. Пришлите всё в Прокуратуру и не завтра, а сегодня. Срочно.

Шамраев и Курбанов смотрят в глаза друг другу.

Ответственный распорядитель похоронной комиссии (генерал КГБ) объявляет, негромко, внятно:

— Товарищи, траурный митинг окончен. Всех, кто едет на кладбище, прошу пройти в машины. Через минуту — вынос тела...

Вдова Цвигуна — сухая скорбная старушка с заострившимися чертами лица — всхлипывает и зажимает рот ладонью. В церемонно-тихом зале с приглушенным светом и утопающим во мраке потолком этот всхлип

прозвучал неестественно, как крик раненой птицы. Все оглянулись на вдову, Андропов как-то суетливо двинулся к ней с участливо-скорбным выражением лица.

Вдова вдруг резко встала и посмотрела на приближающегося Андропова такими разом высохшими и полными страха и ненависти глазами, что Андропов остановился, неловко замялся на месте.

Все заметили это, и какая-то стальная пауза напрягла в эту секунду зал.

Шамраев переводит взгляд с вдовы Цвигуна на Андропова.

Андропов поворачивается и идет к выходу из зала.

Следом за ним двинулись генералы, маршалы и другие государственные особы.

Шестеро дожих офицеров КГБ подняли гроб с Цвигуном и под траурный марш Шопена понесли к выходу из зала.

Прокуратура СССР.

Длинный, на красной ткани транспарант: «Охрана социалистической законности — долг советского следователя!» Этот транспарант висит над буфетом в столовой Прокуратуры СССР. У прилавка буфета — толчея, оживленная очередь: следователи и прокуроры в заношенных форменных мундирах Генеральной Прокуратуры СССР, машинистки, стенографистки и другие сотрудники. За прилавком буфета толстая буфетчица Нюра в грязно-белом халате громко объявляет напиральной на прилавок очереди:

— В одни руки — только два судака и одна нотатения! По талону! Оговаривается только следственный отдел! Прокуроры отовариваются с трех часов! Че ты пришел не в свое время?

Мужчина в мундире прокурора. Нюра, у меня потом выступление в суде!

Буфетчица. Ничё не знаю. Приказ Генерального прокурора — все отделы снабжаются по очереди. Следующий!

Следующий в очереди протягивает ей листы бумаги с грифом «Прокуратура СССР» и машинописным текстом.

Буфетчица (держа на весу над весами мороженого судака). А это чё такое? Документы? Документы мне не несите! В документе продукты заворачивать не буду! Мне Генеральный прокурор запретил заворачивать в документы!

Человек из очереди (он в мундире старшего следователя, но говорит подобострастно). Нюрочка, это из архива, старые бумаги!

Буфетчица (грубо). Я не знаю — из архива или не из архива! Мне их читать некогда! Один прокурор в прошлую пятницу колбасу в секретные бумаги завернул, а мне за это выговор объявили! У кого нет своей оберточ-

ной бумаги, в очередь не вставайте, не дам рыбу! Уже газету не могут выйти купить, обленились! (Бросает судака на весы, объявляет до того, как стрелка остановилась.) Три рубля! (На бухгалтерских счетах отбрасывает три костяшки.)

Шамраев безучастно сидит в глубине столовой над яичницей. Вяло ковыряет вилкой в тарелке, флегматично жует.

В столовую вбегает начальник следственного отдела Прокуратуры Герман Каракоз. Он среднего роста, 45-летний, живой, полный, веселый, с темными армянскими глазами, в новеньком генеральско-прокурорском мундире из тонкой английской шерсти, модной импортной рубашке и с импортно-стильным галстуком. Оглядывает глазами столовую и быстро идет к Шамраеву.

Каракоз (подходя к столу Шамраева). Нет! Ты смотри! Генеральный прокурор его уже час ждет, а он тут яичницу жрет! А ну пошли!

Шамраев (не вставая с места). У меня очередь за рыбой подходит. Семь человек осталось.

Каракоз. Переживешь! (Буфетчице громко, властно, через всю столовую.) Нюра! Отложи Шамраеву пару судаков, и мне тоже! (Шамраеву.) Пошли, живо!

Шамраев (не вставая, продолжая жевать). Почему ты всадил меня в это дело?

Каракоз (преувеличенно весело). А кого еще? Бакланова мобилизовали на операцию «Каскад» по просьбе министра милиции. А ты у нас — самый передовой, только что закончил разоблачение рыбной мафии, товарищ Брежнев самолично объявил тебе благодарность. Тонны черной икры спас для государства!

Шамраев (насмешливо усмехнувшись). Черную икру спас, а сам за швивым судаком в очереди стою...

Каракоз (весело). Ты эти контрреволюционные разговорчики брось! Пошли!

Шамраев тяжело вздыхает, встает.

Кабинет Генерального прокурора СССР. День.

Кабинет Генерального прокурора СССР Рекункова отделан карельской березой, на стенах портреты Ленина, Маркса, Брежнева и Сулова. Стенной книжный шкаф заполнен полным собранием сочинений В. И. Ленина в 50-ти красных томах, многочисленной юридической литературой. На полу — ковер. Окна выходят на заснеженную Советскую площадь, где лицом к улице Горького стоит конный памятник основателю Москвы Юрию Долгорукому. Стенные часы показывают три

часа дня. Зимой в это время дня в Москве уже темнеет, поэтому в кабинете Рекунова горит яркий электрический свет. Рекунов сидит за просторным, заваленным следственными делами столом, слева от стола дополнительный столик для телефонов. Их четыре, в том числе два красных, правительственных. Рекунову 58 лет, он седой, высокий, чуть сутулый, в очках. Справа от него, у окна, в свободной позе, как бы демонстрируя свою независимость, генерал Курбанов.

На столе Рекунова — папка с тиснением «КГБ СССР» и надписью «Дело ген. С. Цвигуна» и запечатанные в целлофановые пакеты вещественные доказательства — пистолет «ПМ», пуля, обойма... Во время разговора генерал Курбанов отходит от окна и вообще прогуливается по кабинету Рекунова, как человек, который сознает, что его власть не меньше власти Генерального прокурора, — сознает и демонстрирует это, хотя при всем том слегка нервничает.

Напротив Рекунова сидят на стульях Шамраев и Каракоз.

Курбанов. В деле есть Постановление Правительства не оглашать факт самоубийства генерала Цвигуна. Поэтому наши эксгуматоры загримировали лицо, пресса сообщила, что он умер от болезни. А товарищ Шамраев врывается на траурный митинг, устраивает скандал с охраной, требует прервать церемонию, чтобы он, видите ли, мог осмотреть труп! Товарищ Андропов лично выразил свое недовольство этой бестактностью. Мы решительно протестуем, чтобы товарищ Шамраев вел это дело.

Рекунов (негромко, будто вяло). Генеральная Прокуратура не подчиняется Комитету Госбезопасности, а подчиняется только и непосредственно товарищу Брежневу. Товарищ Андропов не может нам диктовать, каких следователей куда назначать. Кандидатура товарища Шамраева не только лично утверждена Леонидом Ильичом, но и рекомендована им в связи с тем, что тот только что провел крупное дело по разоблачению хищений в Министерстве рыбного хозяйства.

Каракоз. Даже «Голос Америки» об этом передавал, и вся западная пресса писала! Я думаю, товарищ Брежнев потому и выбрал Шамраева...

Рекунов (поморщившись и едва заметно усмехнувшись). Надеюсь, у вас в КГБ люди не так часто кончают жизнь самоубийством...

Каракоз иронически хмыкнул, Курбанов впился глазами в Рекунова.

Курбанов. Что вы имеете в виду?

Рекунов (бесстрастно, без выражения). Даже если не считать, что генерал Цвигун был близким родственником товарища Бреж-

нева, согласитесь, что самоубийство первого заместителя Председателя КГБ — дело государственной важности.

Курбанов (вздыхнув, недовольно). Ладно, обойдемся без демагогии. Принимайте дело. (Подвигает папку с делом Цвигуна и вещественные доказательства в сторону Шамраева.) Оно простое. 19 января утром генерал Цвигун был в Кремле у товарища Суслова. О чем они разговаривали — никто не знает, разговор был личный, с глазу на глаз. Сразу после этого Цвигун приказал своему шоферу ехать на дачу к Брежневу. В деле есть показания шофера и телохранителя Цвигуна. При выезде на Можайское шоссе машина Цвигуна попала в пробку. Цвигун вышел из машины, совершил нападение на милицейскую машину, с помощью оружия завладел этой машиной и приехал на свою служебно-явочную квартиру на улице Качалова, где и покончил жизнь самоубийством. Вот его личный пистолет, которым он застрелился, вот пуля, вот обойма, а вот предсмертная записка. (Открывает дело, читает с именного бланка Цвигуна.) «В смерти моей прошу никого не винить. Во всем виноват сам. Прощайте. Цвигун». (Усмехнувшись, Шамраеву.) Дело чистое — вот показания телохранителя, который обнаружил труп и записку, вот показания шофера, показания капитана милиции, у которого Цвигун отнял машину, и акты осмотра места происшествия и медицинской экспертизы. Мы провели огромную работу, а вам только пенку осталось снять, товарищ Шамраев.

Шамраев (осматривая пистолет Цвигуна, на рукоятке которого золотая табличка). Пистолет прочищен. Нет следов пороховой гари. Курбанов (насмешливо). Извините, прочистили. Собирались уже передать в наш музей — пистолет, как видите, именной, от товарища Сталина. Кто же знал, что будет назначено повторное расследование?

Шамраев (берет дело, листает). А где протокол допроса товарища Суслова?

Курбанов (изумленно). Что?

Шамраев. Если Цвигун застрелился после разговора с товарищем Сусловым, вы обязаны были допросить товарища Суслова, таков закон.

Курбанов (едва не расхохотавшись). Ну, эту честь — допрашивать секретаря Центрального Комитета Партии! — мы оставили вам! (Меняя интонацию.) К тому же, товарищ Суслов, узнав о самоубийстве Цвигуна, тяжело заболел и находится в Кремлевской больнице — сильнейший приступ диабета и сердце. Я не думаю, что врачи пустят вас к нему.



**Шамраев.** И поэтому он не подписал некролог?

**Курбанов.** Некролог, как вы могли бы заметить, не подписал не только Суслов, но и сам Брежнев.

**Шамраев.** Почему?

Курбанов насмешливо посмотрел на него, потом на Каракоза и Рекунова. Оба — и Каракоз, и Рекунов — тоже вопросительно глядели на Курбанова. Курбанов прошелся по кабинету, снова как бы морально утверждая себя над присутствующими. Потом сказал, будто размышляя вслух и предлагая Прокуратуре перемирие и партнерство.

**Курбанов.** В стране три карательные власти — КГБ, милиция и Прокуратура. И кому-то очень выгодно устраивать между ними грызню и конкуренцию, потому что если мы вдруг станем действовать заодно, в наших руках практически окажется вся власть в стране. Так нужно ли нам конкурировать и ссориться? Я могу вам сказать, о чем — как я думаю — Цвигун разговаривал с товарищем Сусловым и почему он после этого застрелился. Конечно, это только мое личное мнение, но... оно держится на фактах. Последние годы в стране пышным цветом расцвела нелегальная экономика. Вы это знаете не хуже нас, масса дел проходит через ваши руки. Но вы ловите мелкую рыбешку и только иногда, как Шамраев с рыбной мафией, выходите на главарей.

А почему? Потому что есть непроверяемые теперь данные, что покой главарей нелегальной экономики охранял генерал Цвигун. Пользуясь своей властью в КГБ, он был как бы зонтиком всей нелегальной экономики в стране. Небезвозмездно, конечно. Операция «Каскад», которую ведут сейчас милиция и ваш следователь Бакланов, позволит определить размеры этой преступной деятельности и все связи коррупции. Я думаю, что товарищ Суслов поставил генерала в известность о начале этой операции, Цвигун бросился было сгоряча к Брежневу, а потом понял, что перед лицом непроверяемых фактов Брежнев не станет его защищать. И — застрелился. Это, в общем, офицерский поступок и, как видите, единственно правильный в его ситуации — товарищ Брежнев даже некролог ему не подписал.

**Шамраев.** А кто представил товарищу Суслову информацию о связях Цвигуна с нелегальной экономикой?

**Курбанов** (едко). Товарищ Суслов возглавляет идеологический отдел Центрального Комитета нашей партии, то есть информация поступает к нему практически из всех партийных организаций — в том числе из вашей Прокуратуры.

Коридор Прокуратуры и лифт.

По коридору, мимо дверей служебных кабинетов и выходящих на Москву наружных окон, быстрым шагом идут к лифту Шамраев и Каракоз. Шамраев держит в руках папку «Дело Цвигуна» и пакеты с вещественными доказательствами. Каракоз говорит на ходу. **Каракоз.** Теперь слушай самое главное, о чем мы не могли сказать при генерале. Брежнев дал десять дней на все расследование. Третье февраля — крайний срок. Но, в принципе, я думаю, тут все ясно. Цвигун кому-то стал мешать, и на него подсунули материал Суслову. Вот и всё.

**Шамраев** (хмуро). Ты имеешь в виду Андропова?

Каракоз испуганно оглядывается по сторонам, но видя, что коридор пуст, успокаивается.

**Каракоз.** Тише! Ты с ума сошел! Я никого не имею в виду! Просто логика следствия. А мешать он мог многим. У Андропова кроме Цвигуна еще пять заместителей, но все они — вторые, в том числе Курбанов. А ведь каждому второму хочется быть первым...

Оба подходят к дверям лифта, Шамраев нажимает кнопку.

**Каракоз.** Кроме того, милиция, Министерство внутренних дел. Поскольку Цвигун был шурином Брежнева, КГБ вообще оттеснило милицию на третьи роли...

**Шамраев** (хмуро). Хорошее дело ты мне подсунул! Или КГБ меня... приберет, или... Стасти, почему ты вызвал меня по военной связи?

Двери лифта открылись, из лифта вышли трое служащих Прокуратуры. Только войдя в опустевшую кабину лифта и дождавшись, пока дверь закрылась, Каракоз сказал:

— Старик, между нами: теперь, когда ты уже в Москве и принял дело, ты в безопасности, никто не тронет пальцем личного следователя Брежнева. Но если бы я вызвал тебя простой телеграммой, кто знает, что могло произойти с тобой в Сочи? Несчастный случай в горах или на пляже и — привет! Нет следователя, которому Брежнев собирался доверить такое важное дело!

**Шамраев** (усмехнувшись). И тогда это дело пришлось бы вести тебе, как начальнику следственного отдела. Кого же ты страховал — меня или себя?

**Каракоз.** Ты стал брюзгой. Неужели эта южная девочка на тебя так подействовала? По слухам, чудный кадр — совершеннолетняя, а выглядит на пятнадцать лет! У нее нет подружки? (Лифт останавливается, двери начинают раскрываться.) Тебе выходить.

**Шамраев** (в дверях лифта, придерживая их, чтобы не закрылись). Кто тебе наступал такие подробности?

Каракоз (с улыбкой кивает на дверь одного из кабинетов в коридоре). Твой друг Бакланов. И не настучал, а просто протрелался из зависти. Он же сейчас на операции «Каскад» работает вместе с угрозыском и ОБХСС. А у них в Сочи и на других курортах целые бригады агентов сидят. Засаекают людей, которые сорят деньгами, и ведут их, раскручивают — откуда капиталы? Так что если хочешь узнать, сколько ты потратил там в ресторанах на свою девочку — зайди к Бакланову, он тебе скажет. Ну так что — у нее есть подружка?

Шамраев, не ответив, отпустил дверь и пошел по коридору. Вдоль коридора — двери служебных кабинетов с табличками «Старший следователь Н. Бакланов», «Старший следователь М. Венделовский», «Следователь П. Костров» и т. п. Из-за дверей слышен негромкий стук пишущих машинок. За окнами сумеречная, предвечерняя заснеженная Москва. Шамраев подходит к двери с табличкой «Старший следователь И. Шамраев», открывает ее своим ключом и, не зажигая света, проходит в полутемный, блекло освещенный только уличным светом кабинет.

Кабинет Шамраева прост: небольшая комната с двумя окнами, письменный стол с зачехленной пишущей машинкой, телефоном и настольной лампой, кресло, два стула для посетителей и книжный шкаф с юридической литературой. В углу, рядом с письменным столом — небольшой стальной сейф для секретной документации.

Войдя в кабинет, Шамраев в сердцах бросает на стол папку — «Дело Цвигуна» и пакеты с «вещественными доказательствами», плюхается в кресло и некоторое время сидит молча, откинувшись в кресле. Медленно поворачивается вместе с креслом к сейфу, вставляет ключ, набирает короткий шифр и открывает дверцу сейфа. Сейф абсолютно пуст, если не считать небольшого следственного чемоданчика, початой бутылки армянского коньяка «Арарат» и граненого стакана. Шамраев наливает себе четверть стакана, выпивает без всякого выражения на лице, ставит бутылку и стакан в сейф и закрывает дверцу сейфа. Снова молча и неподвижно, уставившись глазами в одну точку, сидит за своим столом. Затем, вздохнув, придвигает к себе папку и машинально лезет в карман за сигаретами, так же машинально берет в рот сигарету и чиркает спичкой, поднося ее к сигарете. И вдруг, не донеся спичку до сигареты, замирает, смотрит на пачку сигарет на столе, на горящую спичку, на сейф. Спичка, догорев до конца, обжигает ему пальцы. Он отбрасывает ее, вы-

матерившись, зажигает другую, но теперь уже быстро, поспешно прикуривает, затягивается, а сам тем временем включает настольную лампу и лихорадочно листает «Дело Цвигуна», пробегая глазами по строкам документов и показаний. Потом хватается телефонную трубку и нетерпеливо стучит по рычажку. Шамраев (в телефон). Кабинет Генерального прокурора, срочно!.. Александр Михайлович? Это Шамраев. Извините, генерал Курбанов еще у вас? Можно его?.. Товарищ генерал, скажите, пожалуйста, генерал Цвигун курит?.. Я имею в виду, он был курящий? Да? Спасибо. А пил?.. Нет, ничего, простое любопытство. Спасибо. (Дав отбой, снова стучит нетерпеливо по рычажку.) Диспетчера по транспорту!.. Алло, это Шамраев! Мне нужна машина, срочно! Для осмотра места происшествия! А ты думал — я по бабам поеду? (Взглянув на ручные часы.) Черт! Столовая еще открыта, не знаешь? Там у меня судаки!

Центральные улицы Москвы. Вечер. Снежная метель.

В центре Москвы уже зажглись уличные фонари. Черная служебная «волга» катит по московским улицам — мимо светящейся вывески ресторана «Арагви»... кинотеатра «Россия» с длинной очередью за билетами на фильм «Пираты XX века»... светящихся витрин-выставок многоэтажного здания газеты «Известия»... по Тверскому бульвару...

В машине рядом с молодым, простодушного вида водителем сидит Шамраев. На коленях у него следственный чемоданчик и два завернутых в газету судака — хвосты судаков торчат из пакета. Шамраев искося поглядывает на курящего шофера.

Шамраев. Давно ты куришь?

Водитель. Девятый год уже...

Шамраев. А пьешь?

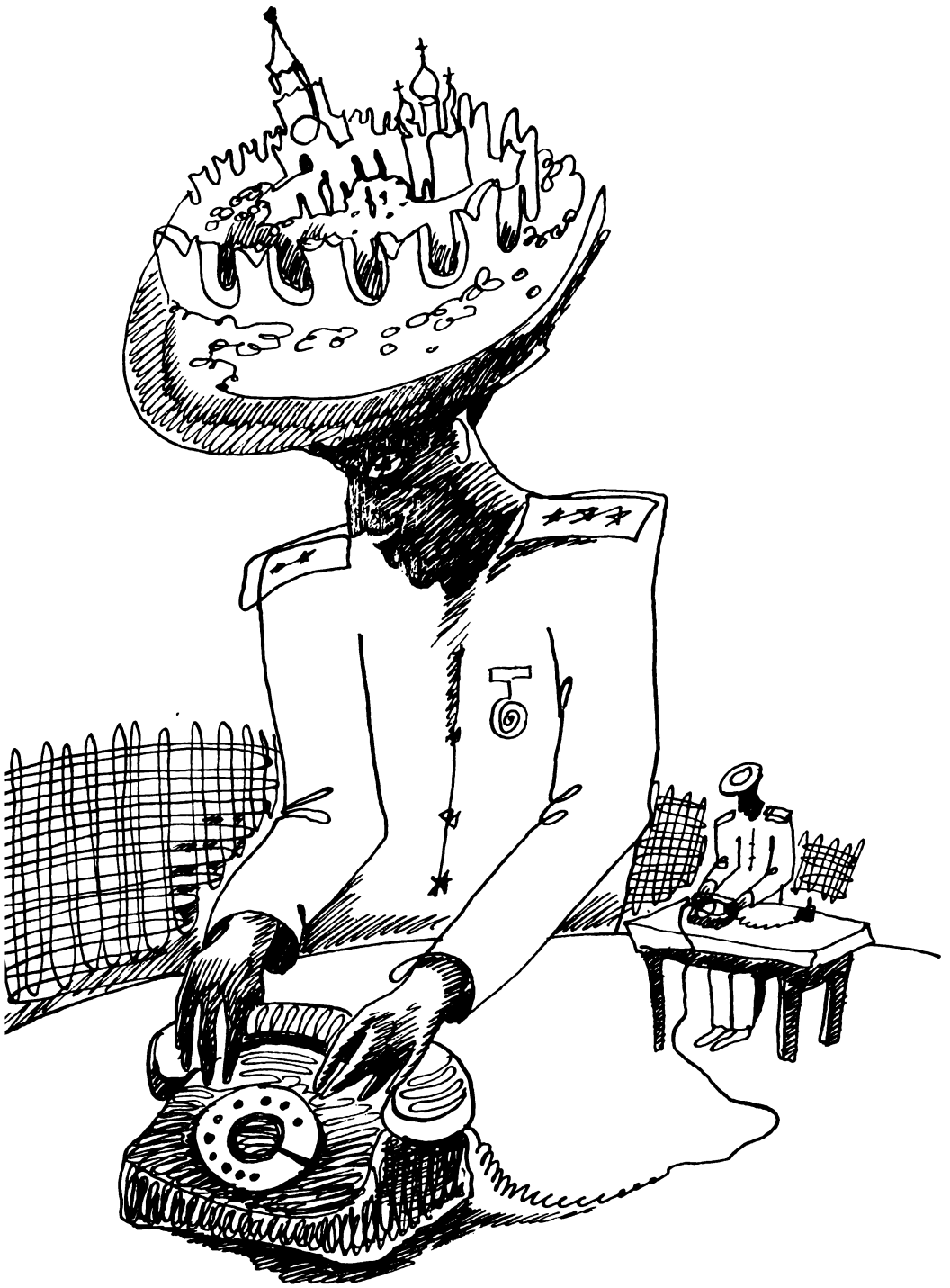
Водитель. Ну выпиваю. Но на работе — ни-ни! А что?

Шамраев. А если б, скажем, ты решил кончить жизнь самоубийством, то перед тем, как пустить себе пулю в лоб, ты бы выкурил сигарету?

Водитель (удивленно, усмехнувшись). Я вообще-то не собираюсь. Но, ясное дело, курнуть перед смертью даже в тюрьмах дают! А чё? Вы думаете, мне пора?

Шамраев (улыбнувшись). Нет. Упаси тебя Бог!.. Сейчас направо, на Качалова.

Машина сворачивает на тихую заснеженную улицу Качалова, проезжает мимо высоких, новеньких, стоящих поодаль друг от друга кирпичных кооперативных домов,



мимо светящейся витрины булочной и подкатывает к подъезду дома № 16. У подъезда припаркованы несколько припорошенных снегом легковых машин. Шамраев с чемоданчиком в руке выходит из машины.

Водитель (Шамраеву). Вас ждать?

Шамраев. Да.

Шамраев уходит в парадную дверь дома. Водитель смотрит на оставленный им на сиденье пакет, потом разворачивает его, завистливо рассматривает больших судаков, затем, вздохнув, аккуратно заворачивает пакет.

Дом № 16 по улице Качалова. Вечер.

Шамраев входит в вестибюль, проходит к лифту, нажимает кнопку и, пока ждет лифт, осматривает вестибюль.

Поднимается на третий этаж, оглядывает коридор, видит дверь с цифрой «9». Дверь опечатана восковой печатью с хорошо различимыми буквами «КГБ СССР». Шамраев достает из кармана складной перочинный нож, срезает печать. Просовывает нож в дверную щель, отжимает язычок английского замка и открывает дверь, входит в квартиру.

Квартира-явка Цвигуна.

Войдя в квартиру, Шамраев шарит рукой по стене, нащупывает выключатель, зажигает свет. С порога осматривает прихожую, потом проходит в гостиную, зажигает свет и здесь. Осматривается. В квартире — идеальная чистота, персидские ковры, кожаная мебель, прекрасный бар, под потолком — люстра, на окнах — синие шторы. Они чуть колыхаются и парусят от ветра, задувающего в открытую форточку.

На столе, баре и журнальном столике — хрустальные и фарфоровые пепельницы. Шамраев осматривает их — они идеально чисты. Он открывает чешский, из темного дерева, бар. В баре зажигается лампочка, освещая целую батарею бутылок — армянский и французский коньяк, импортная и советская водка, рижский бальзам в керамической бутылке, шотландское виски, грузинские вина. Некоторые бутылки початы. Здесь же стоят чистые рюмки, бокалы. Шамраев открывает нижний ящик бара. Там — початый блок сигарет «Винстон».

Шамраев подходит к обеденному столу, который стоит посреди комнаты, осматривает полированную поверхность стола, замечает на одной стороне стола пятно — замытые следы крови. Пятно обрывается на краю стола. Шамраев опускает взгляд вниз, на ковер. На персидском ковре под столом — такие же замытые бурые пятна.

Вздохнув, Шамраев вынимает из кармана газету, застилает ею стол, открывает свой чемоданчик и достает из него папку — «Дело Цвигуна» и пакеты с вещественными

доказательствами самоубийства — пистолет Цвигуна, пулю, обойму, шариковую авторучку Цвигуна. На дне чемоданчика остались инструменты следователя: лупа, пинцет, резиновые перчатки, бутылочки с кислотами и т. п., но Шамраеву они еще не нужны. Из папки он вытаскивает, освобождая от зажимов, предсмертную записку Цвигуна. Затем подвигает к столу кресло — как раз над пятнами крови на ковре. Вставляет обойму в пистолет, кладет пистолет в карман, отходит к двери. Смотрит издали на стол, потом решительно подходит к столу, резко отодвигает кресло, садится в него, рывком придвигает к себе бланк Цвигуна с его предсмертными словами, берет шариковую ручку и быстро, в воздухе, над строками Цвигуна «пишет». Отбрасывает ручку на стол, лезет в карман, достает пистолет, прикладывает себе к правому виску и роняет голову на стол. Во всем этом есть какая-то неестественность, как в немом кино.

Шамраев выпрямляется в кресле, откидывается в нем и произносит громко, вслух: — Бред!..

Снова осматривает все предметы на столе, механически лезет в карман за сигаретами, чиркает спичкой, закуривает. Хотел было бросить спичку в пепельницу, но задержал руку над чистой пепельницей, встал, подошел к окну и выбросил спичку в открытую форточку. Окно с двойными рамами и двумя форточками — одна открыта наружу, вторая распахнута внутрь комнаты. За окном квадратными желтыми пятнами светятся окна соседнего дома. Дом стоит близко — за занавесками видны фигуры жильцов, пятна экранов телевизоров.

Шамраев стоял у окна, курил.

Затем вернулся к столу, взял пистолет, сел в кресло, переложил сигарету в левую руку, а правую с пистолетом поднес к виску. Пожал плечами и увидел, что сигарета догорает. Снова встал, подошел к форточке и швырнул в нее сигарету. Бросок был неудачным — окурочек ударился о наружную раму и упал на деревянную планку форточки. Шамраев потянулся, чтобы сбросить его, но роста не хватало, форточка была высоко, он не доставал. Выругавшись невнятно, Шамраев подвинул к окну стул, встал на него, щелчком сбросил окурочек и хотел было прыгнуть на пол, как вдруг взгляд его остановился на...

наружной форточке. Верхний край деревянной наружной форточки был с двумя отщепинами, которые торчат наружу и в разные стороны.

Шамраев замер, впился взглядом в эти отщепины.

Сверху они припорошены снегом, но низ

отщепов свеж, и между ними — полукруглая ложбинка.

Шамраев прыгнул со стула, быстро, нетерпеливыми пальцами вытащил из пакета пулю и, вскочив снова на стул, приложил пулю к полукруглой ложбинке в форточке. Пуля одним боком точно вошла в диаметр ложбинки. Шамраев отклонился и, придерживая пулю одной рукой в желобке, стал примеривать взглядом направление полета пули. Оглянулся на комнату, ища глазами место, откуда должна была быть выпущена пуля, чтобы под таким углом попасть в форточку. Снова посмотрел за окно по направлению пули. Спрыгнул со стула и быстро пошел прочь из квартиры.

Улица Качалова, 16. Вечер.

Выйдя из подъезда, Шамраев подошел к черной, с работающим мотором «волге», потормошил спящего в кабине водителя.

**Водитель** (просыпаясь). А?

**Шамраев** (протягивает ему деньги). Живо на Арбат в магазин. Купи мне бинокль, самый сильный!

**Водитель** (изумленно). Бинокль?

**Шамраев**. Да. И в девятую квартиру. Я буду ждать.

**Водитель**, встряхнув спресонок головой, тронул машину.

Квартира-явка Цвигуна (продолжение).

В кабинете Цвигуна Шамраев на четвереньках медленно движется по полу, осматривая в лупу пол, стены, плинтуса. Из-за батареи парового отопления достает старые, пожелтевшие листы бумаги, разграфленные для карточной игры и с какими-то беглыми записями. Следом вынимает карту — шестерку «туз». Звонок в дверь. Шамраев идет в прихожую, открывает дверь. На пороге водитель с картонной коробкой. Шамраев хватывает у него коробку, вытаскивает из нее новенький, завернутый в бумагу бинокль.

**Водитель** (протягивая Шамраеву деньги). Вот сдача.

**Шамраев** (забирая деньги). Иди сюда...

Шамраев идет в гостиную, нетерпеливо оглядывается на водителя. Водитель топчется на пороге, не решаясь ступить на чистый пол прихожей.

**Шамраев**. В чем дело?

**Водитель**. Ноги бы обо что вытереть...

Шамраев смотрит на пол квартиры: в гостиной и в коридоре персидские ковры, а в прихожей пол голый. Нагнувшись к плинтусу над полом, Шамраев проводит пальцами вдоль плинтуса и, наткнувшись на

гвоздь, отдергивает руку. Затем выдергивает из-под шляпки гвоздя толстую нитку.

**Шамраев**. Да, здесь тоже был ковер. Но это ладно, после! Иди за мной!

Шамраев проходит в гостиную, следом за ним идет водитель, на ходу осматривает квартиру и присвистывает от увиденной роскоши.

**Водитель**. Фью! Живут же слуги народа!

**Шамраев**. Не болтай!

Шамраев подходит к окну, жестом подзывает водителя к себе, показывает рукой на стену противоположного дома.

**Шамраев**. Видишь этот дом? Загони свою машину во двор и освети мне фарами кусок стены вот здесь, между четвертым и третьим этажами. Понял?

**Водитель** (озадаченно). Понять-то понял... Но как я туда фарами достану?

**Шамраев**. Очень просто: поднимешь передок машины домкратом. Давай!

Почесав голову, водитель ушел, еще раз оглядев гостиную и стол, на котором лежат пистолет и «Дело Цвигуна».

Шамраев оттягивает тугие затворы оконных шпингалетов и настезь открывает оконные створки (в России все окна не такие, как в США, — оконные створки открываются либо внутрь квартиры, либо наружу). Холодный воздух врывается в комнату. Шамраев, не обращая внимания на мороз, высовывается из окна. Сверху ему видно, как...

Двор за домом № 16. Вечер.

...черная «волга» медленно вкатывает во двор и задом упирается в стену дома № 16. Водитель, оставив включенными фары дальнего света, выходит из кабины, подставляет домкрат под передок машины и медленно поднимает этот передок. Свет фар освещает стену противоположного дома и медленно ползет по этой стене вверх — второй этаж... третий... Водитель смотрит вверх на Шамраева.

**Шамраев**. Еще! Еще! Вира!

Из окон двух домов выглядывают возмущенные лица жильцов.

**Мужчина** в одном из окон. Эй! В чем дело?! **Женщина** в другом окне. Что за хулиганство?!

**Водитель** (жильцам). Прокуратура СССР!

Лица жильцов мгновенно исчезают из окон, люди задергивают шторы. Только в одном окне любопытная старушка в деревенской козыночке, наоборот, высунулась в форточку и наблюдает за происходящим.

Свет фар доползает до нужного Шамраеву места на стене противоположного дома — между третьим и четвертым этажами.

**Шамраев** (водителю, махнув рукой). Хорошо! Стоп!!!

Квартира-явка Цвигуна (продолжение).

**Шамраев**, стоя у окна, подносит к глазам бинокль, наводит резкость. В бинокль видна...

стена противоположного дома, освещенная светом фар. Окуляры бинокля медленно, сантиметр за сантиметром, ползут по гладко-белой бетонной поверхности стены и ... упираются в черную выбоинку. Тут же окуляры бинокля резко и строго перпендикулярно опускаются вниз, к засыпанной снегом земле под этой выбоиной.

Двор за домом № 16. Вечер (продолжение).

**Шамраев** быстрым шагом проходит во двор, ноги его утопают в глубоком снегу.

**Шамраев** (водителю). Опускай фары! Свети сюда!

Он идет к тому месту под стеной противоположного дома, которое только что наметил себе в бинокль. И прямо у стены запускает руки в снег, шарит ими под снегом.

Водитель опускает передок машины, фары высвечивают нелепую фигуру **Шамраева**, шарящего руками под снегом. Водитель направляется к **Шамраеву**, но **Шамраев** останавливает его окриком.

**Шамраев**. Стой! Не подходи! Не топчи снег! **Водитель**. Ну вы чудак! Завтра вызвали бы роту солдат, они бы тут все перекопали.

**Шамраев** (не прерывая работы). Без тебя знаю! Отстань!

**Шамраев** шарит руками под снегом, методично «обрабатывая» каждый квадратный дециметр снежной поверхности у стены. Вынимает оочевенные руки из снега, греет их дыханием, снова запускает в снег.

Любопытная старушка еще больше высывается в своем окне.

**Водитель** (старушке). Бабуля! Ну-ка скройся!

Старушка исчезает из окна, но спустя секунду ее любопытный глаз возникает из-за занавески.

Наконец, **Шамраев** разгибается выпрямившись. В его руке, в растопыренных оочевенных и покрасневших пальцах — маленькая сплюснутая пуля. Вместе с пулей он подносит руки ко рту, дышит, отогревает.

**Шамраев** (водителю). Всё! Гаси!

Квартира-явка Цвигуна (продолжение).

Войдя в гостиную, **Шамраев** осторожно выпускает из замерзших пальцев найденную пулю на стол рядом с пулей из пистолета Цвигуна. Они — одного калибра, 9 мм. Затем,

оставляя на ковре мокрые следы, подходит к бару, вытаскивает первую попавшуюся под руки бутылку финской водки, зубами — поскольку оочевенные пальцы задеревенели — свинчивает с бутылки алюминиевую пробку-колпачок и прямо из горлышка бутылки делает емкий глоток. Затем второй, третий. И хватает воздух открытым ртом, вздрагивает всем телом и освобожденно, почти блаженно вздыхает.

Улицы Москвы. Поздний вечер. Слабая метель.

Подняв воротник пальто и опустив уши меховой шапки, **Шамраев** устало идет по заснеженному, переметаемому метелью Ленинградскому проспекту, мимо станции метро «Аэропорт». Шапка и плечи его пальто запорошены снегом, под мышкой — завернутые в газету судаки. Навстречу идут редкие прохожие — какая-то женщина прогуливает собаку, в тени подъезда целуется молодая пара, в снегу у закрытой уже пивной валяется пьяный. К пьяному подъезжает милиционерский мотоцикл с тележкой, милиционер грубо пинает пьяного ногой.

**Милиционер** (пьяному). Эй! Вставай, падло! Домой пойдешь или в вытрезвитель поедем?

**Шамраев** безучастно проходит мимо, сворачивает за угол. Здесь, с двух сторон тротуара — укрепленные на металлических опорах-мачтах портреты руководителей Советского Правительства с запороженными снегом транспарантами «Партия — наш рулевой», «Слава Советскому Правительству!». **Шамраев** проходит под портретами. Сверху с портретов на него смотрят с одной стороны лица Брежнева, Устинова, Черненко, Пельше, с другой — Кириленко, Суслова, Андропова, Громыко.

Сутулая, усталая фигура **Шамраева** движется между этими громадными, нависающими над ним портретами. Метель.

**Шамраев** подходит к подъезду своего дома, входит в него.

В обшарпанном вестибюле на двери лифта приклеен клочок бумаги с надписью карандашом: «Лифт не работает».

**Шамраев** без всякого выражения на лице привычно проходит мимо лифта к черной лестнице и устало идет вверх, на седьмой этаж.

Квартира **Шамраева**.

Поднявшись на площадку седьмого этажа, **Шамраев** подходит к двери своей квартиры № 17, снимает шапку, сбивает с нее снег о полу пальто, затем вставляет ключ в замочную скважину и открывает дверь.

Навстречу ему из открытой двери — всплеск музыки, тепла, света. И — раскрасневшаяся Ниночка в домашнем ситцевом фартучке.

**Ниночка** (весело). Наконец-то! А у нас гости!

Сквозь небольшую двухметровую прихожую Шамраев и сам видит гостей в полусоветской нижней светом торшера комнате: там, под песню Барбары Стрейзанд танцуют, крепко обнявшись, Светлов и Тамара. Они так поглощены своими объятьями, что не обращают на приход Шамраева никакого внимания.

Ниночка заботливо помогает Шамраеву снять пальто, затем самым естественным движением опускается перед ним на колени и развязывает мокрые и замерзшие шнурки у него на ботинках. При этом щебечет без остановки.

**Ниночка**. А, замерз! Где ты пропадал? Жена Светлова уже три раза звонила, я ей сказала, что ни его, ни тебя тут нет. А что я ей еще могла сказать? Что он тут с Тамарой ночевать собирается? Я нам на кухне постелила, а им в комнате. Подожди, сядь на стул...

Она проворно убежала в ванную комнату, там послышался шум воды.

Шамраев сел на стул в прихожей, пустым взглядом смотрит, как в комнате танцуют Светлов и Тамара. Они по-прежнему как бы слиты в одно тело.

Ниночка возвращается из ванной с ведром, наполовину заполненным горячей водой — из ведра идет легкий пар. Ставит ведро у ног Шамраева, снимает с его ног промокшие ботинки и носки и закатывает ему штанины брюк до колен.

**Ниночка**. Попарь ноги, попарь! Давай, милый...

Шамраев, сморщившись, опускает ноги в горячую воду — сначала одну, потом вторую. Закрывает от блаженства глаза.

Голос Светлова. Вот это, я понимаю, русская женщина!

Шамраев открывает глаза.

Перед ним в проеме двери стоят Светлов и Тамара.

**Светлов**. Старик, не в службу, а в дружбу — позвони моей жене, скажи, что я с тобой на оперативной работе. Выдумай что-нибудь. Ей-богу, такая баба — не могу оторваться! (Обнимает Тамару.)

Из кухни выходит Ниночка, осторожно несет на блюдечке рюмку водки и нарезанный соленый огурчик. Подносит Шамраеву.

**Ниночка**. Выпей, Игорь! Залпом. --

Ванная в квартире Шамраева. Ночь.

В крохотной ванной комнате, совмещенной с туалетом, сидят Светлов и Шамраев. Разговаривают вполголоса. Оба полуодеты, курят. Кран открыт, чтоб заглушить голоса.

**Светлов**. Могу поспорить, что графологическая экспертиза его записки покажет точное сходство почерка. Только вопрос: как эта записка легла в дело — со стола Цвигуна или еще откуда-нибудь и значительно позже?

**Шамраев**. Но есть показания телохранителя. Он нашел ее на столе перед мертвым Цвигуном.

**Светлов** (небрежно). Старик, телохранитель работает в КГБ. Он тебе под их диктовку покажет всё, что ему прикажут.

**Шамраев**. Но кто мог знать, что он примчится именно на эту квартиру? Ведь он ехал к Брежневу!

**Светлов** (насмешливо). И случайно попал в пробку? Не будь идиотом!

**Шамраев**. Ты имеешь в виду, что и эта «пробка», и записка, и...

**Светлов** (перебывает, вставая). Я ничего не имею в виду. Я фантазирую. И эта автомобильная пробка может быть чистой случайностью, и вторая пуля. Мало ли! Может быть, Цвигун по пьянке стрелял две недели назад. И вообще, я пошел спать...

**Шамраев** (тоже вставая, теперь они стоят совсем близко, лицом к лицу). Стой! Ты соображаешь? Если твои фантазии, не дай Бог...

**Светлов**. ...то это уже не самоубийство в результате интриги, а хорошо, профессионально организованное убийство. (Иронично.) Ты разоблачаешь убийц и получаешь повышение по службе. Может быть, даже должность Генерального прокурора!

**Шамраев** (хмуро). Или пулю в затылок...

**Светлов** (продолжая иронизировать). Старик, кто не рискует, тот не выигрывает: Цвигун был в КГБ человеком Брежнева, в милиции у Брежнева зять — муж Гали, в Министерстве торговли — сын. А армией командует друг Устинов. А теперь человеком Брежнева станешь ты! Чем плохо? (Всерьез.) Кстати, ты знаешь, что муж Гали Брежневой, первый заместитель министра милиции, как раз весь январь месяц в отпуске? Поэтому операцией «Каскад» руководят генерал Краснов и полковник Маленина. С тебя поллитра за эту информацию, и я пошел! **Шамраев** (хмуро). Я один это дело не потяну. Буду просить, чтобы тебя со всем твоим отделом включили в мою бригаду.

**Светлов**. Меня?! Ну это — фиг! Во-первых, меня тебе не дадут, я работаю по «Каскаду» на Маленину, Краснова и твоего друга Бакланова. А во-вторых, я сам не хочу лезть в

это дело, извини. Тут КГБ — фигурирует Суслов. Нет, у меня дети. И я еще жить хочу. Ты уже не можешь выскочить из этого дела — выгонят с работы и даже в Израиль не выпустят. Но чтобы я добровольно...

За дверь ванной послышался шорох. Оба оглянулись на дверь. Светлов открыл ее. За дверью стоит Тамара в прозрачной нижней комбинации.

**Тамара.** Господи, что тут происходит? Я думала, тут просто занято, а они тут курят!

Ваганьковское кладбище в районе Москвы. Раннее утро. Сильный снегопад.

Сиротливый катафалк и группа бедно одетых пожилых людей медленно движутся по узкой заснеженной мостовой к воротам кладбища.

За процессией с вынужденно малой скоростью плетется черная «волга».

Надпись: «Суббота, 23 января 1982 г.»

В «волге» за рулем — вчерашний водитель Шамраева, рядом с ним Шамраев. Он в форменной шинели и в мундире старшего следователя Прокуратуры. На заднем сиденье спит Борис Градус — судебно-медицинский эксперт-патологоанатом. Градус — пожилой, широкий в плечах, с большой лысой головой.

Похоронная процессия вползает в ворота кладбища. У ворот — две нищенки. Грузовик-катафалк направляется по одной заснеженной дорожке вглубь кладбища, к свежеекопанной могиле, где лениво покуривают трое рабочих. Машина Шамраева — по другой, к небольшому и неказистому домику — бывшей кладбищенской церкви. Вокруг — тесная суতোлка могил с крестами и заснеженными венками.

Навстречу машине Шамраева из боковой кладбищенской дорожки, взрывая колесами свежий снег, мчится к воротам кладбища желтая «лада». В «ладе» красивая сорокалетняя женщина с распущенными рыжими волосами, в дорогой лисьей шубе.

Водитель останавливает машину у двери бывшей церкви. Шамраев, выйдя из машины, видит, как «лада» притормозила в воротах, женская рука в лисьем рукаве высунулась из кабины и подала что-то нищенкам. Нищенки усердно кланяются и крестятся.

Шамраев взглянул на ту боковую дорожку, откуда выехала «лада». Там среди старых могил — свежий холм с пышными венками: «Генералу Цвигуну от КГБ СССР», «С. Цвигуну от ЦК КПСС» и т. п. Эти венки и надписи присыпаны снегом, но поверх снега лежит букет свежих роз.

Повернувшись опять к воротам, Шамраев видит, как «лада», буксуя, выкатывается из ворот. На засыпанном снегом номерном знаке машины видны только две первые буквы «МК».

Шамраев взшел на крыльцо бывшей церквушки под надпись «Дирекция кладбища».

Приемная и кабинет директора кладбища. В небольшой, освещенной электрической лампочкой приемной, на колченогих стульях сидит под дверью с табличкой «Директор тов. А. Доплатов» небольшая очередь бедно одетых пожилых людей. Слева от двери — стол, за ним над пишущей машинкой сидит перепоясанная крест-накрест шерстяным платком молоденькая секретарша, печатает что-то на машинке. У ног ее светится раскаленный красной спиралью электрообогреватель.

Шамраев, не обращая внимания на очередь, пересекает приемную, открывает дверь директорского кабинета.

Секретарша запоздало вскакивает.  
**Секретарша.** Вы куда? Он занят!

Шамраев уже закрыл за собой дверь директорского кабинета. В кабинете за старинным письменным столом сидит, развалившись в кресле, молодой, румянощекий, спортивного сложения высокий мужчина — директор кладбища. Перед ним стоит в просительной позе аккуратная, в потертой кроличьей шубке, интеллигентного вида старушка.

**Директор кладбища.** Если ваша сестра жила в Ленинграде, а здесь была только в гостях, то и везите ее в Ленинград хоронить. У нас для москвичей мест не хватает.

**Старушка.** Но у нее муж тут похоронен. Он в сорок первом Москву защищал...

**Директор кладбища.** Меня это не касается! Идите, мамаша!

**Старушка** (роясь в потертой сумочке). Я вас отблагодарю...

**Директор кладбища** (резко и недовольно поворачивается к стоящему в дверях Шамраеву). В чем дело? Я занят!

Шамраев молча подходит к его столу, кладет перед директором свое красное удостоверение с золотым тиснением «Прокуратура СССР». Директор поспешно вскакивает.  
**Директор кладбища** (угодливо, Шамраеву). Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста, чем могу служить? (Старушке, сквозь зубы.) Мамаша, идите! Потом зайдите...

**Шамраев** (властно). Мне нужны трое рабочих, чтобы откопать гроб с генералом Цвигуном для следственного осмотра. Со мной эксперт-патологоанатом из Института криминалистики. (Старушке.) Гражданка, задержитесь. Ваша сестра получит место на этом



кладбище, но и вы мне поможете — будете понятой при осмотре трупа.

Ваганьковское кладбище (продолжение).

Правительственные венки с надписями «От КГБ СССР», «От ЦК КПСС» и т. п. лежали горкой на снегу. Рядом высится холм свежеврытой мерзлой земли. На этой земле рабочие кладбища установили поднятый из могилы гроб и топориком поддели прибитую двумя гвоздями крышку гроба.

Цвигун лежит в гробу, как свежемороженый — даже выражение надменности не сошло с его полного, одутловатого лица.

Две понятия — старушки, — притопывая валенками на снегу, перекрестились.

Эксперт-патологоанатом Борис Градус достал из своего портфеля бутылку медицинского спирта, отпил из горлышка большой глоток и протянул Шамраеву.

Градус. Будешь?

Шамраев отрицательно покачал головой. Зато трое рабочих оживились, впились в бутылку глазами. Градус передает им бутылку, и они тут же садятся на какую-то соседнюю могилу, достают из карманов своих телогреек граненые стаканы и завернутые в газетные обрывки два яблока и соленый огурец.

Тем временем Градус уже вытащил из своего портфеля скальпель, хирургические ножницы и прочий инструмент.

Градус. Ну, ладно, с Богом!

При всей массивности его фигуры, движения рук Градуса, когда он приступил к работе, стали мягкими, точными и аккуратными. Он осторожно оторвал приклеенную к виску Цвигуна наволочку подушки и обнажил круглую рану от пистолетного выстрела.

Градус. Выстрел сделан с близкого расстояния, миллиметров шесть-семь, не больше...

Шамраев вынимает из целлофанового пакета пулю, подает Градусу.

Градус, держа пулю за донышко, прикладывает ее к пулевому отверстию. Видно, что пуля точно соответствует этому отверстию.

Градус. Подходит... (Приподнимает голову.) Выходного отверстия нет, поэтому череп вскрывали, чтоб достать пулю, видишь?

На шею покойника виден надрез и три стежка суровых ниток, которыми кожа головы прикреплена к шее покойника. Градус одним точным движением скальпеля перерезает эти нитки, затем сильными пальцами поддевает скальп и заворачивает его Цвигуну на лицо. Обнажается распиленный медицинским вскрытием череп.

Две старушки-понятые в ужасе отворачиваются.

Рабочие, сидя рядом, равнодушно косятся на череп и распивают спирт.

Градус подставил под голову мертвеца плоское хирургическое блюдо и аккуратно, как крышку с кастрюли, снимает отпиленную верхнюю часть черепа. Замерзший, продырявленный пулей мраморно-серый мозг с красными прожилками капиллярных сосудов вываливается на хирургическое блюдо, гулко звякнув.

Градус (осматривая мозг). Покойник пил и курил изрядно... Но ни одного кровоизлияния за всю жизнь. Отличные мозги! Пулевой канал — десять сантиметров... пошли дальше...

И чтоб не тратить время, тем же скальпелем разрезает на покойнике генеральский мундир, беглым взглядом осматривает толстое голое тело.

Градус. Других ранений нет... хотя... (Заинтересованно наклоняется к трупу.) Ну-ка, помоги мне его перевернуть!

Градус и Шамраев переворачивают труп спиной вверх.

Градус (оживленно, победно). Ага! Смотри сюда! Это то, что тебе нужно! Синяки на локтях!

Действительно, на локтях покойника — синие пятна.

Градус. Ясно? Его держали за руки и, как видишь, крепко держали. Конечно, может быть, это было и не в день смерти, а, скажем, накануне ночью — жена или... Эта баба, которая сегодня цветы принесла. Но вряд ли, хватка не женская... А в акте медицинского осмотра об этих синяках есть что-нибудь?

Шамраев отрицательно качает головой.

Градус складывает в портфель свои инструменты.

Один из рабочих подходит к Шамраеву и Градусу.

Рабочий (флегматично). Всё что ли?

Градус. Всё, закончили, можете зарывать.

Рабочий. Надо бы это... гм! Червонец, на бутылку...

Градус. Я ж вам только что дал спирт.

Рабочий. Так это ж за то, что отрывали, а теперь зарывать.

Квартира вдовы Цвигуна. Утро.

Двадцатилетний Цвигун весело смотрит с пожелтевшей фотографии. Рядом — юная, с короткой стрижкой на манер тридцатых годов, невеста.

Голос вдовы Цвигуна. Это наша свадебная фотография, 39-й год. Мы были сельскими учителями, а в 39-м по призыву партии пошли на работу в КГБ.

Семейные фотографии: двадцатилетний сельский учитель Цвигун на крыльце школы-избы в окружении учеников в лаптях... Молодой Цвигун с женой в форме лейтенантов КГБ... Чета Цвигунов с четой Брежневых на пляже в 40-м году — молодой чернобровый Брежнев в длинных сатиновых трусах и в таких же трусах Цвигун стоят в обнимку со своими юными женами в купальниках.

**Вдова Цвигуна.** А это Леня Брежнев и моя сестра Вика (горестно вздыхает). Да... столько лет дружили, мой-то Брежневу сорок лет служил, Брежнев был за ним, как за каменной стеной...

Фотография времен войны — майор Цвигун и его жена — лейтенант в окружении офицеров и солдат КГБ...

Современная — групповой портрет всей семьи Брежнева и супругов Цвигун на правительственной даче.

**Вдова Цвигуна (продолжая).** Это год назад, на даче, вся наша семья — брат Брежнева Яков, дочка Галя, сын Юрий, внуки... А теперь ... ни Брежнев, ни Вика, никто даже на похороны не пришел, даже некролог не подписали! Знать их теперь не хочу!

Выше семейных фотографий висят красочные рекламные плакаты кинофильмов «Фронт без флангов» и «Фронт за линией фронта». Шамраев вопросительно смотрит на вдову Цвигуна, старушка объясняет.

**Вдова Цвигуна.** Вы, наверно, видели эти фильмы. Только не знаете, что сделаны они по книгам моего мужа, по его мемуарам. Мы с ним во время войны командовали партизанским отрядом. (Берет с письменного стола книгу «Невидимая война».) А вот наша третья книга, сейчас на киностудии «Мосфильм» начали делать по ней кино. Но вчера мне звонил режиссер: директор студии остановил съемки. Негодяй! У моего мужа учился, Семен его генералом милиции сделал...

Громкие голоса двух канареек перебили ее. Вдова Цвигуна подходит к стоящей у окна клетке с канарейками. За окном — замерзшая набережная Москвы-реки в центре Москвы (Котельническая набережная). Подростки на санках скатываются с набережной на лед реки. По улице катят троллейбус и машины.

**Вдова Цвигуна (канарейкам).** Тихо! Тихо! (Шамраеву.) Нервничают. Отвыкли от людей. У меня ведь почти никто не бывает. Семен появлялся раз в неделю и — всё. Перед вами-то нечего скрывать, вы уже знаете, что у него еще вторая квартира была — там, на Качалова. А может, и еще где третья... там он в карты играл или даже женщины у него были, все-таки он ведь сов-

сем не старый был, всего 64! Это я в мои 62 — старуха. А он ... но для меня — раз его нет дома, значит он на работе и всё. Тем паче, что тут каждый день такие события — то Афганистан, то Польша, то диссиденты, то Сахаров — нет покоя. Ведь в КГБ все на нем держалось, он перед Брежневым за все отвечал. Вот и ходил нервный. Одно спасенье, что толстый. Он худеть не хотел, сколько раз говорил: худому на такой работе: никогда не выдержать. Вот Дзержинский (кивает на портрет Дзержинского) был худой и поэтому молодым умер. А Цвигун все-таки в КГБ почти всю жизнь, больше сорока лет...

Под болтовню вдовы Цвигуна Шамраев внимательно осматривает квартиру. Она — полная противоположность роскошной квартире на Качалова: старая, сороковых годов, мебель, кресла и диван с вытертыми сиденьями, на письменном столе — допотопная пишущая машинка «ундервуд» и стопка бумаги с отпечатанным текстом. Лист бумаги вставлен в машинку, на нем напечатано несколько строк.

**Шамраев** (подходя к письменному столу и словно невзначай заглядывая в отпечатанный текст). Значит, он неделями не бывал дома. А когда вы видели его в последний раз?

**Вдова Цвигуна.** А как раз девятнадцатого и видела. До этого его не было четыре дня. А в ту ночь он дома ночевал. Ну, то есть, тут, у меня. Усталый был, как всегда, но вечером мы еще поработали над его книгой. Я, знаете, пишу, а он читает, исправляет. А утром я ему завтрак приготовила, и он все поел с аппетитом и поехал на работу... (Издали, из кухни слышен свист чайника.) Пойдемте на кухню...

Вслед за старушкой Шамраев проходит на кухню. Здесь та же бедность или, скорее аскетичность. Старушка снимает с плиты вскипевший чайник, наливает чай в стаканы и ставит на кухонный столик плетеную соломенную корзинку с бубликами, сахарницу.

**Шамраев.** И он вам ничего не сказал перед уходом? Я имею в виду — ничего особенного не сказал, необычного?

**Вдова Цвигуна.** Нет. Ничего.

**Шамраев** (сядая за кухонный столик). Выходит, он ушел из дома спокойный, как обычно. А через несколько часов покончил жизнь самоубийством. Вам это не кажется странным? Все-таки очень страшно на такое решиться. Особенно в его годы...

**Вдова Цвигуна** (жестко усмехнувшись). Дорогой мой! Страшное у них там каждый день. То в Афганистане бывали президент Амин не дался живым нашим десантникам



и вся акция по мирной оккупации Афганистана сорвалась... то Шевченко в Америке сбежал и всю нашу агентуру выдал, то Израиль арабов бьет. А кто виноват? Цвигун! Не обеспечил арабов разведывательными данными...

**Шамраев** (отпивая чай). Ваш муж похоронен в парадном мундире. А в день смерти он был в шинели и в костюме. В морге мне сказали, что эту шинель и костюм они отдали вам. Я хотел бы их получить.

**Вдова Цвигуна.** Я их сожгла.

Шамраев удивленно смотрит на старушку. **Вдова Цвигуна** (усмехаясь). Если не верите, можете сделать обыск. Вас же должны интересоваться личные вещи моего мужа — его записные книжки например. Только вы поздно пришли. Всё уже забрали до вас...

**Шамраев.** Кто?

**Вдова Цвигуна.** КГБ и милиция: Курбанов, Краснов и ваш коллега из Прокуратуры, Бакланов, кажется, его фамилия. Сказали, что все бумаги Цвигуна являются государственной тайной, и забрали. Даже магнитофонные кассеты. Идиоты, конечно. Цвигун дома ничего секретного в жизни не держал.

**Шамраев.** А зачем вы сожгли костюм и шинель?

**Вдова Цвигуна** (с открытой враждебностью). Потому что я вашему следствию не хочу помогать. Оно уже не нужно ни мне, ни моему покойному мужу. Оно нужно Брежневу. Он, я ведь знаю, хочет, чтобы ты доказал, что Цвигуна убили Суслов и вся сусловская компания — Андропов, Кириленко, Гришин. Тогда на следующем заседании Политбюро — 4 февраля он одним ударом выгонит их из Политбюро и останется у власти без конкурентов. Я ведь его сорок лет знаю — он любую ситуацию может повернуть в свою пользу, даже смерть своего шурина! Но если он даже на похороны не пришел! Если не разрешил хоронить мужа на правительственном кладбище, а отправил черт-те куда, как плебея, и даже фильм по его книге остановили — нет! Нет шинели и нет пиджака! Сгорели!

**Шамраев.** А были на них следы борьбы? Например, трещины? Лопнувшие швы? Порывы?

**Вдова Цвигуна** (с вызовом). Я не видела.

**Шамраев** (вставая). Такая старая чекистка, как вы, не могли не видеть. Что ж, до свиданья...

Шамраев выходит в прихожую, надевает свою форменную шинель и говорит вышедшей вдове Цвигуна.

**Шамраев.** Я уверен, что вы просто сводите счеты с живым за счет покойника. Или мстите ему за что-то. А жаль.

Петровка, 38. Здание Управления милиции. То же утро.

Петровка, 38 — знаменитый на всю страну адрес: в огромном желтом, в виде квадратной скобки, здании, обнесенном узорной чугунной оградой, расположено Московское Управление милиции и уголовный розыск. Здание занимает целый квартал, но на Петровку смотрит только его фасад, а в тылу, во дворе, есть еще внутренняя следственная тюрьма, гараж и другие постройки. Рядом с воротами — служебная проходная из кирпича. Сегодня ворота то и дело открываются настежь, «черные вороны» (крытые грузовики для перевозки арестантов) привозят и увозят арестованных по операции «Каскад». И у подъездов здания оживление — арестованных сгружают из грузовиков, конвойные покрикивают на них торопя, снег всюду вытоптан милицейскими сапогами. Из подъезда в подъезд то и дело пробегают озабоченные офицеры милиции. Густой снегопад тут же порошит снегом их мундиры.

Черная «волга» Шамраева прокатила вдоль узорной чугунной ограды, остановилась у проходной. Шамраев вышел из машины и, глядя на сутолоку во дворе Управления, протянул свое удостоверение дежурному капитану милиции (капитан в меховом полушубке с брезентовым верхом, перепоясан ремнями, на ногах валенки).

Капитан, улыбнувшись Шамраеву, как старому знакомому, шутливо отдал честь.

**Капитан.** Привет Прокуратуре. Ну и погода, а?!

**Шамраев** (кивнув на сутолоку во дворе). Что у вас? Аврал?

**Капитан.** А как же! Мы же не евреи — и по субботам работаем. Операция «Каскад».

**Шамраев.** А где следователь Бакланов сидит — не знаешь?

**Капитан.** На втором этаже.

Капитан ушел к воротам выпускать очередной «черный ворон». Внутри Управления, в коридорах — тоже толчея, нервозность — конвоиры ведут на допросы в следственные кабинеты группы арестованных, такие же группы сидят и стоят в ожидании допросов, курят у открытых, но зарешеченных окон. Спешно пробегают по коридору озабоченные следователи и офицеры милиции, и от этой нервозности злобно ворчат и взлаивают служебные собаки охраны.

Шамраев идет по коридору, глядя на арестованных. Это не обычные уголовники и не мелкое жулье в серой арестантской одежде, это вчерашние короли и тузы советской экономики, начальники, управляющие, директора и крупные чиновники — все в пыжиковых или норковых шапках, в дублен-

ках, шубах или хороших модных пальто — не в пример обычному советскому человеку, который ездит в метро или ходит пешком по улицам. Еще вальяжные, еще не потерявшие выражения властности на лицах. Среди этих арестованных мелькают знакомые лица тех, кто летел с Шамраевым в одном самолете из Адлера — майор Морозов, Симонян, Бараташвили... На ходу, у какого-то пробежавшего следователя Шамраев спросил, где кабинет Бакланова, тот показал рукой и побежал дальше.

Шамраев без стука открыл эту дверь. В кабинете — типично следственном, без всяких особых примет — сидит за столом Николай Бакланов — высокий, худощавый, пятидесятилетний, в таком же, как у Шамраева, мундире старшего следователя Прокуратуры, с крепким худым лицом. Он курит и ведет протокол допроса. Напротив него сидит арестованный. В отличие от всех, кого видел сейчас в коридоре Шамраев, этот «зэк» — стриженный наголо 35-летний грузин с большими темными глазами на осунувшемся лице, в арестантской стеганой телогрейке, холщовых полосатых арестантских штанах и в сбитых кирзовых ботинках.

Увидев Шамраева, Бакланов чуть вздрогнул, нахмурился, коротким поспешным жестом прикрыл какой-то папкой протокол допроса.

Бакланов (Шамраеву). Ты что — по субботам тоже работаешь?

Бакланов нажал кнопку под крышкой стола.

Шамраев. Я помешал?

Бакланов. В принципе, да. Но заходи, ты мне нужен.

В двери возник конвоир.

Бакланов (конвоиру, кивнув на заключенного). Уведите. И ко мне — никого!

Конвоир увел заключенного грузина. Бакланов и Шамраев остались в кабинете одни. Бакланов. Садись. Я слышал — ты получил новое дело. Ну и как идет?

Шамраев (стоя, пожав плечами). Раскачиваюсь. Слушай, ты проводил обыск у вдовы Цвигуна. Мне нужны его записные книжки, которые вы изъяли.

Бакланов (сухо). Обыск проводил не я, а КГБ. Спрашивай у них...

Телефонный звонок прерывает его, Бакланов берет телефонную трубку.

Бакланов (в трубку, служебно). Слушаю, Бакланов... (Меняет тон.) Доброе утро, Надежда Павловна... гм... (Косится на Шамраева.) Я поднимусь к вам минут через десять. Поздно будет? Но сейчас я не могу, у меня Шамраев... (Слушает довольно долго.) Понял. Постараюсь... (кладет трубку.)

Шамраев (кивнув на телефонный аппарат). Это Маленина? Она тоже здесь? У вас прямо ленинский субботник!

Бакланов встает из-за стола, вставляет в мундштук новую сигарету, закуривает. Обходит письменный стол и садится на его край. Бакланов. Игорь, я хочу тебе кое-что сказать. Конечно, лучше бы это сделать в пивной, но времени нет. Слушай, дело, которое тебе всучили, — не для тебя. Подожди, не обижайся. Просто ты зря будешь надрываться, но как раз этого тебе лучше не делать, поверь.

Шамраев. Почему?

Бакланов. Старик, я не могу тебя во все посвящать. Просто мы старые друзья, и я к тебе хорошо отношусь, ты же знаешь. И я тебя по дружбе прошу — возьми справку у врача, что ты болен, и свали с этого дела. Хотя бы на неделю. Поезжай в санаторий, я тебя устрою в любой, в самый лучший. Возьми с собой твою девочку, хоть трех. А через пару недель все изменится, поверь...

Шамраев. Ты что имеешь в виду? Очередное заседание Политбюро 4 февраля?

Бакланов (хмыкнув). Это ты сказал, не я. Где, когда и что изменится — я тебе не скажу. Но посмотри в будущее. Через две недели или через полгода — но рано или поздно старая гвардия освободит места. И если ты сейчас не будешь вгрызаться в это дело, а проведешь его так ... ну, не мне тебя учить... потом, когда все изменится, нам такие, как ты, будут очень нужны.

Шамраев (насмешливо). «Нам»? Ты что — в министры метишь?

Бакланов (огорченно). Чудак; Я с тобой подружески, а ты...

Шамраев. По-дружески — что? Просишь меня замять... убийство?

Бакланов пристально смотрит ему в глаза. Это длится долго — в полной тишине. За окном по-прежнему сыплет снег.

Резко запахивается дверь, в двери возникает лицо молоденькой женщины в темно-синей форме следователя милиции.

Женщина (Бакланову). Товарищ Бакланов! Прикажите Годунову отдать мне магнитофон! Два часа держит! Невозможно работать — один магнитофон на трех следователей!

Бакланов (сухо, сквозь зубы). Хорошо, я прикажу. Закройте дверь.

Женщина исчезает, закрыв дверь.

Бакланов встает с края письменного стола, обходит его, садится на свой стул и говорит устало, не глядя на Шамраева, листая деловые бумаги.

Бакланов. Ну вот что... считай, что этого разговора у нас не было.

Шамраев, пожав плечами, повернулся к двери, чтобы уйти.

**Бакланов.** Но имей в виду. Если наши дороги сойдутся...

**Шамраев** (повернувшись к Бакланову). То что?

Бакланов смотрит ему в глаза и улыбается, затагиваясь сигаретой.

**Бакланов.** Там будет видно... Извини, я должен работать.

Столовая в том же здании Управления милиции.

Служебно-розыскная овчарка — огромный черно-серый кобель — на легу хватает куски шницеля, глотает и преданно смотрит в глаза своему хозяину — молодому краснолицему старшине милиции. Тот, обедая за столиком со своими коллегами, бросает собаке новый кусок. Кто-то из милиционеров за соседним столиком тоже отламывает кусок от своего шницеля и бросает собаке. Но мясо падает рядом с собакой — пес не обращает на него никакого внимания.

**Милиционер, бросивший шницель (собаке).** Киссинжер! Возьми мясо!

Пес грозно рычит на него.

Хозяин собаки хохочет.

**Хозяин собаки.** Правильно, Киссинжер, у чужих нельзя брать...

Шамраев сидит неподалеку. Перед ним на столике стакан чая и бутерброд. В столовой полно народу — офицеры милиции, оперативные работники, следователи. Шумно, накурено, топот сапог, очередь у буфетной стойки и стойки раздачи горячих блюд.

Мимо столика Шамраева с подносом в руках проходит Светлов. На подносе тарелка с борщом, шницель, чай, хлеб.

**Светлов** (увидев Шамраева, обрадованно). Привет! (Ставит на столик поднос и, перехватив удивленный взгляд Шамраева, поясняет.) После такой ночи аппетит зверский! Девочка — сказка! (Садится.) Ну, как дела? Чё надбыл с утра? (С аппетитом ест борщ.)

**Шамраев** (негромко). На локтях у покойного — синяки.

Светлов перестает есть, в упор смотрит Шамраеву в глаза.

**Светлов** (после паузы, задумчиво). Та-ак... Дальше в лес — больше дров... Кажется, я тебе накаркал... между прочим, я разговаривал с Малениной. Закинул удочку — мол, Прокуратура просит перебросить меня с отделом в твоё распоряжение. Знаешь, что она сказала?

Шамраев молчит, ждет.

**Светлов** (усмехнувшись, принимается за еду). «После четвертого февраля!»

**Шамраев.** Ты же сказал, не полезешь в это дело. Жена, дети.

**Светлов.** У тебя тоже сын. И — Ниночка. Женись, старик. Лучше не найдешь. А насчет меня — поговори сам с Малениной. У тебя ведь с ней когда-то роман намечался, а? По-моему, она и сейчас к тебе неровно дышит. А она теперь большой человек — вот-вот генерала получит.

К их столику подходит один из помощников Светлова — следователь Валентин Пшеничный. Это молодой, высокий, голубоглазый блондин, похож не то на русского поэта Блока, не то на композитора Рахманинова. В руках у него — поднос с едой. Заметно, что во время ходьбы он слегка волочит левую ногу.

**Пшеничный** (Шамраеву). Здравствуйте. Можно к вам? Я не помешаю?

**Светлов.** Садись, садись. Как, Валентин, пойдём к Шамраеву в бригаду? А то мы совсем в милиционеров превратились — подпольных миллионеров по списку сажаем — скучища, никакого азарта.

Взрыв хохота за соседним столиком не дал Пшеничному ответить. Шамраев, Пшеничный и Светлов повернулись на эти голоса.

За соседним столиком шестеро сержантов и старшин милиции. Один вдохновенно рассказывает.

**Рассказчик.** Тихо! Это не всё! Сунули под форточку микрофон и слышат — там е...я идет полным ходом. Аж кровать стонет. И баба свиричит: «Еще! Еще!» А приказа взламывать дверь все нет и нет. Сорок минут ждали и все слушали эту кадрили. А когда пришла команда вломиться в хату, старшина по радио докладывает: «Товарищ полковник! Приказ выполнить не могу, вся бригада в штаны кончила!»

Пятый этаж Управления милиции.

На лестничной площадке четвертого этажа Шамраев простился со Светловым и Пшеничным и поднялся пешком на пятый этаж.

В отличие от нижних этажей — здесь полная тишина, в коридоре — красная ковровая дорожка, стены в панелях и двери кабинетов обиты тисненым кожзаменителем. Коридор длинный, в простенках меж окон стоят стеклянные шкафы, в этих шкафах выставлены экспонаты Уголовного розыска — изъяты при арестах редкое оружие: сампалы, обрезы, самодельные финские ножи, взрывные устройства самой разной конструкции, отмычки к сейфам и т. п.

Шамраев дошел до конца коридора, свернул за угол — коридор продолжался такой же красной ковровой дорожкой. И сразу за по-

воротом Шамраев услышал громкий грудной женский голос.

**Голос Малениной.** Какого хера пропала слышимость?! Гуревич, я тебе яйца поотрываю, по одному! Включай звук! Немедленно!

Голос шел из дальней полуоткрытой двери.

Шамраев, ступая по мягкой ковровой дорожке, приблизился к этой двери.

За дверью находился один из Залов Скрытого Наблюдения — здесь на большом пульте смонтированы экраны скрытого теленаблюдения, установки магнитофонной записи, мониторы видеозаписи, микрофоны и т. п. Спина к двери, у пульта стоит полковник милиции Надежда Маленина — 38-летняя блондинка с прекрасной фигурой бывшего мастера спорта по гимнастике. Голубой мундир полковника и чуть укороченная форменная юбка только подчеркивают стройность ее фигуры и ног. Рядом с ней стоит генерал Краснов — невысокий, 50-летний, с палкой в руке. Оба они чуть пригнулись к экранам на пульте, которыми управляют два сидящих за пультом техника.

На экранах пульта видны интерьеры Большого театра СССР — заполняющиеся публикой (в основном детьми), фойе театра, кафе с очередью за конфетами и пирожными, кулисы сцены, где на фоне еще закрытого занавеса разминаются балерины и идут последние приготовления к опере «Русалка». Но не эти экраны интересовали Маленину и Краснова. А тот экран, на котором видна маленькая грим-уборная одного из солистов театра — Бориса Бурятского. Там высокий, красивый, с большими темными цыганскими глазами, 37-летний, в царских одеждах и с большим бриллиантовым крестом на груди, солист театра Борис Бурятский гримируется перед зеркалом и одновременно разговаривает с полной, чернобровой женщиной в джинсах и черном свитере — Галиной Брежневой. Но разговора их не слышно, и Маленина вышла из себя.

**Маленина** (в микрофон на пульте, холодно, сквозь зубы). Гуревич! Если сию секунду не будет звука, разжалую к едреной матери! **Мужской голос по радио** (поспешно). Уже есть, товарищ полковник!

И действительно, на телеэкране лица Бурятского и Галины Брежневой «озвучились» их голосами.

**Галина Брежнева** (в грим-уборной, Бурятскому). Папа об этом слышать не хочет...

**Маленина** (в зале). О чем — об этом?! Ну, Гуревич! (Краснову.) Будем гнать жидов из милиции, товарищ Краснов, будем гнать!

**Бурятский** (в грим-уборной, Гале Брежне-

вой). То ты говорила, что Цвигун об этом слышать не хочет. А теперь, когда Цвигуна нет, — папа об этом слышать не хочет. А Гиви — мой друг детства! Я не могу тут петь, когда мой друг сидит в тюрьме! Ты понимаешь?

**Галя Брежнева** (чуть не плача). Но что я могу сделать, Боря?!

**Бурятский** (жестко). Я не знаю. Твой папа — глава государства, твой муж — первый заместитель министра милиции, а ты не можешь моего друга вытащить из тюрьмы? Еще когда был Цвигун, я понимал, Цвигун его посадил из-за этой истории с Кулаковым, который хотел сбросить твоего отца, и из-за этих идиотских пленок... (Маленина и Краснов переглянулись). ...Но Цвигуна уже нет! Нету! (Бурятский по-театральному широко развел руками.)

Длинный театральный звонок прервал эту беседу. На всех экранах видно, как зрители из вестибюля и из буфета устремились в зал, а на сцене актеры выстраиваются в мизансцену. В грим-уборной Бурятский набросил на плечи соболиную мантию и «попробовал голос» — громко пропел несколько нот. Галя Брежнева подошла к нему вплотную, стала алмазной застежкой застегивать у него на груди соболиную мантию.

**Галя Брежнева** (пробует обнять его). Боже, как я хочу тебя! После спектакля приедешь ко мне?

**Бурятский** (отстраняясь). Если там будет сидеть и пить чай мой свободный друг Гиви Мингадзе!

**Галя Брежнева** (с неожиданной злостью, швыряя на пол стул). Ну хорошо, хорошо! Поезжай в цирк, найди там Ирку Бугримову и забери у нее мои бриллианты! Всё! И я выкуплю твоего Гиви! Я знаю, кому их дать! Маленина (в зале, Краснову). Интересно, кому? Ведь кому-то из наших...

**Бурятский** (в грим-уборной подходит к Гале). Вот это другое дело. (Обнимает ее и целует, она страстно прижимается к нему.)

Маленина, неотрывно глядя на эти объятия, начинает шумно дышать, крылья ее носа чуть подрагивают, руки с силой впииваются в спинку стула, на котором сидит техник.

Второй театральный звонок прерывает объятия Бурятского и Гали Брежневой. Оба, задохнувшись от поцелуя, вздыхают, и вместе с ними освобожденно вздыхает Маленина.

— Бурятский поправляет на себе мантию и, снова пробуя голос, выходит из грим-уборной.

Галина Брежнева смотрит ему вслед, за-

тем, рыдая, садится в кресло перед зеркалом, долго смотрит на себя и в сердцах говорит сама себе.

**Галина Брежнева.** Дура! Старая дура!..

**Маленина** (в зале). Это уж точно. (Технику.)

Все записано на пленку?

**Техник.** Так точно, Надежда Павловна.

**Маленина** (Краснову). Пошли, товарищ генерал. Есть одна идеяка...

Шамраев поспешно отходит от двери шагов на двадцать, останавливается у окна, закуривает.

**Маленина** и **Краснов** выходят из зала.

**Маленина** (на ходу, Краснову). То-то у нее в квартире нет драгоценностей! Поди услышала про «Каскад» и оттащила к подругам...

Увидев Шамраева, осекается на полуслове.

Шамраев идет по коридору им навстречу, делая вид, что читает таблички на дверях.

**Маленина** (удивленно). Игорь?! (Оглядывается за дверь зала.)

**Краснов** (Шамраеву, сухо). Как вы сюда попали?

**Шамраев** Здравствуйте. Я, собственно, к полковнику Малениной.

**Маленина.** И давно ты здесь?

**Шамраев.** Да вот иду тебя. Говорят, у тебя тут теперь свой кабинет...

Генерал **Краснов**, чуть прихрамывая и опираясь на палку, холодно проходит мимо Шамраева, а **Маленина**, наоборот, подходит к Шамраеву вплотную, обнимает его за талию.

**Маленина.** А действительно, пойдём ко мне. Сто лет тебя не видела! Говорят, ты где-то на юге отдыхал. Везет же людям!..

Обняв Шамраева за талию, **Маленина** уходит его подальше от открытой двери зала, в конце коридора. Ключом отпирает дверь без таблички.

**Маленина.** Прошу! Проходи!

Шамраев с любопытством оглядывает роскошный кабинет, а точнее — приемную кабинета, отделанную карельской березой, с мягкой мебелью и бюро для секретаря. А **Маленина** проходит через приемную к двери кабинета, открывает ее, зовет Шамраева.

**Маленина** (усмехаясь и наслаждаясь эффектом). Это еще не всё. Сюда, сюда!

Следом за ней Шамраев входит в кабинет. Кабинет под стать министерскому: огромные окна выходят на заснеженную Москву, прекрасный письменный стол с селектором и красным телефоном, над ним, на стене, в оконном простенке — портрет Дзержинского. На потолке хрустальная люстра, у стен два импортных кожаных дивана, бар, и на полу — персидский ковер. **Маленина** гостеприимно показывает Шамраеву на диван, он садится, а она подходит к бару, открывает,

вынимает французский коньяк «Наполеон» и наливает в бокал из тонкого темного стекла. Подносит бокал Шамраеву, возвращается к бару и наливает коньяк во второй бокал, поднимает его.

**Маленина.** За встречу, Игорь! Ты — единственный мужик, с кем я не трахнулась, хотя очень хотела когда-то! Я постарела, а? Будь!

Залпом выпивает свой бокал и смотрит, как Шамраев чуть пригубил из своего бокала, смакуя коньяк.

**Маленина** (огорченно качает головой, с улыбкой). Не наш человек, сразу видно.

Она наливает себе еще, расстегивает китель и с бокалом в руке подсаживается к Шамраеву на диван, совсем вплотную.

**Маленина.** Ты что — не мужик? Выпить не можешь? Такая баба возле тебя сидит!

Шамраев с улыбкой смотрит на нее, разглядывает — ее шею без единой морщинки, высокую грудь под форменной офицерской рубашкой. **Маленина** перехватывает этот взгляд и усмехается довольно.

**Маленина.** А ноги какие?! Ты глянть!

Бесцеремонно задирает и без того не по форме укороченную серую офицерскую юбку, вытягивает ногу в хромовом сапожке.

**Маленина** (гордо). А? Годится? Давай еще выпьем! Только ты до дна пей, залпом! Я тебе честно скажу — я на взводе сейчас. Мы сейчас вели одну шалаву — ну, знаешь, есть такая американская телевизионная аппаратура — все можно видеть, что у тебя в спальне делается. И они там так целовались — я завелась ужасно! Так что пользуйся моментом, старик!

**Маленина** берет руку Шамраева и кладет себе на грудь, а сама смотрит ему в глаза озорно, вызывающе.

**Шамраев.** Слушай, я к тебе по делу...

**Маленина** (искренне возмущившись). Вот ... твою мать! А баба — это, по-твоему, не дело?! Давай! Не с генералом же Красновым мне трахаться!

**Маленина** одним порывистым движением снимает с себя серый офицерский галстук и расстегивает свою форменную офицерскую рубашку. Роскошная белая грудь с возбужденно налитыми торчащими вишневыми сосками открылась, как говорится, взору Шамраева.

**Маленина** (гордо). А?! Годится еще? А талия какая! Смотри... давай еще выпьем.

**Шамраев.** Слушай, сюда же могут зайти...

**Маленина.** Ко мне — без доклада? Я им зайду! Я им яйца поотрываю!.. (Расстегивает Шамраеву ширинку на брюках.)

...За окном шел снег. **Маленина** — голая, обессиленная, с закрытыми глазами — лежит на диване, в вялой руке американ-



ская сигарета «Мальборо». Не открывая глаз, Маленина медленно подносит сигарету к губам и затягивается долго, глубоко. Возле дивана, на ковре валяется ее полковничья форма — китель, галстук, рубашка, сапоги.

Шамраев, стоя неподалеку, одевается, допивает коньяк из рюмки, закуривает.

Маленина (не открывая глаз): Возьми мои сигареты, американские. Ну и злой ты мужик! Забучий! До печенки продрал! (Вздыхает.) Что с вами делать?

Шамраев. С кем — с вами?

Маленина. Ну, к тебе это не относится. Ты свой парень. У тебя даже член не обрезан, хотя кто у тебя евреи — отец или мать?

Шамраев. Отец... А что?

Маленина (открывая глаза). Ты ведь знаешь, что я — антисемитка, правда? Скажи: приятно драить антисемитку, а? Может, оттого ты такой зло...учий?..

Шамраев (усмехаясь). Ну... может быть...

Маленина встает с дивана, крепкими красивыми босыми ногами переступает через свою полковничью форму и, совершенно голая, идет по ковру к высокому окну, останавливается там под портретом Дзержинского на фоне падающего за окном снега и заснеженной Москвы. Рядом с ней — край письменного стола с селектором и красным правительственным телефоном.

Шамраев невольно разглядывает издали эту картину — голая, с прекрасной фигурой, с распущенной по спине рыжеватой косой Маленина в металлической раме холодного окна, под портретом Дзержинского, на фоне заснеженной Москвы.

Голос Шамраева. Знаешь, если бы я был художник, я бы тебя так нарисовал и назвал эту картину коротко и просто — «Милиция никогда не спит».

Маленина поворачивается к нему.

Маленина (сухо). Так по какому делу ты пришел?

Шамраев с бокалом в руке подходит к ней вплотную.

Шамраев (мягко). Надя, уступи мне Светлова.

Маленина (отрицательно покачав головой). Послушай, тебе же сказал Бакланов — брось это дело, не суйся. А теперь я тебя, как баба, прошу: возьми свою циркачку и свали с ней куда-нибудь дней на десять. А? (Смотрит ему в глаза почти умоляюще.) Ну зачем тебе копать, отчего застрелился Цвигун? Ну, застрелился и хер с ним! Он же такая сука был! Миллионные взятки брал, можешь мне поверить, как начальнику отдела борьбы с хищениями советской собственности!

Шамраев. А ты уже начальник?

Маленина (лениво). Ну, буду! А может, и еще выше. Не в этом дело. Вообще, вся эта брежневская семейка! Ни рыба, ни мясо. С диссидентами цацкаются. В Афганистане влипли, с Польшей обделались. Хорошо Ярузельский подвернулся, наш выкормыш, а то бы... Нет, сильная власть нужна, кулак!

Маленина сжимает кулак, и Шамраев невольно смотрит на этот кулак — сильный, словно мужской.

Маленина (продолжает). Слушай, давай мы тебе дадим не Светлова, а Пятый отдел уголовного розыска, Вознесенского. Светлов ненадежный парень, азартный, как и ты. А с Вознесенским ты разовьешь бурную деятельность, но так — для понта. А потом, после четвертого февраля, мы тебя не забудем, я обещаю. Ну? (Прижимается к нему всем телом, крепко обнимает за плечи, кивает на диван.) А сейчас повторим, старик. Можешь?

Шамраев косится на ее голую руку, лежащую у него на плече. Под белой кожей этой красивой руки напрягся большой сильный бицепс. Шамраев, усмехнувшись, снимает ее руки со своих плеч, говорит ей в тон.

Шамраев. Извини, старушка. Меня тогда на ночь на останется для моей девочки.

Улица Петровка перед Управлением милиции. День. Снегопад.

Выйдя из проходной Управления милиции, Шамраев переходит улицу, приближается к своей черной «волге». Рядом с машиной стоит пустой лимузин «Скорой помощи», а водитель «Скорой помощи» сидит в черной «волге», балагурит о чем-то с водителем Шамраева. Увидев приближающегося Шамраева, он поспешно выходит из машины, идет к своему лимузину, и «Скорая помощь» отъезжает, скрывается в переулке.

Проводив ее взглядом, Шамраев садится на переднее сиденье «волги», на место, где сидел только что шофер «Скорой помощи». Водитель включает двигатель. Перед ним, на панели рулевого управления лежат свежие газеты — «Правда», «Известия». Водитель (Шамраеву). Куда?

Шамраев (искося поглядев на него). Поехали пока...

Машина трогается.

Шамраев правой рукой, незаметным для водителя жестом ощупывает тыльную сторону сиденья — его рука медленно ползет под сиденьем, и пальцы натываются на крохотную коробочку — микрофон-присоску. Шамраев чуть усмехается, вздыхает. И слов-

но потянувшись за газетами, заглядывает в зеркальце заднего обзора.

В зеркальце видно, как сзади, из переулка за Управлением милиции выезжает пикап с надписью «Ремонтная» и пристраивается в тыл черной «волге» Шамраева.

**Шамраев.** Пожалуй, домой. На сегодня — всё, хватит.

Машина сворачивает на Тверской бульвар, следом за ней сворачивает «Ремонтный» пикап.

Улыбнувшись, «Шамраев разворачивает свежую газету «Правда».

**Шамраев.** Ну, что сегодня пишут в газетах? **Водитель.** Все то же. В ООН хотели осудить Израиль за то, что они оттяпали себе Голанские высоты, но американцы заблокировали резолюцию. В Вашингтоне Рейган готовит какое-то телешоу про Польшу, но в самой Польше уже все спокойненько, Ярузельский навел порядок. Молодец! Эти поляки совсем взбесились — мало им, что мы их от Гитлера спасли и кормим уже тридцать лет! Лучше нас ведь жили, без очередей! Так нет! Ничего, вот теперь пусть постоят за хлебом, пся крев...

И водитель в сердцах круто свернул с бульвара на улицу Горького, машину даже занесло слегка на снегу. Следом за ней свернул и пикап.

Шамраев смотрел за окно.

По улице шли редкие прохожие, компания молодежи с лыжами и милицкий патруль со служебной собакой.

### Квартира Шамраева.

Дверь квартиры Шамраева открыта настежь на лестничную площадку. Из квартиры выхлестывает наружу оглушающий джаз. На пороге, в открытой двери, спиной к входу стоит на четвереньках четырнадцатилетний сын Шамраева Антон и усердно драит пол жесткой мокрой щеткой и порошком.

Шамраев, поднявшись по лестнице, изумленно останавливается.

**Шамраев** (сыну, громко, чтоб перекричать джаз). Антон! В чем дело?

Антон поднимается со щеткой в руках.

**Антон.** Привет! Грязища у тебя, вот в чем дело!

Из кухни в прихожую выскакивает Ниночка в цветастом передничке, прикладывает палец к губам и жестом зовет Шамраева в комнату. Шамраев, изумленно оглядывая комнату — вся мебель сдвинута, стулья на диване, но зато паркетный пол сияет еще влажной свежей чистотой, — проходит в комнату. Здесь гремит джазом магнитофон. Шамраев, поморщившись, приглушает звук,

но Нина нетерпеливо зовет его жестом к столу, показывает глазами на лежащий на столе лист бумаги с несколькими словами, написанными ровным крупным почерком: «Папа! Только что к нам приходил газмэн, заменил пробки в электросчетчике. Но, помоему, это никакой не газмэн, а эти пробки — микрофоны. Как ты думаешь? Антон и Нина».

Шамраев усмехнулся, посмотрел на Нину и Антона, который пришел сюда со щеткой в руке и тревожно смотрел на отца. Взяв со стола ручку, Шамраев пишет на том же листе: «А почему вы так решили?»

Перехватив у отца ручку, Антон написал: «Потому что «Мосгаз» не работает по субботам» — и снова включает музыку на полную громкость.

Шамраев снова пишет: «Допустим. А зачем громкая музыка?»

Нина перехватывает у него ручку и пишет: «А чтобы у них уши лопнули подслушивать!!!»

Шамраев выключает магнитофон, открывает дверь на балкон, смотрит вниз.

Внизу, на противоположной стороне улицы стоит все тот же пикап с надписью «Ремонтная».

Шамраев возвращается в комнату, берет со стола бумагу, поджигает ее зажигалкой и говорит Антону и Нине.

**Шамраев.** Значит так, братцы. Погода отличная, едем кататься на лыжах. Живо обедать и собираться.

**Ниночка.** Я уху сделала из судаков.

**Шамраев.** Гуд!

Шоссе на окраине Москвы. День. Снегопад.

Все окраинные шоссе Москвы постоянно украшены огромными, через каждые триста метров, транспарантами с изображением могучего рабочего, строителя или колхозника и надписями: «Выполним пятилетку в четыре года!», «Наш труд — любимой Родине!», «Слава КПСС — передовому отряду мирового коммунистического движения!», «Слава Советской Армии — надежному защитнику наших границ!».

По Хорошевскому шоссе катит в потоке машин и троллейбусов такси. В машине — Шамраев, Антон, Ниночка. Все трое одеты в лыжные костюмы стандартно-советской неяркой окраски. Антон — в старенькой куртке и кроличьей шапке. На голове у Ниночки — вязаная шапочка с голубеньким помпоном. Поочередно все трое оглядываются назад — за такси на близком расстоянии неотступно следует тот же пикап с надписью «Ремонтная».

**Антон.** Папа, они или идиоты, или...

**Шамраев.** Не обращайтесь внимания. Это небольшая психическая атака.

Кончатся окраины Москвы, шоссе идет по лесистому Подмосквью. Такси и следом за ним пикап сворачивают с шоссе к огромному заснеженному парку Серебряный Бор и подъезжают к лыжной базе.

Лыжная база. День. Снегопад.

Лыжная база в Серебряном Бору — это всего-навсего серый дощатый склад-временка с одной дверью, через которую выдают лыжи напрокат. Вокруг этого склада, на лесной поляне — столпотворение молодежи: очередь за лыжами. Гремят транзисторные приемники. Люди топчутся на снегу, мерзнут и нетерпеливо посматривают в лес, откуда выезжают лыжники, чтобы сдать взятые напрокат лыжи. Тогда эти лыжи получает очередная счастливица.

Такси останавливается возле очереди, тут же останавливается пикап.

Шамраев выходит из машины и идет напрямую к двери склада — мимо очереди. Возле самых дверей — толчея, но Шамраев уверенно и с силой протискивается вперед.

В двери стоит толстая, закутанная в две телогрейки, кладовщица могучего роста. За ее спиной — слабо освещенный пустой склад с парой поломанных лыж и лыжных палок.

**Кладовщица (Шамраеву, грубо).** Ну куды прешь? Нету лыж! Нету!

Шамраев молча показывает ей свое красное удостоверение с золотым тиснением «Прокуратура СССР». Кладовщица тут же меняет интонацию.

**Кладовщица (заискивающе).** Честное слово, товарищ прокурор, нет лыж. Ей-богу! Вот разве едут из леса...

Из леса, действительно, выехали две пары лыжников, подкатили к складу, стали отстегивать лыжные крепления.

**Кладовщица (Шамраеву, негромко).** Ваши будут. Давайте паспорт в залог. Сколько вам лыж?

**Шамраев (отдавая ей паспорт).** Три пары. Очередь недовольно зашумела.

Голос из очереди. Почему без очереди? Тут очередь стоит! Он не стоял..

**Кладовщица (громко и грозно на очередь).** А ну цыть! Товарищ прокурор еще утром по телефону заказывал! Разорались тут! Следующие лыжи ваши будут...

Люди недовольно стихли, какая-то девушка проговорила негромко, с недоумением:

— Какой телефон? У нее же нет телефона...

Шамраев с тремя парами лыж выбирается из толпы к Антону и Ниночке. Из пикапа за ними наблюдают двое мужчин.

**Шамраев (подавая лыжи сыну и Нине).** Быстро одевайте...

**Антон (защелкивая лыжные крепления на своих ботинках, недовольно Шамраеву).** Неудобно, папа. Без очереди. Люди смотрят. **Шамраев (нагнувшись к своим лыжам, сквозь зубы, сыну).** Быстро! Пока для этих типов лыж нет. Поехали!

И оттолкнувшись лыжными палками, широким накатистым шагом покатил с холма к лесу. Нина и Антон двинулись за ним.

Заснеженный хвойно-сосновый лес.

В лесу — сказочно-красиво, тихо. Разлапистый хвойно-сосновый бор выглядит серебряным в непрекращающемся снегопаде. По пересекающимся лыжням катят энергичные фигуры молодых лыжников и лыжниц.

Шамраев, резко перескакивая с одной лыжни на другую, петляет по лесу, меняя маршрут, оглядываясь и уводя сына и Ниночку все глубже и глубже в лес. Наконец он выдыхается, Антон догоняет его.

**Антон (на ходу).** Хвоста нет. Отдохни...

И легко обгоняет отца, уходит вперед, к просвету меж деревьев.

Шамраев останавливается, поджидает Ниночку и невольно любит ее.

Ниночка в вязаной шапочке с голубым помпоном и с голубенькими глазками, с раскрасневшимся личиком и ладной фигуркой выглядит снегурочкой в этом заснеженном лесу. Она подъезжает к Шамраеву, он катит рядом с ней.

**Шамраев (на ходу).** Что ты сказала о нас Антону?

**Ниночка.** Сказала, что я дочка твоего друга из Риги, и теперь он за мной ухаживает. Влюбился, наверно... (Улыбается.) А что я могла сказать? Что я твоя любовница? (Убегает вперед.)

**Шамраев (останавливаясь, строго).** Ну-ка, поди сюда!

Ниночка оглядывается, останавливается, легко перекидывает лыжи обратно и покорно возвращается к Шамраеву.

Шамраев обнимает ее и говорит полушутя-полусерьез.

**Шамраев.** Ты мне не устраивай семейный треугольник!

**Ниночка.** Но ведь я правда твоя любовница...

**Шамраев (перебивая ее, с нежностью).** Цыть! (Целует ее.) Слушай, ты была когда-нибудь в Сибири?

**Ниночка.** Нет. А что?

**Шамраев.** Кажется, я действительно брошу все тут к чертовой матери и увезу тебя в Сибирь. Построим там дом...

Рев танковых двигателей наполняет лес.

Шамраев и Ниночка тревожно огляды-

ваются и вместе с другими лыжниками спешат в лесной просвет, к лесной дороге. Там, на обочине дороги стоят еще лыжники, среди них Антон. Шамраев и Нина подъезжают к Антону.

По дороге походным порядком катит в сторону Москвы колонна танков. Их гусеницы приминают свежий серебристый снег. Есть что-то зловещее в этом ревящем потоке металлических машин с задраенными люками и длинными орудийными стволами. Молодые елочки, выскочившие вплотную к узкой лесной дороге, хрустят под гусеницами танков. **Ниночка** (тревожно, Шамраеву). Что это? Учения?

**Шамраев** пожимает плечами. **Антон** (хмуро). В день смерти Сталина тоже были такие «учения». И когда Хрущева сбрасывали...

**Шамраев** (удивленно.) Ты это откуда знаешь?

**Антон** (также хмуро). Из истории.

Колонна танков проходит мимо них и других лыжников, обдав людей ревом моторов, гарью и снежной пылью.

**Шамраев** поворачивается, катит в лес. За ним — Антон и Нина. В лесу, еще на фоне удаляющегося танкового рева, Шамраев говорит Нине и Антону.

**Шамраев**. Вот что, братцы. Сейчас мы устроим небольшой кросс до ближайшей стоянки такси. Оттуда я махну по своим делам, а вы — в кино или в кафе. Только не домой, ясно? Встретимся на Красной площади ровно в шесть. О'кей?

**Ниночка**. А лыжи? Их нужно сдать...

**Шамраев**. Лыжи забросите в Прокуратуру, отдадите дежурному. Вперед!

Кремлевская больница на бывшей сталинской даче в Кунцево, под Москвой. Кабинет Чазова. Вечереет.

Фотография Леонида Брежнева в обнимку с Евгением Чазовым. Внизу фотографии подпись от руки: «Моему врачу от признательного и послушного пациента. Леонид Брежнев».

Эта фотография в красивой рамке стоит на письменном столе, а сам Чазов — точь-в-точь такой, как на фотографии, — сидит за столом, слушает Шамраева. Чазову 53 года, он среднего роста, кареглазый, в темных роговых очках, с умным и слегка полным интеллигентным лицом, черноволосый, в хорошем костюме под открытым докторским халатом. Кабинет просторный, современный, строгий, без купеческой роскоши. За широким окном во дворе больницы — несколько

белых лимузинов «Скорой помощи» и «Реанимации».

**Шамраев** сидит напротив Чазова в кресле. Он в том же спортивном костюме, в котором был на лыжной прогулке. С лыжных ботинок еще стекает на ковер тающий снег. **Шамраев**. Кроме снятков на локтях у Цвигуна и кроме этой второй пули, которая — может оказаться — не имеет к делу никакого отношения, у меня еще нет никаких доказательств. Но суть не в этом. Передай Леониду Ильичу, что я не могу провести это дело один да еще в такой короткий срок. Как следователь по особо важным делам я имею право на бригаду, но людей, которые мне нужны, мне не дают. Поэтому...

**Чазов** (перебивает). А кто тебе нужен? Конкретно?

**Шамраев**. Мне нужен начальник второго отдела Уголовного розыска полковник Светлов вместе со всем отделом. И полная свобода действий без всякой слежки и психического нажима. Иначе я весте это дело не буду.

**Чазов** (поглядывая на ручные часы). Я буду у Брежнева через два часа. Он нездоров. Лежит на даче. Все, что ты сказал...

**Шамраев** (перебивает). Это не все. Я должен допросить Сулова. Цвигун застрелился или был убит сразу после разговора с ним. Без этого допроса...

**Чазов** (отрицательно качает головой). Не получится. Сулов при смерти, в критическом положении. Потому я и торчу здесь, в больнице. Цвигун его доконал.

**Шамраев** удивленно смотрит на Чазова. **Чазов** (улыбнувшись). Не понимаешь? Я не знаю, отчего погиб Цвигун, но за то, что Цвигун убил Сулова, я ручаюсь как главный врач Кремлевской больницы. Смотри... (Вынимает из письменного стола толстую папку с несколькими закладками и надписью на обложке «История болезни».) Это история болезни Сулова. Месяц назад у меня ее брал Цвигун и сделал небольшое открытие. Иди сюда... Иди, иди!..

**Шамраев** неохотно обходит стол, склоняется над папкой. Чазов листает папку, открывая ее на закладках.

**Чазов**. Детские болезни — корь и свинку — впустил. Возьмем с сороковых годов, когда Сулов первый раз попал в Кремлевскую больницу. Вот, 37-й год. Михаил Сулов — старший инспектор Центральной партийной комиссии, поступил в больницу с диагнозом «сахарный диабет, раннее поражение сосудов головного мозга». Вспомни, чем занималась тогда эта комиссия: по приказу Сталина они составляли для ЧК списки старых большевиков, и в ЧК этих большевиков тут же расстреливали. Тысячами. А теперь обрати

внимание на дату — когда Суслов лег в больницу и на эту приписку Цвигуна на полях. «Через два дня Сталин расстрелял начальника ЧК Ежова и всех сотрудников Контрольной комиссии».

Выводов пока не делаем, листаем дальше. (Перелистывает на следующую закладку.) Когда Суслов поступил в больницу в следующий раз? Оказывается — в 53-м году, март месяц. У соратника Сталина, члена Президиума Центрального Комитета партии — снова резкое повышение сахара в крови, удар по сосудистой системе, поражение сосудов головного мозга. Почему? Пометка Цвигуна: «5 марта — смерть Сталина, 7 марта — убийство Берии, смена власти». Намечается тенденция, правда? Атаки диабета в период смертельной опасности, когда в Кремле очередная заваруха. Ну а увеличение сахара в крови не проходит бесследно. Диабетическая личность не может пить, не может есть то, что хочет, и половые удовольствия крайне ограничены. В результате его психика ущемляется, он становится агрессивным, мстит окружающим за свои недуги. Во всем мире таких больных считают инвалидами и, конечно, не назначают на ответственные посты. Но Суслов пережил Сталина и остался в правительстве — в опасные моменты отлежался в больнице. И скрывая свою импотенцию, создал легенду, что он — партийный аскет, марксистский святой — не пьет, не курит, обходится без женщин. Но комплекс неполноценности требует компенсации. Поэтому дома он избивает жену и сына и доводит обоих до алкоголизма — оба лечатся здесь же, в Кремлевской больнице. А на работе изводит подчиненных святостью марксизма и тайно предаёт своих же друзей. (Перелистывает на очередную закладку.)

Смотри, 57-й год, июнь месяц. Суслов снова в больнице, тот же диагноз. И на полях заметка Цвигуна: «Июньский Пленум ЦК. Суслов делал основной доклад против Маленкова и Молотова и помог Хрущеву захватить власть». А через два дня слег в больницу — увеличение сахара в крови от сильного стресса. Правда, тут Цвигун делает вывод, что у Суслова — комплекс заговорщика, а я утверждаю, что сам-то Суслов в этом не виноват. Это его болезнь, возможно, не осознанная им самим. Его нужно было держать в психбольнице и лечить. Но вместо этого он — в Центральном Комитете, секретарь ЦК, и занимается, представь себе, Международным коммунистическим движением. А тут широкий простор для такого агрессивного маньяка — ведь он ненавидит весь мир только за то, что не может съесть кусок жареного мяса! И вспомни — куда

пошло Международное коммунистическое движение за последние двадцать лет? Кубинские террористы, палестинские террористы, итальянские «Красные бригады», американские «Пантеры». И, конечно, КГБ при Суслове пошло в гору, рука об руку работали, душа в душу... Но я отвлекся. (Открывает страницу с очередной закладкой.)

64-й год, октябрь. У Суслова диабетический криз и конвульсии назавтра после свержения Хрущева. А кто делал на Пленуме доклад «24 ошибки Хрущева»? Конечно, святой марксист и принципиальный ленинец Михаил Суслов.

И хотя в папке осталась еще одна закладка, Чазов закрыл папку, положил на нее руку, снял очки.

Чазов. Вот так, старичок, творится история. Так выплывают кадафи, насеры, арафаты, освальды и гибнут президенты.— А все почему? Потому что у Суслова — диабет. Всего-навсего диабет. А? Ничего? И знаешь, о чем просил меня Цвигун? Если каждая атака диабета связана у Суслова с кремлевским переворотом, нельзя ли регулярно измерять у него содержание сахара в крови и предсказывать очередной заговор. Ничего придумал, да? И оказался прав! Две недели назад содержание сахара в крови у Суслова резко пошло вверх. Не знаю, что там Цвигун сделал по своим каналам — может, устроил за Сусловым усиленную слежку, но признаки заговора налицо — Цвигун был опорой Брежнева в КГБ, Цвигуна не стало, и тут же — операция «Каскад» по личному приказу Суслова. Внешне не придерешься — милиция сажает всякое жулье. Но Цвигун уже мертв. Против кого же операция?

Негромко загудел стоявший на письменном столе селектор внутренней связи. Чазов нажал кнопку, сказал в микрофон:

— Слушаю. Чазов.

Из селектора послышался мужской голос. Мужской голос. Товарищ Чазов, положение ухудшается, перебой с дыханием.

Чазов (в микрофон селектора). Иду! (Шамраеву.) Пошли, сейчас ты его увидишь. (Надевает халат, усмехается.) Ему уже ничто не поможет — ни инсулин, ни террористы, ни цитаты из Маркса. Смешная штука жизнь! Особенно когда в конце жизни тобой интересуется один-единственный человек, да и тот — следователь Прокуратуры!

Взяв со стола историю болезни Суслова, Чазов двинулся из кабинета. Следом — поколебавшись — Шамраев.

Кремлевская больница. Коридор.

По длинному больничному коридору (стеклянные широкие окна во всю стену смотрят в парк, на полу — ковровые дорожки, в ма-

леньких уютных холлах — кресла, ковры, телевизор, цветы, шахматные и журнальные столики, здесь сидят немногочисленные пациенты больницы). Чазов быстрым шагом движется к большой, перегородивающей коридор матовой стеклянной двери. У этой двери — пост охраны: вооруженный охранник в форме лейтенанта КГБ, рядом в кресле листает газеты здоровенный мужчина — личный телохранитель Сусллова. При приближении Чазова и Шамраева охранник заступил Шамраеву дорогу.

**Охранник.** Пропуст?

**Чазов.** Это со мной!

Охранник уступил Шамраеву дорогу.

Чазов и Шамраев вошли в палату Сусллова.

Кремлевская больница. Палата Сусллова.

Сначала — комната медперсонала, пост дежурного врача и медсестер. Стол с телефоном, импортная медицинская аппаратура.

Затем — просторная палата с цветным телевизором, высокая больничная койка, окруженная капельницей и другой медицинской аппаратурой.

На кровати, укрытый простыней, с кислородной маской на лице лежит Сусллов — длинное худое тело. У изголовья — дежурная медсестра следит за кислородом и другими приборами, рядом с Суслловым — два врача.

Чазов, бросив на подсобный столик историю болезни Сусллова, склоняется над больным, негромко разговаривает с врачами. Шамраев смотрит на Сусллова.

Даже не медику ясно, что Сусллов уже не жилец — обтянутое пергаментной кожей худое безжизненное лицо. До Шамраева доносятся отрывистые реплики врачей.

— Функции нарушены... не прослушивается... Аритмия... Инфаркты мозга... Стимулятор сердечной деятельности не помогает... Инсулин тоже...

**Чазов.** Хорошо, попробуем по старинке. Искусственное дыхание...

Врачи приступили к искусственному дыханию.

Видя, что они все заняты больным, Шамраев делает два коротких шага к подсобному столику и открывает историю болезни Сусллова на последней закладке, которую не открыл в кабинете Чазов. Читает подчеркнутые красным карандашом строки:

«17 июля 1978 года — некроз, резкое повышение сахара в крови, коронарная недостаточность сердечной деятельности, инфаркты мозга».

На полях возле этой записи нет никаких замечаний Цвигуна, только стоит жирная красная галочка.

Слышны клокочущие хрипы.

Шамраев закрывает папку и смотрит на Сусллова и врачей.

Тело Сусллова сотрясает хриплое булькающее дыхание. Врачи продолжают искусственное дыхание.

Шамраев выходит из палаты в первую комнату. Она пуста — весь медперсонал занят сейчас больным Суслловым. Только за матовой дверью видны фигуры охранника и телохранителя Сусллова.

Шамраев садится на стол, снимает телефонную трубку и, заглянув в свою записную книжку, набирает номер.

Квартира Вадима Белкина. Вечер.

В комнате, которая является одновременно и спальней, и кабинетом журналиста Вадима Белкина, две стены заняты книжными полками, куда вмонтированы бар, телевизор и импортный магнитофон, а еще две стены украшены африканскими и индийскими масками. На книжных полках — книги, подшивки газет за несколько лет, фотографии хозяина квартиры с Индирой Ганди, Киссинджером, Фиделем Кастро, Ивом Монтаном и другими знаменитостями. На письменном столе — пишущая машинка, газетные вырезки, рукописи. На полу леопардовая шкура. Магнитофон заполняет комнату негромкой джазовой музыкой. Вадим Белкин — 37 лет, слегка полнеющий — полулежит на диване. Рядом сидит совсем юная, не старше четырнадцати лет, девочка в школьной форме — коричневом платье и белом кружевном переднике. Девочка держит в руках соломенную африканскую куклу, рассматривает ее.

**Белкин.** Это из Анголы. Я писал очерк об ангольских партизанах, был там в джунглях две недели, а оттуда — сразу в Австрию, освещал в прессе встречу Брежнева и Картера...

Говоря это, Белкин одновременно растягивает пуговички сзади на платье у девочки. Девочка замирает, пальцы в чернильных пятнах сжимают африканскую куклу. Рука Белкина ныряет под ее платье.

Но телефон не смолкает.

Вздыхнув, Белкин встает, подходит к телефону, снимает трубку.

**Белкин.** Алло!

Дальше разговор попеременно из больницы и в квартире Белкина.

**Шамраев** (в больнице). Вадим, добрый вечер. Это Шамраев.

**Белкин.** О! Привет! Сколько лет, сколько зим! (Косится на девочку.)

Девочка сидит на диване, замерев, не пытаясь одеть спущенное с плеч платье.

**Шамраев** (в больнице). Я тебе не помешал? **Белкин** (в квартире). Пожалуй, нет... (Берет телефонный аппарат и вместе с ним снова подсаживается на диван, свободной рукой продолжает раздевать девочку.)

Девочка привстает, чтобы ему легче было снять с нее платье и трусики.

**Шамраев** (в больнице). Ты не помнишь, что было интересного 17 июля семьдесят восьмого года?

**Белкин** (раздевая девочку). Конечно, не помню. А тебе это срочно? По делу Цвигуна?

**Шамраев** (в больнице). Да. Откуда ты знаешь, что я...

**Белкин** (медленно спуская с девочки трусики). Ну, у меня свои источники. Ладно. Раз тебе срочно — могу посмотреть в подшивке.

**Белкин** взглядом показывает девочке на диван, а сам с телефоном в руке подходит к книжному стеллажу, где стоят переплетенные газетные подшивки с надписями на корешках «1977, январь — февраль», «1977, март — апрель» и так далее.

**Белкин** (в телефон). Какой тебе год?.. Июль 78-го? Берем июль...

**Белкин** вытаскивает подшивку с надписью «1978, июль — август», разворачивает ее на письменном столе, листает.

**Белкин** (в телефон). Что конкретно тебя интересует? Правительственная хроника? Вот, пожалуйста. «17 июля в Москве открылась декада Туркменской литературы и искусства». Не нужно? Дальше. «17 июля в Москву с правительственным визитом прибыл глава Правительства Зимбабве»... Не нужно? Дальше. «17 июля на 61-м году жизни скоропостижно скончался член Политбюро Центрального Комитета КПСС Федор Кулаков...»

**Шамраев** (в больнице). Отлично!

**Белкин** (в квартире, удивленно). Что отлично? Это был самый молодой член Политбюро, здоровый как конь. Метил на место Брежнева...

**Шамраев** (в больнице). Это я помню. Медицинское заключение есть?

**Белкин** (в квартире). Пожалуйста. (Читает с газетной страницы.) «В ночь с 16-го на 17-ое июля 78 года развилась острая сердечно-сосудистая недостаточность, которая вызвала остановку сердца».

**Шамраев** (в больнице, нетерпеливо). Читай подписи врачей!

**Белкин** (в квартире). Фамилий нет. Подписано только: «Медицинская комиссия Министерства здравоохранения». Всё? Не за что, старик. Желаю удачи. Мы на тебя надеемся, имей в виду!

**Шамраев** (в больнице). Кто — «мы»?

**Белкин** (в квартире). Ну — это не по телефону. Узнаешь как-нибудь... Извини, у меня тут тоже срочное дело. Пока.

**Белкин** кладет трубку и смотрит на девочку. Она лежит на диване голенькая, прикрыв грудь и животик своим белым школьным передничком.

Кремлевская больница, палата Суслова (продолжение).

**Шамраев** опускает трубку на телефонный аппарат и долго сидит, уставившись взглядом в одну точку.

Красная площадь. 18.00. Идет снег.

Над заснеженной Красной площадью горит на Спасской башне большая рубиновая звезда. Куранты бьют шесть часов вечера. Вместе с первым ударом из ворот Спасской башни выходит очередная смена почетного караула, парадным шагом движется к Мавзолею Ленина. У Мавзолея, как обычно, несколько групп иностранных туристов с фотоаппаратами в руках и периферийные зеваки — ждут смены караула. Среди них сын Шамраева Антон и Ниночка.

На Красную площадь въезжает белый лимузин «Скорой помощи», медленно подкатывает к толпе у Мавзолея. В машине рядом с шофером — Шамраев. Он опускает стекло в кабине и зовет негромко:

— Антон! Нина!

Антон и Нина оглядываются.

Улицы Москвы. Вечер.

Белый лимузин «Скорой помощи» останавливается в одном из московских переулков. В машине, в медицинском салоне Шамраев, Антон, Нина.

**Антон** (Шамраеву). Папа, разве я сегодня не у тебя ночую?

**Шамраев**. Нет, сегодня ты ночуешь у мамы. **Антон**. Но я же всегда по субботам у тебя оставался.

**Шамраев** молча смотрит сыну в глаза. Антон хмуро выходит из машины и с силой хлопает дверцей. Шамраев смотрит ему вслед из машины.

Антон — худощавый, в потертом спортивном костюме и вылинявшей куртке, в вытертой кроличьей шапке, — сунув руки в карманы, уходит, не оглянувшись, в темный подъезд.

Машина трогается.

В темном, освещаемом только проплывающими за окнами желтыми уличными фонарями, медицинском салоне «Скорой помощи», который отгорожен от водителя матовым стеклом, Шамраев говорит Ниночке.

**Шамраев** (негромко). Завтра уедешь домой. **Ниночка** (удивленно). Почему?

**Шамраев**. Больше трех дней в Москве нельзя жить без регистрации в милиции. А как я тебя зарегистрирую? Племянницей? Милиция может ворваться в квартиру в любой момент и заставить нас в постели. Им сейчас это очень кстати — обвинить меня в аморалке. Да и тебя выгонят из комсомола.

**Ниночка**. Плевала я на этот комсомол! (Просительно.) Я не хочу уезжать!..

**Шамраев**. Я же старше тебя почти на тридцать лет!

**Ниночка**. Ну и что? (Прижимается к нему.) Игры!..

Шамраев чуть отстраняется от нее, смуром смотрит в окно.

Лимузин «Скорой помощи» подъезжает к дому Шамраева. Напротив дома, у тротуара, в сугробе снега стоит все тот же пикап с надписью «Ремонтная».

Шамраев и Нина выходят из «Скорой помощи», направляются к подъезду. Неожиданно Ниночка резко поворачивается, перебегает мостовую, подбегает к пикапу, в котором сидят все те же двое мужчин. Ниночка показывает им язык, демонстративно сплевывает на мостовую и с вызовом смотрит им в глаза. Мужчины отворачиваются, словно не видят ее.

Квартира Шамраева. Ночь.

Шамраев и Ниночка в постели, спят обнявшись.

Длинный звонок в дверь будит обоих. Шамраев и Ниночка резко садятся в постели. Звонок продолжает надрываться. Шамраев включает торшер.

**Шамраев** (негромко). Я же говорил!.. Живо — на диван!..

Ниночка поспешно перебрасывает с кровати на диван одну из двух подушек, простыню... Звонок продолжает звенеть, в дверь громко стучат кулаком.

Шамраев, натянув брюки, подходит к двери в прихожей.

**Шамраев**. Кто?

Голос Светлова. Гестапо, твою мать! Открывай!

Шамраев поворачивает дверной замок, открывает дверь. За дверью, на лестничной площадке стоят полковник Марат Светлов, его помощники Валентин Пшеничный, майор Ожерельев, майор Акопян.

Но впереди всех, рядом со Светловым —

плотный, метрвоплечий пожилой генерал-майор Жаров. Им видно, как за спиной у Шамраева полуголая Ниночка с платящем и еще какой-то одежкой в руках проскочила через прихожую в ванную. Проводив ее взглядом, генерал Жаров сказал:

— Извините, что разбудили, товарищ Шамраев. Товарищ Брежнев приказал доставить полковника Светлова и его отдел в полное ваше распоряжение. Министр милиции Щелоков поставлен в известность, что теперь этот отдел работает у вас в подчинении. Разрешите войти?

Шамраев пропускает всех в квартиру.

Войдя в комнату, Светлов с ехидной улыбкой осматривает две постели — на кровати и на диване. Постель на диване заправлена явно наспех.

**Светлов** (Шамраеву). Испугался, старик?

**Жаров**. Какие еще трудности у вас в работе, товарищ Шамраев? Не стесняйтесь.

**Шамраев**. Можно мне узнать, кто вы?

**Жаров**. Извините, не представился. Начальник личной охраны товарища Брежнева генерал-майор Жаров.

Шамраев несколько мгновений смотрит на него, затем набрасывает на плечи пиджак и, подцепив босыми ногами тапочки, открывает дверь на балкон, жестом приглашает генерала Жарова выйти с ним на балкон. Генерал Жаров послушно выходит за Шамраевым на заснеженный балкон. Шамраев закрывает за ним дверь и взглядом показывает вниз.

Внизу, у подъезда дома Шамраева стоит длинный черный правительственный лимузин, а на противоположной стороне улицы — все тот же пикап с надписью «Ремонтный».

**Шамраев** (негромко, Жарову). Видите этот пикап? Это подслушивающая машина отдела внутренней разведки милиции. Моя квартира полна скрытыми микрофонами. Запугивают, чтобы я бросил это дело.

**Жаров**. Ясно. Идемте, вы простудитесь.

Оба уходят с балкона.

В комнате Ниночка уже проворно накрывает на стол — ставит чайные чашки, сахарницу, какое-то печенье...

Шамраев стоит у окна, смотрит вниз, на улицу. Ему видно, как из подъезда вышел генерал Жаров, подошел к большому черному правительственному лимузину, что-то сказал, и тут же из лимузина вышли пятеро дюжих, спортивного сложения мужчин в офицерской форме, направились через мостовую к пикапу. Пикап тронулся с места, пробуя выехать из снежного сугроба, колеса с надрывом буксовали в снегу. Генерал не спеша вытащил из кобуры пистолет, и бесшумный вы-



стрел пробил заднее колесо пикапа. Пятеро мужчин подошли к пикапу, один из них рывком открыл дверь водителя, и сидевшие в машине двое сотрудников милиции испуганно, под дулом генеральского пистолета, вышли из кабины на снег.

Ниночка тем временем разливала чай Светлову, Пшеничному, Ожерельеву и Акопяну.

Жаров толкнул в прихожую двух перепуганных техников милиции, сидевших в пикапе. Следом вошел один из помощников генерала — устрашающего вида майор Рагимов.

**Жаров (техникам).** Живо убрать все микрофоны, бя! (Ниночке.) Извините, девушка.

Техники поспешно прошли — один на кухню, другой — в комнату, извлекли скрытые микрофоны из электрического счетчика, из кухонной плиты, из телефонной трубки и из торшера.

**Жаров (техникам, грозно).** Больше нигде нет?

**Один из техников.** Так точно, нигде, товарищ генерал.

**Жаров (своему помощнику).** Рагимов, пойди с ними и заberi все пленки. (Техникам.) И валите с моих глаз, пока живы!

Техники в сопровождении помощника Жарова уходят.

**Жаров (Шамраеву).** Больше этого не будет, товарищ Шамраев. Можете работать спокойно. В чем еще нужна помощь?

**Шамраев (улыбнувшись).** Спасибо. Пока — всё.

**Ниночка.** Хотите чаю, товарищ генерал?

Жаров, окинув взглядом квартиру, кивает Шамраеву в сторону кухни.

**Жаров (Шамраеву).** Товарищ Шамраев, можно вас на минуту?

Шамраев вслед за Жаровым идет на кухню. На кухне Жаров прикрывает за Шамраевым дверь.

**Жаров.** Н-да, квартирка у вас не ахти. Ладно. Кончите это дело — получите другую. (Подходит к кухонному столу, вынимает из кармана небольшой, но толстый засургученный пакет, кладет на стол.) Это вам.

Товарищ Брежнев просил передать: сделайте к четвертому февраля всё, что в ваших силах. А если можете — раньше. Никаких ограничений в средствах и действиях. Имейте в виду — положение очень серьезное. Настолько, что мы ввели в Кремль танковый корпус и окружили Москву войсками. Но это на всякий случай. Война будет не на улицах, война будет на заседании Политбюро четвертого февраля. Только неизвестно, кто теперь начнет ее вместо Суслова и какие у них козыри. Похоже, Цвигун знал, поэтому его не стало. Если бы вы могли узнать то, что он унес с собой в могилу!

Вынимает из кармана кителя конверт, открывает его, достает сложенный втрое плотный лист бумаги — гербовый бланк с красным грифом

«Председатель Президиума  
Верховного Совета СССР

Генеральный секретарь  
Центрального Комитета КПСС  
Леонид Ильич Брежнев».

На бланке — несколько строк машинописного текста.

**Жаров.** Это ваш мандат. Лично от Брежнева. (Читает машинописный текст.) «Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР товарищ Игорь Шамраев выполняет правительственное поручение. Всем государственным, военным, административным и советским учреждениям приказываю содействовать его работе и выполнять все его требования. Леонид Брежнев. Москва, Кремль». (Протягивает бланк Шамраеву.) Желаю удачи. (Хочет уйти.)

**Шамраев.** Скажите, где сейчас сын товарища Брежнева, Юрий?

**Жаров (пожав плечами).** Только что прилетел из Люксембурга, был там во главе торговой делегации. А что?

**Шамраев.** Эти дни ему лучше побыть там, где исключена слежка и подслушивание телефонов. Скажем, возле отца. И то же самое — с Галей Брежневой, дочкой.

**Жаров (вздыхнув).** Ох! Эту бабу не удержишь! В папашу! Он тоже был ходок в молодости! Кстати, сегодня вечером на квартире цирковой актрисы Бугримовой арестовали ее хахалю — этого певца Бурятского. Хотел стащить какие-то бриллианты, мерзавец!.. Ладно, пока, удач. И не забудьте это... (Кивает на пакет на столе.) Это вам на служебные расходы. (Уходит.)

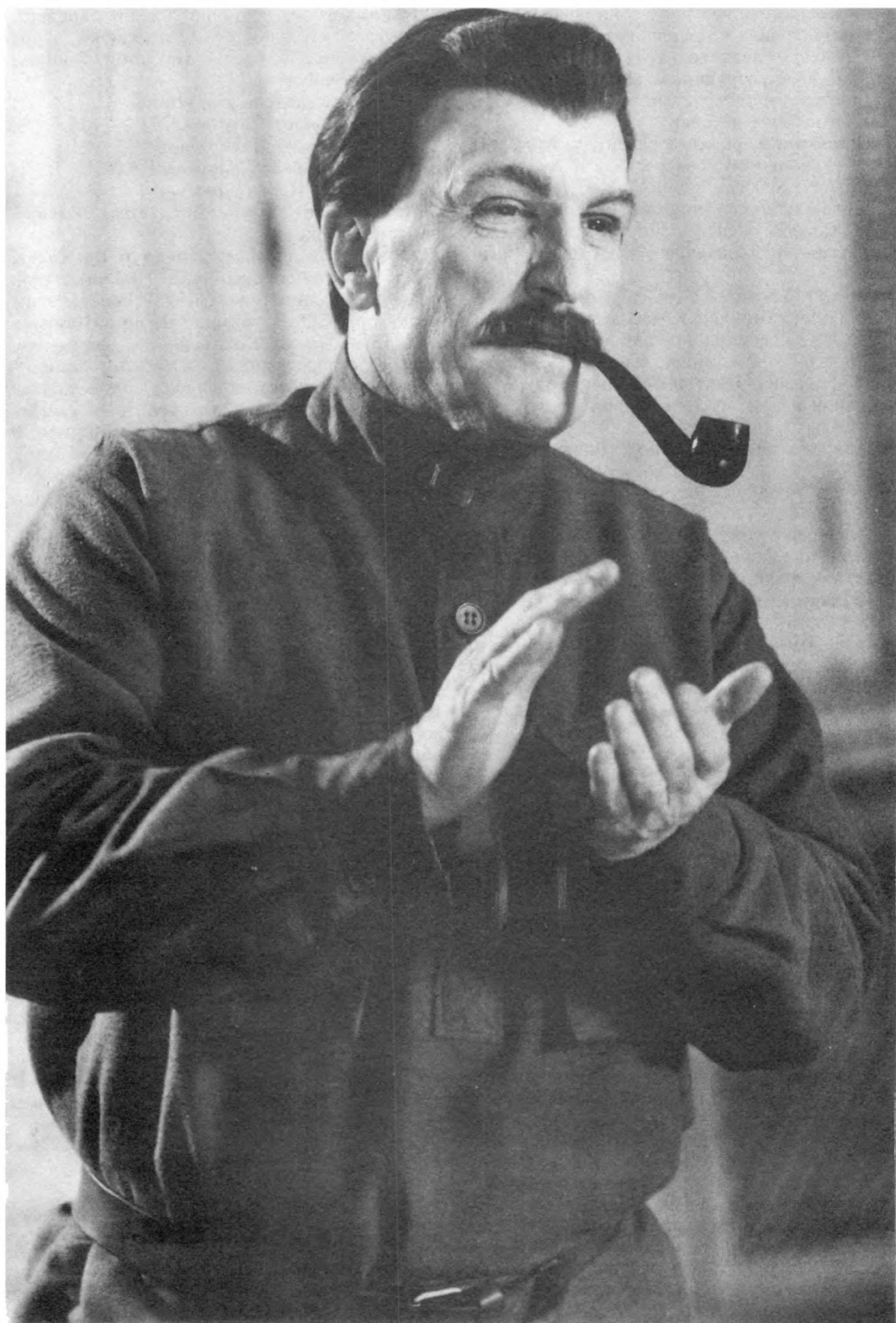
Шамраев вскрывает засургученный пакет. В пакете — пачки новеньких сторублевок, аккуратно перевязанные бумажными ленточками с надписью «Государственный Банк СССР».

Шамраев закрывает пакет, кладет его в карман пиджака и идет из кухни в комнату.

В комнате шумно, весело — Светлов, Ожерельев, Пшеничный и Акопян пьют чай и развлекают Ниночку какой-то смешной историей. При появлении Шамраева все смолкают, смотрят на него выжидающе.  
**Шамраев (вздыхнув).** Ну что ж... обсудим ситуацию...

*Продолжение в следующем номере.*

В сценарии Эдуарда Тополя «Красная площадь», также как и в одноименном романе, вымысел сочетается с реальными фактами, событиями, именами. Редакция.



# РОБЕРТ ДЮВАЛЛ — В ДЕВЯТКЕ ЛУЧШИХ АКТЕРОВ АМЕРИКИ



## В голове у Бобби

**Приговор коммунизму подписан не Михаилом Горбачевым, распустившим Советский Союз, и не Борисом Ельциным, впервые объявившим о рыночной экономике. Он был подписан великим и ультраправым до кончиков своих ковбойских сапог американским актером Робертом Дюваллом, согласившимся сыграть роль Сталина в одноименном американском фильме компании НВО.**

Фильм снимался в Москве и Будапеште. Съемки были начаты в октябре, после неудавшегося переворота, и закончены в декабре 91-го. Бюджет «Сталина» был весьма подвижен. Съемочная группа отложила восемьдесят тысяч долларов на расходы, связанные с возможной необходимостью прекращения съемок и очень-очень быстрым отъездом из страны. Однако за тридцать восемь съемочных дней эта сумма осталась невостребованной, и Роберт Дювалл стал первым актером, побывавшим в кабинете Сталина в Кремле и на его загородной даче.

Состарившийся охранник великого вождя научил его походке Сталина.

«Мы могли делать все, что хотели,— говорит Дювалл,— совершенно спокойно пройти в любое место в Кремле. Некоторые сцены, конечно, лучше было бы снимать в павильоне в Калвер-сити, да и звук записывать там же, но тогда не хватало бы чего-то более существенного. Мы засветили много пленки, но сняли то, чего раньше никогда не снимали».

С другой стороны (всегда имеющейся в запасе у трехмерного Дювалла), Москва — это «безжизненное место. По вечерам все разбегаются по домам. Никто не сидит с друзьями за кофе или коктейлем. Город очень мрачен».

В Америке Бобби (так он любит называться) живет в Вирджинии, на лошадиной ферме, в часе езды от Вашингтона. Тамшний пейзаж очень аристократичен: чередой аристократичных холмов и низменностей и раскиданные там и сям аристократичные

поместья, облик которых угадывается сквозь литые, сплошь состоящие из геральдических львов, охапок оружия и прочей аристократичной атрибутики, ворота. Словно сошедшие с картин давно умерших художников, лошади лениво бродят по темно-зеленой траве.

Приземистый кирпичный дом в конце петляющей дороги, в котором живет Дювалл, совсем не похож на пристанище звезды. Дверь (естественно) открывает сам хозяин в джинсах и ковбойских сапогах. Передо мной — Том Хаген («The Godfather»), лейтенант Килгор из «Апокалипсис сегодня», Фрэнк Бернс («M. A. S. H.»), Мак Ледж из «Tender Mercies», великий Санлини, Джесси Джеймс, президент Эйзенхауэр, аугло, и, наконец, Сталин. Простой деревенский парень с обезоруживающей улыбкой. Зная о его высоком актерском мастерстве, я изо всех сил пытаюсь освободиться из-под чар его радушия, такого всамделишного и неподдельного. Я-то знаю, что он не любит давать интервью, что он бывает груб, необщителен и замкнут. И что он очень вреден на съемочной площадке и постоянно ругается там с режиссерами и продюсерами из-за своего сценического образа.

Но я уже заготовил свою повестку дня и (при всем моем уважении к Дюваллу) не собираюсь делать еще один материал о великой кинозвезде. Меня интересует Сталин.

Я родился после того, как победившие Гитлера Рузвельт, Черчилль и Сталин поделили между собой земной шар. Моя родина — Румыния — досталась Сталину. На протяжении последовавших за этим сорока пяти лет из духовно богатой и процветающей страны она была постепенно превращена в нищий прокоммунистический край. Сталин был для меня злым духом, демоном и одновременно отцом, потому что я не знал человека лучше Сталина.

Портрет Лучшего человека висел на самой высокой башне городка Сибиу в Трансильвании, где я родился. Улыбающиеся дети окружали его на страницах всех моих учебников. Я особенно остро ощущал отеческое покровительство Сталина, так как своего отца у меня не было. Портрет Сталина в жестяной рамке стоял на тумбочке у изголовья моей кровати. Перед сном я произносил молитву, которой меня научила бабушка, обращая ее к Сталину. В тот день, когда умер Сталин, все плакали. Вернувшись из школы, я услышал разговор двух мужчин. Одним из них был мой отчим, голос другого я не мог узнать. Этот голос сказал: «Хорошо, что Сталин умер». «Аминь»,—

ответил ему отчим. Так что-то изменилось. Я уже не мог больше молиться на Сталина, а впоследствии узнал подробности его преступных деяний. Но противоестественная детская привязанность к человеку, темнеющее на фотографии пятно усов которого было тем последним предметом, глядя на который я засыпал, осталась у меня и поныне.

Выслушав это, Дювалл сказал: «Даже заключенные в тюрьме оплакивали посадившего их туда Сталина. Он имел особенную власть над людьми».

В годы войны за обеденным столом контр-адмирала Уильяма Говарда Дювалла (отца Роберта) Сталин нечасто являлся предметом разговоров. Роберт уже учился в колледже, когда он умер. «От нас ушел великий человек»,— сказал Роберту один из его соучеников.

«Сейчас уже совершенно непонятно, как ему удавалось одурачивать такое количество людей» — говорит Дювалл. Несмотря на такое непонимание, он со своими ультраправыми взглядами сделал весьма удачную карьеру в американском кинематографе — оплоте национальной левизны.

«Вы не знаете, что значило жить под Сталиным»,— сказал Дювалл актрисе из Англии. «Попробовали бы вы жить под Маргарет Тетчер!» — ответила она ему (у него очень хорошо получается изображать английский акцент, и я ясно вижу эту актрису). По-моему, Дювалл все больше и больше входит в роль дьявольского адвоката. «Левое крыло заметно активизировалось в нашей стране»,— глухо произносит он, и тут же, когда я, возражая ему, говорю, что активизировалось-то как раз правое крыло, признается, смеясь: «Все, исходящее из моих уст — политическая ересь».

Роли, сыгранные Дюваллом, разительно отличаются друг от друга. В то же время всех его героев что-то объединяет. Все они — американцы. Дювалл любит и понимает американскую душу — широкую и противоречивую, и неамериканец Сталин, непонятный даже своим соотечественникам, несколько выбивается из этого ряда. «Да, действительно,— соглашается Дювалл,— Сталин вышел у нас загадочным, но ведь он был таким и в жизни, о которой почти ничего не известно. Кинохроника и фотографии не показывают того, что нам было нужно, а семейные фильмы, как у Кастро и Гитлера, отсутствовали. Можно сказать, что ничто не помешало мне создать образ Сталина таким, каким я замыслил его с са-

мого начала — скупым, немногословным, ориентально загадочным».

Когда Дювалл произносит эти слова, я неожиданно понимаю, почему он выбрал эту роль. Его лучшие работы — лейтенант Килгор («Апокалипсис сегодня»), Том Хаген («Крестный отец») — сильные личности, действия которых подразумевают глубокие внутренние побуждения, скрытые бездны. Дювалл способен создавать ощущение присутствия огромного количества недосказанного, какой-то особенной жизни, прячущейся за простым жестом или обыденной фразой. Лучшие злодеи Дювалла как раз «немногословны» и «загадочны»; именно этим они отличаются от бесплотных, одномерных кинопризраков. «Неизвестность» Сталина даже помогла Дюваллу придать Сталину хоть какие-то человеческие черты. Но возможно ли было сделать Сталина привлекательным? «В пределах сценария о Сталине не было написано ничего хорошего, — признается Дювалл, — но мы все-таки отыскали один кусок, который можно было изменить. Это сцена перед его смертью. Я узнал, как сказать по-грузински «мое время пришло», и Сталин у меня предсказывает свою собственную смерть. Возможно, что на самом деле все было не так, но, как кто-то сказал: «Мы рассказываем историю, как она свершалась или как могла бы свершаться». Я работал именно по этому принципу, руководствуясь собственными ощущениями, потому что другого было недостаточно. Возможно, что это он убил свою жену. Но даже если он только довел ее до самоубийства, это не выглядит намного лучше. Никакого фильма не получается. Все время идет один черный цвет. Я пытался найти в Сталине какое-то душевное движение. Возможно, что-то связанное с фотографиями его жены. Он действительно повесил ее фотопортрет на стену, а вокруг фигурки детей, вырезанные им отовсюду, так что получалось что-то вроде букета. Он был очень молчалив в эти последние дни своей жизни. В эти моменты мне удалось показать в нем какие-то человеческие чувства».

Такой творческий поиск не очень-то вяжется с крайне правым консерватизмом Дювалла. Но дело в том, что актера гораздо больше волнует его работа, чем политические взгляды. Однажды Дювалл признался, что для более глубокого понимания роли он изучает людей, похожих на персонажей, которых ему предстоит сыграть. Особое внимание он уделяет воспоминаниям о прошлом. Я спрашиваю его, не встречал ли он каких-нибудь продюсеров или режиссеров, похожих на Сталина. Нет, за всю свою

актерскую жизнь он не встречал среди этих мелких тиранов людей, напоминающих Сталина.

«Но, — быстро продолжает Дювалл, — когда я не знал, как мне себя вести, я концентрировался на речевых особенностях образа. Каждое утро, приходя на съемки, я понимал, что если у меня будет слишком много предварительных идей по поводу Сталина, то...»

Сталину пришлось бы очень много работать над собой, чтобы быть Сталиным, так как это делал Дювалл. Ему бы тоже пришлось каждое утро приходить на работу, трясясь и не зная, что он собирается делать. Хотя бесчинства, учиняемые тогдашней властью, действительно, походили более на спонтанные действия, чем на продуманные акции. Решения, принимаемые Сталиным, претворялись в жизнь его соратниками с неистовым рвением. К сожалению, Сталин в первую очередь был все-таки тираном, а не актером.

В юности он испытывал склонность к поэзии. В 16 лет Сталин написал:

Зная, что он, упавши на землю,  
Давно попав в рабство,  
Опять поднимается,  
Окрыленный яркой мечтой,  
Над высокими горами.

Кастро, Хо Ши Мин и Мао также были поэтами-неудачниками. Гитлер мечтал стать художником. Дювалл собрал все эти амбиции воедино, развивая их тему. Он пошел намного дальше.

«Однажды я снял картину про цыган («Angelo, My Love» — сценарист, продюсер, режиссер — Роберт Дювалл). В них нет ничего благородного, замечательного, того, что отличает еврейскую нацию. У цыган с евреями много общего, это бродячие народы. Однако цыгане, в отличие от евреев, не привнесли никакого существенного вклада в мировую культуру».

«Angelo, My Love» — прекрасная, эмоциональная картина, там снимались друзья Дювалла, настоящие цыгане из Нью-Йорка. Взаимная (режиссерско-актерская) любовь царит в кадре, видно, что Дювалл любит эту незамечательную, как он говорит, нацию.

«Сталин тоже был чем-то вроде такого цыгана». Дювалл не нашел в нем ничего особенного и удивительного, каясь, однако, в своей симпатии и к нему.

«Он был похож на обыкновенного бродягу, типичный уголовник, вроде того аргентинского танцора, с которым я познакомился в Буэнос-Айресе... Интеллигенция, —

добавляет он, — ненавидела Сталина». Мнение Дювалла в этом вопросе близко к противоположному. Ему нравятся уличные хулиганы, уголовники и подозрительные аргентинские танцоры, а вот насчет интеллектуалов, особенно журналистов, он не уверен. «Во-первых, — говорит он, — почти все они леваки». Мне всегда казалось, что кинокритики и знаменитости не причиняли Дюваллу особого зла. Однако он наизусть запомнил все негативные отзывы о его деятельности. В любой момент Дювалл готов сказать: «А вот такая-то или такая-то... осмелился написать» и с ужасной обидой процитировать несчастного критика.

Дювалл не в восторге от Москвы, а еще меньше от Голливуда. «Консерваторы в этом городе боятся показать, что они консерваторы! — возмущается он. — Может быть, МакКарти немного переборщил, однако я слышал, что до него в Голливуде на некоторые места брали вообще одних только коммунистов». Он еще раздумывает, а затем продолжает: «С другой стороны, Голливуд — лицемернейший город мира. Назовите мне хотя бы одного цветного директора студии или кинокомпани. Это еще и самый капиталистический город».

Политические рассуждения Дювалла — вообще весьма своеобразный коктейль. Иногда может показаться, что он изображает кого-то совсем другого. Возможно, это Джордж Скотт или Джон Уэйн (Джордж Скотт — знаменитый американский актер, «настоящий американец»; Джон Уэйн — один из самых популярных актеров Америки, герой вестерна — ред.). Но в вопросах, где Джордж Скотт впадал в иступленную правизну, а Джон Уэйн держался в фарватере своего собственного рейганизма, Роберт Дювалл довольно-таки двусмысленен. Он слишком хороший парень, чтобы вписываться в определенную политическую линию.

И, несмотря на свою внешнюю крутизну, он питает глубочайший интерес к человеческой природе — то самое губительное увлечение, которое делает все идеологии патетической ерундой. Он напоминает мне этакого дядю на семейном пикнике, с тайным наслаждением шокирующего своих юных племянников. В принципе, Дювалл ни на какой счет не имеет предрассудков, в частности, на счет Советского Союза и его основателей. Интересно было бы увидеть спиритический сеанс, который Дювалл устроил на даче Сталина. Этот кусок вполне мог бы войти в фильм — актер, делая пассы

руками, вызывает призрак коммунизма. Дювалл также пытался разговаривать с охранником Сталина. «Если вы когда-нибудь встретите Иисуса Христа, как вы себя будете вести?» «Откуда вы знаете, что я верю в Христа?» — ответил охранник. Дювалл также спросил охранника, кто, по его мнению, есть величайший человек в мире. «Ленин. Может быть, Сталин» — сказал охранник. «Он действительно оказался верующим, — почти восхищенно говорит Дювалл. — Сейчас он — директор музыкальной школы, где дети разучивают на аккордеоне любимые песни Сталина».

Интересно узнать, что Дювалл думает о той стремительности, с которой еще недавно современные события становятся историческими кинокартинами. «Мы составляем себе состояние из тягот мира», — отвечает он мне. Теперь передо мной сидит прямодушный, не обремененный страхами цыган. Для Дювалла вообще нет ничего святого, включая и его профессию. Он наслаждается своим публично выражаемым недовольством. Его чувство юмора само по себе анекдотично, а во всем том, что он рассказывает, прячется какая-то неведомая, ему одному известная мораль. Его истории чем-то напоминают мудрые притчи, впрочем, вполне возможно, что они становятся таковыми лишь в тот момент, когда его интервьюируют. Я могу представить себе Дювалла, рассказывающего своим близким какие-то действительно немислимые истории. Однако образ проповедника, по-моему, на самом деле что-то значит для него. Известно, что он очень долго добивался финансирования фильма об одном из занимающих его воображение проповедников. В устах Дювалла это история человека с темным прошлым, затем обретшего умиротворение. Однако самое интересное в этой истории — это его неподдельная привязанность к самому сюжету, к людям и месту действия. Дювалл считает, что Юг, начиная с «Унесенных ветром», представал перед нами в искаженном виде. Но когда дело доходит до режиссера, его шовинизм куда-то исчезает. «Гораздо лучше иметь талантливого парня из Австралии, — иронически замечает он, — чем местного даллаского халтурщика». Несмотря на это, он продолжает считать, что американским режиссерам лучше всех удается снимать города. Взгляды Дювалла — не идеология, а скорее попытка быть похожим на любимых людей героев: красношее южане-патриоты, ауто, ковбои и военные офицеры. По этой части энергия и неистощимое разнообразие Дювалла непревзойденны. В прошлом году он был не только Сталиным, а и Джозефом



Роберт Дювалл в роли Сталина.

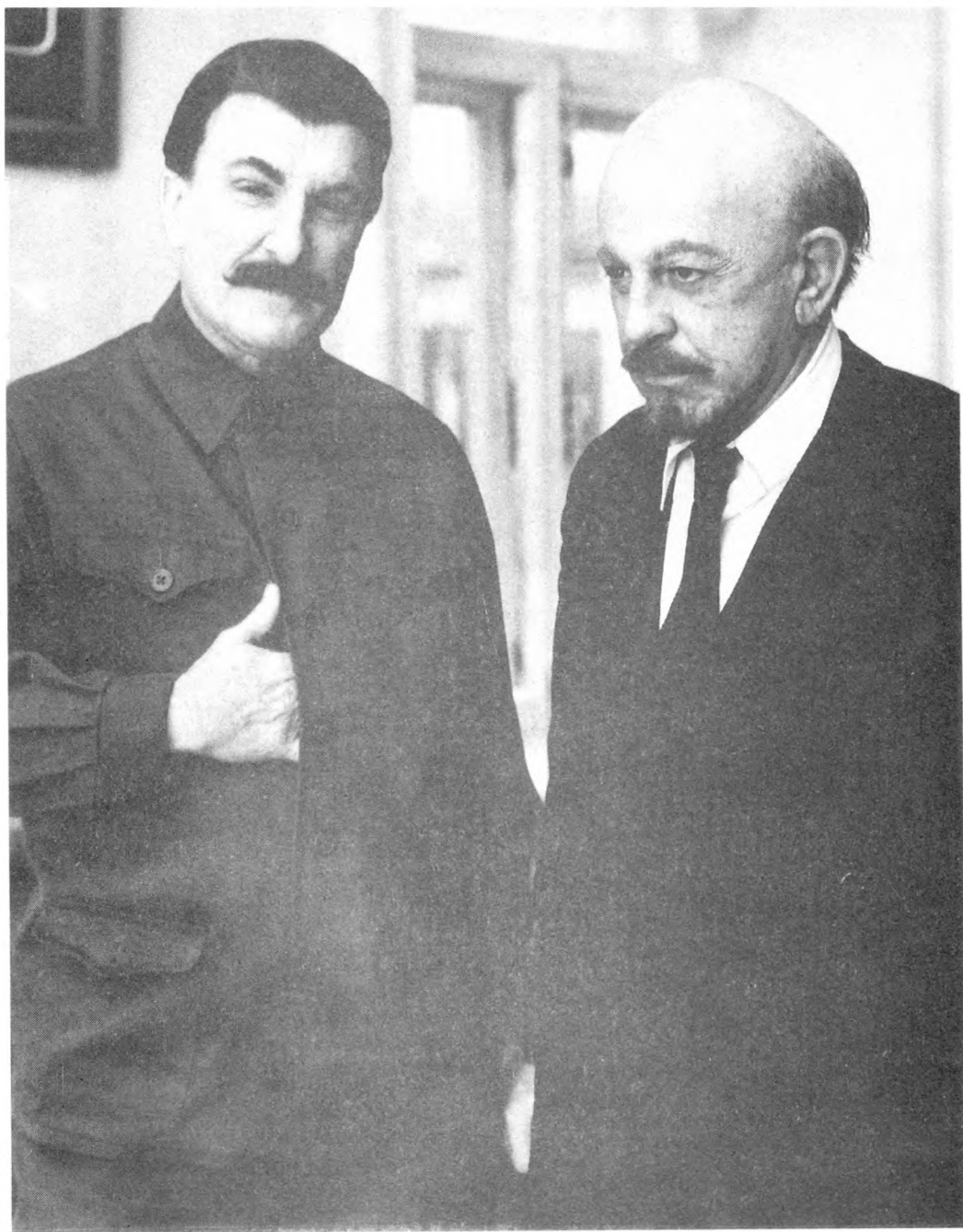
Пулицером в «Newsies», сыграл с Уильямом Хёртом и Рауль Джулией в фильме под названием «The Plague» (по книге Карнуса), а сейчас снимается в роли детектива.

Дювалл не очень-то раздумывает над тем, откуда свалилось все это разнообразие, и живет, как видно, в полном согласии с самим собой.

Ведя машину в Вашингтон, где меня ждет самолет, я еще раз успеваю восхититься прекрасными особняками, украшающими этот цветущий пейзаж. Возможно, я не узнал о Сталине того, что хотел. Зато я узнал Дювалла. Это напряженно работающий актер. Плато, на которое он взобрался, может легко быть превращено в мясницкую колоду. Иногда Дювалл делает именно это, сам кладя голову на плоскую поверхность, но его чувство юмора и широко

известная с гордостью им самим признаваемая противоречивость собственной природы в самую последнюю минуту спасают его. «Я не причисляю себя к левому крылу этой страны. Я чувствую, что в нем сильно замешано *V. S.* (попросту *bull shit*, что означает бычье дерьмо). Это звучит по-американски добродушно и совершенно неугрожающе. С другой стороны, как сказал бы наш стереокинематографический Дювалл, на самом деле все выглядит не так задушевно. Если по-настоящему правая партия придет к власти в Соединенных Штатах, эти высказывания могут принять зловещую окраску. Не забывайте, что Сталин начинал с поэзии.

—  
Андрей Кодреску (из журнала  
«*American way*» 1 ноября 1992 г.)  
Перевод с английского  
Кирилла Рюрикова



**Сталин — Роберт Дювалл, Ленин — Максимилиан Шелл.**



# ПОЛЬ МОНАШ СТАЛИН

Фрагменты

История Нади Аллилуевой

**К**вартира Аллилуевых. Ночь. Маленькая, очень чистая и опрятная комната, ухоженная явно с любовью. Узкая кровать, стол, кресло с прямой спинкой. На стенах ничего нет. Комната представляет собой как бы убежище в ожидании Сталина. Сталин распаковывает небольшой чемодан. Сергей Аллилуев наблюдает.

**Сергей.** Говорят, Троцкий также приезжает. Собирается присоединиться к большевикам. Это точно.

**Сталин.** Чтобы противостоять Ленину?

**Сергей.** Помочь ему. Он признал, что Ленин был прав.

Входит Ольга с бутылкой вина и двумя стаканами, ставит их на стол.

**Ольга.** Вино из Грузии. Добро пожаловать домой.

Сталин ей улыбается. Ольга выходит, а Сергей наливает вино.

В гостиной Надя ставит пластинку на граммофон, когда входит Ольга.

**Надя.** Любимая песня Кобы «Черная ласточка».

**Ольга.** А ты откуда знаешь?

**Надя.** Ты говорила. Я помню все, что ты говорила мне о нем. И я помню, как он спас меня, когда я тонула на Черном море.

**Ольга.** Ты не тонула. Просто плескалась, а он бросился в воду, подхватил тебя и передал нам.

**Надя.** Нет, я помню, как я давилась водой, а он подплыл и спас меня.

**Ольга.** Тебе было всего три годика.

**Надя** (решительно). А я помню.

На лице Ольги мелькает тень озабоченности, когда Надя сосредоточенно ставит головку звукоснимателя на пластинку. Слышатся первые аккорды популярной грузинской песни.

Сталин со стаканом в руке прислушивается к мелодии песни, доносящейся из соседней комнаты. С теплой улыбкой смотрит на своего товарища.

**Сталин.** «Черная ласточка».

**Сергей.** Надина пластинка.

**Сталин.** Она... сколько ей сейчас?

**Сергей.** Семнадцать. Но уже посвятила себя. Она могла бы вступить в теоретический спор с Лениным.

**Сталин.** Хотелось бы послушать.

Смеются. Сергей с сияющей улыбкой смотрит на Сталина.

**Сергей.** Ну что, Коба!

**Сталин.** Сталин.

**Сергей.** Сталин?

**Сталин.** Мое новое имя.

**Сергей.** Сталь.

**Сталин.** Сталь.

Сталин купается в лучах улыбки Сергея.

**Сталин.** Но для тебя, мой старый друг, для друзей и товарищей, таких как ты... я всегда буду Кобой!

Сергей поднимает свой стакан.

**Сергей.** За Сталина.

**Сталин.** За Ленина.

Бронепоезд на фоне ночного неба с шумом несется на юг по неприметной равнине.

НАДПИСЬ: ЮЖНАЯ РОССИЯ — МАЙ 1918.

Сталин в купе, перед ним разбросаны бумаги, он попыхивает трубкой, сосредоточен.

Надя идет по коридору с газетами и чайным подносом, неловко балансируя при покачивании вагона на стыках неровных путей. Подходит к двери купе, открывает.

Сталин отрывается от бумаг при входе Нади. Вынимает трубку изо рта, откладывает бумаги в сторону и мундштуком трубки указывает на место, куда надо положить газеты и поставить поднос с чаем. Надя расставляет, она немного напряжена в присутствии Сталина. Он смотрит на нее, затем сосредоточивается над своей работой. Надя разливает чай. Немного проливает на одну из карт, торопливо вытирает.

**Надя.** Извините.

**Сталин** (схватив ее за руку). Ты забываешь, что это фронт, кишащий армиями. Наши и белые!

**Надя.** Я не... Я...

**Сталин.** Да, мы несем большие потери... А может быть, ты контрреволюционерка.

Сталин ухмыляется, отпускает Надину руку и трубочкой указывает на противоположное сидение.

**Сталин.** Садись.

Надя скованно присаживается напротив Сталина. Он просматривает газеты.

**Сталин.** Ну что там они пишут, мы победим или нет?..

**Надя** (с партийной уверенностью). Что бы они там ни писали, все — неправда!

**Сталин** (читая газетные заголовки). «Казачи наступают на всех фронтах». Ты думаешь, что это неправда?

**Надя.** Им докажут, что это не так!

**Сталин.** Это то, что говорит Ленин. Ты все еще работаешь в его секретариате?

**Надя.** Да, но сейчас я в отпуске.

**Сталин.** Что ты думаешь о нашем вожде? (Не дожидаясь ответа.) Конечно, ты его боготворишь. А кто его не боготворит?

Надя молчит.

**Сталин.** А Троцкий? Каково твое мнение? Тот ли он человек, чтобы командовать войсками?

**Надя.** Говорят, он выдающийся человек.

**Сталин.** Значит, он устраивает Ленина?

**Надя.** Не знаю. Я...

**Сталин.** Не будем говорить о секретах. Мы верны Ленину.

Сталин возвращается к прерванной работе, показывая тем самым, что Надя свободна. Она колеблется, затем выходит из купе и не видит, КАК Сталин проводил ее взглядом.

Бронепоезд грохочет по почти безликой рассветной равнине.

В купе Надя внезапно открывает глаза. Рука солдата упала на ее грудь. Она отбрасывает ее в сторону. Солдат спит. Надя заметко растеряна и смущена своей девичьей реакцией. Выходит из купе в коридор.

Как и раньше, коридор забит спящими людьми, но в дальнем конце стоит один мужчина, курит, глядяется в окно, глубоко погруженный в свои мысли. Это Сталин. Он замечает в конце коридора Надю. Со стороны Нади порыв к нему, но Сталин отворачивается, как бы не видя ее, и возвращается в свое купе.

Надя входит в купе, неся на подносе чай и печенье. Сталин курит и смотрит на нее, оторвавшись от работы. Он наблюдает, как осторожно Надя ставит поднос. Она отводит взгляд от Сталина.

**Сталин.** Этот отпуск... Это что, твоя идея?

**Надя** (в замешательстве). Моя идея?

**Сталин.** Тебе предложили?

**Надя.** Мы обсуждали. Я отпросилась.

**Сталин.** И что ты сказала?

**Надя.** Что идет гражданская война, и я, может быть, смогла бы быть более полезной.

**Сталин.** Поднести чай Сталину?

Надя молчит.

**Сталин.** Или... следить за Сталиным? Доносить на него?

**Надя.** Нет. Помогать ему.

**Сталин.** Ну, конечно. Тебе они так и сказали... Сталину необходима помощь?

**Надя.** Нет.

**Сталин.** Сталин нуждается в помощи восемнадцатилетней девчонки?

**Надя.** Помогать вам... делать какие-нибудь заметки.

**Сталин.** Кто? Кто говорил тебе следить за Сталиным? Ленин? Троцкий?

**Надя.** Я никогда не говорила с Троцким.

**Сталин** (с едва заметной улыбкой). Хорошо. Тогда это — Ленин. Ну что ж, он прав. Следить за каждым — кредо революционера.

**Согласна?**

Надя ошеломлена. Она выскакивает из купе. Сталин сам себе улыбается.

Поезд увеличивает скорость.

...Следующая ночь.

Надя стоит в коридоре среди спящих. Она видит Сталина, выходящего из своего купе. Он смотрит в ее сторону, закуривает сигарету. Надя наблюдает за ним почти в гипнотическом состоянии. Еще раз взглянув на нее, он направляется в свое купе. В последний момент дает знак Наде. Когда она входит в купе, жестом указывает ей закрыть дверь и жестом же приглашает сесть напротив. Некоторое время смотрит на нее как бы изучающе.

**Сталин.** Ты действительно хочешь помогать мне?

**Надя.** Конечно.

**Сталин.** У тебя есть блокнот? Нет? Вот, возьми. Вот и карандаш. Готова?

**Надя.** Да.

**Сталин.** Пиши: «В своем купе Сталин сказал мне, что он сделает все возможное, чтобы стабилизировать Южный фронт... Он примет жесткие меры». Записала?

**Надя** (пишет). Нет.

Она поспешно продолжает писать. Закончила нахмурившись. Сталин откусывает печенье, потягивая чай. Взгляд на Надю.

**Надя.** Но они говорили...

**Сталин.** Ну, ну.

**Надя.** Вы здесь только для сбора зерна.

**Сталин.** Да, вот этого и хочет Троцкий.

**Надя.** Но это же ваши приказы.

**Сталин** (улыбается). Сталин не подчиняется

приказам, если он с ними не согласен.  
**Надя.** Да, вы всегда становитесь руководителем.

**Сталин.** Не всегда.

**Надя.** Мой отец говорит, что — всегда. Вы поворачиваете ход событий так, как вы хотите. И всегда добиваетесь своего.

**Сталин.** Что еще он говорит?

**Надя.** Что вы — герой, организовывали смелые экспроприации, бежали из тюрьмы. Вы — гигант среди пигмеев.

Сталин смеется и резко обрывает смех.  
**Сталин (иронично).** Я — маленький, простой человек, сын сапожника и темной прачки.

Он говорит это с иронией, пристально глядя ей в лицо, изучая, стараясь проникнуть в ее мысли. Надя прямо смотрит ему в глаза, обретая определенную уверенность в себе. Она улыбается едва заметной сокровенной улыбкой и начинает декламировать, почти распевая:

**Надя.** «Распустился розы бутон,  
Колокольчики вокруг,  
Пробудился ирис...»

Сталин мягко посмеивается.

**Надя.** «Жаворонок в голубой выси  
Издает веселые трели,  
Словья чарующие песни...»

**Сталин.** «...и с чувством переполненным...»  
(Быстро.) Мне было пятнадцать, когда я написал вот это... Нет, шестнадцать. (Немного задумавшись.) Да, шестнадцать. Шестнадцать.

Сталин смотрит на Надю долгим взглядом. Довольно резко встает, опускает шторы в купе. Надя наблюдает за ним. Он запирает дверь, выключает свет.

Штаб в Царицыно.

Сталин и Надя въезжают на территорию штаба в потрепанном, запыленном автомобиле. Громадная, беспорядочная масса командиров, солдат, курьеров, кавалеристов, мотоциклистов. Все это выглядит как нечто случайно собранное вместе, на скорую руку устроенное. Издалека отчетливо слышатся артиллерийские залпы.

Климентий (Клим) Ворошилов появляется из этого бедлама, чтобы приветствовать Сталина. Ворошилов, смуглый, с приятными чертами лица мужчины, одного со Сталиным возраста, в бросающейся в глаза безукоризненной форме (если не брать в расчет запыленность). Его сопровождает адъютант. Сталин и Ворошилов одновременно поднимают руки в знак приветствия.

**Сталин.** Вы только посмотрите! Командарм! **Ворошилов.** А вы посмотрите! Комиссар национальностей, выбранный самим Лениным.

Они обнимаются. Надя смотрит на них. Сталин поворачивается к ней.

**Сталин.** Клим Ворошилов, это Надя Аллилуева. Дочь Сергея.

**Ворошилов (Наде).** У вас мамыны глаза.

Неожиданно галантно он подносит Надину руку к своим губам. Сталин насмешливо улыбается.

**Сталин.** Большевик-аристократ!

Он берет Ворошилова под руку и отводит в сторону.

**Сталин.** Пойдем.

Надя смотрит им вслед. Сталину не до любезностей, сейчас только о делах.

**Сталин.** Наш фронт прорван? На каком участке?

**Ворошилов.** Разумник.

**Сталин.** Полковник царской армии.

**Ворошилов.** Специалист по артиллерии.

**Сталин (вытаскивая список).** Филиппов, Коваленко. Тоже царские офицеры.

**Ворошилов.** Да.

**Сталин.** Ты им доверяешь?

Ворошилов молчит.

**Сталин.** Троцкий доверяет. А ты?

**Ворошилов.** Троцкий — Военный Комиссар. Командующий Красной Армией.

**Сталин.** Ты не согласен с Троцким?

**Ворошилов.** Не совсем.

**Сталин.** Как ты думаешь, сможем ли мы победить, если мы постоянно вынуждены оглядываться назад?

**Ворошилов.** Трудно.

**Сталин.** Трудно или невозможно?

**Ворошилов.** Невозможно.

**Сталин.** Ты согласен, что бдительность — прежде всего?

**Ворошилов.** Да, абсолютно. Твердая бдительность.

**Сталин.** Хорошо. Вот список ненадежных офицеров. (Передает список.) Они должны быть немедленно собраны.

**Ворошилов.** Троцкий...

На берегу Волги.

24 разоруженных офицера Красной Армии, бывшие офицеры царской армии, грузятся на баржу. Их охраняют и подгоняют агенты ЧК. Они почти не оказывают сопротивления. Сталин и Ворошилов наблюдают за операцией. Один из схваченных офицеров обращается в их сторону.

**Офицер.** Почему? За что? Мы же отчаянно боролись за вас, ублюдки!

Его заталкивают на баржу. Сталин наблюдает до тех пор, пока последнего офицера не загоняют в люк. Чекист заколачивает люк. Сталин резко поворачивается к Ворошилову.



Ольга Аллилуева — Джоун Плаурайт.

Сталин. Баржа не должна затонуть, Клим. Смотри в оба. Их всех в расход.

Вспышка в глазах Сталина отражается в глазах Ворошилова. Чекисты уходят, оставив двух солдат на посту.

Кабинет Ленина. Ночь.

Лев Троцкий, 38 лет, обаятельный в гнев человека, стремительно входит в кабинет Ленина. На нем традиционная черная кожаная куртка. Размахивает телеграммой. Он в ярости, если не сказать больше.

Троцкий. Телеграмма. (Читает.) «Комиссару Троцкому, Красная Армия. От И. В. Сталина, направленного на Южный фронт. 24 бывших царских офицера, заподозренных в измене, утонули. Несчастный случай. Замените их надежными людьми».

Троцкий бросает телеграмму на стол Ленина.

Троцкий. Убийство!

Ленин. Он говорит... несчастный случай. У меня независимое сообщение от Ворошилова. Офицеры содержались на барже. Баржа затонула.

Троцкий. А кто поместил их на баржу? Незаменимые, профессиональные офицеры! Кто убил их? Сталин! Требую, чтобы его немедленно отозвали. Держите его подальше от армии. Избавьтесь от него.

Ленин. Сталин — это товарищ, на которого можно положиться.

Троцкий. Отзовите его. Или я подаю в отставку! Троцкий или Сталин!

Ленин. Ну как вы не поймете. Должны быть и Троцкий, и Сталин. Вы нужны оба.

Троцкий долго и пристально смотрит на Ленина, затем, рассерженный, торопливо уходит из кабинета. Ленин, оставшись один, явно взволнован.

Квартира Бухарина в Кремле. Ночь.

Надя похорошела, заметно повзрослела. Она всматривается в свое зеркальное отражение. Позади нее клетка с парой попугаев. Из другой комнаты доносятся звуки музыки, смех, голоса. Ольга, мать Нади, появляется в зеркале, подходит к ней сзади и обнимает дочь.

Надя. Почему Бухарин держит птиц в клетке? Ольга. Спроси у Николая.

Надя. Мне это не нравится.

Ольга. Мне тоже. Видимо, это что-то от цыган.

Надя. Во мне что, действительно течет цыганская кровь?

Ольга. Твоя бабушка — цыганка. Это правда.

Ольга прикасается к Наде.

Ольга. Ты еще так молода.

Надя. И ты считаешь, что он для меня слишком стар. Вы с отцом были еще моложе, когда поженились.

Ольга. У тебя независимый характер, поэтому клетки претят твоей сути.

Надя. А замужество — клетка?

Ольга. Он — грузин. Я знаю их. Своих женщин они держат в клетках. Коба не потерпит...

Надя. Я хочу быть с ним! Я хочу быть рядом с ним в борьбе за лучший мир. И в минуты триумфа я буду на его стороне! И он это знает.

Широко распахивается дверь. Это Сергей.

Сергей. Надя, он спрашивает о тебе.

Ольга. А она не причесана.

Надя идет к двери. Останавливается, чтобы обнять отца, перед тем как выйти в гостиную. Сергей смотрит на Ольгу.

Сергей. Что-то случилось?

Ольга не отвечает и выходит. Сергей следует за ней.

Гостиная в квартире Бухарина весьма экзотична. Много растений, птиц, стены увешаны

картинами. Среди гостей здесь — Аллилуевы, Орджоникидзе, Ворошилов.

Николай Бухарин, хозяин, играет на пианино так же энергично, как Сталин и Серго танцуют. Гости смотрят и хлопают в такт.

Бухарин на десять лет моложе Сталина, он одет в традиционную русскую блузу и высокие сапоги. В его облике есть что-то божественное, но властность присутствует в такой же степени.

Без перерыва другой человек занимает место Бухарина за пианино. Тот встает и подходит к столу, обильно заставленному икрой, дорогой копченой рыбой, бутылками водки и шампанского. Бухарин наливает шампанское, несет бокал Наде, которая наблюдает за танцем Сталина и Серго.

**Бухарин.** О, радость! О, вечное веселье!

Надя с некоторой нерешительностью принимает бокал. Ее взгляд обращен на обильный стол. На какой-то миг оба почувствовали себя неловко.

**Надя.** Не слишком ли, когда страна...

**Бухарин.** Ты молода. Наша революция тоже молода. Так торжествуйте!

**Надя.** О, Николай, ты всегда оптимистичен.

**Бухарин.** Да, склонность понаблюдать за яркой стороной жизни. Среди нас, русских, это не распространено, но у нас с тобой есть что общее.

Входят двое. Один из вошедших Каменев, другой — Зиновьев. Зиновьев несет две бутылки шампанского. Он поднимает их вверх, когда подходит к Бухарину и Наде.

**Зиновьев.** Французское шампанское.

**Каменев.** Вызволено из подвалов князя Волконского.

**Зиновьев.** Значит, это невеста?

Передает бутылки Бухарину.

**Зиновьев.** Николай, окажи мне честь.

**Бухарин (Наде).** Георгий Зиновьев.

**Зиновьев.** Зовите меня Гришей.

Бухарин откупоривает бутылку. Зиновьев хватается за стакан, протягивает его, чтобы наполнить. Улыбается Наде.

**Зиновьев.** Сожалею, что не смогли вызвать хрусталь Волконского.

**Каменев.** Разбит вдребезги.

Зиновьев поднимает свой стакан, чтобы произнести тост.

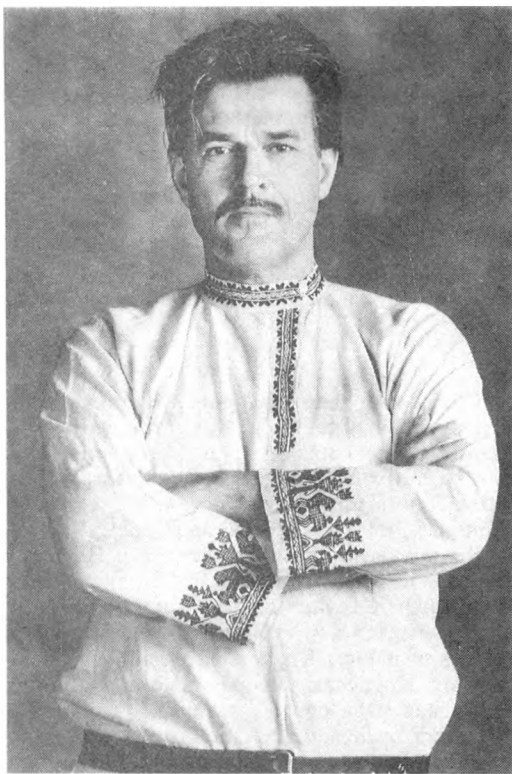
**Зиновьев.** За жизнь!

За ним стоит Каменев с сияющей улыбкой. Все смотрят на Сталина и Серго.

**Зиновьев.** Ваш муж и Серго. Ну что за прелесть!

Снисходительный взгляд Зиновьева обращен на Надю, которая, улыбаясь, отходит. Каменев подходит к Зиновьеву.

**Каменев.** Наши веселые грузины! Вино, песни...



Николай Бухарин — Джероен Краббе.

Зиновьев провожает взглядом Надю, которая подходит к Сталину.

**Зиновьев.** И женщины.

Сталин и Серго расходятся, когда Надя подходит к ним. Зиновьев ставит свой стакан, поворачивается.

**Каменев.** Куда направляешься?

**Зиновьев.** К Троцкому.

Зиновьев незаметно выходит. Серго тем временем обращается к Наде и Зине.

**Серго.** Сюда, сюда.

Надя в нерешительности. Зина берет ее за руку и вводит в круг, где танцевали до этого Сталин и Серго. Их лица разгорячены. Бухарин опять за пианино, наигрывает мелодию. Гости хлопают в ладоши, когда четверо начинают традиционный медленный грузинский танец, руки на плечах друг друга.

Коридор в Кремле. Ночь.

Зиновьев стучит в дверь квартиры. Открывает Троцкий с книгой в руках. На нем ремень с кобурой из черной кожи, в кобуре виден пистолет. Зиновьев, взглянув на книгу, ухмыляется.

**Зиновьев.** Французский роман?

Троцкий ледяным взглядом смотрит на Зиновьева.

**Зиновьев.** В квартире Бухарина происходят куда более интересные события. Горец и Надя Аллилуева поженились. Как это тебя не пригласили? В конце концов, ты заставил Ленина отозвать его в Москву.

**Троцкий** (закрывая дверь). Что еще?

Зиновьев трезвеет под холодным взглядом Троцкого.

**Зиновьев.** Да нет, ничего.

Троцкий закрывает дверь перед Зиновьевым.

Снова квартира Бухарина. Входят Ленин и Крупская. Сталин и Надя танцуют. Внимание всех сосредоточено на Сталине, поэтому приход Ленина остается незамеченным. Ленин шепчет Крупской.

**Ленин.** Где он только находит время?

Крупская не отвечает. Сталин и Надя под бурные возгласы собравшихся заканчивают свой танец. Сталин подхватывает Надю, целует в губы долгим, страстным поцелуем. Все, за исключением Крупской, бурно их приветствуют. Крупская поворачивается к Ленину.

**Крупская.** Она совсем девочка.

Ленин не отвечает. Сталин прерывает поцелуй с ухмылкой завоевателя, резко подхватывает на руки Надю и несет к двери. Когда подходит к Ленину, задерживается. Ленин грозит пальцем Наде.

**Сталин.** Похищаю вашего секретаря.

**Ленин.** Грузины всегда похищают своих невест. Но тем не менее, завтра на работу. Революция требует!

**Сталин.** Так и быть. (Ухмыляясь.) Но не с самого утра!

Сталин, неся Надю, выходит. Ленин пошмеивается.

Сталин несет Надю по коридору к своей кремлевской квартире, головка Нади нежно и доверчиво лежит на его плече. Освободив руку, но продолжая держать Надю, он открывает дверь квартиры.

Пройдя в спальню, Сталин опускает Надю на кровать. Некоторое время стоит над ней, затем опускается сам. Прежде чем заняться любовью, оглядывается. Сквозь окно спальни вдали видна Красная звезда, ярко горящая на вершине башни Кремля. На какое-то время взгляд Сталина прикован к Красной звезде. Затем он поворачивается к Наде, и их губы сливаются.

Кабинет Ленина.

Присутствуют Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Сталин, Крупская. Хотя это и заседание Политбюро, самого могу-

щественного органа страны, атмосфера на нем непринужденная. Сталин неспешно прохаживается, попыхивая трубкой. Бухарин делает какие-то наброски. Ленин сидит за столом, откинувшись в кресле. Остальные в непринужденных позах сидят в удобных креслах у стола. Создается впечатление, что они кого-то ждут.

**НАДПИСЬ: МОСКВА — АПРЕЛЬ 1922.**

С извиняющейся торопливостью входит Надя. Видно, что она беременна.

**Надя.** Простите.

Ленин (с шутилой строгостью). Нам что, и историю не делать, поскольку некому вести протокол?

**Троцкий** (цинично). Не беспокойтесь. Все в свое время будет переписано.

Надя занимает место на углу стола Ленина. Открывает блокнот, приготовившись вести запись. Она обращает к Сталину виноватый взгляд. Тот в ответ ободряюще ей улыбается, что не остается незамеченным Бухариним.

**Бухарин.** Муж ей прощает. Если он может простить, то и мы простим.

Все, кроме Сталина, смеются. Ленин переходит к деловому ведению заседания.

**Ленин.** На повестке дня один вопрос — секретариат. Как нам улучшить его работу?

**Зиновьев.** А какие возникли проблемы в его работе?

**Каменев.** Его структура явно не соответствует быстро распространяющимся функциям.

**Зиновьев.** Поконкретней, Каменев. Без демагогии.

**Каменев.** Это практические проблемы, связанные с организационной партийной структурой. Членские взносы, распределение обязанностей среди членов. В секретариате должны решать такие вопросы. По сути, они являются тормозом в работе. Достаточно конкретно?

**Бухарин.** Нам надо решить эти вопросы на Политбюро. Что нам необходимо, так это подумать.

**Зиновьев.** Но там работают достаточно компетентные люди.

Ленин. Одному из нас необходимо возглавить работу секретариата в качестве генерального секретаря. Таким образом у нас будет непосредственная организационная связь.

Тишина. Все поглядывают друг на друга.

**Ленин.** А вы что думаете об этом, товарищ Троцкий?

**Троцкий** (резко). Не навьючивайте на меня эту работу. Навьючите мула. Навьючите Сталина.

Ленин (ударяя рукой по столу). Без личных выпадов.

Троцкий упрямо молчит. Ленин обращается к Зиновьеву.

Ленин. Товарищ Зиновьев? А как вы?

Зиновьев. Я предлагаю Сталина.

Каменев. Да, Сталина.

Ленин. Товарищ Сталин, вы согласны?

Сталин. Если никто больше не претендует...

Ленин. Хорошо. Тогда решено.

Бухарин. Товарищ Ленин! Могу я перейти к другому вопросу?

Ленин. Прошу вас.

Бухарин. Война позади, мы вступили в новый этап. Полиция, полагаю, должна быть подотчетна. Но они все еще делают то, что им вздумается. Все еще терроризируют людей.

Ленин. Вы совершенно правы, товарищ Бухарин. Жестокости не должно быть места... Что вы там набросали?

Бухарин передает прелестный шарж на Надю с ребенком на руках, который похож на довольного Сталина, с усами и другими его характерными чертами. Все смеются, включая Сталина.

Спальня в квартире Сталина. Ночь.

Надя в предродовых муках. За ней ухаживает ее мать — Ольга, ее отец — Сергей, подруга — Зина Орджоникидзе и врач.

В гостиной в это время Серго Орджоникидзе и Сталин, удобно расположившись в креслах, распивают бутылку спиртного. Время от времени доносятся стоны Нади.

Сталин (довольный, доверительно). Серго, они передали мне всю власть, чтобы держать руку на всех рычагах! Они даже не осознают всего случившегося. Ублюдки безмозглые. А Троцкий отказался! (Смеются.) Ты знаешь, что мне дали в награду за то, что я согласился? Дачу!

Серго (присвистнув). Дорога в мир сильных! Сталин. Ты знаешь, кому принадлежала дача? Попробуй угадать, Серго, угадай... (Тот не может отгадать.) Зубалову!

Серго. Зубалову? Тупице, который владел нефтезаводом в Баку?

Сталин (кивая). Ублюдок, которому мы устроили забастовку.

Зина проходит в кухню.

Серго и Сталин. Как она себя чувствует? Все в порядке?

Зина. О, мужчины!

Зина уходит. Сталин и Серго вновь наполняют свои стаканы.

Сталин. Как ты смотришь на то, Серго, чтобы вернуться в Грузию — столкнуть лбами несколько голов?

Серго. Кого?

Сталин. Некоторых наших старых друзей. Они правят как будто своей собственной вотчиной. Требуется хороший пинок в зад.

Показывает шутивно пинок ногой.

Сталин. Что тебе нужно, так это пара хороших сапог. Потрогай эти. (Похлопывая по сапогу.) Давай, давай. Потрогай.

Серго осторожно нагибается и трогает мягкую и блестящую кожу.

Сталин. Я бы тоже делал такие, если бы отец смог заставить. Сколько мне было — девять? Он привез меня в Тбилиси и устроил на обувную фабрику. Хотел сделать из меня сапожника, как он сам. Я убежал, вернулся домой, он выбивал из меня дурь. Но я никогда ни для кого не делал сапоги. Нет, я только ношу их. А ты знаешь, что в них самое хорошее? (Злобно пинает ногой.) Таким сапогом так можно пнуть, что и зубов не соберут. (Еще один злобный пинок.). Носи сапоги, Серго.

Шутливо дает Серго пинок в зад.

Сталин. Носи сапоги!

Зина возвращается из кухни с тазом горячей воды, входит в спальню. Родовые схватки Нади достигают апогея. Ольга вытирает ей лоб. Сергей беспорядочно толчется в углу комнаты, стараясь не мешать.

Черный «седан» въезжает в Кремль через охраняемые ворота и следует во внутреннюю часть Кремля.

Сталин в гостиной подходит к окну и видит, как подъезжает «седан», из него выходит Бухарин. Бухарин смотрит на здание и торопливо идет к нему. Из спальни слышен приглушенный вопль. Сталин оборачивается. Он и Серго в беспokoйном ожидании. Слышится крик новорожденного. Появляется сияющая Зина.

Зина. Мальчик!

Сталин бросается в спальню. Зина следует за ним. Серго с радостными возгласами поднимает наполненный стакан. Слышится настойчивый стук в дверь. Серго открывает и выпускает бледного и возбужденного Бухарина.

Сталин держит в руках новорожденного. Сталин. Мальчик. У нас сын.

Надя кивает, улыбающаяся и счастливая. Сталин. Вася. Мы назовем его Василием. Голос Бухарина. Коба!

Сталин, нахмурившись, оборачивается. Трясущийся Бухарин стоит на пороге спальни, за ним — Серго.

Бухарин. Ленин. У Ленина удар.

Сталин поражен, как и все остальные.

Коридор канцелярии Ленина.

Сталин в сопровождении Кагановича подходит к коммутатору. Наташа кивает Сталину, передает ему наушники. Сталин слушает. Его лицо становится напряженным. Кладет

наушники и сердито, большими шагами выходит из комнаты и идет по коридору.

В кремлевской квартире Ленина Сталин все еще в ярости стоит лицом к лицу с Крупской.

**Сталин.** Где он?

**Крупская.** Он...

Сталин проходит мимо нее.

**Крупская.** Его нельзя беспокоить.

Слова произносятся уже вслед Сталину, который врывается в холл. Он застаёт Ленина читающим брошюру. Ленин поднимает взгляд на Сталина.

**Ленин.** Вот читаю свои работы, написанные в 1903 году. Попались под руку. Сейчас очень интересно читать, насколько мы были глупы в то время.

Сталин смотрит на полку с докладами и на газеты, лежащие на столе рядом с Лениным.

**Сталин.** Что вы делаете? Это официальные сообщения?

**Ленин** (вызывающе). Да, я читаю официальные сообщения.

**Сталин** Врачи...

**Ленин.** ...ответственны перед вами.

**Сталин.** Организационно. А вот медики — они озабочены. Они не хотят, чтобы вы перегружали себя.

**Ленин** (вспылив). Перегружал? Просматривать газеты, это что — нагрузка? Даже говорить о политике?

**Сталин.** Газеты!

**Ленин.** Да, настоящие газеты. (Пауза.)

**Ленин** (продолжая). Но не те, которые вы напечатали для меня, только одну копию для Ленина... в единственном экземпляре, полную хороших новостей.

**Сталин.** Чтобы помочь вашему выздоровлению.

**Ленин.** Итак, я не должен знать о жизни в стране. Мне нельзя читать наши собственные газеты! Нет, пусть товарищ Ленин читает ваши собственные сказочки! Что за чушь! Что за несусветная чушь!

Ленин видит приближающуюся Крупскую, кивает, чтобы она ушла. Крупская уходит.

**Сталин.** Это ускорит ваше выздоровление. Нам необходимо ваше выздоровление. Нам нужен товарищ Ленин как руководитель.

**Ленин.** Как может товарищ Ленин руководить, если его лишают информации?

Сталин решительно берет документ из рук Ленина.

**Сталин.** Никакой политики. Требование врачей.

**Ленин.** Положение в Грузии...

Сталин прикладывает палец к губам.

**Сталин.** Положение полностью под контролем. Нет причин для беспокойства — только ваше здоровье.

Сталин идет к двери, вновь прикладывая палец к губам.

**Сталин.** Никакой политики.

Идет через зал, видит Крупскую, в ярости набрасывается на нее.

**Сталин.** Почему ты позвала Троцкого, дура ты бестолковая? Думала, я ничего не узнаю? Он не должен встречаться с Троцким! Или с кем бы то ни было! Ты что делаешь? Убиваешь его?!

Сталин бушует. Крупская ошеломлена. Она видит приближающегося Ленина. Он все слышал. Он трясется.

Кремль. Ночь.

Надя выбегает из здания, в котором расположены квартиры партийных руководителей. На ней черное пальто. Она бежит через заснеженный двор, подбегает к зданию, где работает Сталин.

Выходит Сталин. Он останавливается, увидев фигуру в черном пальто, торопливо направляющуюся к нему и несущую в себе что-то зловещее. Он ждет, видимо, стараясь взять себя в руки. Надя останавливается. Она задыхается, пытается заговорить, но безуспешно.

**Сталин.** Что случилось?

**Надя.** Ленин.

Сталин сразу все понимает. Подходит к Наде. Она прильнула к нему.

**Сталин.** Ленин умер.

Сталин крепче прижимает к себе Надю. Слезы градом текут по ее щекам. Сталин вытирает ей слезы, успокаивает. Он смотрит мимо Нади на Красную звезду, которая ярко сияет на башне Кремля.

Дача Сталина в Зубалово. Большой загородный дом с обширным парком. Около 15 миль от Москвы. Надя и Зина сажают овощи. На заднем плане Сталин и Серго, они прогуливаются и беседуют. Маленький Вася сидит на плечах у Сталина.

**НАДПИСЬ. ЗУБАЛОВО — МАЙ 1924.**

**Зина.** Ты счастливица — иметь такой дом.

**Надя.** Я не хотела. Думала, что они устроят здесь приют для сирот. Или что-нибудь подобное.

**Зина.** Надя, ты большая идеалистка.

**Надя.** Я? Я?

Переводит взгляд на Сталина и Серго.

**Надя.** Он меняется.

**Зина.** Иосиф?

**Надя.** У нас сегодня утром был спор.

**Зина.** О чем?

**Надя.** Николай.

**Зина.** Бухарин? Но ему нравится Буха...

**Надя.** Николай нашел мне работу в новом



издательстве «Революция и культура».  
(Пауза.)

**Надя** (продолжая). Иосиф сказал: «И ты будешь все свое время проводить с бухаринской компанией богемных... бесполезных поэтов, артистов...»

**Зина** (с едва заметной улыбкой). А ты ответила: «Они не бесполезны».

**Надя** (улыбаясь). Я сказала, что они далеко не бесполезны.

**Зина**. «Что революции нужна культура...»

**Надя**. Точно. Потом я обняла его, и он извинился.

**Зина**. А затем вы занялись любовью?

**Надя** усмехнулась, настроение у нее быстро изменилось.

**Надя**. И все это пошло с ужасной кончины Ленина. Что с нами будет? Кто возглавит партию? Иосиф говорит, что они всё делают тайком, за его спиной. Устраивают заговор.

**Зина**. Кто?

**Надя**. Троцкий. О, он ненавидит Троцкого. И Зиновьева, и Каменева. Он называет их грязными евреями. Он знает, как я расстраиваюсь, когда он говорит такое.

Сталин и Серго подходят ближе. Серго кричит.

**Серго**. Пора ехать, Зина.

**Зина** и **Надя** целуются. Зина убегает к Серго, который послал прощальный воздушный поцелуй Наде. Мы слышим звонок телефона в доме. Сталин входит в дом и снимает трубку. Вася все еще на его плечах. Он секунду слушает, затем в гневе срывает телефон со стены и швыряет на пол. Это всё **Надя** видит через открытое окно. Подавляя гнев, Сталин выходит. **Надя** поднимает на него глаза. Сталин надевает маску отрешенности.

**Надя**. Что случилось?

**Сталин**. Телефонный звонок.

**Надя** (озадаченно). Да?

**Сталин**. О письме.

**Надя**. Каком письме?

**Сталин**. О письме, которое написал Ленин Центральному Комитету. Должно было быть вскрыто после его смерти.

**Надя**. И что в нем говорится?

**Сталин**. Ты ничего не знаешь об этом?

**Надя**. Нет, ничего.

**Сталин**. Ты там работала. Близко к Ленину. Ты не слышала, чтобы кто-нибудь говорил о нем?

**Надя**. Нет!

**Сталин**. Ты что, спала?

**Надя** (кричит). Я ничего не знаю об этом!

Сталин пристально смотрит на нее. **Надя** делает примирительное движение к нему. **Надя**. Иосиф...

**Сталин** (почти про себя). Они добрались до него. Через эту суку Крупскую. Троцкий.

Да, Троцкий. Зиновьев. Каменев. Три маленьких жиды.

**Надя**. Не говори так!

**Сталин** (с улыбкой поправляясь). ...мышки. Хорошо, грузинский кот сможет договориться с ними. А затем...

Сталин нарочито облизывает губы.

Гостиная в квартире Сталина. Вечер.

Сталин входит и, удивленный, останавливается в дверях, когда видит стройного юношу, сидящего на диване. Ему 19 лет, у него тонкий длинный нос и выразительные глаза. **Яков** вскакивает.

**Яков**. Я — Яков.

**Яков** пытается улыбнуться, но выражение лица Сталина урюмое. **Надя** выходит из другой комнаты.

**Надя**. Это твой сын.

Сталин смотрит на нее, раздраженный упреком в ее голосе, затем смотрит на Якова. **Сталин**. Что ты здесь делаешь?

**Надя**. Он приехал в Москву учиться.

**Яков**. Здесь лучше, чем в Тбилиси. Я имею в виду школы.

**Сталин** (кричит). Без моего спроса?! Ты думаешь, что можешь вот так запросто прийти сюда?

Он делает шаг к Якову, тот отпрянул назад. **Надя** вмешивается, ее голос сдержан.

**Надя**. Я выделила твоему сыну свободную комнату.

Сталин и **Надя** пристально смотрят друг на друга. Столкновение воли.

Сталин первый отводит взгляд и уходит в другую комнату. **Надя** глубоко вздыхает, затем целует молодого человека в лоб.

**Надя**. Не волнуйся. Все будет хорошо.

В спальне Сталин и **Надя** смотрят друг на друга через спинку кровати.

**Надя**. Почему, Иосиф? (Он не отвечает.) Ты мне никогда не говорил, что у тебя есть сын. Почему?

Сталин молча подходит к окну.

**Надя**. Ты ее ненавидел?

Сталин резко поворачивается. В упор смотрит на **Надю**.

**Сталин**. Нет!

**Надя**. Ты любил ее?

**Сталин**. Она была молодой грузинкой. Необразованной. Религиозной.

**Надя**. Значит ты не любил ее?

**Сталин**. Я был молод.

**Надя**. Ты никогда не говорил о ней.

**Сталин**. Она умерла.

**Надя**. Значит, с глаз долой, из сердца вон. Ты никогда не вспоминаешь о ней?

**Сталин**. Мертвые есть мертвые.

**Надя**. А если я умру?..

Сталин смотрит на нее, взволнованный. Сталин. Не говори так.

Надя. Если я умру, ты откажешься от Василия?

Сталин. Я не отказывался от Якова. Я оставил его с сестрами его матери.

Надя. Ну, а с кем же ты оставишь Василия? Сталин. Черт возьми, замолчи!

Он приближается к ней. Надя не двигается с места.

Надя. Или другого ребенка?

Сталин. Какого другого ребенка?

Надя. Того, которого я сейчас ношу.

Сталин. Которого?..

Надя. Я беременная.

Сталин. Ты беременная? Ты беременная? Почему ты мне не сказала?

Надя. Я проверила. Сегодня.

Сталин обнимает ее. Она плачет. Он сначала не знает, что делать, затем целует ее.

Надя (шепчет). Разреши Якову остаться.

Ночь. Надя во сне ворочается, протягивает руку, просыпается. Где Иосиф? Надя встает, накидывает халат, идет по квартире. Заглянув в маленькую комнату, видит спящего Василия. Няня тоже спит, лежа на узкой детской кровати рядом с младенцем. Надя тихо выходит и идет в гостиную.

Сталин, стоя в темноте, смотрит в окно. Мы видим Троцкого, Каменева и Зиновьева, которые разговаривают внизу во дворе. Надя подходит к Сталину сзади и обнимает его. Сталин. Посмотри на них. Сговариваются. Они настраивают Троцкого против меня, меня против Троцкого, и они думают, что выиграют от этого.

Она проследила за его взглядом вниз.

Сталин. Я ударю первым.

Ярославский вокзал.

Холодный серый рассвет. Кавалерия окружает площадь вокзала. Повсюду солдаты с винтовками. Пулеметы и бронемшины на подходе.

Быстро подъезжает машина, тормоза визжат при остановке. Подходят шесть мужчин, чтобы вытащить сопротивляющегося Троцкого из машины. Троцкий в валенках, шуба наполовину застегнута, и видна пижама. Меховая шапка надета набекрень. Жена его выскакивает из машины, а затем сын-подросток, который пытается дотянуться до отца. Вооруженные люди из ГПУ не подпускают жену и сына к Троцкому, которого тащат к поезду.

Сын Троцкого, Леон, которому 22 года, влетает на вокзал, крича:

Леон (почти несвязно). Товарищи, посмотрите, кого они увозят! Это Троцкий! Соратник Ленина! Мой отец!

Леон подскальзывается и падает. Никто не пытается ему помочь. Он с трудом встает на ноги.

Леон. Товарищи! Остановите их! Это Троцкий! Создатель Красной Армии! Остановите!

Сотрудники ГПУ пытаются обуздать Леона. Он отталкивает их. Они дерутся. Младший сын Троцкого подбегает, старается отбить удары. Свалка.

Через грязное окно поезда, который увезет Троцкого в ссылку, он видит, как бьют его сыновей.

Сталин, рядом с которым сидит Молотов, отодвинув край занавески в лимузине, смотрит на избитые сыновей Троцкого. Он видит его пораженное, беспомощное лицо в окне поезда. Улыбаясь, Сталин задвигает занавеску.

На кухне в квартире Сталина Надя (видно, что она беременная) и Яков, голова к голове, сидят за столом. Им легко и хорошо друг с другом. Яков читает немного с трудом.

Яков. В 1801 году Александр I запретил применение пыток. (Пауза.)

Яков (продолжая). «Само слово «пытка», — говорил он, — является позором для человечества».

Он прерывает чтение, поднимает голову. Сталин стоит в дверях, насмешливо улыбаясь. Яков приподнимается.

Надя. Я помогаю Якову подготовиться к экзаменам.

Сталин берет книгу, смотрит на Якова. Сталин. Ты согласен с Александром?

Яков нервно сглатывает слюну.

Сталин (Наде). Блестящий студент. У него нет мнения.

Надя. Иосиф...

Но взгляд Сталина вновь прикован к Якову.

Сталин. Маленькая дискуссия. Предположим, что ты армейский командир. Конечно же, этого никогда не будет, но давай предположим. Тебе приводят арестованного. Он обладает очень важной информацией, которая может спасти жизни людей в твоей части. Он не говорит, он упрям, он плюет тебе в лицо... Что ты будешь делать?

Яков. Я... Я не знаю.

Сталин. Ты позволишь своим людям умирать?

Яков. Нет.

Сталин. Как же ты спасешь их?

Яков. Я... Я... — Выплевывает: — Но пытка — это неправильно!

Сталин поворачивается к Наде.

Сталин. Ты пытаешься дать образование этому дураку?

Он выходит. Яков грустно смотрит на Надю.

Надя поднимается по лестнице, ведущей в квартиру Сталина, проходит мимо охранника в форме, который почитительно вытягивается при ее приближении. Темноволосая молодая женщина, рыдая, сбегает вниз по лестнице. Надя хотела остановить ее, но та, почти в истерике, пробегает мимо. Пораженная Надя входит в гостиную.

Яков сидит на диване, обхватив голову руками. Сталин стоит рядом. Надя закрывает дверь, подходит к Якову, утешающе кладет руку ему на плечо. Яков со сдавленным криком выбегает из комнаты. Сталин презрительно усмехается.

**Надя.** Что произошло?

**Сталин.** Он хочет жениться. Я против.

**Надя.** Почему? Кто она?

**Сталин.** Она еврейка.

**Надя.** Ну и что?

**Сталин.** Как ну и что? Ты хочешь, чтобы он женился на еврейке?

**Надя.** Как ты можешь так говорить..? Как ты можешь...

Раздается выстрел. Оба вздрагивают.

Надя бежит к комнате Якова. Дверь детской с шумом открывается, и на пороге появляется Василий, за ним стоят Светлана и няня.

**Василий.** Мамочка...

Надя пробегает мимо него и открывает дверь в комнату Якова. Он лежит на полу, стонет. Кровь медленно сочится из раны. Маленький револьвер выпал из его руки. Надя наклоняется над Яковым. Глаза его открыты. Няня нагибается рядом с Надей.

**Надя.** Вызови доктора.

**Няня.** Рана несерьезная.

**Надя.** Доктора!

Няня торопливо выходит из комнаты, почти сталкивается со Сталиным. Сталин с презрением смотрит на Надю и Якова.

**Сталин.** Идиот! Даже застрелиться не смог толком.

Пронзив Надю улыбкой, Сталин резко выходит из комнаты. Надя пытается остановить кровотечение. Обхватив голову Якова руками, шепчет что-то успокаивающее. Взгляд ее падает на револьвер.

Ленинград. Ночь.

Сергей Аллилуев подходит к своему дому. Останавливается, услышав звуки мелодии «Черная ласточка», доносящиеся из его квартиры. Немного удивлен, когда гаснет свет в окне одной из комнат.

Надя осторожно закрывает дверь. Светлана и Василий спят в той же маленькой спальне, где когда-то спал Сталин. Надя входит в гостиную, где играет патефон.

**Ольга.** Заснули?

Надя кивает. Входит Сергей. Увидев Надю, он удивился и обрадовался.

**Сергей.** Надя!

Надя оборачивается. Они обнимаются. **Сергей.** Что ты здесь делаешь, в Ленинграде?

**Надя.** Я ушла от него.

Надя поворачивается к патефону. Сергей и Ольга обмениваются тревожными взглядами. Песня на пластинке заканчивается. Надя снимает пластинку с патефона, уставившись на нее. Глаза наполняются слезами.

**Ольга** (бросив быстрый взгляд на Надю). Перестань!

Надя не может совладать с собой — рыдает. Ольга подходит и пытается ее обнять. Надя уклоняется, качая головой.

**Надя.** Ты не понимаешь.

**Ольга.** Хорошо понимаю.

**Надя.** Он...

Замолкает. На мгновение устанавливается тишина. Ольга обнимает Надю.

**Ольга.** Может позвонить ему?

**Надя** (почти испуганно). Нет. Не сейчас. Нет.

Она отпрянула от Ольги, садится вся в напряжении.

**Ольга.** Вы что, поссорились?

**Надя.** Он стал подозрительным. Он всех подозревает. Злобный. Жестокий.

**Сергей.** Кобе трудно, но...

**Надя.** Он не Коба. Он — Сталин.

**Сергей.** Конечно, он — Сталин. Он должен быть Сталиным. Что бы стало с Россией, если бы он не был Сталиным?

**Ольга.** Он хороший отец. Сама об этом много раз говорила. Любит детей. (Подумав.) Может, у него кто-то есть?

**Надя.** Нет.

**Сергей** (Ольге). Конечно, нет. Ему и без этого хватает. (Наде.) Страна в кризисе. Борьба с корыстолюбцами, разруха в промышленности, саботажники...

Надя поднимает голову, тупо уставившись на отца. Ольга садится рядом с ней.

**Ольга.** Он всегда хорошо относился к нашей семье. Ко всем нам.

**Сергей** (Наде). Страна в кризисе. Ты нужна ему.

Ольга сидит рядом с Надей.

**Ольга.** Он тебя любит...

**Сергей.** Ты не можешь бросить своего мужа...

**Ольга.** Ты устала. Побудь с нами немного...

**Сергей.** Я позвоню ему.

**Ольга.** Он разрешит. Я уверена.

**Сергей.** Я объясню, что ты устала, извелась, измучилась...

**Ольга.** Побудь с нами. Спокойно все обдумай, родная моя. А потом возвращайся. Куда ты можешь пойти? Не понимаешь? Ты — жена товарища Сталина. И это тебе не просто так.

**Сергей.** А он, наверное, беспокоится. Он знает, где ты? Я скажу ему.

Надя с изумлением смотрит на отца, не веря своим глазам. Его серьезное, но напуганное лицо нависает над ней. Она начинает смеяться. Поначалу тихонько, затем все громче и громче. Сергей и Ольга в замешательстве, почти остоленели. Наконец Ольга пытается что-то сказать, но звонит телефон. Сергей снимает трубку.

**Сергей.** Аллилуев. (Слушает). Да, да, как ты?

Короткое, очень короткое мгновение, указывающее на отрывистый ответ. Сергей поворачивается к Наде, протягивает ей трубку.

**Сергей.** Это он.

Идет с телефоном.

**Сергей.** Он хочет поговорить с тобой.

Надя медленно поднимается.

**Сергей.** Коба, она сейчас подойдет.

Унылое утро. Слякотно. Серо. Тягостно. Поезд где-то между Ленинградом и Москвой с лязгом останавливается на станции. Измученная Надя просыпается от вагонного скрежета. Сначала она не может понять, где она, подходит к окну и, подняв штору, выглядывает.

Изголодавшиеся, истощенные и отчаявшиеся люди растянулись вдоль станционной платформы. Сотни людей. Подбирается труп и швыряется на телегу, на которой находится зримое следствие голода. Отделение крепких, упитанных солдат следит за порядком среди несчастных, умирающих от голода людей.

Несколько женщин на грани полного истощения, в изодранной в клочья одежде, увидев Надю в окне вагона, пошатываясь, устремляются к ней. Солдаты грубо толкают их назад, отшвыривают. Одна падает, лежит без движения.

Потрясенная Надя в ужасе выбегает из купе в коридор вагона, но, взглянув на противоположную сторону, видит состав товарных вагонов, забитых несчастными людьми. Сотни людей, вероятно, направляются в ГУЛАГ. Несколько трупов снимают с поезда.

Подавленная, оглушенная этими видениями из седьмого адава круга, Надя пробегает по коридору в тамбур вагона. Входная дверь открыта. Кондуктор грубо отталкивает Надю в сторону. Одна из женщин, вырвавшись, бежит к поезду.

Старуха, грязная, изможденная, с широко открытыми глазами, поднимает руки в мольбе.

**Старуха.** Ты едешь в Москву. Скажи товарищу Сталину, скажи, что здесь происходит. Скажи ему, землю нашу забрали, еду забрали. Жизни порешили. Угоняют. Товарищ

Сталин не знает. Скажи ему! Скажи товарищу Сталину!

Солдат хватается за старуху, грубо ее оттаскивает. Она падает. Он тащит ее волоком. А поезд содрогается, как и Надя, и начинает двигаться. Надя беспомощно оглядывается назад.

Квартира Ворошилова. Ночь.

Камера движется вдоль стола, который уставлен едой и напитками, неприлично контрастируя с предыдущей сценой. Мы на вечер по случаю 15-й годовщины большевистской революции. Сталин в центре внимания. Среди гостей — Молотов с женой, Ворошилов с женой, Берия с женой, Каганович с женой, а также Серго и Зина. Слышны музыка, громкий смех, оживленный разговор. Гости жадно едят. Некоторые пьяны. Громадные портреты Ленина и Сталина занимают большую часть стен. Вдруг Сталин, указывая на Берию, выкрикивает.

**Сталин.** Берия!

Берия угодливо спешит. Все замолкают.

**Сталин.** Пой!

**Берия.** Не могу... Голос ужасный, товарищ Сталин.

**Сталин.** Все равно, пой. Нет, танцуй с женой. Красавица. Где ты ее нашел? Ну давай, танцуй.

Берия подходит к высокой молодой женщине с великолепной фигурой. Он вводит ее в освободившееся место для танца.

**Сталин.** Берия!

Берия оставляет жену и торопливо идет к Сталину.

**Сталин.** Не танцуй с ней. Ты только все испортишь. Сам говорил, что она замечательно танцует. Скажи ей, пусть станцует.

Берия торопливо возвращается к жене. Сталин видит, как она сердито отвечает. Короткий спор, как вспышка зажженной спички.

Звучит музыка, женщина начинает танец. Ее первые движения медленные. Она перехватывает взгляд Сталина, ускоряет ритм.

Надя уже вошла — привидение на пиру. Лицо бледное и искаженное. На ней строгое черное платье. Взгляд, скользнув поверх присутствующих, останавливается на Сталине. Ритмичные удары в такт музыке затихают — собравшиеся замечают ее присутствие. Музыка и танец расстраиваются. Зина торопится навстречу Наде.

**Зина.** Мы все надеялись, что ты приедешь!

Серго также подходит к ней с улыбкой. Надя, не замечая их, направляется прямо к Сталину. Сталин спокойно наблюдает, как она приближается.

**Сталин.** Значит, ты вернулась. Хорошо.

**Надя.** У меня для тебя послание.

**Сталин.** Моя жена доставляет послания. Большинство гостей присоединяются к осуждающей улыбке Сталина. Надя не обращает на них внимания.

**Надя.** От старой женщины.

**Сталин.** Моя жена доставляет послания от старух.

Смеется. Другие тоже смеются. Надя не обращает внимания.

**Надя.** Поезд остановился на станции. Рядом стоял грузовой состав. Вагоны были заполнены людьми. Тела сбрасываются прямо на рельсы. Много тел. Тысячи! На одной станции! А сколько на других?

Сталин сердито отходит от нее. Надя повышает голос.

**Надя.** Нет, послушай.

Ее голос, достаточно громкий, заставляет Сталина обернуться. Его глаза — желтые от гнева.

**Надя.** А с другой стороны — истощенные, изможденные, голодные люди, телеги, полные трупов... И несчастная женщина подбегает, умоляя рассказать все Сталину. Великому Сталину... (Пауза.)

**Надя** (продолжая). Эти люди умирают от голода... Если бы только Великий Сталин знал, он бы спас свой народ.

Ее рука указывает на заставленные столы.

**Надя.** А вот здесь празднуют пятнадцатую годовщину революции. Товарищ Сталин потчует своих друзей, а народ голодает. Для этого свершалась революция?

Взбешенный Сталин швыряет в Надю сигарету — молчаливое проявление ярости. Сигарета попадает чуть ниже шеи в складки платья. Сталин хохочет, когда она пытается вытряхнуть сигарету. Надя достает окуроч, какое-то мгновение держит и бросает на пол.

Надя и Зина прохаживаются в тени кремлевских зданий. Слабо доносятся звуки праздничного веселья.

**Надя.** Что мне делать? Он никогда мне этого не простит. Он расправится со мной так же, как и с другими. И только подумать, я любила его... Что же мне делать?

**Зина.** Может, уехать куда-нибудь на время?

**Надя.** Куда? Куда может уехать жена Сталина? Туда, где мрут с голода? В лагерь? Да, он может сослать меня в лагерь...

**Зина.** Он не посмеет.

**Надя.** Нет? Ты так думаешь?

Зина не отвечает. Обнимает Надю.

**Зина.** Я поговорю с ним...

**Надя.** Нет. Ты что? Подумай о себе. Умоляю.

Зина плачет. Надя вытирает слезы.

**Надя.** Уеду куда-нибудь. Ты права. Уеду.

**Зина.** Я с тобой.

**Надя.** Нет, подруга. Нет, дорогая. Я должна

уехать одна. Одна. А времени нет попрощаться с отцом и матерью, и даже с детьми. Проси уеду. Ты, ты позаботься о них, когда меня не будет. Я рассчитываю на тебя. Я люблю тебя.

Сталин. Глаза его закрыты, лицо бледное и восковое, черты заострились (почти так же он будет выглядеть в гробу двадцать лет спустя). Кажется, что он в глубоком пьяном сне, его в самом деле можно принять за мертвого. Слышится громкий стук в дверь. **Ворошилов** (голос за кадром). Коба! Коба!

Стук продолжается, Сталин открывает глаза. Он поворачивается к двери и смотрит на нее поверх женщины, лежащей рядом с ним с широко открытыми глазами. При этом Ворошилов продолжает громко стучать в дверь, выкрикивая имя Сталина.

Кремлевская квартира.

На кровати — тело Нади. Одна сторона лица и смятая подушка залиты кровью. Рядом конверт с запиской, на полу револьвер, тот самый, которым хотел застрелиться Яков. Сталин поднимает конверт и, не открывая его, держит в руке. Пристально смотрит на тело Нади. Лицо его бледное, без кровинки, опустошенное. На пороге оборачивается к Ворошилову.

**Сталин.** Накрой ее.

Сталин выходит.

Квартира Орджоникидзе в Кремле. День.

Серго и Зина выходят из автомобиля. Одеты в черное, вернулись с похорон Нади. Серго отпускает шофера, берет Зину под руку и направляется к дому.

**Серго.** Он сказал мне, что Надя ушла от него, как от врага.

**Зина.** Вот почему он не пришел на похороны!

**Серго.** Сегодня мой друг похоронил свое сердце.

**Зина.** Свое сердце?

**Серго.** Он похоронил свое сердце во лжи. Стране объявили, что она умерла от аппендицита. Да, он любил ее. Да, он убил ее. Да, он убивает миллионы в стране. А наши глаза закрыты. Кто мы? Кто мы? Кто мы сейчас?

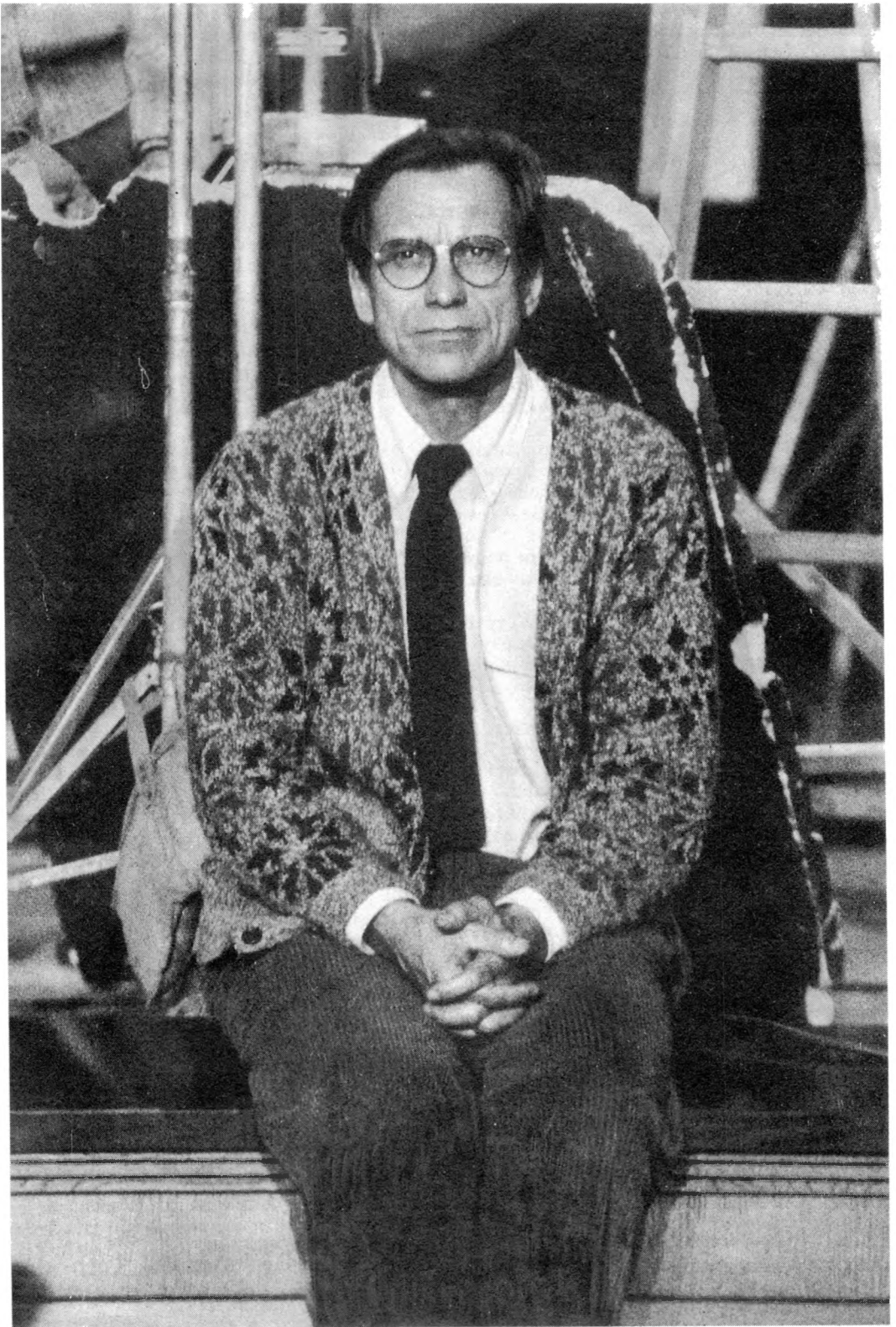
Зина вцепляется в руку Серго.

Новодевичье кладбище. Ночь.

Одинокая фигура Сталина в лунном свете, в руках зажат букетик цветов. Приближается к могиле Нади и останавливается. Стоит окаменело некоторое время.

**Сталин.** Почему ты меня предала? Почему?

Швыряет цветы на могилу, поворачивается и уходит...



# АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ:

## четыре интервью о «БЛИЖНЕМ КРУГЕ»

**1990. Апрель.**

— Сейчас я готовлю новую картину, о которой очень давно мечтал, и не думал, что придет время, когда ее можно будет ставить. Как и у всех других коллег-режиссеров, немало часов моей жизни прошло в приемных Госкино. То худсовет, то ожидание решения о запуске новой работы, то ожидание поправок по сданному фильму. В этих ожиданиях я сумел «завербовать» себе «агента», который сообщал мне, что начальство говорит про мои картины после просмотра. Агентом этим был киномеханик. Как-то в конце 60-х мы разговаривали с ним о том о сем, и он обронил: «Что мне министр, я у самого Сталина был киномехаником».

И он рассказал о своей юности, о том, как попал к Сталину, о своих впечатлениях о кремлевской жизни. Тогда я подумать не мог, что кто-либо когда-либо разрешит мне ставить об этом картину. Потом пришли перестроечные времена, и года четыре назад, встретившись с Алексеем Германом в Югославии, я сказал ему: «Есть тема. Ты должен написать сценарий. Получится гениальная картина, абсолютно твоя». Но он на эту идею не откликнулся. А годом позже, когда меня, наконец, официально пригласили в Москву, на кинофестиваль, вели со мной разговоры о возвращении, о том, что можно будет работать и дома и за границей, что прежних сложностей больше не будет, я решил написать этот сценарий и сам его поставить.

Тем временем работа над сценарием «Рахманинов» затянулась, я почувствовал, что с ним еще придется повозиться. Время сейчас развивается так стремительно, что замыслы, казавшиеся еще вчера невозможными, устаревают до завершения. Наше общество неверствует долгие годы своей замороженности, оценки меняются, и «Рахманинов», работать над которым мы начали десять лет назад, этой участи не избежал. То, о чем мы хотели рассказать,

успело стать общим местом. Проблема эмиграции, столь острая в момент начала нашей работы, уже исчерпана. Сценарий предстояло переписывать заново, и возможно, еще не один раз.

Пока все это происходило, я успел вместе со сценаристом Анатолием Усовым написать сценарий «Киномеханик, или Ближний круг». «Ближний круг» — это из терминологии Девятого управления, охраны Кремля. К кругу этому принадлежали люди, входившие в непосредственный контакт со Сталиным, всего их было 29 человек — охрана, телохранители, порученцы, буфетчица и в том числе киномеханик.

Как капля крови может рассказать о состоянии вашего здоровья, точно так и судьба, характер одного этого персонажа, человека, казалось бы, не имевшего отношения к ужасам допросов и застенков, скромно делавшего свое дело, показывавшего кино, старавшегося делать это хорошо, чтобы все было в фокусе, видевшего всех сильных мира сего — и министров, и прославленных режиссеров (кого он только не видел из своей будки, и все дрожали перед Сталиным!) — может дать объемную картину эпохи.

Прототип нашего героя жив по сей день. На Западе такой человек давно бы выпустил мемуары, заработал бы кучу денег, и действительно, это могла бы быть фантастически интересная книга. Но у нас иное сознание людей да и общество иное. Нам сознание нашего героя интересно тем, что он не воспринимает происходящее объективно, не замечает расслоения общества, реальности, в которой живет. Сталина он видел вблизи, видел с самой лучшей стороны. Как любой диктатор, это был одинокий человек. Окружение тиранов — или холуи, или люди, которые их боятся и ненавидят, поэтому любое нормальное человеческое лицо в таком окружении было для Сталина дорого. У него были свои любимые охранники, с которыми он играл в шахматы,

разговаривал о жизни, пел песни. С этими людьми он чувствовал себя нормальным человеком — я могу понять это. Для остальных он был совсем другим, и они для него тоже были другими. Поэтому воспоминания сталинского киномеханика очень субъективны, но они как раз и подчеркивают ужас, трагедию — и Сталина, и нации.

В жизни любого тирана много моментов сенсационных, но мне интересны не они. Мне хочется понять, почему он мог появиться? Кто дал ему такую безграничность власти? Я не надеюсь ответить на этот вопрос, но поставить его хочу. Почему он появился именно у нас? Возможно, еще не настало время для исследования гносеологии культа, но думать об этом интересно. Вот о чем делается наша картина.

Сниматься она будет с участием американских актеров, на английском языке. Почему на английском? Потому что фильм на русском мирового проката иметь не будет, а дубляж — дело бесполезное. Была мысль снимать и на английском, и на русском. Американские актеры сами хотели играть на русском. Но это, к сожалению, затруднительно и очень удлинняет процесс съемки.

Киномеханика сыграет Том Халс, Моцарт из «Амадеуса», у него очень «русопятое» лицо, абсолютный Ванька. Таким наш герой и должен быть. Халс — замечательный актер, я с ним очень дружу, надеюсь поставить с ним в роли Треплева чеховскую «Чайку» на нью-йоркской сцене. Его жену Настю сыграет молодая актриса, американка югославского происхождения Лолита Давидович.

Еще не знаю, кто сыграет в картине Сталина. Это вообще очень сложная роль и притом очень маленькая. Сталину в картине будет отведено максимум двенадцать минут. О Сталине можно больше рассказать через людей, которые его обожают. Хотелось бы достичь максимального физического сходства и Сталина, и всех членов его Политбюро. Показывать их мы намерены без всякого сарказма или иронии, а так, как их воспринимали окружающие. А воспринимали их — либо с обожанием, либо с ужасом. Нельзя смеяться над богом, но и над сатаной смеяться трудно. Слишком все это серьезно.

### 1990. Октябрь.

— В наши перестроечные времена все хотят найти виноватого. Кто, если судить по вашему фильму, виноват в том, что произошло за последние семьдесят лет: Сталин, Берия, киномеханик Ваня, еврей Губельман, еще кто-нибудь?

— Вы слишком многого хотите: чтобы я взял и выложил то, ради чего надо смотреть картину. Этого я все равно не скажу, да и кто знает ответ? Наш фильм не воссоздание некоей реальной истории, а скорее попытка исследовать определенную философскую проблему. Если бы события относились к XVII веку, было бы проще, помогала бы дистанция времени. А у нас действие завершается в 1953-м. Еще живы люди, хорошо помнящие те годы. Представьте, что вы пишете пьесу о Макбете через десяток лет после его смерти. Или о Ричарде III.

— Да. Нужно время, чтобы могла родиться легенда, чтобы потом утвердить ее или разбить.

— Мне очень хотелось снять фильм о Сталине. Да и странно не хотеть этого. Всех мучает вопрос: почему? Кто дал Сталину такое могущество? Все мы помним письмо Булгакова Сталину, помним попытки многих одаренных и достаточно проницательных людей найти в Сталине логику и в сталинизме смысл. Если не ошибаюсь, даже Пастернак посвятил вождю народов стихотворение. «Все мы были околдованы магией», — писала Лидия Гинзбург. Ну, наверное, не все, но очень многие. Это как пропасть, которая манит к себе, хоть и страшно в нее заглянуть.

Страх — сложный феномен. Сегодня трудно танцевать на гробе Сталина или Ленина. Для меня это лишь проявление рабских инстинктов. Чувство мести — чувство раба. Чувство вины — чувство господина. Это мысль Бердяева, и я с ней целиком согласен. Искать виноватых мне неинтересно.

Сейчас все призывают партию покаяться. Как будто партия не состояла из тех же самых людей, которые призывают к покаянию. У одних был партбилет, у других — не было, но принципиальной разницы между теми и другими не вижу. Партия состояла не из инопланетян, а из того же самого народа, от имени которого и действовала. Если партия покается, немедленно начнутся погромы райкомов, обкомов: виноватый нашелся. Может быть, честнее было бы покаяться не партии, а нации, которая допустила это? Всегда проще свалить вину на кого-то другого, в данном случае — на партию. Впрочем, правомерно ли говорить о вине нации? Ведь это понятие слишком огромное, это экологическая структура. Хотя исторический прецедент есть. Немецкий народ осознал себя виновным.

— И только выиграл от этого.

— Безусловно. Но нельзя ведь заставить



почувствовать себя виноватым. Для этого нужно иметь определенный уровень сознания. Самосознания. А так как нам свойственно рабство, то мы всегда валили ответственность на тех, кто наверху. Дали, не дали, запретили, накормили, посадили. ОНИ за все отвечают, ОНИ во всем виноваты. А вот Герцен сказал: «Рабовладелец настолько рабовладелец, насколько его раб позволяет ему таковым быть». Сегодняшняя ситуация в стране невольно заставляет вспомнить притчу о рабе, который первое, что сделал, получив свободу,— убил своего освободителя. Так уже случилось у нас в прошлом веке, так может произойти и сегодня.

Вот какие мысли занимают меня. Их и хочется проследить на судьбах простых, милых, честных, открытых, истово верящих в правоту существующего порядка людей.

— Не уверен, что ваш подход вызовет всеобщий восторг.

— Мне это уже привычно. Любая из моих картин кого-то чем-то не устраивала. Про «Первого учителя» говорили, что это слишком сталинистский, ортодоксальный фильм. «Асю Клячину» сделал агент ЦРУ, по заявлению, если не изменяет память, председателя КГБ Семичастного; «Дворянское гнездо» прославляет помещичий строй, как сказал поэт Евтушенко, когда у него на спине еще не зажили рубцы от господских плетей. «Сибириада» — конъюнктурный фильм о рабочем классе. Интересно, что придумают на этот раз? Наверное, скажут: «Имитация России, торгуют за валюту национальной историей».

Ну что ж. Не я первый, кому доставалось от критики. Спорить бессмысленно. Буду делать свое дело, как умею...

### 1991. Октябрь.

— Когда мы задумывали фильм о кинемеханике Сталина, еврейская тема в нем поначалу никак не планировалась.

Идея сделать Катю, дочь арестованного соседа героя, еврейкой принадлежала моему соавтору — сценаристу Анатолию Усову. Как я сам до этого не додумался! Ведь это же замечательно, сразу сублимировался разнородный комплекс моральных проблем, сопутствующих русскому человеку.

Русский человек не злобствующий антисемит. Злоба не свойство его характера. Может быть, только в советские годы так стало. Самая страшная порода, какая есть, это посадские, мещане, люмпены, «дикари с букварем», как их называет Фридрих

Горенштейн. Лучше уж дикарь без букваря. Из этих посадских и вербуются черная сотня. В деревне черную сотню не найдешь. В деревенском разговоре можно услышать: «Клавка-то, в город уехала, у евреев живет». Это значит: хорошо устроилась. При чем говорится без злости, без осуждения — только с завистью. Потому что крестьяне — христиане. Это люди без букваря. Без цивилизации. Но с культурой.

Не могу сказать, что задался целью как-то специально высказаться по этому поводу. Все вызрело само собой. Без этого мы бы не смогли бы так полно проследить эволюцию нашего героя: человека, испытывающего определенный комплекс вины за разные, не им совершенные, не по его вине случившиеся поступки и события в недрах его нации. Нравственное пробуждение героя и происходит тогда, когда он начинает испытывать чувство вины.

Еврейская тема в «Ближнем круге» была тем оселком, на котором проверялся наш главный герой — кинемеханик Ваня Саньшин. Он, что называется, антисемит добродушный, по натуре своей не злобствующий. У него душа крестьянская, христианская. Другое дело — душа эта замерзшая, скованная ужасом, но не изуродованная намертво, как, скажем, у его соседа — милиционера Морды. Вот этот — из породы посадских, это хам грядущий, антисемит сознательный и совсем небезобидный. А Ваня — антисемит бессознательный, подобный тем мужикам, рядом с которыми жили герои шолом-алеихемовских местечек, и дружили, и уважали друг друга, и каждый соблюдал свои границы, но за пределами их шло вполне успешное сотрудничество.

Очень важен для меня был характер Кати. В картине ведь нет насилия как такового, за исключением сцены ареста ее отца — Арона Губельмана. Ни убийств, ни страшных застенков — всего того, что могло бы быть показано. И чем, кстати, пользуются в современных фильмах не слишком умеренно. Катя нужна была, чтобы через ее судьбу показать, как творилось насилие. Она вполне могла бы быть и русской, но то, что она еврейка, придает всему дополнительное измерение.

Насилие, над ней произведенное, заключается не только в той нищете, вне которой она своей жизни не представляет. У нее искаленное сознание. Лишившаяся по воле Сталина отца, матери, дома, детства, она считает себя всем ему обязанной, им спасенной, благодаря ему вышедшей в люди. Она фанатичная сталинистка. Живет в страшном выморочном

мире, не понимая, насколько страшен и выморочен этот мир. И, что самое страшное, живет с изначальным ощущением своей внутренней ущербности. Это самое страшное насилие, какое может быть произведено над человеком: заставить его поверить в свою органическую неполноценность, потому что ты — еврей, ты — другой расы, заставить принять это как должное.

Весь ужас сталинизма идет через эту девочку. У других героев жизнь относительно благополучная, естественно, за исключением того, что они пребывают в вечном страхе. Привыкли жить в сфере высокого напряжения. Линия Кати — параллельная сюжетная линия, но в ней выражено нечто очень существенное и для фильма, и, надеюсь, для драмы еврейского народа в условиях тоталитаризма.

— В вашем фильме есть еще одна существенная, на мой взгляд, тема — общая вина и русских и евреев в утверждении сталинской диктатуры.

— Ну, это вина не только русских и евреев, но и грузин, и таджиков, и Джавахарлала Неру, который с восторгом писал о Сталине, и уважаемых Бернарда Шоу и Романа Роллана, и многих других выдающихся умов. Национальность тут не имеет значения.

Очень многие революционеры были евреями, огромная часть ленинской гвардии — евреи. Но обвинять евреев в том, что они сделали революцию — подтасовка. Да, они на нее поработали и немало. А могло бы быть иначе? Загнанные за черту оседлости, лишенные нормальных прав, почтавшиеся гражданами второго сорта, жившие в ужасающих условиях, они, естественно, искали выхода в революции. Это нормально. Но что пользы клеить им, что это они «слона в зоопарке замучили». Срывал, жег иконы, рушил церкви прекрасный русский народ, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести. И ответственность в этом смысле за сталинизм несут не евреи и не русские (их тут нечего разделять), а общее движение окрасившей всех чумы. Валить вину на евреев за революцию — проявление того самого свойства, о котором писал, кстати сказать, задолго до 1917 года, Чехов. Мы ищем причин вне нас... «Это жида, это Вильгельм».

— Наверное, то, что происходит в финале фильма с героем, это по сути то, что происходит сейчас со всем народом.

— Я бы очень хотел, чтобы это было так. Если это произошло, моя задача выполнена. Об этом, собственно, и хотелось сказать. Это процессы невидимые, метафизические,

и если в фильме хоть как-то отразились процессы метафизические, то, видимо, мне удалось коснуться главного.

Замечательно сказано в записях Блока: «Найти соотношение между временным и вневременным. Почувствовать соизмеримость частного и истории, размах власти, в котором есть скрип костей и свист сквозняка».

Это изменение, обретение чувства вины — это все вневременные категории. Продукт коллективного сознания. Почти мифология. Когда в коллективном сознании возникает чувство вины — это уже вневременное.

В день начала путча, когда мы сидели на «Мосфильме», а мимо окон проезжали военные машины, я сказал Джеми Гамбрелл, приехавшей специально из Штатов готовить с нами книгу к выходу «Ближнего круга»: «Ты понимаешь, что сейчас творится история». Чувствовалось, что именно сейчас, в эти минуты происходит нечто колоссально меняющее жизнь всего мира. Крах, конец великой мечты. И начало чего-то нового, пока неизвестного...

#### 1992. Январь.

— «Ближний круг» удалось закончить на четыре месяца позже, чем поначалу предполагалось. Так долго монтировал только «Сибиряду». Десять месяцев монтажа, озвучания — очень кропотливая работа. Теперь предстоит такая же кропотливая работа по озвучанию картины на русском.

Когда я вчерне смонтировал картину, ее первый раз проверили на зрителе. Показывается картина обычно зрителям нью-йоркских предместий, самой ординарной публике. Отбирается она по следующему принципу. Каждому дается список из пятнадцати картин более или менее элитарного свойства: «Амадеус», «Опасные связи», «Ганди». Если как минимум четыре из них вы видели — можете присутствовать на просмотре. Подбирается определенный тип людей, более или менее осведомленных о кино за пределами Америки, то есть зрительский уровень берется чуть выше среднего. Но все равно зритель — средний американец.

После просмотра каждому выдается социологическая анкетка с вопросами: Какой артист понравился? Какой — не понравился? Объяснить ничего не надо. Надо просто проставить в нужной графе «да» или «нет». Не нужно расписывать, почему фильм понравился или не понравился. Все уже сформулировано. Вам понравился фильм, потому что он: а) интеллектуален,

б) вызывает размышления, в) эмоционален, г) хорошо играют артисты, и так далее. Вам понравился главный актер, потому что он: а) очень хорошо играет, б) красивый, в) правдивый. А рядом — мне не понравился актер, потому что он: а) плохо играет, б) некрасив, в) неубедителен. На долю зрителя остается лишь подчеркнуть то, с чем он согласен.

Просмотр обычно устраивается для аудитории человек в четыреста, после просмотра для обсуждения оставляют сфокусированную группу из 20 человек. Отбор производится из тех, кто на вопрос «Хотите ли вы остаться после просмотра», отвечают положительно, т. е. уже тем самым проявляют повышенную заинтересованность в судьбе фильма. Здесь уже задаются более детальные вопросы и выслушиваются более развернутые точки зрения. Результаты анкетирования и обсуждения закладываются в компьютер, который выдает рейтинг фильма. Каждый из зрителей оценивает фильм: отлично, хорошо, неплохо, посредственно, плохо. Результаты суммируются, выводится средний балл. На первом просмотре в Нью-Йорке он был достаточно низким, фильм был излишне длинен, какие-то детали, мотивы, подробности американцам были неясны.

Меня пригласили в «Коламбию», сказали: «Давайте прояснять. Публика не знает, что за война была у вас, почему правительство должно было переезжать на Урал. Молодым неизвестно, что там творилось в 1941 году в России. Кто такой Берия, кто — Ворошилов». Я понял, что без закадрового текста не обойтись. Сначала это привело меня в ужас, но, поразмыслив, я понял, если зрителю облегчить понимание каких-то вещей, он будет тратить усилия не на понимание фактов, а на понимание нравственной сути вещи.

Итак, прежде всего предстояло сократить фильм. Не без труда удалось ужать его на 24 минуты, от каких-то вещей было жалко отказываться, но, думаю, в целом купюры пошли на пользу. Затем надо было написать текст: мы дали его от лица нашего героя, киномеханика Ивана, как бы уже прошедшего жизнь. Текста очень немного, но он помогает понять зрителю отношение Ивана к Сталину, к членам правительства, к происходящим в стране событиям.

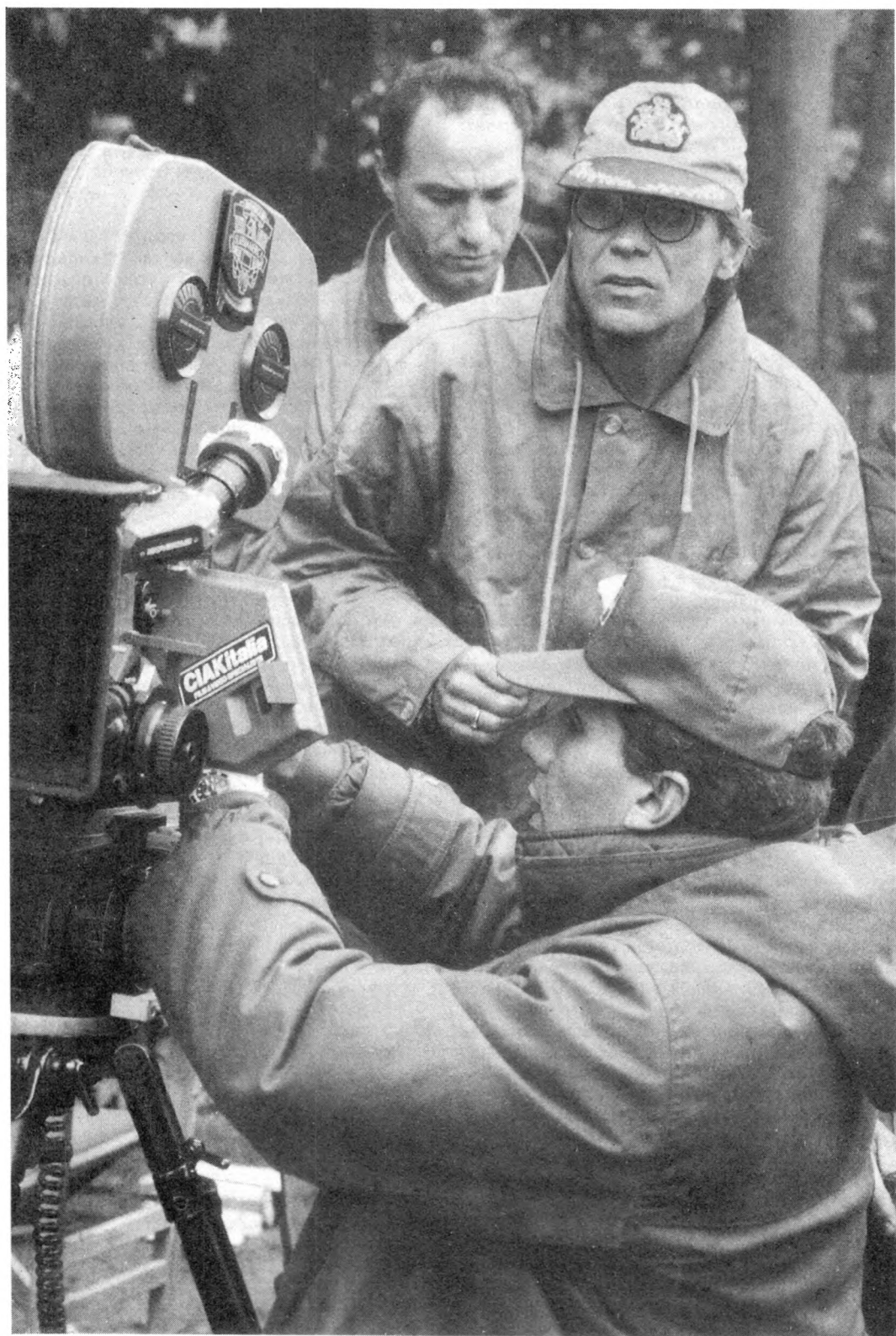
Чтобы написать этот очень короткий текст, студия наняла (не буду говорить за какие деньги, — в наши представления о реальности это все равно не укладывается) двух самых блистательных эрудитов. Один из них — продюсер и писатель (в числе его продюсерских работ — получившее

Оскара «Просыпание», картина с Робертом де Ниро в роли психически больного, на недолгий миг возвращающегося к нормальному сознанию), второй — мой большой приятель, сценарист, специалист по Достоевскому, оба отлично знают, что такое Россия, ее история, культура. Они сделали предложения, где нужно вставить текст, написали этот текст с моей помощью.

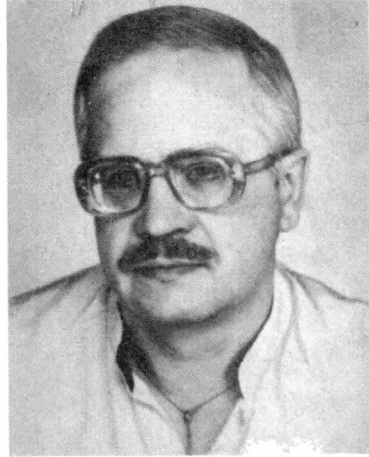
Новый, сокращенный вариант фильма с записанным в двух вариантах закадровым текстом, с подложной музыкой привезли снова, на этот раз уже в Лос-Анджелес. На одном варианте настояла студия, он был явно неудачен, слишком все разжевывал, но в таких случаях лучше не спорить, благо, есть возможность на аудиторию убедить, какой лучше. Итоги просмотра (с «моим» вариантом текста) показали рейтинг втрое более высокий, чем прежде. Но я все равно чувствовал, что картина длинна, и урезал ее еще на 6 минут.

В конце декабря началась демонстрация фильма в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Торонто, в феврале он пойдет по всей Америке. Планируется его показ на Берлинском кинофестивале. Теперь предстоит работа над русской версией, она ни в чем не будет отличаться от англоязычной. Думаю, что и для отечественного зрителя закадровый текст окажется нелишним. Сегодняшние молодые уже не знают, кто такой Каганович, кто такой Ворошилов.

У русского кинематографа есть одно из редких преимуществ — гигантский внутренний рынок. Он дает надежду, что русское кино выживет. Не поручусь за кино литовское или, скажем, эстонское. Пример Польши дает основание для очень серьезных опасений на этот счет. Польское кино, давшее столько замечательных фильмов и мастеров, практически больше не существует. Если что-то и снимается, то только с участием западных денег и западных звезд. Нет и кино румынского, чехословацкого, болгарского, венгерского. А у русского кино есть запас прочности — есть огромная аудитория, которая дает возможность продержаться даже в трудные времена. Есть надежда, что оно выживет, пройдет через полосу порнухи, макулатуры и всякого безобразия и даст немало и талантливых лент, и талантливых имен. Хотя рынок — это, конечно, болезненно. Он еще даст по мозгам и ой-ой-ой как уже дал...



## АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ, АНАТОЛИЙ УСОВ



## БЛИЖНИЙ КРУГ

## Фрагменты

**У** лица Лубянка. Лето. Вечер.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать  
былью,  
Преодолеть пространство и простор...»

Бодрая музыка звучит из массивного здания с надписью: «КЛУБ НАРКОМАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ». Летняя жара уже спала, москвичи спешат по домам.

Просмотровый зал клуба. Стриженные наголо головы, торчащие уши, курносые лица.

«Нам Сталин дал стальные руки-крылья,  
А вместо сердца пламенный мотор...»

Документальные кадры: парад физкультурников конца 30-х годов. Мужчины в белых брюках и майках согласованно взлетают в воздух и бьют ногой об ногу, как балерины. Цветы, транспаранты с портретами вождей. Радость и ликование.

Кинобудка. Заканчивается часть. Киномеханик Иван Саньшин — худощавый, улыбочивый, стриженный «под бокс», включает второй кинопроектор, выравнивает рамку, подпевая маршу, перематывает пленку.

«Все выше и выше и выше  
Стремим мы полет наших птиц.  
И в каждом пропеллере дышит  
Спокойствие наших границ...»

Документальные кадры: загоревшие, коротко стриженные физкультурницы со слезами восторга маршируют мимо трибун Мавзолея. А с трибуны Мавзолея им потечески улыбается Иосиф Виссарионович Сталин, помахивая правой рукой.

И — о ужас! — звук останавливается, изображение застревает, лицо, столь дорогое и знакомое, вдруг перекашивается, вспучивается и лопается бурым, обгорелым пузырем.

Испуганный вздох в просмотровом зале.

Скотопрогонный проезд. Вечер. Здесь все домики — одноэтажные развалюхи, за исключением старого доходного дома солидной дореволюционной постройки. В конце проезда — забор бойни, за которым торчит, вырисовываясь на фоне бледного закатного неба, высокая труба.

Этим летним вечером все окна в доходном доме открыты, и из них доносятся звуки радио, стрекотание швейной машинки, детский плач. Из полуподвального окна выглядывает женщина с ребенком на руках: **Женщина. Мурочка! Кс-кс-сс!!!**

Мурочка — дымчатая, ухоженная кошка, не обращает никакого внимания, лениво идет вдоль стены. Доходит до следующего окна, глядит сквозь стекло. Там, в полуподвале, на ярко освещенной кухне комму-



Александр Ганьшин.

нальной квартиры крепкая румяная девушка Настя Ивлева, счастливо улыбаясь, мешает в дымящемся чане белье. В печи трещат поленья. Настя открывает духовку, вытягивает тряпкой противень с пирогом. Молодыми крепкими зубами она откусывает щепочку от полена и прокалывает щепочкой пирог, смотрит — готово ли.

Настя, обжигаясь, перекладывает с другого листа пирожки в кастрюлю. Тянется через кухонный стол и стучит в занавешенное окно соседней комнаты, выходящей в кухню. Занавеска отодвигается, старик в ермолке, с профессорской бородкой, улыбается, кивает Насте.

Настя. Дедушка, не знаю, как вас по имени, угощайтесь.

Профессор. Это очень любезно, барышня. Вы что же, наша новая жилища?

Настя. Я — Настя Ивлева. Сегодня замуж выхожу за Ивана Сергеевича Саньшина.

Комната Саньшина. Здесь и без людей тесно — под окном, расположенным высоко, как во всех полуподвальных помещениях, стоит кровать. В углу полочка с репродуктором. На стене портрет Ворошилова. Шифоньер отгораживает пространство у входа, за которым стоит еще одна койка. Сейчас здесь гости и повернуться буквально нет никакой возможности.

Ваня Саньшин и Настя Ивлева — жених и невеста — сидят во главе стола. На кровати в ряд — семья Губельманов: Софья Абрамовна с Ароном Михайловичем, своей лысиной, бородкой и усами, напоминающим Ленина. Дочка, трехлетняя Катя, уснула у него на коленях, обхватив ручонками шею отца. На табурете раскачивается еще один сосед, милиционер Василий Морда — он крепко выпил и хорошо закусил. На него, недовольно поджав тонкие губы, смотрит старуха — Федосья Никифоровна — бывшая домовладелица, а ныне равноправная женщина социалистического общества. Патефон играет «Марш буденновцев», и все поют хором:

«Веди, Буденный, нас смелее в бой,  
Пусть гром гремит, пускай пурга метет.  
Мы беззаветные герои все,  
И вся-то наша жизнь есть борьба!..»

Патефон замолчал. Губельманы переглянулись и встали.

Софья Абрамовна. Ну что ж, нам пора... Морда. Куда? А тост?

Губельман. Ну, Вася, если тебе не хватило, будь любезен, скажи.

Морда. У всех налито? Прошу всем налить. Федосья Никифоровна. Дурак полуночный...

Морда. Бесправная старуха, молчи! Ты знаешь, друг Губельман, весь этот дом был ее. Жильцов обирала, кровь сосала, а теперь мы ее за шифоньер, в полуподвал, к Ваньке Саньшину, а теперь мы ей — молчи!

Федосья Никифоровна, фыркнув, встает и удаляется за шифоньер, в свой угол. Все провожают ее взглядами.

Морда. Жениху слово.

Ваня. Давайте выпьем за Клина Ворошилова.

Морда. За Ворошилова уже пили.

Ваня. А ты что, за Ворошилова вторую не можешь выпить?

Морда. Я?.. Да я за наркома обороны, за полководца нашей эпохи... (Поет):

«Ведь с нами Ворошилов —  
Первый красный офицер.  
Сумеем кровь пролить за СССР...»

Морда встает на табурет, не вытерев губ, целует портрет Ворошилова.

Морда. Климент Ефремович! Дорогой ты наш!..

Ваня. Ты вон портрет винегретом извозил!..

Губельман. Нет, товарищи, давайте выпьем за нашего вожда, за нашего отца, нашего Сталина.

Все встают, молча выпивают. Благоговение. Пауза. Губельман поудобнее перехватывает дочь.

**Губельман.** Мы пошли Катю укладывать...

Губельманы уходят. Ваня залезает на табурет, рукавом рубахи оттирает портрет Ворошилова от винегрета.

Морда ставит новую пластинку — это Лещенко. Выдерживает Настю из-за стола и ведет танцевать.

Скотопрогонный проезд. Ночь.

Гаснут последние окна. Далекое радио транслирует полуночный бой кремлевских курантов, и в легкой тишине тоскливо звучат далекие паровозные гудки. Засыпает Москва.

Ваня и Настя на скрипучей кровати, с провалившейся до полу сеткой матраца, пытаются отдаться друг другу.

Свет уличного фонаря падает на кровать, освещая два сплетенных тела. Ваня и Настя дышат с трудом, задыхаются, шепчут.

**Настя.** Ой, какой же ты опытный... Почему же ты такой опытный...

**Ваня.** Не знаю...

**Настя.** Ой, боюсь я...

**Ваня.** Не бойся, я это самое...

Кровать нещадно скрипит.

**Голос Федосьи Никифоровны** (громкий). О, Господи, грехи наши тяжкие!..

**Настя** (шепотом). Ой, не надо, давай лучше завтра, мы ей спать не даем!

В коридоре — звонок. Ваня и Настя затаились. Второй звонок.

**Ваня** (с облегчением). Морде. (Третий звонок.) Губельманам...

**Мужской голос.** Губельман Арон Михайлович?

**Голос Губельмана.** Я.

В коридоре — топот сапог.

**Мужской голос.** Ваш паспорт. Иванов, давай кого-нибудь из соседей...

Комната Вани. Позже. Федосья Никифоровна посапывает в своем уголке, закаленная временем и судьбой. Ваня и Настя лежат молча, не касаясь и не глядя друг на друга.

Слышно, как плачет Катя, и Софья Абрамовна уговаривает ее. Ваня встает со скрипящей кровати, вытаскивает из заначки бутылку водки, наливает в стаканы, стоящие на столе. Протягивает один стакан Насте.

**Ваня** (шепотом). Настен, держи...

Подносит полный стакан ко рту.

**Ваня.** Давай...

Он залпом выпивает, кидает стакан на стол и, не закусив, ложится в кровать. Упавший стакан стучит гранями, перекатываясь по столу. Неожиданно Иван встает, натягивает штаны и, застегивая их на ходу, выходит в коридор. Настя, накинув халатик, спешит за ним.



Рабочий момент.

Комната Губельманов. На диване — застывшая фигура Софьи Абрамовны — бледное лицо, невидящие глаза. В углу, на полу Катя играет с куклой, у которой паспорт бок.

Ваня врывается в комнату, торжественный, как мессия: шалые, пьяные глаза лихорадочно блестят.

**Ваня.** Софья Абрамовна, Катя... Да я... Завтра... Я в клубе НКВД кино кручу... Я там знаю... Я Берию видел... Я завтра... сегодня...

Звонок входной двери звучит настойчиво, резко и... — всего лишь только один раз.

**Настя** (онемев). Нам...

**Ваня.** Спокойно... порядок... Я сам...

Пошатываясь, он идет открывать.

Перед открытой дверью — два атлетически сложенных офицера — голубые околыши НКВД.

Сбоку помятое, перепуганное лицо дворника Абдуллы.

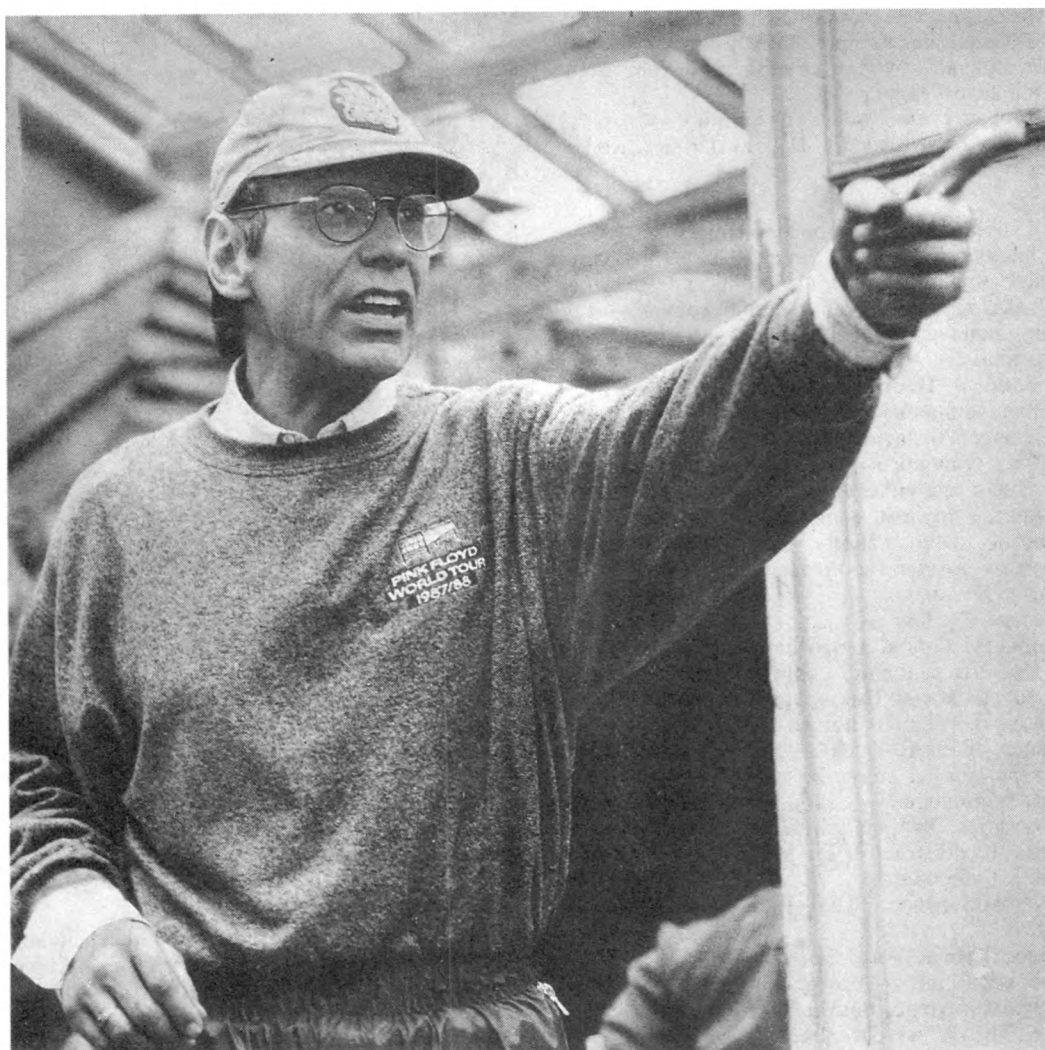
**Майор.** Товарищ Саньшин?

**Ваня** (не мигая). Так точно.

**Майор.** Работаете киномехаником?

**Ваня.** Так точно. В клубе НКВД.

В коридоре у своих дверей замерли все соседи. Софья Губельман с Катенькой на руках, заспанные лица Василия Морды и Клавдии, в глубине коридора из своей каморки выглядывает профессор. Хмель выхо-



### Рабочий момент.

дит из Ивана. В коридоре стоит напряженная тишина.

**Майор.** Одевайтесь, поедете с нами.

Быстрым шагом офицеры ведут Ваню к стоящей в подворотне машине. Ваня застегивает на ходу пуговицы рубашки.

**Ваня.** Я ничего не делал... За границей не жил.

**Майор.** Молодец. Садись.

Он распахивает заднюю дверцу машины.

**Ваня** (упираясь). Это Губельман жил, а я в РКК служил. Спецподразделение ОГПУ... Кулацкий мятеж подавлял...

Лейтенант подталкивает Ваню в машину. Машина мчитя по ночной Москве, об-

гоня поливальные машины. Проносится по Манежной площади и, визжа покрышками, поворачивает к Кремлю.

Ваню прошиб пот. Полными ужаса глазами он глядит на приближающиеся Боровицкие ворота.

**Ваня.** Это что же, мы в Кремль едем?

**Майор.** Догадливый ты, малый.

Длинный коридор Первого управления, усталанный ярко-красной ковровой дорожкой. В конце коридора, в дверях просмотрового зала слегка расставив ноги, стоит солидный генерал — начальник первого спецуправления и личной охраны Сталина Власик. Рядом с ним — высокий, сутуловатый



штатский — нарком кинематографии Большаков. Они смотрят на приближающихся офицеров, ведущих Ваню.

**Большаков** (вполголоса). Это не мой киномеханик.

**Власик**. Значит, из клуба на Лубянке.

**Майор** (подходя к Власику). Товарищ генерал, доставили.

Он вкладывает в протянутую ладонь Власика Ванины документы. Тот смотрит в паспорт, потом — на Ваню, жестким взглядом серых глаз.

**Власик**. Саньшин?

**Ваня**. Так точно.

**Власик**. Комсомолец?

**Ваня**. Так точно.

**Власик**. Родители кто?

**Ваня**. Нету. Детдомовский.

**Власик**. Киномехаником давно работаешь?

**Ваня**. Семь лет... И поэтому косой обрыв на портрете товарища Сталина не по моей вине, товарищ генерал.

Власик переглядывается с Большаковым, делает шаг вперед.

**Власик**. А ну, дыхни!..

Ваня дыхнул. Власик поворачивается к майору.

**Власик**. Едри вашу мать! Вы кого привезли? От него ж несет как из бочки!

**Большаков**. Надо было моего привезти!

**Майор**. Заезжали. Застали его жену, сказала: уехал в ночь за грибами в Звенигород. Будет только в понедельник.

Большаков коротко стонет, лицо его дернулось нервным тиком, и он прикрывает левый глаз ладонью.

**Власик**. А этот — как кино будет показывать?!

В глазах Вани засветилась надежда.

**Ваня**. Так это что, кино надо показывать? Товарищ комбриг... Да я в своем деле, как рыба... любой аппарат — с закрытыми глазами развинчу и свинчу.

**Власик**. Проверим.

Власик кивает на дверь, ведущую в проекционную. Ваня бежит по лесенке наверх. За ним — майор, за майором — Большаков, последним — оставив тяжелый зад, скрипя сапогами — Власик.

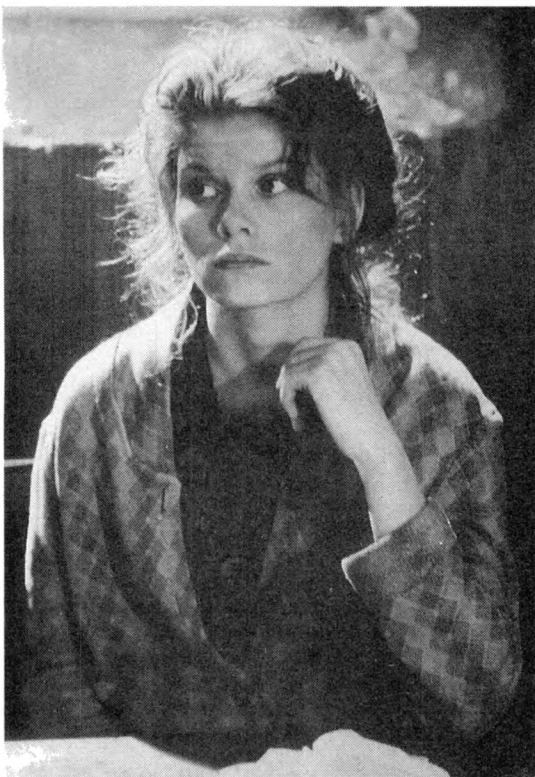
**Ваня** (окинув проектор взглядом). Значит, так — «Митчелл», дуговой аппарат, двадцать девятого года, с лампой КБЦ—16-84.

**Власик** (младшему лейтенанту). Учись, мудила. (Ване.) А ну, заряди.

**Ваня**. С закрытыми глазами. Пожалуйста.

Он закрывает глаза, демонстративно отвернувшись, быстрыми, проворными руками заряжает аппарат пленкой.

**Ваня** (вальжно). Товарищ комбриг, прошу в зал.



Анастасия — Lolита Давидович.

Власик посмотрел на часы, провел рукой по лбу.

**Власик**. Ну, слава Богу, успели. А то бы... (Смотрит на Ваню.) У меня, понимаешь, киномеханик заболел, а Хозяин решил кино посмотреть...

Ваня кивает головой понимающе. Власик едва ухмыльнулся.

**Власик**. Ты хоть знаешь, кому кино будешь показывать?

**Ваня**. Соображаю.

**Власик**. Ты ведь «самому» кино будешь показывать.

**Ваня**. Кому?..

**Власик**. Самому. Сталину.

Ваня непонимающим взглядом смотрит на генерала.

**Власик**. Товарищу Сталину будешь кино показывать.

Ваня продолжает смотреть на генерала, но больше он уже ничего не видит. Все присутствующие с любопытством наблюдают за произведенным эффектом. Ваня пытается что-то сказать, но вместо слов у него вырывается только нечленораздельное мычание. Власик смотрит на младшего лейтенанта. Тот подставляет Ване стул. И поло-



Иван — Том Халс, Анастасия — Лолита Давидович.





Иван — Том Халс, профессор — Федор Шаляпин.

жив ему руки на плечи, сажает его. Ваня обводит взглядом присутствующих, как бы первый раз видит их, наконец, смысл сказанного медленно проникает в его сознание, и он отрицательно качает головой, растянув губы в идиотскую улыбку.

**Ваня.** Не-е-е... Не-е-е... Я не буду...

Власик снисходительно улыбается: он привык к подобной реакции.

**Большаков (Власику).** Слишком нервный.

**Власик (Большакову).** А ты что хочешь? Он у нас еще молодцом, другие ссутся... Сейчас чайку выпьет и оклемается. (Лейтенанту.) Ты сахару положи побольше...

Басовито гудит телефон. Майор снимает трубку и передает ее Власику. Власик слушает, кивает, бросает трубку на рычаги, устремляется к выходу.

**Власик (на ходу).** Просмотр отменяется. Едем на Ближнюю.

Большаков и майор следуют за генералом. В проекционной остаются лейтенант, который сопровождал Ваню, и младший лейтенант — дежурный по проекционной. Ваня же, как истукан, сидит на стуле со стаканом дымящегося чая в руке, вперив глаза в пространство.

Просмотровый зал в Кремле. Буфетчица Варя расставляет по столикам коробки с конфетами и папиросами. Заместитель начальника «Особого сектора» полковник Щелкасов придирчиво проверяет каждую коробку — заклеена ли она. Он тонким полированным ногтем мизинца поддевает ярлычок коробки конфет. Ярлычок отклеен.

**Щелкасов (буфетчице).** Это что?

**Варя.** Ой, недосмотрела, товарищ полковник.

**Щелкасов.** Делаю замечание.

Варя вытягивается по-военному. Два лейтенанта госбезопасности вносят ящик с минеральной и фруктовой водой, выставляют на столик у стены.

Из коридора в просмотровый зал входит генерал Власик в сопровождении майора Хитрова, того самого, который привез Ваню.

Щелкасов, буфетчица Варя и оба лейтенанта замирают по стойке «смирно».

Власик размашистым шагом обходит просмотровый зал. Зачем-то заглядывает за экран.

**Власик.** Все в порядке?

**Щелкасов.** Так точно, товарищ генерал.

Власик придирчиво рассматривает бутылки на столе, берет одну из них, разглядывая металлическую пробку. Пробка подогнана неплотно, шатается.



«Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Дети репрессированных родителей в Московском детском доме № 33. 1941 г.

Власик (Щелкасову). Куда смотрел, едрена мать?

Щелкасов (желтеет лицом). Не успел проверить, товарищ генерал.

Власик (торжествуя). Не успел? (Протягивает бутылку майору.) Хитров, на анализ.

Щелкасов тянет свою руку к бутылке.

Щелкасов. Давайте мы сделаем!

Власик (не давая бутылку). Мы сами, едрена мать, с усами.

В коридоре появляется долговязая фигура наркома кинематографии Большакова. За ним — два майора и два капитана тащат по два запломбированных яуфа.

Большаков (промокая взмокший лоб). Еще сырая. Прямо из лаборатории. «Трактористы» Пырьева.

Офицеры, тяжело топая сапогами, вносят яуфы в проекционную и ставят в ряд. Большаков (указывая Ивану на коробки). Значит, эти две — «Трактористы», здесь «Чапаев», потом — «Большой вальс», а там — ковбойский, американский. Все подготовить.

Куранты отбивают девять часов вечера. Пустынная, стерильно чистая улица в Кремле. Ни единой живой души. Из-за угла, вприпрыжку, выбегает девочка с коротко стриженными рыжеватыми волосами, 13-ти лет. Она подкидывает и ловит большое румяное яблоко.

Некоторое время она в одиночестве. Но вот, следом за ней, из-за угла показываются несколько взрослых. Неторопливо идущих по тротуару, переговаривающихся вполголоса. Мы не можем не узнать их. В центре группы отец девочки — Иосиф Сталин. Справа и слева от него — Молотов, Каганович, Микоян, Берия; сзади, опираясь на палку, прихрамывает Калинин. Мирная вечерняя прогулка.

Через некоторое время из-за того же угла с мягким шелестом множества ног показывается личная охрана генсека и членов ПБ — человек 30. Эти атлетически сложенные парни, с открытыми простыми лицами, не разговаривают, они при исполнении служебных обязанностей — они охраняют.

Следом за гурьбой охранников медленно выплывают длинные машины — «паккарды». Их целая колонна — три на генсека и по две на каждого члена ПБ.

Все шествие, возглавляемое девочкой, играющей яблоком, движется по вымершим пространствам Кремля.

У окошечка проекционной стоит Ваня, вытянув шею, заворуженно глядя в зал, шепчет.

**Ваня.** Товарищ Калинин... товарищ Молотов... товарищ Каганович... товарищ Сталин... товарищ Сталин... товарищ Сталин...

нарком обороны Ворошилов. Он нерешительно останавливается перед дверью зала, смотрит на вставшего из-за столика офицера.

**Ворошилов.** Уже начали?  
**Офицер.** Так точно, товарищ нарком.  
**Ворошилов.** Что смотрят?

**Офицер.** «Трактористов», товарищ нарком обороны.

Ворошилов берет за ручку двери, но в зал войти не решается.

А в проекционной снова звонит телефон. Ваня снимает трубку.



Документальный кадр: Сталин и его «ближний круг».

В просмотровом зале Сталин у столика открывает коробку конфет, протягивает Кагановичу. Берия стоит у экрана, громко, заразительно хохочет, но звук его смеха сюда доносится приглушенно.

Звонит телефон. Ваня снимает трубку.

**Голос Большакова.** Давай «Трактористы».

Ваня молниеносно выхватывает бобину из коробки, проворными руками привычными движениями заправляет пленку, включает аппарат, поправляет фокус.

На экране в просмотровом зале начальные титры фильма Пырьева «Трактористы».

Тем временем по коридору, торопливым шагом, с тревожным выражением на лице, идет в маршальском френче с красными, расшитыми золотом, концами воротника

**Голос Большакова.** Снимай. Ставь «Большой вальс».

И вот уже звучит счастливая, беззаботная музыка Штрауса. Счастливая, беззаботная Вена, счастливые пары танцуют вальс.

Ворошилов же, заложив руки за спину, погруженный в раздумья, вышагивает взад-вперед по коридору. Офицер у двери с бесстрастным лицом, казалось, не видит его.

За кадром звучит вальс Штрауса. А по Красной площади четким, церемониальным шагом вышагивает сменный караул к Мавзолею Ленина.

Чарующая музыка «Большого вальса» окончилась. Измочаленный Ваня останавливает проектор.

Звонит телефон. Ваня вздрагивает, снимает трубку.

**Голос Власика.** Саньшина вниз.

Ваня надевает пиджак, на ходу застегивая пуговицы, кубарем скатывается по лестнице из проекционной.

У приоткрытых дверей в просмотровый зал стоит Власик и разговаривает с Хрусталевым и еще двумя офицерами из охраны. Ваня нерешительно останавливается в дверях лестницы, ведущей в проекционную. В глубине коридора на отшибе маячит переминаящаяся фигура Ворошилова. За дверью в

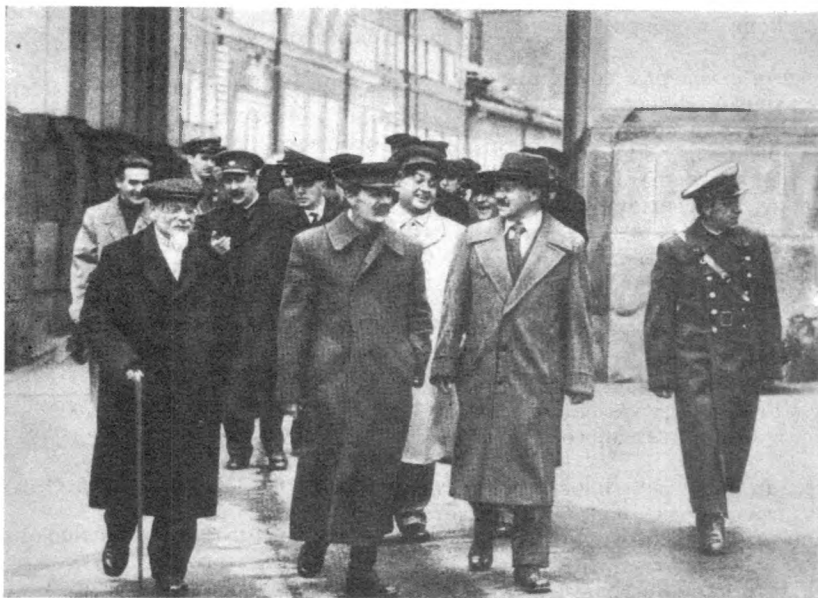
стене. Он видит проходящего мимо него вождя, который вполголоса говорит что-то Берии.

Пройдя несколько шагов, Сталин неожиданно останавливается и оборачивается, глядя на Ваню. Все сопровождающие, поймав его взгляд, тоже разворачиваются, глядя на помертвевшего Саньшина.

**Сталин.** Это лицо мне незнакомо.

**Власик** (выступив на полшага вперед). Товарищ Сталин, это наш новый киномеханик. Иван Саньшин.

**Сталин.** А старый где?



Кадр из фильма: Сталин (Александр Збруев) и «ближний круг».

просмотровый зал ощущается движение. Разговоры Власика с офицерами смолкают, вытянувшись, руки по швам, они замирают и смотрят на открывающуюся дверь, откуда, смеясь чему-то, выходят Микоян и Калинин. Они останавливаются и оглядываются, потому что в дверях появился Иосиф Сталин.

На секунду задержавшись на пороге, он раскуривает трубку, за ним почти вплотную, заглядывая через плечо, виднеется плотная фигура Берии с чисто выбритой головой и поблескивающими стеклышками пенсне.

Сталин двинулся по коридору, члены политбюро двинулись за ним, сзади — Власик, за ним прикрепленные офицеры охраны. Ваня, затаив дыхание, стоит, прилипнув к

**Власик.** Заболел, палочки Коха обнаружили.

**Берия,** который стоит на полшага ближе, приветливо улыбается.

**Берия.** А этот здоровый?

**Власик.** Здоровый.

Сталин внимательно смотрит на Ваню. Потом переводит взгляд на Власика. Он опять оборачивается к Ване.

**Сталин.** Хорошо фильм показывали, товарищ Саньшин.

Сталин поворачивается и направляется по коридору, где на пути, у стены, стоит Ворошилов.

**Ворошилов.** Коба... (Пристраивается рядом.)

**Сталин** (не глядя на него). Пошел на хер.

Ворошилов останавливается и, отшатнувшись к стене, пропускает следующих за

Сталиным членов правительства и сопровождающих. Коридор пустеет. В коридоре остаются оцепеневший Ваня и его униженный мир.

Чуть позже, развалившись в креслах просмотрового зала, обслуживающий персонал поедает оставленные хозяевами конфеты. Ваня стоит у стены.

**Воронкин** (заметив его). Чего стоишь? Не робей, налетай.

**Ваня** (робко). Да как же это?

**Воронкин**. Давай, жри. Раз коробку почали — значит второй раз не поставят.

Прожевав шоколад, он запивает его лимонадом и рыгает с раскатом.

**Буфетчица** **Варя** перебирает шоколадный набор.

**Варя**. А вы чего, с ликером сожрали уже?

Входит дежурный офицер, который сидел во время сеанса у двери. Молча накидывается на шоколад.

Ваня тянется за конфетой, какая-то бумажка на полу привлекает его внимание, он собирается было поднять ее, но резкий голос офицера останавливает Ваню.

**Офицер**. Не трогать! Что там?

**Ваня**. Вроде обертка конфетная...

**Офицер**. Тут подбирать ничего нельзя! Увидишь клочок бумажки, листочек — звони в особый сектор, оттуда придут, заберут!

Входит полковник **Щелкасов**. Все с набитыми ртами вскакивают и замирают, перестав жевать.

Полковник, не поднимая головы, обходит зал, рывкая глазами по полу, поднимает несколько конфетных оберток, потом оглядывает столики. Сваливает содержимое двух коробок с конфетами в одну и уходит не протрившись.

Ваня заворачивает несколько конфет в бумажку.

**Воронкин**. Куда?

**Ваня**. Жену угостить.

**Воронкин** (снисходительно). Вот когда станешь начальником особого сектора, тогда будешь жене конфеты таскать! Жрать — жри, а выносить — запрещается!

**Ваня**. Понял.

Жадно жует шоколад.

**Хроника**. Торжественное заседание в Большом театре, посвященное шестидесятилетию Сталина. Овация в зале — пять минут. Выступления ораторов. Оркестр, концерт. Выступают выдающиеся музыканты, артисты. Ансамбль НКВД! Собрание рабочих ЗИС, а ко дню рождения вождя — стотысячный автомобиль! Москва заметелилась, запуржилась, но праздник празднуют все — от мала до велика!..

**Весна**. Раннее утро.

**Покров** — старый русский город на русской реке. Ободренные купола церквей. Одноэтажные домики. На улицах гуси щиплют траву.

Из-за высокого глухого дощатого забора несутся детские крики. Около ворот — проходная с табличкой «ДЕТДОМ № 23».

По эту сторону забора, в глухом, поросшем крапивой углу стоит голоногая, стриженная наголо девочка лет шести. Она прильнула глазом к дырочке от вывалившегося сучка и обозревает мир, отделенный от нее высоченной стеной.

Она видит дорогу к реке, сбегаящую с холма и скрывающуюся под обрывом, а потом сразу — противоположный берег в поднимающемся от реки тумане, пристань, паром — и ни души...

В этот момент со двора доносится резкий женский голос.

**Голос воспитательницы**. Губельман! Катя Губельма-а-ан!

Девочка, спохватившись, бежит к дому, перепрыгивая через кусачие крапивные стебли.

Уже день. Во дворе детдома в крапивном углу прилипли к дырочкам дети, за ними целая очередь желающих поглядеть. Катя с красным бантом подбегает сюда же.

**Первая девочка**. Опять бант нацепила!

Она щиплет ее. Вторая девочка, подобрав срезанную крапивину, проводит по голым катиным ногам, это больно.

**Вторая девочка**. Губельман всегда выделиться хочет!

Катя обеими руками защищает свой драгоценный бант, поэтому не может сопротивляться, на глаза у нее слезы. Неожиданно над ними вырастает воспитательница.

**Тамара Яковлевна**. Бегунова, ты что, коридор хочешь после обеда помыть? Что вы к ней пристали?

**Вторая девочка** (шепчет, потупившись). Она выделяться хочет!

**Тамара Яковлевна**. У нее бант с детства остался, он ей очень идет.

**Первая девочка**. У Верки с детства ничего не осталось, вот и все!

**Детские голоса от забора**. Идет! Идет!

Катя и обе девочки, забыв про обиды, мчатся к забору, лезут, расталкивая всех, к дырочкам. Кате удалось пролезть и прикинуть глазом. Ее пытаются оттолкнуть от дырки, она распласталась по забору, сопротивляется, пока не увидела, как из-за холма, по дороге, ведущей от реки, начинают выплывать головы поднимающихся от парома людей.

В этот момент Катю отпихивают от забора более взрослые ребята. Она подни-



мается с земли, стоит в сторонке, подпрыгивает от нетерпения.

А по ту сторону глухого забора бежит и едва не плачет от счастья Настя Саньшина.

...Настя и Катя устроились в кустиках у овражка. Обе счастливы. Настя разворачивает гостинцы — тут и колбаса, и конфеты, и даже печенье.

Катя ест и смотрит на Настю влюбленными глазами.

Настя. Как же ты с Нового года вытянулась! А худая-то!

Катя. Помнишь мой бант? Его Верка уже два раза крала у меня, так ее коридор заставили мыть после обеда!

Настя. Вот в школу пойдешь, волосы отрастишь, мы тебе его в косу заплетем — красавица будешь!

Катя. А Павлика Лепешева сегодня родственники забирают, за ним специально приехали!.. А когда ты меня забереешь?

Настя. Катенька, твои мама и папа вернутся и заберут тебя, ты только учись как следует и жди.

Катя. Я их не хочу, они — «прессированные»!

Настя. Нельзя так говорить, Катенька, грех это! Они у тебя хорошие!

Катя. Нет — они враги народа, они Сталина хотели убить! Пусть их расстреляют!

Настя (ошеломленно). Катя, как тебе не стыдно?

Катя вдруг судорожно разрыдалась.

Катя. Нисколючки! Вот у Павлика родителей расстреляли, а его сегодня родственники забирают!.. Забери меня к себе, забери-и... Я не хочу здесь больше! Меня Верка обижает, щиплет, в кровать лягушку подложила-а-а... К Верке ездили сначала, а потом перестали — забыли, и ты ездешь, а потом возьмешь и забудешь меня...

Настя обнимает рыдающую Катю, ласкает ее, гладит.

Настя. Ягодка моя, я тебя не брошу!

Катя. Ты обманешь!

Настя. Нет, Катенька, я тебя как дочку люблю!

Катя (цепляется за Настино платье). Люби меня, тетя Настя, люби, пожалуйста!..

От дома раздается дробь барабана и трубы — «сбор».

У ворот дети прощаются с посетителями. Опять здесь толкуются и те, к которым никто не пришел.

Катя (останавливается на полдороге). Знаешь, давай, когда мы будем прощаться, я скажу громко: «До свиданья, мама!», а ты ответишь, чтобы все слышали: «До свиданья, доченька!» А?

Настя. Давай!



Том Халс с Александром Ганьшиным.

Они подходят к воротам.

Катя (метнув взгляд на кучку детей у забора, громко). До свиданья, мама!

Настя (сдерживая слезы). До свиданья, дочка.

Москва. Квартира госбезопасности.

Щелкасов (глядя в бумаги). Да, кстати, Саньшин, ты это или твоя жена состоит в родстве с неким Губельманом, репрессированным в 39 году?

Ваня. В родстве?! Да вы что! Был у нас сосед, его арестовали, а позже нам его комнату, в порядке улучшения условий, дали!

Щелкасов. А тут у меня сведения, что твоя жена регулярно наезжает в город Покров, в детдом детей репрессированных, к Кате Губельман шести лет, вот ее заявление, что она является ее теткой!..

Щелкасов протягивает Ване лист бумаги. Ваня берет лист, читает, лицо его покрывается испариной.

Щелкасов. Ее подпись?

Ваня (опускаясь на стул). Ее... (Качает головой.) Ведь я ей запретил, а она все — ребеночка жалко! Всё! Разведусь завтра же! Щелкасов. Семейку сразу не рушь... Но внешние сделать надо. Хорошо, что бумага ко мне попала, я никому ее показывать не буду. Но ты давай оправдывай доверие — шустри, Саньшин! Можешь идти!

Ваня выходит из подъезда и обессилен-

но прислоняется к стене. Лицо его полно смутения. Так он стоит неподвижно, вперившись в одну точку. А за подворотней солнцем залитая улица, бегут троллейбусы, движется летняя толпа...

Комната Вани. Позже.

Искаженное болью и отчаянием лицо Насти.

**Настя** (кричит). Нет, нет! Я ее не брошу! Ни за что не...

Договорить она не успевает — ванина рука зажимает ей рот.

**Ваня**. Тише ты!

Настя мотает головой, отжимает ванину руку, старается говорить тише, но у нее не получается.

**Настя**. Она мне как родная, она дочка мне!

**Ваня**. С ума сошла!

Он кидается к двери, распахивает ее — прямо напротив у стены стоит Морда, курит. Он даже не поднимает головы, сосредоточенно разглядывает дымящийся конец папиросы. Ваня захлопывает дверь.

**Настя** (сквозь слезы). Ты лучше брось меня, я тебе в жены не гожусь!

Она с рыданиями падает на постель и накрывает голову подушкой. Ваня не знает, что предпринять, потом неожиданно распахивает дверцы огромного шифоньера, хватая Настю за руку и тащит.

**Настя** (не понимая). Куда ты меня...

Ваня заталкивает Настю в шкаф, залезает сам и прикрывает дверцы. Испуганная Настя замолкает, смотрит, всхлипывая, на скорчившегося среди платяев напротив нее Ваню. Бледный свет падает внутрь сквозь стеклянные вставки в верхней части дверей.

**Настя**. Зачем мы сюда?

Ваня не отвечает, лицо его начинает дрожать, и слезы наворачиваются у него на глаза.

**Ваня** (шепотом). Что же ты наделала, Настя?.. Ведь нас теперь хоть сегодня могут арестовать!

**Настя**. За что?

**Ваня**. За родственную связь с членом семьи изменника Родины — ты же сама в детдоме указала, что ты ей родственница!

**Настя**. Иначе меня к ней бы не допустили!

**Ваня**. И давно ты к ней ездишь?

**Настя**. Второй год...

**Ваня** (охнув). Второй год!.. А ты обо мне подумала?.. Я ж в Кремле работаю, а теперь они меня к Губельманам в родственники записали! Теперь что хочешь могут со мной сделать!

**Настя**. Ты говорил — товарищ Сталин тебя любит!

**Ваня** (сморкаясь). Да при чем здесь Сталин, когда вон у Молотова жену посадили!.. Да про меня ему и докладывать не будут! Скажут — заболел — и все... Палочки Коха обнаружили!..

В дверь тихонько стучат, потом, не дождавшись ответа, приоткрывают. В комнату просовывается голова Морды. Он недоуменно оглядывает пустую комнату. Неясные шорохи в шкафу привлекают его внимание.

**Морда**. Есть дома кто?

**Ваня** (приоткрывая дверцу шкафа). Когда стучать научишься?

**Морда**. Я стучал, но вы не ответили, товарищ лейтенант! Вас к телефону.

Ваня вылезает из шифоньера, как ни в чем не бывало идет к двери. Остолбеневший Морда не может прийти в себя.

В коридоре Ваня берет трубку — там короткие гудки. Морда глядит на него. Ваня бросает трубку на рычажок.

**Морда** (проходящему Ване). Долго ждали, видать. Я стучал к вам, а у вас никто не отзывался...

Ваня закрывает за собой дверь комнаты и запирает ее на ключ. Подходит к шкафу, стучит в дверцу.

**Ваня**. Настя!

**Голос Насти**. Чего?

**Ваня**. Вылезай!

**Голос Насти**. Не хочу!

**Ваня**. Ты что, так и будешь там сидеть?

Настя не отвечает. Ваня приоткрывает дверцу, вползает в шкаф. Настя сидит пришибленная, опухшая от слез.

**Настя** (горестно). Она меня мамой назвала. Я ведь обещала не бросать ее!..

**Ваня**. Настя, ты кого больше любишь — меня или Катеньку Губельман?

Настя поднимает на Ваню свои серые глаза.

**Настя** (тихо). А ты, Ванечка, кого больше любишь — меня или товарища Сталина?

**Ваня**. Товарища Сталина.

**Настя** (улыбаясь сквозь слезы). А я — тебя... Больше всего на свете!

Улица Москвы. Осень 41-го.

Женщины-зенитчицы несут по улице огромную колбасу аэростата воздушного назначения.

Из учреждений выносят кипы бумаг — документы, архивы.

Из родильного дома выносят новорожденных, и рядком, плотно друг к другу — грузят в крытый кузов полторки.

Кремлевские курсанты обкладывают Мавзоль мешками с песком.

Внутренний двор Кремля.

Из козакского здания сената с вывеской «Совнарком» курсанты таскают огромные кипы бумаг и грузят на выстроенные в ряд военные грузовики. В воздухе вьются легкие снежинки. Скрюченный старик, будто ничего в мире не происходит, шаркает по Кремлю метлой.

Но по-прежнему куранты Спасской башни бьют с перезвоном, отмеряя ход времени...

Пустая, словно вымершая московская улица. Идет легкий снежок. Проносится «эмка» с замаскированными фарами.

Стремительно несутся навстречу безлюдное пространства московских улиц. Шофер не соблюдает никаких правил — да и не надо, движения почти нет, только изредка военные грузовики, постовых милиционеров во видно.

На переднем сиденье рядом с шофером поблескивает автомат ППШ. На заднем сидении Настя с Ваней, придавленные чемоданами.

**Настя.** Куда же мы едем?

**Ваня.** Вот любопытная! (Доверительно.) В Куйбышев. Туда все правительство переезжает. Сегодня отходит первый поезд с членами политбюро... Мне в Куйбышеве поручено кинозал наладить! А тебя буфетчицей берут в Совнарком!

**Настя.** Буфе-етчицей?

**Ваня.** Ага! Начнешь прямо сейчас, в поезде! Надо правительству чай подавать, а у них рук не хватает в обслуге! Комендант поезда тебе все должен объяснить...

**Настя.** Погоди, Вань...

**Ваня.** Чего ждать? Приказ начальника первого управления Кремля! Поняла?

**Настя.** У меня вон земля под ногтями.

**Ваня.** Тебе сейчас там маникюр наведут, не бойсь!..

Купе поезда. Колеса громяхают на стыках. Вагон качает. Окна в купе плотно занавешены. Свет тусклый. Дверь закрыта. Ваня готовит жену к выходу. Настя только что помылась — лицо свежее. Ваня укрепляет на Настиной голове наколку. Настя смотрит в зеркальную дверь, поправляет бюстгальтер на полной груди. Бюстгальтер маловат. Ваня подает жене блузку, та накидывает ее. Кофточка шелковая, лифчик просвечивает через нее.

**Ваня.** У тебя посветлее лифчика нет? Через кофточку просвечивает.

**Настя.** Постирать не успела.

**Ваня.** Ладно, передничком замаскируем.

Настя прикалывает белый, аккуратный передник, завязывает тесемки.

В дверь стучат. Ваня отпирает — на пороге измученный, с прокуренным, зеленым лицом полковник ГБ — комендант поезда, за ним высокий красавец с черными густыми бровями и усами — подполковник.

**Комендант** (глядит в реестр). Так, места 14 и 15 — Саньшин, Саньшина Анастасия... верно?

**Настя.** Верно!

**Комендант.** Значит так (сверяется по реестру), пойдешь в 18-й вагон, там тебе...

**Подполковник** (глядя на Настю, тихо). Одиннадцатый...

Комендант вопросительно смотрит на подполковника, тот улыбается, кивает в подтверждение.

**Комендант.** Значит, пойдешь в одиннадцатый вагон, тебя товарищ подполковник проводит...

Салон правительственного вагона. Просторный, отделанный красным деревом салон, в углу кожаный диван, кресла, над диваном портрет Сталина. В центре полированный стол — часть стола накрыта скатертью, там блюда со всякой снедью, зеленью, надломленный лаваш. За столом в одиночестве обедает человек с лысой крупной головой, в пенсне. У него полное, одутловатое лицо, крупный рот — это Лаврентий Берия — глава Госбезопасности страны.

**Настя.** Здравствуйте, вот водичку принесла.

Берия смотрит на Настю, которая ставит поднос, протирает горлышко бутылки салфеткой, наливает воду в фужер.

**Настя.** Разрешите идти?

Берия, подперев квадратный подбородок руками, продолжает молча смотреть на Настю. Его пронизывающий взгляд гипнотизирует. Смущенная Настя прячет руки с подносом за спину, опускает глаза.

**Берия.** Как тебя зовут?

**Настя.** Настя.

**Берия.** Анастасия — как царскую дочку! Та была красавица, а ты не хуже!

Пухлой рукой берет фужер, пьет воду.

**Настя.** Разрешите идти?

**Берия.** Подожди! (Пододвигает тарелку с рыбой и зеленью.) Ты когда-нибудь сырую севрюгу с лимоном ела?

Настя отрицательно качает головой.

**Берия.** А вот я тебе сейчас дам попробовать — пальчики оближешь! (Берия берет пол-лимона, выжимает сок на тонкий ломтик сырой рыбы.) Немножко соли... и готово! Ты выпиваешь?

**Настя.** Редко.

**Берия.** Похвально. Здоровье надо беречь! Две вещи, которые нельзя купить даже на

золото, — любовь и здоровье! А за мое здоровье выпьешь?

Берия наливает в фужер коньяку, протягивает Насте. Настя смотрит нерешительно на Берию, тот сидит не двигаясь, с протянутой к ней рукой с фужером, глядит прямо в глаза. Настя берет фужер, делает глоток, обжигается, кашляет, хочет поставить фужер, но Берия качает головой, лукаво улыбается.

Берия. До дна... за здоровье до дна надо!

Настя набирает воздух и опрокидывает фужер. Берия пододвигает ей тарелку с рыбой, но Настя с красным лицом отрицательно качает головой, тогда Берия отрывает от кисти крупную виноградину, протягивает Насте.

Берия. Закуси, а то пьяной будешь! Подойди сюда, я сам тебе в рот положу!

Настя раскраснелась, смеется.

Берия привстает и белыми пальцами аккуратно кладет виноградину в раскрытый рот Насте.

Берия (указывая на стул). Садись!

Настя. Нет, мне нельзя, Лаврентий Павлович!

Берия. Здесь я хозяин, я разрешаю!

Настя (смеется). Вас все боятся, а вы такой...

Берия. Какой?

Настя. Веселый...

Берия. Это правда, за это меня женщины любят! Ну что, выпьем за Сталина!

Настя (полупьяно). Нет, всё, я больше не хочу!

Берия (прищурившись). Ты не хочешь выпить за Сталина?

Настя серьезнеет и выпивает еще полфужера коньяку...

Коридор вагона. Ночь.

Ваня сидит у плотно зашторенного окна. Все в вагоне уже улеглись.

Настя идет неверным шагом по коридору в чьей-то меховой телогреечке на кошачьем меху. Наколки в волосах нет. Волосы распущены. Подходит к Ване.

Ваня (обрадованно). Я уж волноваться стал. Ну что, обслужила?

Настя (глядя в пространство, кивает). Угм...

Ваня (шепотом). Ты кого обслуживала?

Настя. Берию...

Ваня вглядывается в Настино припухшее лицо с отсутствующим взглядом.

Ваня. Ты что... пила?

Настя. Ты знаешь, что он мне сказал?

Настя берет Ваню за руку, тащит в тамбур, закрывает дверь.

Настя. Ты знаешь, что он сказал?.. В этой стране, говорит, я хозяин... А не он — и показал на портрет! Понимаешь?..

Ваня не слушает, он с ужасом всматривается в ее лицо.

Ваня. Ты что?.. Ты пьяная!

Настя. Угм... угостил.

Ваня распахивает полы душегрейки — под полупрозрачной кофточкой нет лифчика, острыми сосками торчит грудь.

Ваня (боясь поверить). А где... лифчик?

Настя. Какой лифчик?.. Не знаю... (Она улыбается.) Потеряла!..

Настя начинает хохотать. В коридоре появились подполковник и старшина, увидев Ваню с Настей, открывают дверь в тамбур.

Подполковник (приветливо улыбаясь). Ну что, вещички собрала?

Ваня. Куда она?

Подполковник. В одиннадцатый вагон. Буфетчица по разрядке там должна спать, поближе к пищеблоку.

Перрон. Весенний день 42-го.

Паровоз дает приветственный гудок прибытия, пышет паром. Настя стоит на перроне, шурится на ярком апрельском солнце и улыбается.

Ваня в растерянности, словно натолкнувшись на стену, останавливается. Глядит на Настю остолбенев.

Настя беременна. На пятом месяце. Животик уже высовывается меж распахнутых пол пыльника. У ее ног стоит новенький чемодан. Так они стоят, в сутолочной толпе железнодорожного перрона.

Настя. Ну как, я тебе нравлюсь?

Ваня не может вымолвить ни слова.

Настя (едко). Ты глазки-то на пол не врони — пригодятся еще.

Ваня. Что же ты... что же ты не написала, что беременна?

Настя. Ты бы меня тогда не встречал, а мне глянуть на тебя разок захотелось, позабавиться... да и тяжести таскать нельзя.

Ваня и Настя в машине, везущей их по улицам Москвы.

Настя. Значит, я тебе и с брюхом нравлюсь?

Ваня. Нормально.

Настя (иронично). Ой, какие мы благородные. (Поворачивается к шоферу.) Меня на Сретенку забросите!

Ваня. Зачем на Сретенку?

Настя. А ты что думал, я к тебе набиваться буду? У меня комната. Отдельная — в общежитии КГБ. Мать-одиночка!

Ваня (не глядя на нее). Что ж ты в Куйбышеве не осталась?

Настя. А кому я в Куйбышеве нужна с брюхом-то? Аборт чуть не силком хотели сделать — отбилась!

Ваня (собравшись с духом). Ну и правильно — пусть ребенок будет! (Шоферу.) Давай прямо на Скотопрогонный, домой!

**Настя.** Так ты что, меня жить что ли зовешь?  
**Ваня.** Мы пока что не разведены.

**Настя** (деланно). Ой, прям умру! (Наклоняется к Ване, шепчет лукаво.) Ты же, Ванечка, Сталина больше меня любишь!  
**Ваня** (тяжело смотрит на нее). Чего несешь!

**Настя.** Что ж тогда ни одного письма не написал? За зиму-то!..

**Ваня.** Я писал... Только не посылал.

Уже дома Ваня вносит чайник, накрывает на стол.

**Ваня.** Вот чай, сейчас каша сварится!

**Настя.** Не пойму я никак — ты что себе лучше бабы не нашел?

**Ваня.** Я тебя, Настя, с той ночи и клял, и вином заливал — забыть пытался, а все равно, как ночью лягу, а подушка тобой пахнет, ну и реву, слезами плачу...

Настино лицо вдруг искажается болью.  
**Настя** (недоуменно). Зачем? Зачем все так?

Она вскакивает, торопливо начинает кидать вещи обратно в чемодан.

**Ваня.** Куда?

**Настя.** Не надо, не надо мне всего этого!.. В общежитие поеду. Не трогай меня! Пешком дойду, только оставь меня!

Плечи ее начинают вздрагивать, ее бьет озноб. Ваня в нерешительности стоит у стола. Настя белеет лицом, облокачивается на спинку кровати.

**Настя.** Дай воды!..

Ваня кидается, льет дрожащей рукой воду из графина, протягивает стакан. Настя качает головой, мучительно пытается что-то осмыслить.

**Настя.** Зачем? Зачем так? Зачем ты говоришь, что подушка мной пахнет? Меня... Меня убить мало! Раздавить, подлую!..

Она садится на кровать и рыдает. Ваня опускается перед ней на колени, берет ее руки в свои.

**Ваня.** Ты послушай! Ты ведь ни в чем, ни в чем... Это я виноват, что не защитил тебя тогда, не вмешался, не пожаловался!

Настя смотрит на Ваню из-под покрасневших, припухших век.

**Настя** (устало). Кому жаловаться, Ваня? На кого жаловаться? Ты хоть знаешь, от кого ребенок?.. Сказать тебе или сам догадался?

**Ваня.** И знать не хочу! Сейчас другое, сейчас ты здесь, мы вместе!.. А ребеночка я признал, слышишь?

Взгляд Насти вдруг останавливается, какая-то мысль пронзает ее.

**Настя.** Ванечка, милый мой, тебя, наверное, вызвали на Лубянку и приказали благородного играть? Да? Ведь так?

Ваня в бешенстве вскакивает, распахивает шифоньер, рвет крышку чемодана, полного писем, швыряет в Настю письма, осыпает ее конвертами.

**Ваня.** Вот, на — читай! Это мне тоже в КГБ приказали тебе любовные письма каждый день писать? Читай, сука!

Письма сыпятся на голову Насти, на колени, падают на пол. Гора писем! Но Настя не видит, она смотрит за спину Вани, на шифоньер — там, занимая почти все пространство, стоит золоченый бюст Вождя. Ваня перехватывает изумленный Настин взгляд, оборачивается, понимает причину, опускает голову, тяжело дышит, оттирает лоб.  
**Ваня.** Это я из разбомбленной школы вытащил... Война кончится — пионерам отдадим!

И вдруг Настя начинает истерически хохотать.

**Ваня.** Чего ты?

Настя хохочет пронзительно и визгливо, качает головой, слезы катятся по ее лицу.

Комната профессора. Лето. Ночь.

За крохотным столиком профессор, Ваня и Настя. На столике — початая бутылка водки, консервы, разрезанное на четыре части яблоко. Репродуктор с книжной полки вещает голосом Левитана. Все трое сосредоточенно слушают.

**Голос диктора.** ...В результате ожесточенных боев с превосходящими силами противника наши войска отступили на оборонительные позиции в районе Сталинграда...

За окном слышатся раскаты грома.

Кремлевские куранты бьют полночь. Щедрый июльский ливень. Высвеченный вспышками молний, вышагивает к Мавзолею неизменный караул.

В комнате профессора. Ваня разливает водку.

**Настя.** И мне тоже!

**Ваня.** Тебе и одной хватит!

**Профессор** (Насти). Ну что ж, за Анастасию! С днем рождения!

Ваня и профессор чокаются, выпивают. Настя сидит, разглядывает свои руки.

**Ваня.** Насть, ну чего ты не ешь? Вон смотри, какая шоколадка! (Разворачивает золотую фольгу.) Американская!

Настя качает головой отрицательно.

**Ваня.** А то сейчас профессору отдам или сам съем!

**Настя.** Я нафталину хочу!

**Ваня.** Опять она за свое!

**Настя** (профессору). Дедушка, у вас нафталину не завалилось?

**Профессор.** Зачем вам, Настенька?

**Ваня.** Да не слушайте ее! Втемяшилось в голову, что нафталин ей для здоровья полезен! Вчера хорошо увидел — отнял, а то бы съела!

**Настя.** Мне нафталин нужен, дедушка! (Задумчиво.) Во мне моль завелась! Иногда в голове летает — щекочет, а когда — в животе... Ребенок, ведь он весь шерсткой покрытый — вот моль и завелась!

Профессор опускает глаза.

**Ваня.** Настенька, ну не надо опять!

**Настя.** Вот ты не веришь, а дедушка мне верит! Правда?

Профессор не поднимает глаз от стола.

**Ваня.** Ладно, пойдем домой, хватит!

**Настя.** Не пойду, ты меня разлюбил! (Профессору.) Раньше, дедушка, он меня любил, за меня тревожился, в шкаф прятал.. А теперь он Сталина в шкафу прячет!

**Ваня** (берет Настю за руку). **Настя!**

**Настя.** Сталин-то у нас, дедушка, в шкафу спрятан! А в Кремле-то ведь не Сталин, а нечистый!

**Ваня** (бледнеет). **Настя!**

**Настя.** Я знаю, мне все рассказали — в Кремле дьявол! У него одна рука сухая, а на левой ноге пальцы срослись — вроде копытца! Поэтому он сапоги-то мягкие носит, все прохаживается, гуляет. Меж клумб цветочных...

Профессор замер за столом. Ваня переводит взгляд на Настю, почти силой поднимает ее.

**Ваня.** Пойдем, пойдем, я тебя уложу. (Профессору.) А вы ешьте шоколад, угощайтесь, у нас еще есть!

Комната профессора. Позже.

Профессор сидит все в той же позе, медленно водит пальцем по разводам клеенки.

**Ваня** (стоя в дверях). Вы это, не надо распространяться, что она болтала, и вообще...

Профессор поднимает взгляд на Ваню, молчит.

**Ваня.** Беда, профессор,— с мозгами у нее не того! Вчера в очереди старуху укусила!

Профессор продолжает молчать.

**Ваня.** Вы чего?

**Профессор.** Может быть, она и помешалась, но только она правду сказала! Великую правду!

**Ваня.** Не понял.

**Профессор.** Дьявол в Кремле сидит!

**Ваня** (мертво). Чего?

**Профессор.** Дьявол. Только дьявол мог целый народ заставить оглохнуть и ослепнуть по собственной воле! Даже Гитлеру не удалось

уничтожить миллионы своих братьев и сестер и в ответ получить обожание всего рода человеческого!..

Ваня на глазах трезвеет. Он садится за стол, как бы в первый раз разглядывая профессора, на губах его искусственная улыбка.

**Ваня.** Так-так... Что еще скажешь?

**Профессор** (не обращая внимания на саркастический тон Вани). Русский народ всегда бросался в крайности — либо святость, либо бесовщина... А человеческое, оно ведь посередине, понимаешь?... А мы — либо с Богом, либо с дьяволом... Вот сейчас мы с ним, с темной силой, а верим, как Богу!

Профессор поднимает взгляд и глядит в белые от бешенства глаза Вани.

**Профессор.** Знаю, знаю, Ваня, что ты в органах работаешь, доверенный человек, но только твоя жена сегодня истину увидела!

**Ваня** (медленно). Ты, старый, ничего не знаешь... Я в Кремле работаю, я у него работаю.. Я счастье имею его каждый день видеть.. И ты мне...

**Ваня** (хватает профессора за воротник, рывком подтягивает к своему лицу, шепчет яростно). Кто ты? Кто тебя, сволочь, подослал ко мне? Провокатор, сука гнойная! Думаешь, я не понимаю? Да я тебя сейчас головой об стену, мозги по книжкам размажу!..

Он кидает старика на стул, тот падает, обмякший, шепчет посережними губами.

**Профессор.** Убивай меня — я готов! Только попомни мои слова — не было бы таких хороших, чистых, доверчивых Иванов на нашей земле, как ты,— не было бы тирана, убийцы, дьявола!.. Иди звони в КГБ — пусть забирают меня наконец — я уже пятнадцать лет жду каждую ночь, как приговоренный к смерти!.. В Акафисте Богородице, там, Ваня, все сказано!.. «Странники и пришельцы вси мы на земле сей — беды от врагов, беды от сродных, беды от лжебратий!..» Это о нас, русских!.. И мы с тобой в ответе, нам, русским, еще предстоит познать и ужаснуться своей скверны!.. Только я до этого часа уже не доживу!.. А теперь уходи, уходи отсюда!

Ваня наливает в стакан остатки водки, выпивает и молча выходит.

Стараясь не шуметь, проходит в свою комнату и на полушаге замирает остолбеневший — ярко освещенные неживым лунным светом ноги Насти тихонько раскачиваются в метре от пола. У раскрытого шкафа валяется чемодан с Ваниними письмами. Ваня, не отрывая глаз от парящей в темноте Настиной ночной рубашки, делает еще три шага и натывается на стол.

На столе записка: «До свидания, Ваня!

Я, Ганьшин Александр Сергеевич, 1909 года рождения, паспорт серия ХХІХ-МО № 567568, выдан 75 отделением милиции гор.Москвы 4 марта 1983 года, проживающий по адресу: г.Москва, Трифоновская ул., дом № 55, кв.№ 9, заявляю, что работал в Кремле у тов.Сталина И.В., а кинокартина "Ближний круг" в постановке режиссера А.Михалкова-Кончаловского базируется на правдивой истории моей жизни и на всем протяжении создания этой картины я ее консультировал.

*[Handwritten signature]*



28/11-1991 Ганьшин

*[Handwritten signature]*

Тринадцатое

13 декабря 1991 года Я, Александр С. Ганьшин и.м.  
 государственный нотариус \_\_\_\_\_  
 Московской государственной нотариальной конторы, свидетельствую подлинность подписи гр. Александр Сергеевич Ганьшин  
 в отношении кинокартины "Ближний круг"  
 сделана в моем присутствии. Личность подписавшего документ установлена.  
 Варегистрировано в реестре за № 3-15550  
 Взыскано государственной пошлины 10  
 Государственный нотариус \_\_\_\_\_



*[Handwritten notes: "руководитель нотариальной конторы" and "С.Е."]*

Отвези Катеньке мою серую кофту, а то она, наверное, мерзнет.»

Ваня медленно садится на стул, смотрит перед собой невидящими глазами. Письма разбросаны повсюду. Настя висит на шнуре от абажура, и тень от ее тела падает на тускло мерцающий в чреве шкафа золоченый бюст Хозяина.

Тихо, очень тихо, страшно тихо вокруг... За окном еле слышно раздается скрип сапог. Размеренные, неторопливые шаги приближаются. Ваня завороченно поворачивает голову. Мимо окна по просыхающей луже проходят сапоги. Знакомые сапоги.

Знакомая солдатская шинель с длинными, медленно развевающимися полами. Ваня не может поверить своим глазам. Сапоги появляются во втором окне.

Ваня вскакивает, кидается опростелить к двери. Падает с грохотом опрокинутый стул.

Ваня выбегает из подворотни — прямо на него. Привычно заложив правую руку за обшлаг шинели, задумчиво шагает Сталин. Ваня, опешив, делает шаг ему навстречу. Ваня. Товарищ Сталин...

Сталин, поравнявшись с Ваней, еле заметно улыбается, кивает, останавливается.

Сталин. Товарищ Саньшин!

Ваня (оглядываясь). Как же это вы — без охраны?

Сталин. Кого нам с тобой бояться, Ваня?

Ваня. Мало ли что может случиться? Давайте я вас провожу!

Сталин. Я люблю один прогуливаться. Ты что, здесь живешь?

Ваня (кивая на дом). Вот мои окна!

Сталин. А не сыро вам в подвале?

Ваня. Отличный подвал, товарищ Сталин, — сухой и теплый!

Сталин. Как жена, дети?

Ваня. Жена в положении, ребенка ждем, первого...

Сталин. Это хорошо, дети — наше будущее! (Помолчав.) Значит, доволен жизнью?

Ваня. Не жалуюсь!

Сталин делает шаг к Ване, разглядывает Ванино лицо. Так близко Ваня вождя еще не видел. Где-то за заборами лает собака. Снова заворчал гром.

Сталин (помолчав). Ну что ж, будь здоров, товарищ Саньшин!

Он делает несколько шагов и останавливается у фонарного столба. Ваня подбегает к нему.

Ваня. Вам нездоровится, товарищ Сталин?

Сталин. Сколько ты со мной работаешь, товарищ Саньшин?

Ваня. Пятнадцать лет в ближнем круге, товарищ Сталин.

Сталин (грустно качает головой, с тоской оглядывается вокруг). Вот, все говорят — я недоверчивый... Ну а как я могу верить людям, когда даже ты — свой, из ближнего круга — меня обманываешь!

Он поворачивается к Ване, смотрит в самую глубину Ваниних глаз.

Сталин (раздельно). Нет у тебя жены — повесилась она!.. Двадцать минут назад... Ведь я все знаю, Саньшин, все и про всех!

Ваня (виновато). Виноват, товарищ Сталин, не хотел вас беспокоить, у вас своих дел хватает!

Сталин. Мы все одному делу служим, товарищ Саньшин!.. (Начинается дождь.) Тебя еще что-то тревожит — по глазам вижу!

Ваня (решившись). Я спросить хотел — а правда, что у вас на левой ноге два пальца срослись — вроде копытца?

Сталин. Правда. Я поэтому даже священником не стал! (Вздыхает.) Мама перед смертью плакала: «Жалко, Иосиф, ты священником не стал...» А теперь иди домой, а то простудишься — вон какой дождь!

Сталин поворачивается и неторопливо шагает прочь. Ваня, съежившись под холодным дождем, смотрит ему вслед. Фигура Сталина исчезает за густой дождевой пеленой.

---

НОМЕРА НАШЕГО ЖУРНАЛА ЗА ПРОШЛЫЕ И ЭТОТ ГОД ВЫ МОЖЕТЕ  
ПРИБРЕСТИ В РЕДАКЦИИ.

НАШ АДРЕС: 103006, МОСКВА, ВОРОТНИКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК,  
ДОМ 12.

ТЕЛЕФОН: 299-11-78.

ПРОЕЗД ДО СТАНЦИИ МЕТРО «МАЯКОВСКАЯ».





# РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ

НИКИТА  
МИХАЛКОВ

## «СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК»

### Часть вторая

**В** храме полным-полно народу. Поливеский покупает свечи на всех, передает их юнкерам и Джейн. Она с интересом оглядывается вокруг: множество лиц, устремленных к проповеднику. Она хочет зажечь свечу, но Андрей отрицательно качает головой и извиняюще улыбается: еще рано.

На этом изображении слышно продолжение письма Джейн. Голос Джейн. ...Я не знаю, была ли Джейн счастлива тогда, но что-то звучало в ее письмах такое, чего раньше я в ней не знала. Она написала мне большое письмо про празднование Пасхи в России, я не нашла его полностью, только вот один листок: «...В храме было жарко и очень много людей. Я стояла в толпе и, не понимая ни слова из того, что читали священники и пел хор, но что-то завораживающее, какое-то смутное ощущение единения с этими притихшими, чужими мне людьми ясно ощущала. Во всем чувствовалось, что скоро должно случиться что-то очень важное для всех и что очень давно ждут, ждут, как чуда, как праздника...»

С правой стороны стоят в храме мужчины, слева — бабы в шелковых платьях и плисовых поддевах; много детей, они тоже молятся, подражая взрослым. В центре храма стоят аристократы. «Полуношница» подходит

к концу. Уже звучит 9-я песнь Канона. Юнкера в новых унтер-офицерских погонах причесаны и, как все тут, взволнованы. Джейн с напряженным интересом наблюдает за происходящим. Какая-то старушка тихонько толкает ее в локоть. Джейн оборачивается. Старушка сует ей свечку.

**Старушка (по-русски).** Передайте, барышня, душенька моя, Христа ради, ко праздничку!

Джейн не понимает, беспомощно оглядывается. Толстой улыбается, берет у нее свечу, трогает за руку стоящего впереди господина.

**Толстой.** К празднику!

Господин кивает, берет свечу, передавая ее дальше, к Царским Вратам. Скоро другая женщина попросила Джейн передать свечу. Джейн, уже понимая, толкнула стоящую впереди даму.

**Джейн (по-русски).** К празднику!..

Дама кивнула и передала свечу вперед. Юнкера переглянулись, Толстой смотрел на нее, совсем как бы растворившуюся в этой незнакомой толпе, видел, как она пытливо вглядывается, стараясь делать все, что делают и другие. И лицо его, помимо его воли и вопреки общему настроению, какое должно быть на «Полуношнице», сияло нежностью и счастьем. Вот она обернулась, поймала его взгляд, улыбнулась, привычным

легким движением поправила завиток волос и отвернулась. Опять Толстой смотрел на ее маленькое, просвечивающее ушко на фоне горящих у амвона свечей. Бриллиантовая сережка подрагивала, и вместе с ней дрожали и металась ломкие разноцветные лучи.

Время приближалось: основной хор еще молчал, и только часть его выводила «Егда снизошел еси...»

Священник выходит из алтаря через Царские Врата, кадит Плащаницу и уносит ее в алтарь. Раздается первый удар курантов. Святое воскресенье!..

Бегут по храму огоньки свечей, зажигая от одной другую. Вот и у Полиевского, Назарова и Бутурлина свечи горят. Потом огонек дошел и до Джейн и Толстого. В еще затворенном алтаре стихира: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах; и нас на Земли сподоб и чистым сердцем Тебе славити».

При повторном пении открывается занавес на Вратах, и перед третьим открывают Царские Врата, и с выходом духовенства на солею весь хор во всю мощь своего многоголосия подхватывает: «...и нас на Земли сподоб и чистым сердцем Тебе славити!»

Священники в светлых, серебряных с золотистыми крестами ризах несут на престольное Евангелие, икону «Воскресение Христа», дьякон и дьячки в праздничных серебряных и золотых стихирях с запрестольным крестом, запрестольным образом (на древке) Божьей Матери в руках, далее хоругвеносцы, священосцы с большими свечами, младшие священники с кадилами — начинается крестный ход. Доносится радостный пасхальный звон колоколов, непрерывное благословение народа тройными, убранными цветами, свечами.

«...Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробах живот даровав!» — это уже поют не только хор и священники, но и весь народ, и в самом храме, и вне его.

Джейн и юнкера, стиснутые толпой, уже идут вокруг храма. Трезвон сотен колоколов разносится по Петербургу. Джейн пытается поймать слова стихир, хотя бы приблизительно, но у нее не получается, и тогда она поет что-то свое, по-английски, что помнит из детства, но вместе со всеми, и ее чистый голос сливается с голосами остальных. А рядом Андрей. И он поет тоже, и его сильный баритон, чуть с хрипотцой, вливается в праздничное пение. Поют и Полиевский, и Назаров, и аристократы, и дети — все!

«Христос Воскресе!» — покрывает своим могучим басом всех и вся священник.

«Воистину Воскресе!» — отвечают ему тысячи голосов.

«Христос Воскресе!» — повторяет священник.

«Воистину Воскресе!» — звучит ему в ответ. Джейн обернула к Толстому радостное, возбужденное лицо.

Джейн. Что это значит?

Толстой объясняет, и тут какая-то старушка протянула Толстому крашеное яйцо. Старушка. Христос Воскресе, солдатик, на-ка, разговейся!

Толстой. Воистину Воскресе! Спасибо, бабушка!

Они троекратно целуются.

Джейн. Вы ее знаете?

Толстой. Нет. Просто так полагается...

Джейн. Всем?

Толстой. Да...

Они стоят в ярко освещенном дворе храма. Гремит хор, радостно и торжественно звучат плясовые напевы праздничных песен. Джейн смотрит Толстому в глаза, улыбается, не размыкая губ, как бы сосредоточившись, медленно, по слогам произносит: — Хрис-тос Вос-кре-се!..

Толстой смотрит на нее:

— Воистину Воскресе!

Еще какое-то мгновение он в нерешительности стоит перед ней, но Джейн сама приближает к нему свое лицо. Осторожно, как бы почти и не касаясь друг друга, они троекратно целуются. И точно так же она христосуется с остальными юнкерами...

Вот они уже на улице. От тихой и печальной «Полуношницы» и следа не осталось. Все, видимые с этого места храма, ярко освещены. Люди угощают друг друга куличами, пасхами, меняются раскрашенными яичками. Отовсюду слышны слова «Христос Воскресе!» и «Воистину Воскресе!» Смех, поцелуи... На паперти суетятся нищие, слепые, калеки. Юнкера раздали медя, которая была у них в карманах. Подала и Джейн. Подскакивает на деревянной, похожей на кеглю, ноге старый и уже подвыпивший солдат. Трясет головой, больше он похож на нищего.

Солдат (браво). Христос Воскресе, господин унтер-офицер!

Толстой. Воистине!..

Христосуются. Солдат вынимает из кармана шафрановое яичко.

Солдат. Ну, кто кого?

Толстой сжимает в руке свое, подаренное старушкой, так, чтобы торчала только маленькая часть скорлупы. Стукнулись. Яйцо Толстого трескается.

**Солдат.** Ага! Моя взяла! Дайте на винцо копеечку, господин унтер-офицер!

Толстой смутился, стал рыться в карманах. Джейн поняла и протянула солдату гривенник. Тот так обрадовался, даже деревяшкой притопнул.

**Солдат.** Эх, сударыня моя! Возьми яичко — никто не обыграет, заговоренное! Христос Воскресе!

Джейн хотела ответить, но не получилось, засмеялась.

**Толстой.** Во-исти-не!..

**Солдат (Толстому).** Не наша?! И тоже человек!

Он просто и ловко подскакивает к ней, вытер чем-то, смахивающим на платок, губы и троекратно целует ее. И она тоже, не смущаясь и ничуть не брезгуя им, смеясь, трижды поцеловала. И в то время как она целовалась с нищим солдатом, глаза ее встретились с глазами Толстого, как будто спрашивая: «Хорошо ли, так ли я делаю?!»

А он улыбается и говорит взглядом: «Хорошо, очень хорошо, так и надобно!»

Солдат уже исчез в толпе, она тронула Толстого за рукав:

**Джейн.** А почему в России трижды целуются?

**Толстой.** Потому что мы крестимся тремя пальцами!..

Он показывает ей троеперстие.

**Толстой.** Бог-отец! Бог-сын! Бог — святой дух!.. Поэтому и целуемся трижды, чтобы никого не обижать!..

Из храма доносится песнопение. Джейн уже кто-то сунул кусок кулича с пасхой. Толстой очистил разбитое солдатом яичко, и они его вместе съели. Кто-то еще христосовался и играл с Джейн в «кто кого». И она выиграла, ибо яичко солдата оказалось деревянное. Юнкера тоже раздобыли крашенные яички, хохочут, играют в «кто кого». Уже плясали под гармонику, шутили, пели и смеялись!..

Неожиданно Джейн схватила Толстого за рукав и потащила в сторону, остановилась в толпе. Толстой стоял перед ней. Она смотрела на него тем взглядом, что и там, в храме, и с той же улыбкой.

**Джейн (после паузы).** Христос Воскресе! **Толстой.** Воистину Воскресе!..

Она обняла его и, не обращая внимания на толчки со всех сторон, долгим поцелуем прильнула к его губам!..

Невский проспект.

Мимо гуляющей по тротуарам толпы катит коляска генерала Радлова. Теперь на ней свежерыкрашенные колеса, а не полозья, и кучер Кузьма не торопит лошадей, как бы и им давая насладиться наступающей прелестью весеннего дня.



Рисунки Анастасии Рюриковой.

Генерал Радлов, держа в руках огромный букет роз, поглядывает по сторонам с благожелательностью и интересом. Вот он замечает среди прохожих юнкера своего училища, взглядевшись, узнает Андрея Толстого.

**Радлов.** А ну-ка, останови, Кузьма!..

Кучер замедляет бег лошадей, одновременно подъезжая к тротуару.

**Радлов.** Юнкер Толстой, куда это вы? Садитесь, подвезу.

Толстой в некотором замешательстве приветствует генерала.

**Толстой.** Благодарю вас, ваше превосходительство! Но право, не извольте беспокоиться!..

**Радлов.** Садитесь, садитесь!..

Юнкер вынужден подчиниться и занять место в коляске.

**Радлов.** Какой вы, батенька, стеснительный, однако же! Не пристало вам с вашими-то способностями! Блистательно экзаменовались. Ха-ха!.. Форстен, и тот не нашел к чему придраться, вредная душа, прости его господи. А как ваша маменька? Порадовали ее своими успехами?

**Толстой.** Маменька в отъезде, ваше превосходительство.

**Радлов.** Отдыхать изволят?

Толстой. Никак нет... Она служит в театре в провинции.

Радлов. Ах, да! Слышал, слышал, говорили мне, что маменька ваша театром увлекается. Ну что же, у меня тетка покойная в рюхи играть обожала. Вы в каком направлении? Толстой (с надеждой, что им не по пути). К Троицкому собору.

Генерал же, напротив, обрадовался.

Радлов. Неужто! Удачно, мы в те же края.

Он замолчал, молчал и понурый юнкер.

Радлов. А я, знаете ли, юнкер, свататься еду, то есть руки просить и сердца. Самому странно — решил вот изменить планиду, хотя, признаюсь, и страшновато. Как говорят: «Идучи на войну — молись, идучи в море — молись вдвое, хочешь жениться — молись втрое!»

Он посмеялся, поправил букет в руке.

Радлов. А с другой стороны: «Жена мужу пластырь, а он ей пастырь!» Каждодневной заботы захотелось, знаете ли. И возраст дает о себе знать. Вам этого не понять — вы молодые, энергичны, здоровы, впереди, Бог даст, блестящее будущее. С вашим приложением и задатками вы далеко пойдете, мое вам слово. Опять же фамилия обязывает! Вы к писателю Толстому отношение...

Толстой (торопливо). Нет, нет, ваше превосходительство, никакого!

Радлов. А...

Толстой (перебивает). Нет, и к министру, графу Дмитрию Андреевичу Толстому, тоже никакого!

Радлов. Ну и что же! Вы свою ветвь, так сказать, прославите. А вот я и прибыл.

Коляска замедлила ход. Андрей сделал движение встать.

Радлов. Сидите, сидите, юнкер. Он вас доведет до вашего места.

Коляска остановилась. Радлов, сойдя на землю, посмотрел на Кузьму.

Радлов. Отвези господина юнкера...

Он умолк, ибо юнкер, к его удивлению, вслед за ним покинул коляску. На балконе второго этажа появилась Джейн.

Толстой. Благодарю вас, ваше превосходительство, но я тоже прибыл...

Радлов. В таком случае, всего хорошего...

Кивнув юнкеру, генерал направился к подъезду. Выждав паузу, за ним пошел Толстой. Джейн с балкона приветливо помахала им рукой, и тут только Радлов понял, что юнкер идет в тот же дом.

Радлов. Так вы тоже сюда, юнкер?

Толстой. Да, так точно, ваше превосходительство!...

На балконе рассмеялись.

Джейн (по-английски). Здравствуйте, господа. Вы очень эффектно выглядите вместе, господа!

Радлов махнул цветами Джейн и повернулся к Толстому.

Радлов. Вы бываете в этом доме?

Толстой. Нет, первый раз.

Ответ нравится генералу, голос его теплеет.

Радлов. А вы, я вижу, изрядно владеете английским?

Толстой. Изъясняюсь...

Радлов. Свободно?

Толстой. Да, ваше превосходительство...

Радлов. Ну-ка, скажите, мне, к примеру, по-английски такую фразу... Гм... Ну, к примеру, души моей порыв, соединясь с величием судьбы, призвал меня в ряды.

Толстой. В какие ряды, ваше превосходительство?!

Радлов. Это неважно, это к примеру.

Юнкер легко и свободно говорит фразу генерала по-английски, чем приводит начальника своего училища в полный восторг.

Радлов. Отменное произношение, как я понимаю! Да, вас сама судьба послала, юнкер, сейчас мы совершим с вами богоугодное дело. Следуйте за мной.

Генерал решительно направляется к дому, Андрей следует за ним.

Радлов. Бывают моменты, когда точное слово решает все дело. А мой английский, знаете... немножко (смеется) моя твоя не понимаю. Я, правда, занимаюсь, но сегодня такой день, сами понимаете, так что не откажите в услуге, так сказать, шафер-толмач!

Он опять усмехнулся, похлопав Толстого по плечу.

В прихожей им навстречу спешил инженер Стараро. Слуги принимали шинели генерала и юнкера.

Радлов (бодро). Рад приветствовать вас, господин Стараро, и позвольте представить юнкера моего училища Толстого, замечательных способностей юноша. И к тому же не из тех Толстых... к писателям, слава Богу, он отношения не имеет, хотя, справедливости ради, должен заметить: граф Лев Николаевич пока служили в армии, были вполне достойны своего имени и звания.

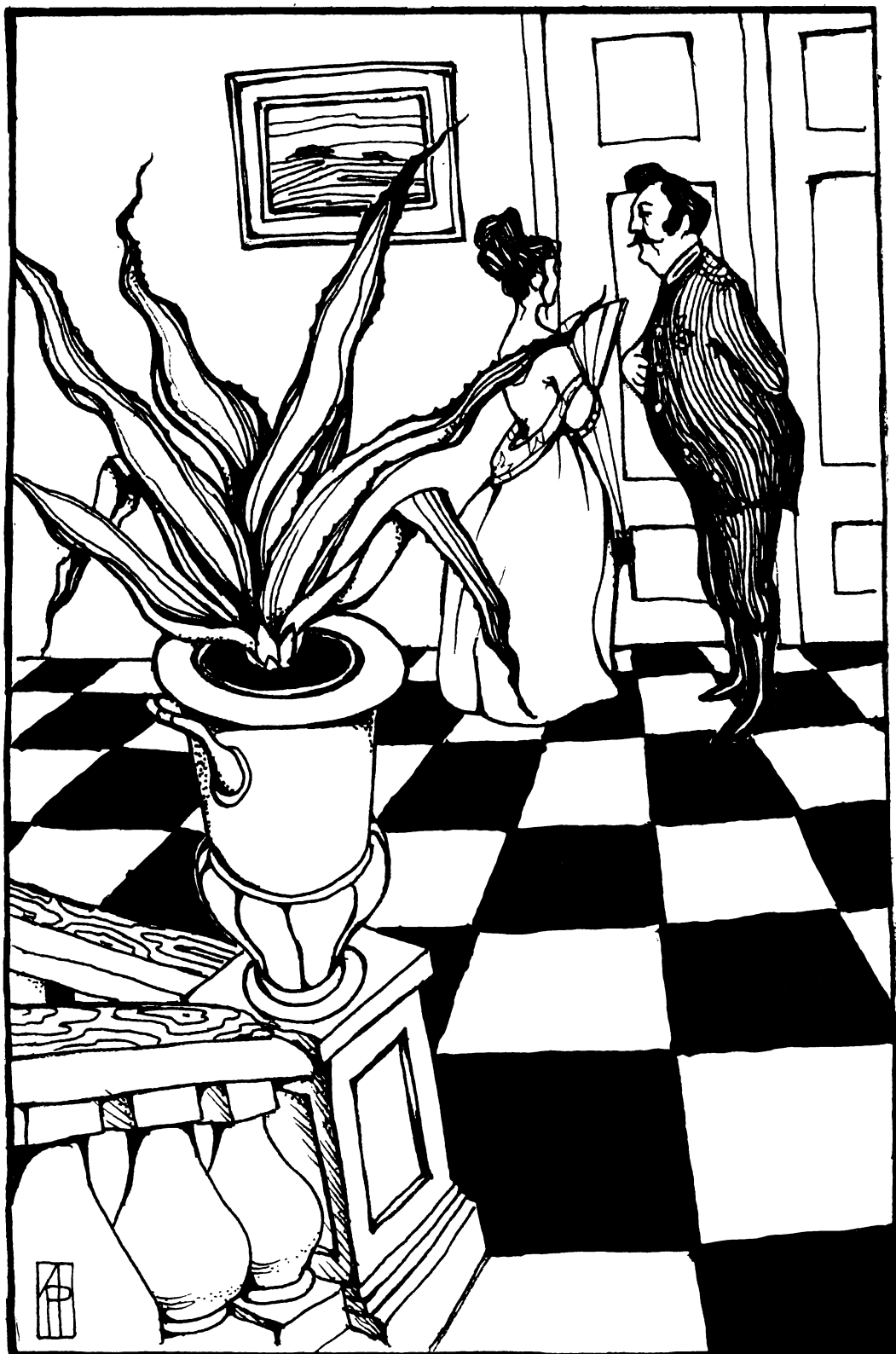
Он обращается к Андрею:

— Переведите-ка ему все это. И не смущайтесь тем, что о себе вынуждены будете сказать. Вы переводчик, толмач, так сказать, и должны повторять все, что я говорю, слово в слово.

Радлов (по-английски). Он мой переводчик.

Роберто. Очень приятно! Прошу вас, господа!...

Он показал на лестницу, и все направились к ней.



**Роберто.** Замечательная погода сегодня. Я очень люблю весну в Петербурге.

Андрей собрался было перевести, но генерал его остановил.

**Радлов.** Это я понял, переведите ему вот что...

Но тут они дошли до дверей в гостиную, инженер открыл ее, пригласил войти, и после обязательных дверных «церемоний» все вошли в просторную гостиную: генерал с букетом роз, Андрей и инженер.

**Радлов.** Ты скажи ему вот что. Скажи, юнкер, что я еще раз ознакомился с бумагами по поводу его машины, ну, этой самой, которую он строит, и собираюсь доложить их высочеству Великому князю... Да-да, и убежден, что возможно положительное решение. Да! Да, так и скажи: положительное решение.

Инженер слушает перевод Андрея, затем бросается благодарить генерала. Тот снисходительно выслушивает его.

В гостиную входит Джейн. Генерал спешит к ней, вручает цветы, целует руку. Джейн польщена. Передает цветы служанке. И только теперь здоровается с ней Толстой.

**Джейн.** Не желаете ли чаю, господа?

**Радлов (Андрею).** Это я понял.

Он оборачивается к Джейн.

**Радлов (по-английски).** Благодарю вас! С удовольствием...

**Роберто.** О, господин генерал, это дело всей моей жизни, всей жизни. Я очень вам благодарен.

Он весь сияет, и Джейн это видит.

Они садятся за стол.

**Роберто (Джейн).** У нас радостные новости. Господин Радлов обещает доложить Великому князю о моих проблемах.

Джейн переводит взгляд на Радлова.

**Радлов.** Да-да, если я обещаю, я делаю. Это все знают. Кстати...

Он достает конверт с вензелем училища. **Радлов (по-английски).** Это приглашение, восьмого сего месяца. Мы силою юнкеров и офицеров наших даем в училище «Свадьбу Фигаро». Итальянская опера.

**Роберто.** На музыку Моцарта...

**Радлов.** Ну да, я сказал: итальянская опера. Буду рад, ежели посетите. И их высочество Великий князь обещали быть...

Служанка принесла на серебряном подносе чай, сладкое.

**Роберто (генералу, беря приглашение).** Непременно! С превеликим удовольствием! Джейн обожает оперу! Как вы себя чувствуете? Вы ведь хворали, кажется?

**Радлов (Толстому).** Я понял. Отвечу лично.

Пока генерал подбирает английские слова, Андрей обращается к Джейн.

**Толстой (шепотом).** Я принес вам веер...

Радлов покосился на него, но смысла сказанного не уловил.

**Радлов (по-английски).** Да! Я болел...

**Джейн (улыбаясь).** Не хотите ли чего-нибудь покрепче?

**Радлов (категорически).** Нет!

**Джейн.** Ах, да! Я совсем забыла, вы же противник алкоголя!

**Радлов (в волнении).** Я всегда считал и считаю по сей день, что пьянство — зло, и народу вред, и отечеству урон!

Еле заметная усмешка Джейн смутила генерала, он прокашлялся, прочистил запершившее горло.

**Роберто.** Да-да, мне говорили. Забыл, как это называется, слово такое есть, обозначающее последствие. Короткое такое...

**Толстой (по-русски).** Запой?

**Роберто (обрадованно).** Да-да! Запой...

**Радлов (Андрею, обеспокоенно).** Что «запой»? Зачем вы об этом? Скажи ему лучше, или не надо. Давайте менять тему, господа, не затем я сюда шел. Ты им вот что скажи, юнкер. Переводи точно, тут каждое слово важно — вопрос судьбы, как говорится, всей жизни моей дальнейшей.

Генерал во время разговора выразительно смотрит на инженера и его дочь, как бы призывая внимательно отнестись к его сообщению. Они ощутили его волнение. Андрей сидит, уставившись в стол. Неловкость ситуации сковывает его движения, голос звучит глухо и прерывисто.

**Радлов.** Ты скажи им, юнкер! Судьба моя, будущность... Да что там, вся моя жизнь зависит от решения, за коим я прибыл сегодня в этот дом. Я немолод, но ощущаю в себе достаточно сил и желания, чтобы просить руки мисс Джейн... Я осознаю, что недостоин ее, но обещаю предпринять все, что в силах моих, и сделать избранницу свою счастливою!... Переведи, юнкер! И будь что будет! Ты все запомнил ли? Прошу вас, не пропустите чего-нибудь. Постарайся и скажи слово в слово...

Радлов возбужден от собственных слов, он с нетерпением ждет перевода.

Андрей встал. Видно было, как он продолжает преодолевать что-то мешающее и сковывающее его. Наконец, обращаясь к Джейн и только к ней, заговорил.

— Я должен сказать вам нечто, сударыня, очень важное, такое, что переменяет судьбы людей... Позволите ли вы говорить мне?

Лицо Джейн побледнело — она сразу поняла, что сказанное Андреем не имеет отношения к Радлову.

**Роберто.** Да, да... Говорите... Что же ты, Джейн?!

**Джейн.** Я вас слушаю... Говорите...

**Толстой.** Я должен сказать... я давно уже



полюбил вас, полюбил с первого взгляда... Там... Еще в поезде... В вашем купе... И более любить никого не стану и не могу... Прошу вас, не сердитесь на меня... Радлов (начиная понимать). Что вы говорите, юнкер?

Но юнкер не слышал его.

**Толстой.** ...Я в этом году, через несколько месяцев стану офицером... Я знаю, я отлично знаю, что мне не достанется блестящая вакансия, да я и не стыжусь признаться, что наша семья бедна и помощи никакой дать мне не может... Я также хорошо знаю положение молодых офицеров в полку: на такое жалование едва может прожить и один человек, а завести семью совсем бессмысленно. Но я обещаю вам: как только я выйду в полк, то тотчас же начну подготавливаться к экзамену в Академию. На это уйдет ровно два года. А далее путь мой обеспечен, и я смогу занять достойное вас место в обществе... и тогда... позволите ли вы мне прийти к вашему отцу, чтобы просить у него, как величайшую награду, вашу руку и сердце...

Он замолк. Воцарилось молчание. Инженер переводил взгляд с Джейн, с чрезвычайным волнением слушавшей монолог юнкера, на генерала, которого, казалось, вот-вот хватит удар. Даже его слабого знания английского языка было достаточно, чтобы сказанное юнкером поразило его.

**Толстой (Джейн).** Вы можете не отвечать мне сейчас, немедленно. Я понимаю всю трудность положения, в которое я вас поставил... Простите меня... И позвольте уйти сейчас...

Он склонил в почтительном поклоне голову.

**Толстой.** Прощайте!..

**Джейн.** До свидания!..

Толстой поклонился и вышел. Воцарилась жуткая пауза. Стало слышно, как раскачивается маятник в часах и позвякивает в блюдце чашечка в руках Джейн.

**Роберто (Джейн).** Кто этот человек?! И что случилось?

Он повернулся к генералу. Тот неподвижно сидел, положив руки на колени и медленно моргая. Джейн непринужденно рассмеялась, она старалась держаться легко, непринужденно, как будто ничего не произошло.

**Джейн.** Вы как дети, господа! Это смешно!.. Я видела этого юношу несколько раз... Мы познакомились случайно, в поезде... зимой... Он сел на мой веер... Взял его починить. Все никак не мог вернуть... Это было тогда, еще зимой... А сегодня он, верно, хотел отдать веер... И так смешно... Так странно себя повел...

**Роберто.** Я хочу вас заверить, ваше превосходительство, что никакого отношения к нашей семье этот юнкер не имеет... Он у нас в доме первый раз... Какая-то странная история с веером, я ничего о ней не знал...

Он бросает злой взгляд на дочь. Генерал, хранивший до сей поры молчание, кажется, стал приходить в себя. Не слыша их обоих, он тяжело поднялся, несколько неуклюже поклонился, глядя куда-то между Джейн и инженером.

**Радлов (по-английски).** Ежели позволите, я завтра сделаю посещение! До свидания! Я должен ехать... Извините меня...

Сделав еще раз поклон, он направился к двери в сопровождении Роберто.

**Роберто.** Ждем вас в любое удобное вам время. В этом доме вам всегда рады!.. Они вышли из гостиной. Джейн сидела за столом, глядя прямо на скатерть, чертила на ней чайной ложкой какие-то узоры.

Она не слышала, как за окном отъехала коляска, как вернулся Роберто.

**Роберто.** Ну что, доигралась? Я же тебя предупреждал! Я же тебя просил быть осторожней! Я знаю эту страну! Здесь ничего нельзя предугадать! Все рухнуло! Понимаешь ли ты? Все рухнуло! Все мои усилия, все эти годы! Из-за какого-то мальчишки, сопляка, все рухнуло! Зачем он тебе понадобился?!

Он обхватил голову руками, заходил вдоль стола.

**Роберто** (с отчаянием). Святая Мария! Зачем! Зачем я доверился этому Дикуну?! Сколько раз я давал себе зарок — не иметь, не иметь дел с женщинами!.. Зависеть от их капризов, привязанностей, антипатий, настроений!.. Их месячных, наконец!..

Джейн с трудом отвлеклась от своих дум, ибо смысл обвинений Роберто начинает до нее доходить. Она, неожиданно сильно, ударила по столу.

**Джейн** (резко). Ну, ладно, хватит! Довольно!.. Надоело!.. Тебе нужна твоя машина? Ты ее получишь! Все получишь! По контракту! И не смей меня учить! Ты мне кто — брат? Муж? Отец?..

Инженер смехался, испуганно глядя на Джейн.

В ротной камере 2-й роты у койки Толстого столпились генерал Радлов, его лощеный адъютант, капитан Фокин и растерянный дежурный.

**Радлов** (кричит.) Где?!!

Он лично выдергивает ящики из уборного шкафчика Толстого; из них на пол летят какие-то письма, бумажки, фотография, расческа, запасная кокарда, какая-то мелочь: кусок мела, гусиное перо, бантик, стреляная гильза, завернутая в обертку надкусанная конфетка. Все это падает и разлетается по полу.

**Радлов.** Нету!

Генерал опрокидывает и еще один уборный шкафчик. Из него тоже что-то сыпется, но не то, что ищет генерал. Наконец, Радлов берет за край матрасовки и резко ее переворачивает. Из-под подушки на пол выскакивает веер Джейн.

**Радлов** (победно). Вот он!..

Инженер Стараро и Джейн все еще были в гостиной. Он стоял против нее и, сложив, как при молитве, руки, смотрел на нее.

**Роберто.** Я ни на что не претендую... Я плачу деньги и прошу только об одном — чтобы ты выполняла свою работу добросовестно.

**Джейн** (прерывая). Это мое дело, как я работаю!.. И как получится то, ради чего я сюда приехала, — тоже мое дело...

**Роберто** (почти плача). Но ты же все разрушила! Сама! Своими руками! Сколько трудов! Ведь ты слышала: он согласился почти! И все к черту!..

**Джейн** (стараясь быть спокойной). Я предупреждала Дика, когда он просил помочь тебе: что никто не должен лезть в мои дела! Задавать глупые вопросы, предъявлять претензии!.. Это было мое условие — и ты его принял! Тебе нужна поддержка правительства?! Ты ее получишь! А как я это сделаю, это мое дело! Понимаешь?! Мое! А не твое! Твое дело — изобретать дурацкие и дорогие машины, а мое — заставить русское правительство сделать глупость и оплатить тебе расходы на их строительство!..

Она вдохнула воздух, которого ей не хватало и, не дав ему опомниться, продолжала.

**Джейн.** А уж как я живу, с кем встречаюсь... кто мне нравится — это уж тем более мое дело!.. Это моя жизнь, понимаешь?! Моя жизнь, в которой, из-за таких, как ты, мне, кроме гадостей, нечего вспомнить!.. Ты думаешь, я не вижу, как ты на меня смотришь?!

**Роберто** (в ужасе). Я?!

**Джейн.** Да, ты!.. Ты очень похож на моего отчима... Эта скотина сажал меня, двенадцатилетнюю, на колени и тискал, называя дочкой... Я даже сквозь платье все чувствовала! Скотина! Спал на месте отца!.. Кадык торчит, а мама рядом, как раньше, с отцом!.. Сколько раз я с бритвой у дверей стояла и смотрела на них спящих!.. А ты?! Ты хоть понял, что сегодня произошло? Что совершил этот мальчик?.. Совершил у тебя на глазах... Ты этого не увидел и не услышал! Еще бы, ты занят только своим железом.

Тут голос Джейн дрогнул, сорвался, и она, не стесняясь, громко зарыдала, безутешно, как плачет ребенок. Испуганный инженер Стараро быстро ходил по гостиной, заломив от волнения руки, не зная, что предпринять, как успокоить эту женщину, с такой откровенностью раскрывшуюся перед ним...

2-я рота занимается спортом. Надев длинные мягкие перчатки для занятий английским боксом, унтер-офицеры сражаются, разбитые на пары. Из-за дверей залы раздаются звуки горна. Все недоуменно переглядываются. До конца занятий еще полчаса, но горнист играет сбор. В залу вбегает вахмистр.

**Вахмистр** (с порога). Вторая рота!.. Большой сбор!.. В рекреационную залу, быстро!..



По длинному, натертому воском, коридору училища бегут юнкера. Никто не понимает, из-за чего объявлен им вдруг большой сбор...

В рекреационной зале выстроены поротно весь юнкерский корпус. Замерли в строю. **Фокин.** Унтер-офицер Толстой, выйти из строя!..

Чеканя шаг, Толстой выходит из замершего ряда, поворачивается лицом к строю. Генерал Радлов не может стоять на месте, ходит взад-вперед, заложив руки за спину. Наконец, останавливается.

**Радлов** (тоном, постепенно набирающим силу). Да-с, юнкера!.. Позор-с! Знаете ли вы, кто это стоит перед вами?! Унтер-офицер Толстой! Ошибаетесь! Унтер-офицер Алексеевского училища не присваивает чужих вещей и не прячет их у себя под матрасовой!..

Юнкера, замершие в рядах, молчат. Ни звука, ни движения. Толстой бледен, как бумага, смотрит на генерала с удивлением. Он пытается что-то сказать Радлову, но тот резко прерывает его.

**Радлов** (в ярости). Молчать!.. Это немисливо! Позор! Вертеп и разврат!.. Вот...

Генерал поднимает над головой веер Джейн. Толстой инстинктивно подается вперед. Радлов вновь не дает ему говорить.

**Радлов.** Молчать!.. Выманить у дамы, иноземной подданной, дорогую вещь. И присвоить ее под предлогом ремонта?! Это ли не позор!.. Последний фендик постыдится сделать подобное!.. Но это сделал наш товарищ, наш Алексеевский юнкер, унтер-офицер Толстой! Позор, достойный комедианта!.. Ваша матушка, я знаю, актерка... Так не лучше ли...

Генерал замаялся. Он неожиданно встретился с твердым и дерзким взглядом, устремленным прямо на него. Взгляд Толстого как бы уничтожил ту огромную лестницу, которая разделяет маленького юнкера от большого начальника. Наступили мгновения тишины, оглушающей тишины, как будто не было в этой зале четырехсот человек, ждущих развязки. Возникло ощущение, что сейчас, в эту минуту, произойдет нечто непоправимое и ужасное. Напряженные лица юнкеров, друзей Толстого. А он сам проглатывает мешающий ему дышать сухой колючий комок, и тихо, но внятно, произносит...

**Толстой.** Ваше превосходительство! Я не смею даже предполагать, что сказанное вами есть что-то другое, нежели заблуждение... в которое вас ввели!.. Я и вправду виноват перед вами, но совсем в другом, о чем готов просить вашего прощения!.. Но что, однако, касается сугубо только до нас с вами!..

Радлов метнулся взглядом по сторонам и наигранно рассмеялся.

**Радлов.** Ха-ха!.. Это вы на что же это намеки строите, любезный?

**Толстой** (так же тихо). То касается только нас с вами, ваше превосходительство!..

**Радлов** (взрывается). Молчать! Мальчишка, птенец желторотый!.. Еще не успел из гнезда вылупиться!.. Да ты... ты...

Офицеры быстро переглядываются. Замерли по стойке «смирно» юнкера, скосив глаза на генерала: таким его еще никогда не видели.

**Радлов.** Жизни не видел!.. Птенец!..

Генерал замолкает, тяжело дыша. Наступает странная, тягостная пауза. Юнкер и генерал стоят друг против друга, и это уже не просто юнкер и не просто генерал. Не привычная дистанция, которая ясна и естественна, а что-то большее разделяет и связывает этих людей. Радлов смотрит на Толстого — высокого, стройного и молодого, в идеально сидящем на нем мундире. Гладкая, еще не знающая бритвы кожа на щеках, сквозь которую пятнами проглядывает румянец. Радлов рассматривает его, и жгучая беспричинная обида медленно поднимается в его душе, заволакивает глаза... И с болью, искренностью он вдруг выкрикивает:

**Радлов.** Лучше бы о матери думал, чем о...

Радлов потряс перед ним веером. Толстой молчит и тут. Совершенно неожиданно для юнкера нежданная слеза скатилась с ресницы и побежала по щеке.

**Радлов** (капитану Фокину). В карцер его! Под арест!..

**Фокин.** Слушаюсь, ваше превосходительство!

Радлов пошел к выходу.

Толстой справился с минутной слабостью и негромко произносит: — Ваше превосходительство, разрешите обратиться?!

**Радлов** (оборачивается). Что еще?!

**Толстой.** Я прошу вас, ваше превосходительство, вернуть мне этот веер!..

Генерал неожиданно прячет веер за спину.

**Радлов.** Не верну... (Пауза). То есть верну... но не вам... — И выходит из зала, хлопнув дверью.

Генерал ходит по кабинету. Капитан Фокин по стойке «смирно» стоит в центре, водит за генералом Радловым глазами.

**Радлов** (раздраженно). Бордель, господин капитан!..

**Фокин** (браво). Так точно, ваше превосходительство, бордель!

**Радлов.** Черт знает что развели! Распустили этих сосунков, они только что цыганок в училище не водят!.. Веера у дам крадут-с! А?!

**Фокин.** Так точно, ваше превосходительство!

**Радлов.** Что — так точно?

**Фокин.** Цыганок не водят, ваше превосходительство!

**Радлов.** А веера крадут-с?

**Фокин.** Никак нет!.. Красть — не крадут, ваше превосходительство!

**Радлов.** А это что?!

**Фокин.** Это веер, ваше превосходительство! Но Толстой его не украл, ваше превосходительство!

**Радлов.** Откуда вы знаете?

**Фокин.** Я знаю Толстого, ваше превосходительство! Горд, заносчив, потому красть не будет, не сможет!..

Фокин делает паузу и меняет тон.

**Фокин** (спокойно). Отмените наказание, ваше превосходительство, прошу вас!..

**Радлов** (даже опешил). Что-о?!

**Фокин.** Толстой украсть не мог, я наверное знаю. Но он человек вспыльчивый, неровный, покуда молод, может глупостей наделать!..

**Радлов** (взрывается). Каких еще глупостей?! Тоже мне, принцесса! Что же он себе теперь жилы резать будет или стрихнином травиться?!

**Фокин.** Травиться не будет. А петь не станет!..

Радлов поднял брови.

**Фокин.** Мы можем ему приказать по службе и наказать по службе!.. Вне ее ни приказать, ни наказать не имеем права, ваше превосходительство!..

**Радлов.** Не понимаю, говорите яснее...

**Фокин.** Толстой поет партию Фигаро. Завтра представление, должен быть Великий князь. Из карцера Толстой петь не пойдет. И приказывать мы ему не сможем!..

**Радлов.** Да я его из училища в два счета выкину!..

**Фокин.** Так точно, ваше превосходительство! Выкинуть можно, но петь заставить — нет!..

**Радлов.** А у меня здесь не консерватория! Я не Рубинштейн, поняли?

**Фокин.** Так точно, ваше превосходительство. Понял: Толстого гнать, оперу и приглашенных отменить! Разрешите идти?!

Радлов не отвечает, тяжело сел за стол, стучит веером по бумагам.

**Радлов** (мрачно). Что вы предлагаете?

**Фокин.** Я предлагаю: Толстого простить и отпустить его до завтра домой, ваше превосходительство. Пусть остынет и успокоится!..

**Радлов.** Но... что подумают?..

**Фокин** (уверенно). Все правильно подумают, ваше превосходительство, я уверен!..

Радлов медлит.

**Радлов** (задумчиво). Да... Великий князь Алексей Александрович хотели быть... И что

же — некому больше пропеть этого циркуляника?..

**Фокин.** Никак нет, ваше превосходительство! Некому больше!..

Радлов что-то быстро пишет на листке бумаги.

**Радлов.** Хорошо. Отпустите этого щенка!..

**Фокин.** Мудрое решение, ваше превосходительство!..

Радлов вкладывает в большой конверт веер и записку, пишет на ней адрес.

**Радлов.** Прошу вас, капитан, отправить это по адресу!..

**Фокин.** Слушаюсь, ваше превосходительство!..

Он берет конверт.

**Фокин.** Разрешите идти?

Радлов кивает головой, капитан поворачивается и идет к двери.

**Радлов.** Капитан!..

Фокин останавливается.

**Радлов.** Скажите откровенно... Я не был смешон... там... в зале?

**Фокин.** Никак нет — все трепетали, ваше превосходительство... Одно обидно, ваше превосходительство...

**Радлов.** Что?!

**Фокин.** Обидно, что народ неблагодарный, ваше превосходительство! Кричишь на них, жаришь их, а все одно — всегда этот Толстой будет на 18 лет меня моложе... И сегодня, и потом!..

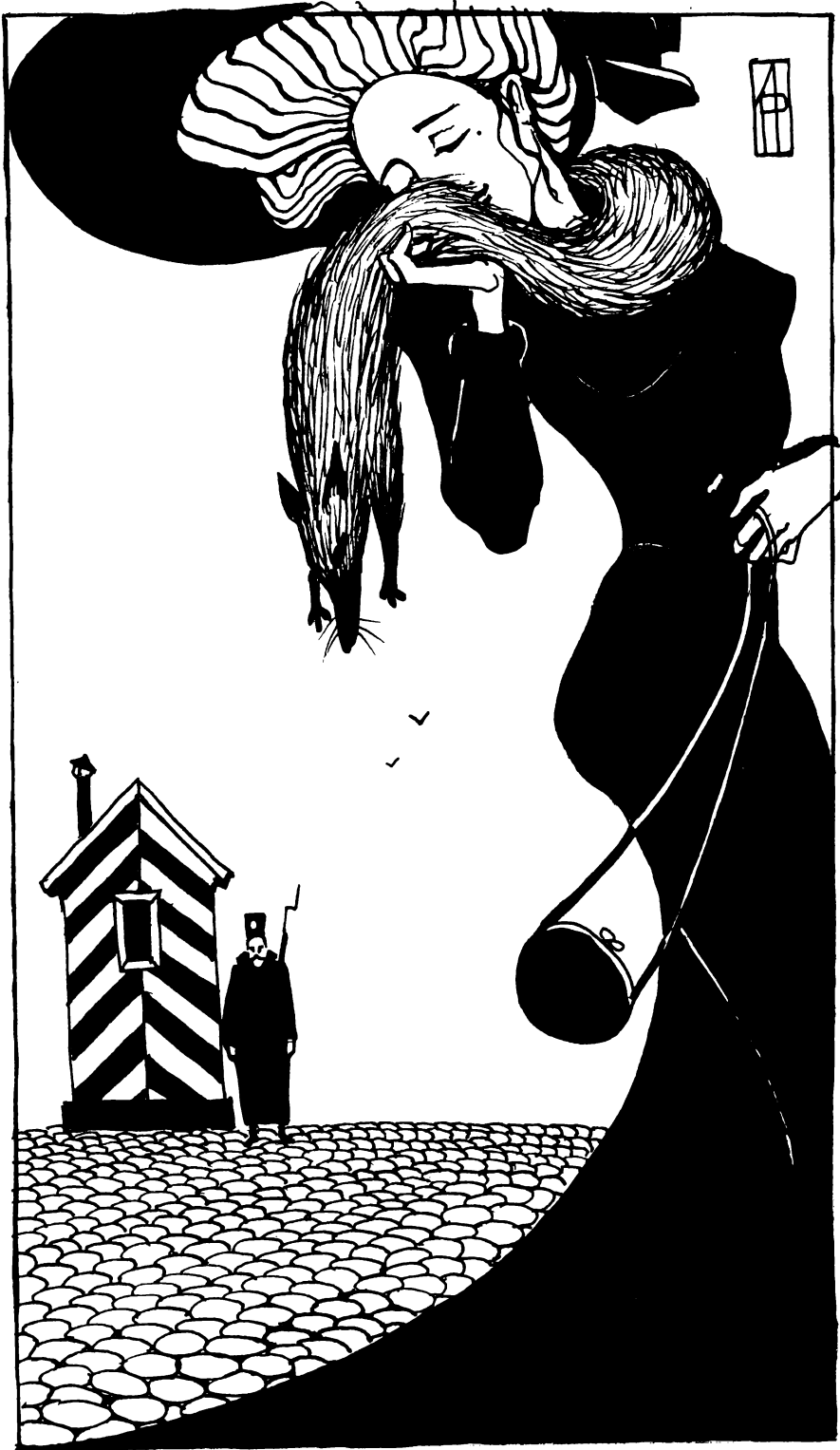
Радлов смотрит на Фокина, думает.

**Фокин.** С народом и мальчишками перекручивать нельзя! Мудрое решение вы приняли, ваше превосходительство!..

Капитан Фокин вышел из дома инженера на залитую закатным солнцем улицу. За спиной негромко звякнул замок. Капитан огляделся и стал переходить улицу.

Джейн стояла у окна в гостиной и смотрела вслед капитану Фокину. Она видела, что он пересек улицу, пошел по противоположной стороне. Взгляд ее был печален. На подоконнике лежит конверт с ее веером и запиской генерала. Она стояла в каком-то оцепенении, не двигаясь, как статуя.

Голос Джейн. Итак, я надеюсь, ты уже понял, мой мальчик, что Джейн не была скромной и добродетельной дочерью инженера Староро, приехавшей в Россию навестить старика отца, а работала по контракту с Агентством некоего Дика Музо — знаменитого в те годы специалиста по такого рода делам. Дик Музо и Роберто Староро были друзьями с детства, и когда Роберто в отчаянии обратился к Дикку с просьбой о помощи, чтобы достроить свою машину, тот посоветовал ему Джейн — своего лучшего аген-



та. Так Джейн оказалась в Петербурге с тайной миссией любыми путями добиться субсидий на строительство машины. К Дикку же в Агентство Джейн попала не столько благодаря своим природным способностям, сколько благодаря обстоятельствам жизни.

После внезапной смерти отца мать ее почти сразу вышла замуж, и положение Джейн в доме стало невыносимым. Далее жизнь готовила ей несколько головокружительных испытаний, в результате которых она оказывалась почти на самом дне, то в Константинополе, то в Индии, с какой-то партией искателей драгоценностей, то еще где-то на кубинских островах, пока, наконец, в Лондоне она не прибилась к Агентству Дика Музо, которому жизненный опыт, быстрый ум и привлекательная внешность Джейн оказались весьма полезны, и она, успешно проведя несколько сложных операций, по праву стала одним из лучших агентов Дика Музо. Мир учил Джейн всему, она стала независимой и сильной, но за эту независимость и за эту силу она расплачивалась утратой веры в людей и уважения к ним...

Взвод кадетов, подгоняемых неутомимым капралом, преодолевал препятствия: рвы, наполненные стоячей водой, валы, поросшие жестким кустарником, карабкался по отполированным столбам, чтоб вверху, уцепившись за канат, перелететь через утыканную острыми пиками стену... Взмокшие от пота, задыхаясь в беспощадной жаре, выпачканные грязью кадеты выполняли все эти армейские упражнения. И среди них — последний «слоник» — стягивающая его противодымная маска бросается в глаза уже издали. На этом изображении мы слышим продолжение письма Джейн.

Голос Джейн. ...Постепенно она стала относиться к людям как к цели, а не как к средству: женщин не любила, мужчин презирала. Она привыкла к тому, что люди только для того и живут, чтобы использовать друг друга, что у каждого человека есть его место, на котором кто-то использует его, а он может использовать другого... И хотя душа ее все еще хотела любви и бескорыстия, жизнь учила ее совсем иному...

Двое офицеров на хорошо ухоженных лошадях, поровнялись с ротой кадетов. Заметили «слоника», отчаянно бежавшего ко рву с водой. Офицеры подъехали к капралу. 1-й офицер. И долго это будет продолжаться, капрал?

Он показал на кадета в маске. Капрал (козырнув). Последний остался, сэр!..

2-й офицер. Для неприятностей одного тоже достаточно, капрал... Имейте это в виду...

Пришпорив лошадей, они легкой рысью поехали по полю. Капрал озадаченно смотрел им вслед...

В привокзальном буфете шумно, дымно и тепло. Снуют половые, разнося горячие щи, шкалики с водкой, кружки пива, блюда, полные раков, и пыхтящие самовары. В углу, у окна притулились Толстой и Поливеский. Судя по их возбужденному виду и пустым кружкам, сидят они здесь уже порядочное время. За окнами снуют пассажиры, кричат артельщики. У платформы стоят вагоны поезда с тускло освещенными окнами.

Поливеский. И он тебя так сразу и отпустил?

Толстой (бодрится). Угу!.. Даже извинения от имени генерала попросили.

Поливеский. Но этого мало, Андрей!.. Извинения надобно перед строем просить! Тебя ведь перед строем обвинили...

Толстой. Да?.. А мне все равно, знаешь ли...

Поливеский. Да что ты говоришь такое?.. Ты из-за ерунды, глупости, пустой шутки в драку полез, в дуэлы!..

Толстой. Молодой был... извини.

Мысли его были заняты совсем иным, и он вдруг с отчаянием произнес:

— Куда я полез, Саша? Куда? Кто я такой? Что я могу ей предложить? Что?..

Поливеский пытается что-то сказать, но Толстой останавливает.

Толстой. Постой... Через десять лет стать женой штабс-капитана где-нибудь в Орле... И это еще хорошо, в Орле-то!.. А то командовать ротой в Туркестане!.. Хм...

Он замолкает на минуту, глядя куда-то вдаль. Не замечает кокетливой гримасы накрашенной девицы, предназначенной ему. Она сидит невдалеке с двумя подвыпившими студентами. Толстой трет рукой тяжелую голову, как бы пытаясь освободиться от тяжести.

Толстой (словно прозрев). Господи!.. Саша!.. А что было-то?.. Да с чего я все это взял?!.. Хм... Ну похристосовались, ну экзамен помогла сдать. И что? С чего я себе все выдумал? А? Ох, и стыдно!.. Каждую ночь одно и то же во сне вижу... То я ее жду, а ее нет, то ее кто-то за руку берет, а я гонюсь за кем-то и бью чем попало... И все бью и бью!.. И от страха просыпаюсь: Господи, думаю, человека убил!

Он сделал паузу, переводя дыхание. Толстой. А ведь убил бы! Прости Господи, террориста не смог, а за нее убил бы, наверно!..

**Полиевский** (вставая). Я сейчас...

Он не очень твердой походкой идет в туалет... Громко, гулко звучит станционный колокол. Все зашевелились: и за окном, и в буфете. Входит дежурный в фуражке с красным околышем.

**Дежурный**. Третий звонок, господа! Извольте поторопиться!.. Поезд на Москву с первого пути, до Харькова — с третьего, через десять минут!..

Пассажиры, толкаясь, стали выбираться из буфета на платформу. Забегали артельщики, засуетились мальчишки-лотошники. Толстой смотрел в окно на бегущих в разные стороны людей. Он не заметил, как девица, виляя бедрами, подошла к его столику, присела на краешек стула.

**Девица** (низким, грудным голосом). Молодой брюнет, одолжите папироску!

Толстой вздрогнул, не сразу понял, кто она и что хочет.

**Толстой** (задумчиво). Ах, да... вот, поехали...

**Девица**. А блондин совсем ушел? Уехал что ли?

**Толстой**. Я не знаю... нет!.. Куда же он уедет?!

**Девица**. Известно, куда блондины ездят, — к морю...

Паровик протяжно загудел, Толстой подхватил, грустно вторя гудку вторым голосом, вышло красиво.

**Девица**. Я тоже пою...

**Толстой**. Хотите пива?

**Девица** (презрительно). Нешто я похожа на «кто пиво кислое пьет»? Угостите лучше «Редедером», брюнет...

Подошедший Полиевский слышит ее слова. **Полиевский**. «Редедером» тебя вон тот, рыжий, угостит...

Он кивнул на спящего студента.

**Девица**. Ой, все блондины такие жадные... здарсьте...

**Толстой** (мечтательно, не обращая внимания). Эх, ехать бы сейчас в поезде. Чух-чух, чух-чух... Свеча горит... лежишь себе на диване, глаза закрыты, и только огонек от свечки сквозь ресницы желтеет... чух-чух, чух-чух... А бабушка с няней шепчутся, думают: я сплю... сперва папу бранят за то, что опять дурить начал, потом маму — что опять меня на них бросила... хорошо, славно...

**Девица** (вставая). Коли вы такие жадные, брюнет, пойду одна угощусь.

Она, покачиваясь, отходит к стойке. Полиевский, отпив из кружки, со стуком ставит ее на стол.

**Полиевский**. Но как, как она могла сказать такое... о веере?!

**Толстой** (горячо). Так у нее же другого

выхода не было! Ведь же у них все было сговорено, Саша! Я же им все поломал! Он же к ней уже свататься шел, с розами! А я просто так — веер этот злосчастный вернуть... Ты бы видел его, Пупа-то! Бедный старик только глазами так: хлоп! хлоп!.. А я ей: «Я прошу вас быть мне женой...» Какой женой?! Я что?! Люблю ее, что ли?! Нет! И не любил никогда! Да я бы на месте Пупа меня застрелил бы! Тут же!.. И вся недолга. Господи, как стыдно!.. Ладно... «Отсутствие надежды — тоже покой», как Пушкин сказал...

**Полиевский** (мягко). Грибоедов!

**Толстой** (засмеялся). Все равно Александр Сергеевич...

К их столику вновь подплыла девица, держа в руках рюмку «Редедера».

**Девица**. Ой, вы такие душки! Несмотря что жадные...

Она села на тот же стул.

**Девица**. У меня бабка гречанка была... Из настоящей Греции. Во, ей-богу!.. Так она...

**Полиевский** (перебивая). Тебя как зовут, гречанка?

**Девица**. Диана!..

**Полиевский**. Дуня, значит...

**Девица**. Вы, блондин, не грубите, пожалуйста..

**Толстой** (сам себе). Дуняша... Нес долг и не донес... пропил!.. Настоящий офицер... ухажу...

Он неожиданно встал, покачнулся, но устоял.

**Девица**. Ой, брюнет, я же только разговорила...

**Полиевский**. Ты куда?

**Толстой**. Мне надобно. Прощайте, Полиевский!.. Вранье все! Господи, все вранье!..

Спасибо вам!..

Толстой поклонился Полиевскому, неожиданно «церемонно» поцеловал руку девице и твердым шагом пошел к выходу... Но подходя к дверям, он все замедлял шаг, а на перроне и вовсе остановился. Полиевский видел сквозь стеклянную дверь его спину. Толстой все так же продолжал стоять, когда Полиевский положил ему руку на плечо. Толстой обернулся, лицо его было мокрым от слез.

**Толстой** (шепчет). Ничего, Саша... Ничего!.. Все хорошо...

Толстой дергает за ручку звонка, напевая себе под нос арию Фигаро. Наконец дверь открывается, на пороге чем-то встревоженная Дуняша.

**Дуняша**. Ой, барин... Вы?! А я... вас, то есть... **Толстой** (перебивает ее). Я, Дуняша, твои три рубля прокутил! Нес, да и прокутил!..

Он сокрушенно и виновато склонил голову, шагнул через порог.

Дуняша испуганно смотрит на Толстого. Хочет что-то сказать, но он снова прерывает ее.

Толстой. Молчи, Дуняша... не брани... все ведь кончено...

Он опустил на сундук у стены, над ним тускло светила керосиновая лампа со стекляннно-матовым абажуром. Он притянул Дуняшу за руку.

Толстой. Все кончено...

Дуняша (растерянно). Андрей Алексеевич... что с вами?!

Толстой. Ты сюда... Как из дому приехала, на поезде?

Дуняша. С обозом...

Но он почти не слушал ее.

Толстой. Уедем с тобой, Дуняша, обратно в Батурино... Сядем в поезд, нам зажгут свечечку... И покатим, чух-чух, чух-чух... Будем в лес ходить, на речке купаться... Ты думаешь, я не помню? Я все помню, Дуняша... Ты ведь любишь меня?.. И я к тебе... привыкну...

Она стояла почти вплотную к нему, и он, говоря все это, держал в своих руках ее холодную, чуть вздрагивающую ладонь. Вдруг она присела, заглянула в глаза, он увидел в них боль и жалость.

Дуняша (тихо). Андрей Алексеевич...

Толстой вновь остановил ее, приложив палец к губам. Дуняша замолкла на полуслове.

Толстой. Постой, я сейчас...

Он резко поднялся и направился вглубь квартиры, напевая все ту же арию Фигаро.

Он вошел в кабинет: по пыли на столе, книжном шкафу и подоконнике можно понять, что здесь давно никто не обитает. Толстой остановился у письменного стола, некоторое время смотрит на фотографию красивого мужчины в мундире артиллерийского полковника. Потом Толстой медленно повернул ключ, торчащий из ящика стола. Выдвинул его. Там среди каких-то бумаг, счетов, тетрадей и схем лежит обернутый газетой сверток. Взявшись за краешек газеты, потянул ее на себя, сверток перевернулся раз, другой и из него выскользнул, мягко стукнувшись о бумаги, матово блестящий тяжелый револьвер. Он осторожно взял его в руки, провел по клейму «Смит и Вессон». По инерции он все напевал арию Фигаро. В дверях появилась Дуняша. Она видит его спину у стола.

Дуняша. Барин, Андрей Алексеевич...

Толстой вздрогнул, сунул револьвер в карман, закрыл ящик.

Толстой (быстро). Ты что? Что тебе, Дуняша?

Дуняша (тихо). Андрей Алексеевич... Вас... Вас там ждут...

Толстой (резко). Кто? Маменька? Маменька приехали?!

Дуняша. Нет...

Толстой долгим взглядом смотрит на Дуняшу, будто проверяя что-то, и вдруг быстро идет мимо нее, выходит в прихожую, почти бегом поднимается по скрипучим ступеням наверх...

Войдя в гостиную, Толстой увидел Джейн; она сидела в кресле у окна и смотрела на него со слабой улыбкой, дрожащей на губах. Он неловко поклонился, не зная, что сказать. На столе горели свечи в тяжелом подсвечнике.

Джейн (продолжая улыбаться). Я вас жду уже... три часа.

Толстой. Простите, сударыня, но... я не знал и... во-вторых, я вообще, в доме случайно — нынче не отпускной день...

Слова его звучат вежливо и бесстрастно, без какого-либо волнения.

Джейн (все еще улыбаясь). Я это знаю... Вы не рады мне?

Толстой не ответил.

Джейн. Я принесла вам мой веер. Тут еще немного болтается ручка...

Толстой вновь ничего не сказал, только удивленно поднял брови.

Джейн (поймав его взгляд). Да-да! Мне его ваш капитан принес... Кажется... Фокин... Он очень мил, правда?..

Толстой (в тон ей). Да, сударыня, он хороший командир — юнкера его любят.

Джейн. Да! Очень милый...

Неожиданно она взглянула на Толстого смущенным взглядом.

Джейн. Послушайте... Нет ли у вас что-нибудь поесть? Я, знаете ли, почему-то ужасно проголодалась...

Толстой (после паузы, тем же тоном). Я не знаю... надобно у Дуняши спросить...

Он чуть помедлил и вышел в прихожую.

В прихожей он почти сразу наткнулся на Дуняшу. Не глядя ей в глаза, он тем же тоном сказал:

— Дуняша, принеси поесть, пожалуйста... Найдется у нас что-нибудь?..

Дуняша (не сразу). Телятины холодной могу подать, грибов...

Толстой. Подай, пожалуйста... Она... Дама эта, давно здесь?..

Дуняша. Давно...

Толстой. Хорошо... Да, и попить что-нибудь...

Дуняша не спешила уходить, ждала еще каких-то слов от Андрея, но ничего больше не сказав, он вернулся к Джейн.

Джейн все так же сидела в кресле, не изменив даже позы.

Толстой. Сейчас подадут... Но... так, что есть...

Джейн с благодарностью кивнула головой. Он сел на один из стульев, отодвинув его от стола. В лице его ощущалась напряженность, и Джейн это тут же заметила.

Джейн. Вы кого-нибудь ждете?

Толстой. Я..? Нет... Отчего вы так решили?

Джейн. У вас вид такой... будто вы кого-то ожидаете.

Толстой неопределенно пожал плечами и, неожиданно для себя, произнес:

— Я, по совести говоря,— жду!..

Взгляды их встретились.

Толстой. ...Вы ведь не ужинать сюда пришли?! И не веер принести?..

Джейн. По совести говоря,— нет! Не ужинать!..

Ее перебила вошедшая без стука Дуняша с посудой на подносе. Пока она расставляла ее на столе, царило молчание. Джейн рассматривала комнату, Дуняшу. Та же лишь однажды метнула на нее быстрый взгляд и тут же отвела глаза. Она поставила на столе куверты и, поклонившись, вышла.

Джейн (кивнула на дверь). Она нас... не отравит?..

Толстой. Вас — нет...

Джейн. А вас?..

Андрей лишь слегка усмехнулся.

Джейн (примирительно). Шучу я... Не обижайтесь...

Она вновь оглядела комнату.

Джейн. Здесь редко бывает мужчина...

Толстой. Но я живу в училище... Я говорил вам...

Джейн. Я и не вас имею в виду...

Андрей невольно осмотрел комнату и наткнулся на стоптанные мужские туфли, которые выглядывали из-под сундука, стоявшего у двери. Джейн отщипнула кусочек булки.

Джейн. А почему вы так удивились, увидев меня здесь? Я пришла дать вам ответ...

Толстой. Какой ответ?..

Джейн. И мне, и моему отцу показалось, что вы сделали мне предложение?.. И просили дать ответ...

Андрей pokrылся пятнами, опустил голову, нервно сжав руки. Джейн выдержала паузу, неотрывно глядя на него. Что-то похожее на удивление промелькнуло в ее глазах и тут же пропало.

Джейн. Разве это не так?..

Толстой (тихо). Так...

Джейн. Это... так неожиданно, так невероятно...

Толстой (еще более опустив голову). Простите меня!.. Я не знал... Простите, я не мог остановиться...

Джейн. Почему?

Толстой. Я... Я... испугался, сударыня...

Джейн. Чего же?..

Толстой (после паузы). Это неважно...

Джейн. Нет, это важно! Скажите, я прошу вас!

Толстой болезненно повел головой.

Джейн (мягко). Ну...

Толстой (с усилием). Я испугался, что... что... теряю вас...

Джейн. Но...

Толстой порывисто перебил ее.

Толстой. Простите меня, прошу вас... я уже понял, как ошибся...

И он с мольбой посмотрел на нее.

Джейн. Вы раскаиваетесь?.. Вы сожалеете о своем поступке?.. Да?..

Он смотрел на нее, пытаясь понять ее странную интонацию.

Толстой. Я.. сожалею... что так получилось, сударыня...

Джейн (настойчиво). И вы во всем раскаиваетесь?..

Толстой (с мольбой). Но... сударыня...

Джейн (перебивает властно). Извольте мне ответить. Вы раскаиваетесь? Вы раскаиваетесь в том, что мне сказали?.. Да или нет?!

Толстой. Нет... Джейн... Не раскаиваюсь... Я не знаю...

Джейн (не давая ему остановиться). Но то, что вы говорили?.. Была правда?..

Толстой. Да...

Джейн. И вы еще раз поступили бы точно так же?

Толстой. Да... наверное...

Джейн мгновенно помедлила, затем порывисто поднялась из кресла.

Джейн. Где у вас ванная? Мне нужно вымыть руки...

Андрей, не ждавший такого вопроса, растерянно поднялся.

Толстой. Там... Там, направо... я покажу...

Но Джейн прервала его.

Джейн. Не нужно. Я сама!

Она, шурша платьем, быстро пошла к двери.

В прихожей она едва не столкнулась с Дуняшей, в руках которой был поднос с вином и закусками. Дуняша посторонилась, а Джейн стремительно прошла мимо нее, все так же шелестя юбками, ткнулась в какую-то дверь, оказавшуюся запертой, затем скрылась за другой. Дуняша смотрела ей вслед.

Обескураженный Андрей стоит посреди гостиной. Взгляд его вновь натывается на торчащие из-под сундука мужские туфли. Он быстро подходит к сундуку и, схватив их за носки, с силой бросает в открытую форточку окна. Услышав звук открываемой

двери, обернулся. Но входит Дуняша. Она вопросительно смотрит на него, он отвел взгляд, и она прошла к столу, расставляя на нем вино и еду.

Дуняша. Что это ваша гостья, барин, зареванная такая?!

Толстой (с укоризной). Что ты такое, Дуняша, говоришь? Вечно все перепутаешь! Ты лучше вон приберись как следует. А то грязь кругом...

Дуняша расставляет снедь, поправляя посуду, стоящую на столе.

Дуняша (обиженно). Никакой грязи нет, и ничего я, барин, не путаю... Я, может, чего иного не понимаю и другим языкам не обучена, но зареванную от незареванной я всегда отличу... Я сама, барин, баба... и-и...

Толстой (испуганно). Да ты что, Дуняша, ты что реветь тут надумала... Она сейчас войдет, слышишь, дверь хлопнула..

Дуняша, промокнув передником слезы и тихо бормоча, выходит из гостиной. Недоуменный Андрей стоит у стола. Что-то мешало ему, он сунул руку в карман брюк и извлек револьвер, который не успел положить в ящик стола. Он увидел себя в зеркале: странный вид — жилая комната, лампа, накрытый стол и юнкер с револьвером. За дверью послышались быстрые шаги. Он заметался, сунул револьвер в карман и сел на прежнее место. Когда Джейн вошла, он встал. Что-то изменилось в ней, глаза чуть покраснели, веки припухли. Но, как ни в чем не бывало, Джейн направилась прямо к столу, даже не удостоив его взглядом. Он отодвинул ей стул.

Джейн (всплеснув руками). О-о! Как красиво...

Она села к столу, но, так ничего не тронув, повернулась к Толстому. Сделав глубокий вдох, она решительно обратилась к нему.

Джейн. Послушайте. Я должна сообщить вам нечто очень важное. Мне иногда кажется, что я вас давным-давно знаю и поэтому я считаю... нет, я хочу! Я хочу, чтобы вы знали всю правду!..

Она сделала паузу, как бы собираясь с духом, и продолжила:

— Я вовсе не дочь инженера Стараро!..

Андрей вздрогнул и вопросительно посмотрел на Джейн. Она остановила его жестом и продолжила, как бы стремясь быстрее освободиться от груза того, что ей хотелось сказать.

Джейн. И я — вовсе не тот человек, за которого себя выдаю... Хотя зовут меня действительно Джейн!.. Я приехала в Россию, чтобы помочь инженеру Стараро в его деле... Это моя профессия. Он мне за это

платит, через мою фирму, конечно!.. Вот... Дело это — строительство машины, на которое нужны деньги, зависит от Великого князя — вашего попечителя, и путь к нему я ишу через генерала Радлова...

Андрей сидел потрясенный и молчал. Джейн налила себе немного вина, отпила. Джейн. Теперь вы, верно, поймете, что я вовсе не намеревалась выходить за генерала замуж... Я хотела лишь немного увлечь его, но, как выяснилось, в России «немного» не бывает...

Джейн попыталась улыбнуться, но только дрогнула губами...

Джейн. То, что произошло в училище, мне известно! Ваш капитан... мне рассказал... Андрей...

Она в волнении посмотрела на него долгим взглядом.

Джейн. Андрей, клянусь вам, я не виновата! Генерал понял меня так, как ему было нужно, чтобы унижить вас! Вы... верите мне?.. Толстой (хрипло). Верю...

Джейн. То, что случилось, — грязно и безобразно... Генерал сам это понимает, раз отпустил вас из-под ареста домой... Ведь верно?

Толстой. Да...

Джейн. Мне капитан так и сказал, он очень славный... правда...

Толстой. Да...

Джейн. Так вот, Андрей... теперь самое главное...

Она перевела дух, пригубила еще вина. Джейн. Вы гордый человек, Андрей, я это знаю... вам будет очень трудно сделать то, о чем я вас попрошу.

Она смотрела Андрею прямо в глаза, видела в них его непокоренность, его мужество, его решимость. И она мягко, просто продолжала:

— Но я прошу... Я прошу вас: забудьте обиду и все, что произошло в училище... Завтра спектакль должен состояться, это очень важно для меня...

Он не ответил, и она, глубоко вздохнув, продолжала: — На нем будет Великий князь, и через Радлова он должен получить наши бумаги и подписать их. Это единственная возможность, ради которой я все эти несколько месяцев здесь... Столько труда... Столько ожидания... И если вы откажетесь, спектакль отменят и все рухнет...

Она замолчала. Он смотрел на нее, затем бескровными губами произнес:

— Так вы... пришли за этим?

Джейн. За чем?

Толстой. Уговорить меня... чтобы я пел... завтра..?

Джейн сразу не ответила, и Андрей опередил ее.



Толстой. Хорошо, я буду петь...

Джейн недоверчиво посмотрела на него. Он кивнул головой и повторил:

— Я буду петь завтра...

Джейн, видимо, не ожидала такого поворота и даже растерялась, пораженная его согласием. Она хотела что-то сказать, но передумала и только улыбнулась своей летучей улыбкой. Затем все же решилась.

Джейн. Неужели вы... Вы это сделаете?.. Если бы вы знали...

Она не договорила. Андрей сидел молча на стуле у стены, под висящими над ним пыльными турецкими ятаганами.

Где-то в дальней комнате внизу ударили часы, им отозвались другие, через мгновение и здесь, в гостиной, мелодично заиграл музыкальный механизм каминных часов. Потом часы стихли, и в тягучей тишине долго таяла последняя нота. Джейн с каким-то странным выражением лица разглядывала Андрея, словно стараясь отгадать его тайну. Он так же прямо продолжал молча сидеть на стуле.

Вдруг Джейн наклонилась к столу и задула свечи, оставив только одну. Комната погрузилась в полумрак. Слабое пламя шевелило тени на стене. Опять летучая улыбка скользнула по ее лицу.

Джейн. А вы так и не угадали... зачем я к вам пришла...

Андрей смотрел на нее, на ее лицо. Глаза его в полумраке лихорадочно блеснули.

Джейн. Нет... Так и не угадали...

Она тихонько, но очень чисто пропела кусочек из арии, которую он пел ей когда-то давно, в купе поезда, при их первой встрече. Она улыбнулась ему, напевая ее.

Джейн. Помните?.. Что вы так на меня смотрите?.. Да, я ужасная женщина! Ужасная... И я это знаю...

Она поднялась и, продирижировав себе, пропела еще несколько фраз из той же арии. Тень ее металась по фотографиям на стенах. Он молчал, глядя на нее.

Джейн. На таких, как я, не женятся!.. Поверьте... Я не стою того... Не сто-ю-ю...

Эти слова она почти пропела на моцартовский мотив. И продолжая петь, она плавно скрылась, пройдя за занавеску, отделяющую комнату от алькова. Он так же неподвижно сидел, глядя прямо перед собой.

Он слышал в оглушительной тишине ее пения шуршание юбок, торопливую дробь крючков, шелест мягкой ткани, упавшей на пол: Затем, через мгновение, скрипнула кровать, и все стихло: пение, шелест, треск. Он не шевельнулся, тикали часы, а за занавеской было тихо, словно ее и не было здесь. Так в тишине прошло некоторое время, лег-



кая испарина выступила на лбу и подбородке Андрея.

Наконец, из-за занавески послышался тихий голос.

**Голос Джейн.** Ну... иди же сюда... Где ты?

Андрей тяжело поднялся и, медленно переступая одеревеневшими ногами, направился к алькову.

Джейн лежала под тонким шелковым покрывалом, под которым в полумраке угадывалось ее обнаженное тело. Лицо ее, обрамленное темными волосами, казалось бледно-белым, и оттого, верно, так блестяли ее широко раскрытые глаза.

Андрей резко отодвинул занавеску и остановился.

**Джейн** (тихим шепотом). Ну, что же ты...?

Он шагнул вперед, за занавеску, и снова остановился. Лицо его читалось в темноте расплывчатым пятном, и разобрать его выражение было невозможно. Медленная и несчастная улыбка обнажила ровный ряд зубов. Появилась и исчезла, оставив лишь след на губах.

Джейн ждала и не могла понять, отчего он медлит. Возникла пауза, и она не могла поверить в то, что происходит.

**Джейн.** Ты... ты не хочешь быть со мной...?

Андрей вновь виновато улыбнулся, потом пожал плечами и хрипло, как будто чужим голосом, произнес:

— Но... как же это... Джейн...

Он замолк, облизнув пересохшие губы.

**Толстой.** ...Вы же не любите меня, Джейн...

Он опять виновато улыбнулся ей. Еще мгновенье она смотрела на него, словно не понимая, что же такое происходит здесь, в этом полутемном алькове. Внезапно простой и глубокий смысл сказанного Толстым ее ошеломил.

Она смотрела на слабую, чуть вздрагивающую улыбку Толстого и с ужасом понимала, что сделала нечто для него страшное. Она медленно натянула на голову покрывало и из-под него тихо сказала: — Простите меня, ради Бога... Дайте мне уйти, умоляю вас!

Он повернулся и очень прямо, словно был деревянный, вышел. Свеча уже почти догорела, и над ней, рискуя сжечь крылья, металась бабочка. Он стоял так же неестественно прямо, смотрел в окно и машинально водил пальцем по недопитому бокалу с вином. За занавеской было слышно, как торопливо одевалась Джейн. Она выскользнула из-за занавески, подошла к Андрею. Он все так же прямо стоял у стола, глядя в темное окно. Джейн остановилась за спиной Андрея, стараясь держать себя как можно более спокойно.

**Джейн.** Прости меня, если можешь... я гадкая, отвратительная и мерзкая тварь... прости меня...

Она поцеловала его в плечо и пошла к двери. Он все так же стоял у стола. И в пламени свечи металась бабочка.

Внезапно Андрей стал медленно заваливаться назад и так же прямо, как деревянный истукан, упал навзничь. Голова громко стукнулась о паркет. Она вскрикнула, будучи уже почти на пороге, и бросилась к нему. Дрожащими от испуга и волнения руками она прикоснулась к его лицу. Он тихо застонал.

**Джейн.** Андрей, Андрей... что с тобой?.. Ты слышишь меня?.. Мальчик... Хороший мой... Господи!.. Да что же это такое... Андрей!..

Она шептала эти бессвязные слова, прильнув к его лицу. Он шевельнулся, а она все шептала.

**Джейн.** Я люблю тебя! Слышишь? Я тебя люблю, мальчик мой, прости меня...

Слезы мешали ей говорить, она стала осыпать его поцелуями: щеки, губы, лоб. Он с трудом открыл глаза. Он чувствовал ее поцелуи, ее слезы, слышал ее шепот.

**Джейн.** Мальчик мой, хороший мой...

**Андрей** (еще не понимая, что произошло). Почему вы плачете? Что произошло...?

**Джейн.** Ничего... молчи... все хорошо.

Он понял, что лежит на полу.

**Андрей.** Я не могу понять... я потерял сознание?

**Джейн.** Не знаю... ты просто вдруг упал... я так испугалась...

Он попытался подняться, но она вдруг внезапно с неожиданной силой его удержала, продолжая быстрым шепотом, уткнувшись в его шею, говорить.

**Джейн.** Послушай, послушай... Я никогда, понимаешь, никогда и никому не была нужна: ни моя любовь, понимаешь, ни моя душа... Все другое: ужасное, гадкое, грязное... но не это! Прости меня! Прости, умоляю...

**Андрей.** Это вы меня простите... Так стыдно...

Он попытался приподняться, но тут что-то с треском оглушительно взорвалось за окном, осветив комнату неровным, дрожащим светом. Она всем телом прижалась к нему.

**Джейн.** (испуганно). Что это?

**Андрей.** Фейерверк... Сегодня праздник... Я совсем забыл.

На темном небе за окном рвались хлопушки, со свистом лопались петарды, бешено крутились вертушки, рассыпая во все стороны разноцветные искры, которые с шипом гасли в холодной Неве. Комната то озарялась неровным светом, то погружалась почти в темноту, а стекло в рамках фотографий

отражало рассыпающиеся брызги фейерверка.

Они все еще были на полу, осыпая друг друга поцелуями и торопливыми ласками. Джейн. Подожди, любимый... не спеши... мне так неудобно...

Андрей. Я не могу... Я не могу больше ждать... Иди сюда!..

Она судорожно пытались раздеть друг друга. Грохот и треск фейерверка заглушал их слова.

Джейн. Подожди... Мне что-то мешает...

В руках ее оказался выпавший револьвер.

Джейн. Зачем...

Андрей (перебывает ее). Это револьвер отца...

Джейн. Ты хотел убить меня?

Андрей. Нет... не тебя...

Джейн протяжно, как-то по-детски, всхлипнула и прижалась к нему, иступленно шепча: — Господи!.. Господи! Неужели это правда..?

Она жадно припала к его губам.

Дуняша вся в слезах отошла от дверей в гостиную, еле удерживая поднос с чайной посудой. За окном грохотал фейерверк. Сквозь этот грохот донесся стонущий голос Джейн.

Голос Джейн. Любимый... Любимый мой... Счастье мое... Любимый...

Фейерверк над Петербургом продолжался и из окон гостиной был отчетливо виден Роберто с виноватой улыбкой на лице смотрит на сидящего в кресле Радлова. Радлов курит, медленно пуская к потолку дым.

В гостиной начали бить часы. Генерал достал брегет, шелкнул крышкой. Брегет ответил нежной мелодией. Генерал спрятал часы, взглянул на инженера. Роберто сделал какой-то неопределенный жест, долженствующий означать: «О, эти женщины, всегда-то мы их ждем...»

Она лежала, прижавшись к нему, блестя в темноте широко раскрытыми глазами.

Джейн. Это даже нельзя было назвать любовью, нет, какая-то животная страсть. Когда мама смотрела на него, мне казалось, что ей хочется облизнуться... На отца она никогда не смотрела так... А тот смотрел на меня... Я не понимала, но чувствовала, что означает этот взгляд... Я ужасно боялась, что мать это заметит, как он смотрит на меня, боялась и хотела, чтоб она заметила это... Тогда, я думала, мать выгонит его, и мы с ней заживем, как раньше, сразу после смерти отца — вдвоем...

Но, увы... мама ничего не видела... Она молилась на него, спала с ним, кричала по ночам... В нем была какая-то жуткая, дьявольская сила — он умел подавлять людей... При мне он называл маму дурой, старухой, однажды даже ударил ее... Но она только испуганно смеялась, боясь, что он ее бросит... Когда же я однажды нагрубила ему, защищая ее, она наказала меня и просила у него за меня прощения...

Потом мама заболела, мне было почти 14... У нее было какое-то воспаление на ноге, ее положили в больницу и мы остались с ним вдвоем... Я его боялась, старалась как можно реже бывать дома, а ночью запирала свою комнату... А он?.. Он был спокоен, даже равнодушен и почти не замечал меня... Слово меня и нет вовсе... Странно, но меня это почему-то волновало, что он не обращает на меня внимания... А за день до возвращения мамы из больницы он меня, спящую, изнасиловал...

Джейн на мгновение прерывает рассказ. Затем тем же, чуть хриловатым голосом продолжает.

Джейн. Мы ужинали вместе, мне вдруг ужасно захотелось спать... Я еле добралась до постели... Позже он признался мне, что дал мне в чае снотворное... Вот...

Она опять умолкла на мгновение, как бы собираясь с духом.

Джейн. Когда я проснулась, все уже произошло... Он храпел рядом, закинув голову, как всегда с мамой... Я слышала этот храп по утрам, собираясь в колледж... но никогда так близко... Боже!.. Этот сытый храп... Рыжая щетина на шее... Но больше всего меня потрясло, что я... Я лежала, обняв его рукой..!

В глазах ее были слезы, она промокнула их краем простыни...

Джейн. Утром он снял мне номер в маленьком отеле... Маме же сказал, что отправил меня в горы, на отдых, в летний лагерь... Мама поверила и даже не спросила, где этот лагерь... Даже не спросила... Он, почти ежедневно, приходил ко мне, приносил подарки, конфеты, и мы уже жили с ним, как муж и жена... О маме я старалась не думать, боялась спросить у него, что с ней... Сам он ничего про нее не говорил... А потом... потом... мама выследила нас и пришла... Толстой. Джейн...

Джейн (перебывает). Нет-нет... я хочу рассказать... Она выследила его и пришла... Он был со мной в комнате и ждал, спокойно ждал, что будет... И ты понимаешь, я, сама не знаю почему, испугалась за него... Я хотела сказать маме, что он не виноват, что виновата одна я...

Она замолчала, он чуть прижал ее к себе. Толстой (тихо). И что же было потом? Джейн. Потом..? Я не могу тебе сказать, я не помню... Помню только, как отражение мое мелькнуло в зеркале и свое платье в крови... Я поняла потом... Вот...

Она показала светлую полоску шрама, уходящую от виска в волосы.

Джейн. И еще помню лицо мамы... Ее совершенно сухие глаза... Он что-то кричит... Страшная гримаса на лице... А я ничего не слышу, и только перед глазами словно горячий воздух... Все так и шевелится и плывет... А потом так медленно-медленно что-то летит прямо в меня... А я и шевельнуться не могу... Потом я узнала — это был поднос...

Она встряхнула головой, словно прогоняя воспоминания, обхватила его рукой.

Джейн. О-о... Какое ужасное ощущение, когда перед глазами словно горячий воздух... Как летом... Ты видел его когда-нибудь? Толстой (тихо). Да-да... Это в жару бывает, в поле особенно...

Джейн (не слушая его). И время длится так медленно, тягуче... Ты его видишь, даже можешь потрогать рукой... Вот говорят: «Я его ненавижу» или «Он ее ненавидит» Вот... ненависть, это...

Она протянула руку.

Джейн. Когда время можно трогать руками... Толстой. И он тебя не защитил?..

Джейн (горько усмехнувшись). Нет... Он был... Он смотрел, как посторонний... Смотрел, чем все закончится... Он хотел узнать только одно: сломал он меня или нет... подчинил ли...

Толстой. Ты это тогда поняла?

Джейн. Нет, что ты... Много позже... Когда он погубил меня окончательно... А тогда мне было ужасно стыдно, что он все это видел...

Толстой. Стыдно?

Джейн. Однажды я видела своего отца пьяным при гостях... Я тогда испытала тот же стыд...

Толстой. Что же было потом?

Джейн. Потом... Он три дня не приходил... Я думала, что сойду с ума... Хотела броситься под поезд... Просидела на станции, но в тот день поезда не ходили: где-то дорогу размыло дождями... На третий день он появился... Вечером... сказал, что с мамой у него все кончено... Тогда я думала — это самый счастливый день в моей жизни... Когда он пришел и сказал это: «С ней все кончено»... Я даже не подумала, что говорит он про мою мать... Мы уехали... Я была уже беременна...

Джейн замолчала, задумчиво перебирая бахрому покрывала. Он смотрел на ее руки, потом спросил, проведя пальцем по бледной

полоске на тонком запястье.

Толстой. И это тоже тогда?

Джейн. Нет, это потом... Это другая история...

Они опять помолчали.

Толстой. Что же с ней стало, с мамой? Ты видела еще ее?..

Джейн. Да! Я видела ее... (она сделала ударение на «я»). Через восемь лет, на пароходе из Константинополя.. Я бежала от него, от той мерзости, которой он заставлял меня заниматься... Он поклялся убить меня, отобрал одежду... Но ночью я убежала... Чуть ли не в одной рубашке... Я ехала третьим классом, без гроша в кармане... А на палубе я увидела маму... Она была очень красивая, в окружении блестящих дам и господ, смеялась, пила шампанское... А потом выбросила бокал в море...

Толстой. И ты не подошла к ней?

Джейн отрицательно покачала головой.

Джейн. Зачем? Ни ей, ни мне это было уже не нужно...

Толстой. А ребенок?

Она ответила не сразу.

Джейн. Ребенка нет... Ребенка не получилось.. После той истории я долго болела... С трудом выжила, и доктор сказал, что детей у меня больше не будет...

Толстой. Никогда?

Джейн. Никогда...

Она замолчала, вздохнула прерывисто и посмотрела на Толстого тревожным взглядом.

Джейн. Не сердись... Умоляю, не сердись, что я это все тебе рассказала... Это ужасно, я знаю... Ужасно все слушать... Я понимаю, прости меня... но ... так трудно бывает с этим жить одной... Иногда я просыпаюсь и не знаю, кто я сегодня, где, что должна делать, с кем говорить, о чем... У меня нет ничего своего... даже воспоминаний, о которых я могла бы кому-нибудь рассказать.

Она быстрым движением смахнула с ресниц набежавшие слезы, виновато улыбнулась.

Джейн. Но ведь нужно же кому-то знать, что я есть...

Толстой (нежно). Ты есть...

Она попыталась перевести все в шутку.

Джейн. У меня, знаешь, очень большие легкие... Я нырля лучше всех.. Вот, смотри... Набираем воздух и поем ноту, кто дольше! И-и, раз! У-у-у...

Генерал прикурил еще одну папироску. В гостиной сильно накурено.

Роберто (участливо). Вы много курите, ваше превосходительство...

Радлов. Я вообще не курю!..

Роберто понимающе покачал головой...

Джейн, глубоко вдохнув воздуха, тихо, через нос, тянет какую-то ноту. То же самое делает и Толстой. У Джейн воздух кончается раньше.

Джейн. У-ф!.. Нет... Так нечестно... Ты опять позже начал...

Она смеется, он в ответ тоже. Потом она серьезно посмотрела на него.

Джейн. Господи! Да я уж тысячу лет назад все, что нужно, сделала бы этому несчастному инженеру и уехала, если бы хотела. Толстой. Отчего же ты не едешь?

Джейн. (неожиданно). Отчего у вас столько заборов?.. Вы огромная страна заборов... Но не просто заборов, которые что-то отгораживают... А вот есть забор, ворота, при них караульный, потом опять забор, потом он вдруг кончается... Через ворота пройти нельзя... А до конца забора пройдешь немного и иди куда хочешь.

Он засмеялся.

Толстой. А ведь верно... И у нас в Батурине также... Я и не замечал...

Он задумался.

Толстой. Гм... Ты тут недавно и заметила... А я мог бы, наверное, всю жизнь прожить и внимания не обратить...

Джейн. Ты что, обиделся?

Толстой. Да нет... Неужто мы такие разные?

Джейн. Кто мы?

Толстой. Ну... вы, мы...

Джейн. Иди ко мне...

Толстой. И мы с тобой тоже разные...

Она улыбнулась и шепотом не согласилась.

Джейн. Нет... мы одинаковые...

Толстой. Почему?

Джейн (снова улыбаясь). Случайность...

Толстой. Я однажды на стрельбах раньше положенного выстрелил... Священник наш полковой, отец Александр, спрашивает меня: «Как же это?» Я говорю: «Случайность, батюшка». А он мне: «Э нет, юнкер, кто верит в случайность, не верит в Бога!»... Я запомнил...

Джейн засмеялась.

Джейн. Как хорошо он сказал, и как просто...

Она повернула голову, увидела фотографию императора Александра II в траурной рамочке, осторожно спросила:

— Это кто? Твой отец?

Толстой. Да нет!.. Ежели бы он был моим отцом, я бы сейчас был царем... Это Александр Второй, государь наш, он волю крестьянам дал...

Джейн. И ты его любил?

Он кивнул.

Джейн. А нового царя ты тоже любишь?

Толстой. Да...

Джейн. И любого будешь любить?

Толстой. Конечно...

Джейн. А вообще, кого ты любишь? Только скажи правду...

Джейн внимательно посмотрела на Толстого, он задумался, потом сказал.

Толстой. Христа, Отечество, маменьку, государя, Полиевского... Отца очень любил... Священника нашего деревенского... Дуняшу...

Он снова задумался, словно проверяя себя, не забыл ли он кого.

Джейн (с интересом). Ну хорошо... Ты любишь мать, друга, Родину... это я понимаю... даже Дуняшу понимаю... но царя?! Как можно любить чужого человека, как маму или отца? И только за то, что он царь? Именно любить!.. Ты правду говоришь?

Толстой. Правду...

Джейн. Но почему, почему — царя и любого...

Толстой. Я ему служу, Джейн. Я присягал!

Джейн. Но это разные вещи: служить — это дело, это одно, а любить — это совсем другое... Это все отдельно...

Толстой. Но как же можно служить, не любя?

Джейн. Но это же рабство, Андрей...

Он отрицательно качает головой, потом мягко, глядя на нее, говорит: — Рабство — это когда должен делать вид, что любишь...

Джейн. И ты готов на жертвы ради него?..

Толстой. Я должен быть готов...

Джейн. А ради меня?

Толстой молчал.

Джейн. Ты любишь меня, Андрей?

Толстой (серьезно). Да.

Он на мгновение задумался, и Джейн показалось, что он чему-то еле заметно улыбнулся.

Джейн (быстро). Почему? Что ты хотел? Почему ты улыбнулся? Ты пошутил?

Она повысила голос до крика.

Джейн. Скажи, почему?

Толстой. Нет. Я просто подумал, что я никогда и никому этого не говорил, ни одной женщине, даже матери...

Джейн придвинулась к нему и близко взглянула ему в глаза.

Джейн (чуть слышно). Правда..?

Толстой. Правда...

Джейн. Почему ты не любишь маму?..

Толстой. Я люблю, но никогда ей этого не говорил...

Он грустно смотрит на нее.

Джейн. А она?..

Толстой. О, она!.. Она говорила... она так редко меня видела, что как только приезжала, только и говорила о своей любви ко мне... Задаривала подарками, как будто откупалась... Она ездила с театром, считала себя великой актрисой, раздражалась на отца, который смеялся над всем этим миром

театра.. Отец был едкий, веселый, с очень точным глазом... Клички, которые он придумывал людям, ходили за ними всю жизнь... Это он Радлова, еще когда они вместе были в училище, прозвал «Пупом»...

Джейн засмеялась.

Толстой. И уж сколько лет его так зовут...

Он задумался на мгновение.

Толстой. У меня почему-то в детстве был острый нюх и память на запахи... Я до сих пор помню, как пахло от отца: вином, табаком, карамелькой и кожей от седла...

Джейн. Он жив?..

Толстой. Нет. Он во время ледохода на Волге кинулся спасать тонущего конюха... Тот со свадьбы возвращался и хотел по льду перебежать реку. Конюха спас, а сам погиб... Это было пятнадцать лет назад...

Это случилось тогда, когда отношения у них с мамой совсем испортились... Я маму обожал, обожал чуть не до обморока... Отец смеялся... называл маменькиным сынком... Я ее обожал как чудо, как Фею... Я ее ревновал ужасно, когда она с гостями, после бенефиса... там, в зале, шум, смех. А я в детской реву, подушку кусаю. Потом в полусне проем двери, шелест платья, запах духов, поцелуй в лоб и щеку... Когда она меня крестила, я, засыпая, все хотел поймать ее руку... А утром я не помнил, было это или не было, или мне все приснилось. Только запах духов на подушке, на щеке... А однажды... под новый год... мне было лет шесть, нянька уложила меня, как всегда, в 10... Мне же больше всего на свете хотелось узнать, что происходит в эту ночь, почему сегодня один год, а утром уже другой... Как он сменяется ночью?.. Когда Дед Мороз кладет подарки под елку... Отчего он знает, что я хотел лошадку, а нянька Феня любит орехи... Я придумывал самые невероятные планы, колот себя иголкой, жевал хвою от елки, чтоб не уснуть... Пришла мама... Я слышал, как в зале уже шумели гости... Она была в роскошном лиловом платье... Она склонилась надо мной, и я увидел близко-близко ее сверкающие в темноте глаза... Я рассказал ей, что придумал, чтобы не спать... Она засмеялась, забрала иголку у меня и обещала обязательно разбудить меня в полночь, когда придет Дед Мороз...

Я проснулся... За окном едва светало... Тишина... Я босиком пошел в залу... Ты знаешь, как выглядит новогодний стол наутро?! Это Помпея! Растаявшее мороженое, ананасы, конфеты... У кого-то почему-то еще индейка на тарелке... Это так вкусно... Гораздо лучше, чем рисовая каша, которую нянька варит на кухне... Зала была почти тем-

ной... Только в подсвечнике на столе догорали две свечи... Из темноты, из угла мне слышались голоса: мужской и женский... Я испугался и замер... Мужчину я сразу узнал по голосу: Николай, двоюродный брат отца... полное ничтожество, всю жизнь завидовавший отцу... Тоже, как мама, артист, бездарь, «на выходах»... Он что-то говорил страстным шепотом, склонившись над женщиной... Лица я не видел, он закрывал ее... что он говорит, я не слышал... Он замолчал, и я увидел, как в темноте тонкая рука, сверкнув перстнями, обняла его... Я испугался, страшно испугался... даже еще не понимая чего... Я различал в темноте лиловый шелк платья. Я повернулся и пошел прочь... Я услышал, как женщина тихо вскрикнула, назвала мое имя. Но я не оглянулся, вернулся в детскую и лег в постель... За обедом я чувствовал, мама глаз с меня не спускала, сама, чего ранее не бывало, кормила меня, гладила волосы... Она все ждала, что я ей что-нибудь скажу... Отец пил и пел под гитару... Дядя Николай громче обычного рассказывал театральные анекдоты... Но я ничего и никому не сказал... Во мне что-то сломалось, очень маленькое, незаметное, но настоящее... Раньше обычно я попросился спать... Мама меня отвела сама, раздела и все ждала..., но я ничего не говорил... Я боялся... Если я скажу, все это окажется правдой...

Джейн (с трудом сдерживая слезы). И ты так ей и не сказал?

Он отрицательно покачал головой.

Толстой. Она о сей поры не может простить мне, что я видел и ничего ей не сказал... После смерти отца этот дядя Николай делал ей предложение, она отказала... И вот уже сколько лет все тянется и тянется эта история... Когда меня нет, он живет здесь... Даже туфли свои забывает... Чтобы им быть чаще вместе, маменька опять пошла в театр, он теперь там антрепренер... и я все знаю, и они, верно, догадываются... но сказать им, что я их тогда видел, я не могу...

Джейн. Почему?..

Толстой. Я все надеюсь, что там была тогда не она...

Он замолк, потом горько продолжал.

Толстой. Хотя какое это ныне имеет значение... Милая, несчастная моя маменька...

Джейн порывисто встала, подошла к фотографиям на стене. Красивая женщина с высоким покатым лбом, тугой прической и блестящими, странными глазами смотрела на нее. На другой — она же, в греческой тунике из какой-то роли. Она верхом, рядом на лошади офицер, лицом похожий на лицо

Андрея, — его отец. Еще на одной — она с маленьким Андреем на руках.

Джейн (почти с раздражением). Красивая, счастливая женщина! Чем она несчастна? Она имела все: умного и сильного мужа, красоту, дом, сына, даже дело, которое любила... О, нет! Она не знала страдания!..

Толстой. Подойди, пожалуйста, ко мне...

Она опешила от его слов.

Джейн. Что?

Толстой. Подойди сюда, сядь...

Она вернулась к нему, села на постель. Он мягко провел рукой по ее спине, словно ища чего-то.

Джейн. Что ты?..

Толстой. Ищу...

Джейн. Что?!

Толстой. Родинку знаменитую... За которую кровь проливал...

Она поняла его, резко повернулась к нему, опрокинула его на простынь, нашла шрам на его плече, нежно кончиками пальцев, провела по зажившей, но еще розоватой вмятине кожи. Она почти прошептала: — Мы в книге Рока на одной строке...

Толстой. Что ты сказала?..

Джейн. Это Шекспир сказал... Какой ты красивый!..

Толстой (смущенно). Не говори так... Я не знаю, как себя вести...

Джейн (громким шепотом). А тебе и не надо этого знать...

Она потянула его к себе.

Джейн. И ничего знать не надо, мой мальчик, мой красивый, хороший мой...

Она стала медленно целовать его щеки, губы, волосы, плечи, грудь, живот...

Джейн. Как прекрасно, как прекрасно придумано Господом!.. Ничего похожего одно на другое... Все разное... Все единственное на свете... Эти руки... И губы... И грудь... И эта сила... Какая замечательная красивая сила...

Толстой (задышающимся шепотом). Что ты делаешь со мной?..

Джейн. (не слушая его). Боже... Боже... Мне всегда хотелось того, чего нету рядом... А сейчас... ты... Весь ты, здесь, во мне, и я не могу насытиться тобой... Мальчик мой! Единственный! Ты любишь меня? Скажи мне, скажи скорее! Ты любишь меня?

Толстой. Джейн!..

Джейн. Ты никого не любишь, кроме меня? Скажи мне, скажи!..

Толстой. Нет...

Она лежала под ним с широко распахнутыми глазами, с капельками пота на лбу и подбородке, смотрела в его помутневшие зрачки, как в бездонный колодец: с ужасом и надеждой.

Джейн. Никого-никого?..

Толстой. Никого-никого...

Джейн вскрикнула, закусила подушку, протяжно застонала, вздрагивая всем своим долгим телом. Толстой, замерев, стиснув зубы, с закрытыми глазами, побелевшими пальцами вцепился в спинку кровати...

Джейн открыла глаза. Толстой спал, старательно зажмурил веки.

Она легко поднялась, неслышно ступая босыми ногами, обошла кровать, провела перед окном рукой, проверяя, откуда дует. Задержала штору, осторожно, как ребенку, подоткнула одеяло Андрею и тихонько, чтобы не разбудить, устроилась за его спиной. Она смотрела на его стриженный затылок, по-мальчишески большое ухо, красивый изгиб мышцы в предплечье, слышала его ровное дыхание. Слезы медленно ползли по ее лицу. Она зашептала сама себе, совсем тихо, едва шевеля запекшимися, припухшими губами.

Джейн. Господи! Мальчик мой... Хороший мой... Я тебя ждала всю жизнь... Я думала, что тебя нет во всем свете... Единственный мой... Мы с тобой уедем далеко-далеко... Я покажу тебе океан... Зеленые острова... Мы будем нырять, кто глубже... плыть на пироге. Я тебя всему научу... Мы поднимемся верхом в горы... Весь мир, все-все узнают, что у меня самый лучший, самый чистый и самый нежный мальчик на свете...

Она все говорила и говорила, глядя на его стриженный затылок, брясь разбудить его. А он не спал, он лежал с открытыми глазами, слушал эту удивительную, убаюкивающую сказку, а перед глазами в серебряной рамочке белело лицо его матери...

Это была та же церковь, куда Джейн заходила однажды. В столь ранний час тут было пустынно, только две старушки и нищий солдат-инвалид были в ней. У алтаря, в глубине, начиналась утренняя служба. Джейн прошла в правый угол к иконе Божьей Матери, зажгла свечу, поставила ее перед иконой и преклонила колени. Глядя на лик Божьей Матери, она шептала слова молитвы, смешанные с ее собственными, рвущимися из сердца.

Джейн. Господи!.. Благодарю тебя... Божья Мать, будь милостива, прости грехи мои... и защити любовь нашу!.. Молю тебя, святая Божья Мать, не разлучи нас... Охрани и спаси нас...

Пламя ее свечи метнулось от ветра пред ликом иконы...

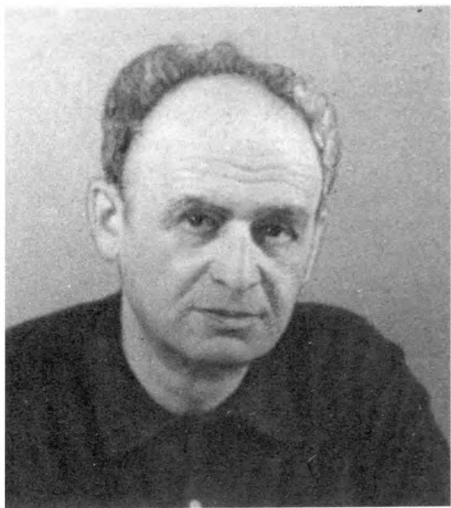
*Продолжение следует.*

## ИЛЬЯ ВАЙСФЕЛЬД

## КУДА

## ИСЧЕЗ

## МАЛЬЧИК?

ТОЛЬКО МИНУТА  
ДЛЯ ВОСПОМИНАНИЙ

Прием у Хо Ши Мина был назначен на 7-30 утра в президентском дворце, бывшем владении французского генерал-губернатора. Сам Хо Ши Мин жил в небольшом домике на территории дворца, но принимал посетителей в кабинете президента.

Это был последний день нашей работы в Ханое. Мы, кинорежиссер и кинооператор Евгений Андриканис и я, преподавали в Ханойской киношколе, готовившей режиссеров, операторов, сценаристов вьетнамского народного кинематографа, который создавался после свержения колониального режима. О Ханойской киношколе, ее перспективах и предстояло побеседовать во время нашей встречи с товарищем Хо Ши Мином. Нас представляли посол СССР и культурный атташе. Помогал вести беседу вьетнамский переводчик, свободно владевший русским языком.

Во время знакомства Хо Ши Мин говорил, правда с трудом, по-русски, но затем в свои права вступил переводчик. Я расскажу о начале беседы.

Хо Ши Мин начал с вопроса, обращенного ко мне. Видимо, ему доложили, кто именно придет на прием. Но все же он переспросил:

— Как ваша фамилия?

Я ответил. После минутной паузы он поинтересовался моей национальностью. Я сказал, что фамилия читается как немецкая, но я еврей.

Хо Ши Мин задумался. Наступило молчание. Все мы выжидательно смотрели на президента. Тишина. Мне показалось, что в эти мгновения даже не слышно было больше звонков велосипедов, которые так типичны для улиц вьетнамской столицы.

Казалось, Хо Ши Мином владели какие-то воспоминания, которые в эти секунды захватывали его безраздельно. Его взгляд — мимо нас, его гостей.

Наконец оцепенение прошло. Хо Ши Мин повернулся в сторону Андриканиса, началась оживленная беседа. Президент говорил о своем пребывании в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока, о советских фильмах, поразивших его воображение в разные годы. Предпочтение он отдавал «Броненосцу «Потемкину» и «Путевке в жизнь». Рассказывал о своих впечатлениях от посещения киношколы. Мы легко переходили от темы к теме. Я запомнил мысль Хо Ши Мина о том, что в сельском хозяйстве нового Вьетнама опыт коммун неприменим, ближе к потребностям страны советские ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли. Президент поблагодарил нас за проделанную работу и преподнес по книге своих произведений. Впоследствии переводчик написал на титуле книги русский текст авторской надписи: «Товарищу Вайсфельду с любовью. Хо Ши Мин». Через два дня мы вылетели в Москву. Это было 28 декабря 1960 года.

В течение долгого времени мысль о многозначительной минуте молчания продолжала занимать меня. Разгадка пришла неожиданно.



## О НЕКОТОРЫХ СТРАННОСТЯХ ТЕАТРА

Однажды позвонил мой брат Виктор из библиотеки МК партии. Он мне сказал о том, что только что прочитал во вьетнамском журнале: Хо Ши Мин — это псевдоним, а подлинная фамилия — Нгуен Ай Куж. Я ему ответил, что давно знал это. Тогда он продолжил:

— Так я был знаком с ним, когда он учился в КУТВе. Он часто встречался с Ниной. Я с Хо Ши Мином не раз бывал в Архангельском, мы собирали цветы, он их высаживал в небольшие горшочки и преподносил Нине. Он сделал ей предложение, но она ему отказала.

Для меня это было новостью. Нина, моя старшая сестра, тогда совсем молоденькая и очень красивая девушка с большой русой косой, работала в исполкоме КИМа и, конечно же, могла встречаться со студентом КУТВа. После звонка брата я тут же поехал к Нине и спросил ее о предложении вьетнамского студента, впоследствии президента страны. Она все подтвердила.

Как мне рассказывали вьетнамские друзья, Хо Ши Мин прожил свою жизнь один. Нина дважды была замужем, и оба раза неудачно.

После разговора с Виктором я невольно вспомнил минуту молчания в президентском дворце. Хо Ши Мин побыл среди нас в эту минуту наедине с самим собой.

Только минуту.

Я стал ходить по театрам. Вот так-так!

Странное ощущение, как будто ты не среди сотен людей, а у себя дома. Если спектакль захватывает тебя, переносишься в другой мир, и все равно все они, незнакомые люди, зрители, не мешают ощущать себя в своем мире. Но дом, в котором я живу, общаясь со сценой, какой-то необычный — несуетный, каминный и торжественный.

Эту погруженность в странный мир я ощущаю, когда вхожу в свою пустую квартиру. Я сажусь за стол, вглядываюсь в светло-розовые тюльпаны, подаренные мне 9 мая, тюльпаны, подобных которым я еще никогда не видел, и чувствую себя как в театре: я один и не один... Снова у меня свой, самый богатый в мире дом, делающий человека счастливым. Так ощущает мое удивленное сердце. В этом доме человек сегодня даровит больше, чем вчера. В нем разбивается никчемный рационализм. В нем культ путешествий и культ театра с его прекрасными странностями. В нем любят Кола Брюньона. И на сон грядущий читают «Божественную комедию», вот с теми иллюстрациями — боттичеллиевскими.

Таковы следствия странностей театра.

---

**Наш журнал начал издавать приложение:**

**В феврале — марте выйдут книги:**

- **«КАК ХОРОШО ПРОДАТЬ ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ»** — обзор американских учебников сценарного мастерства, составленный Александром Червинским.
- **«МЕРИЛ СТРИП»** — о современной американской кинозвезде номер один.
- **«СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК»** — кинороман из гусарской жизни Никиты Михалкова и Рустама Ибрагимбекова

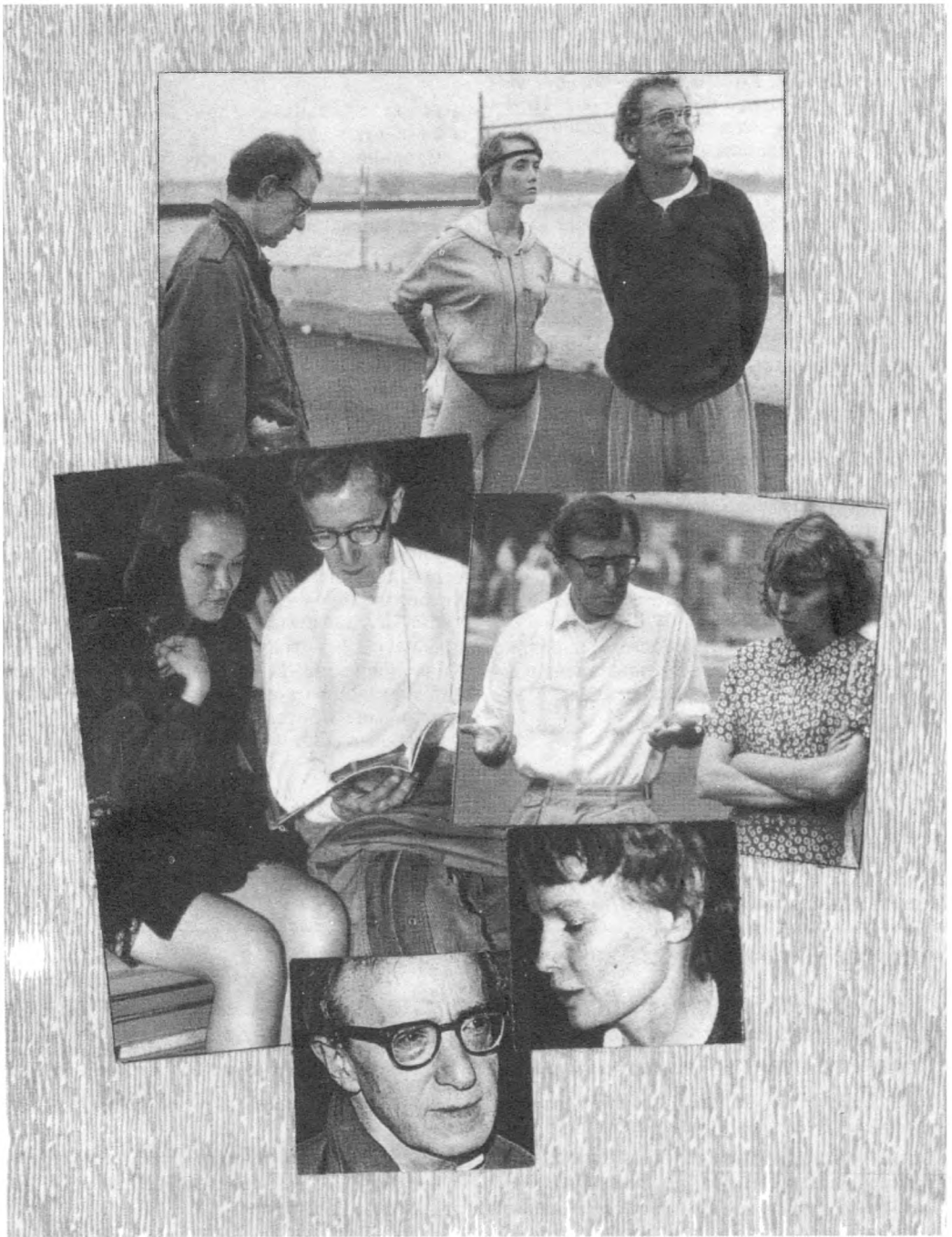
В дальнейшем редакция планирует издать отдельной книгой сценарии Микелянджело Антониони, Ингмара Бергмана, Лукино Висконти, Жана-Поля Годара — из классики мирового кинематографа 60-х годов.

Желающие приобрести эти книги, обращайтесь к нам в редакцию, в наш уютный особняк по Воротниковскому переулку, дом 12. Проезд до станции метро Маяковская.

Телефон 299-11-78.

Все книги выпускаются очень небольшим тиражом!

---



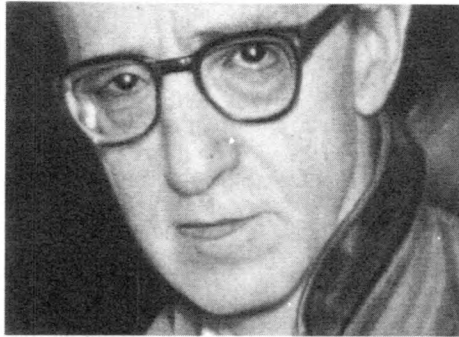
Вуди Аллен на съемках фильма «Мужья и жены». Сидней Поллак играет женатого мужчину, Люсетт Антони — его подружку.

Сун-И и Вуди.

Вуди Аллен и Миа Ферроу в фильме «Ханна и ее сестры».

Вуди Аллен и Миа Ферроу

## ВУДИ АЛЛЕН —



## СЕКС-СИМВОЛ АМЕРИКИ

**В**уди Аллен / Аллан Стюарт Кенигсберг, родился в Бруклине в 1935 году, дедушки и бабушки родом из Австрии и России, псевдоним избрал в 17 лет из любви к кларнетисту Вуди Херману / начинает работу над новым фильмом. Называться он будет, по-видимому, «Таинственное убийство в Манхэттене». Больше пока ничего неизвестно — Вуди Аллен склонен окружать свои дела и планы плотной завесой тайны. Нынче, однако, эта завеса окутывает только его кинопроект. Скандальная же история из частной жизни знаменитого кинорежиссера, писателя, актера, ироничнейшего пересмешника, нежнейшей души романтика, хилого очкарика, одного из секс-символов Америки — на устах у всех. По обе стороны Атлантического океана. Дело в том, что Миа Ферроу, спутница десятих счастливых лет жизни Вуди Аллена и исполнительница главных ролей в 13 его фильмах, обвинила Вуди в неуставных отношениях со своей приемной дочерью Сун И. Пересмешник, романтик и т. д. ничего не отрицал, но при этом заметил, что, во-первых, Сун И — совершеннолетняя, во-вторых, их роман основан на чистой и взаимной любви, в-третьих, старая его любовь от возгорания новой ничуть не убыла. «Я люблю

двух женщин — не такая уж необыкновенная вещь. То, что они — мать и дочь?.. Тем тяжелее испытание», — это из Вуди Аллена, из его рассказа «Кара», опубликованного еще в 1980 году. Предчувствие? Пророчество? Не срежиссирован ли нынешний жизненный сюжет по заранее написанному сценарию?

Между прочим, название будущего фильма тоже может оказаться пророческим: Миа обезумела и, как заявил Вуди Аллен, способна на все. А уж предыдущая его картина «Мужья и жены» точно вписалась в неожиданный поворот семейной жизни автора — по крайней мере в глазах публики. Сам Вуди Аллен упрямо утверждает, что ни его фильмы, ни его литературные упражнения не содержат никаких намеков на личную жизнь. Но герой его фильма — немолодой профессор, безрассудно влюбленный в юную студентку.

Минувшей осенью компания «ТРИСТАР» начала прокат фильма «Мужья и жены». Когда разразилась битва Аллен — Ферроу, продюсеры загрустили, ожидая, что на таком пыльном фоне в пуританской (или пуританствующей Америке) картина будет принята холодно. Как это часто бывает с Вуди Алленом, все получилось ровно

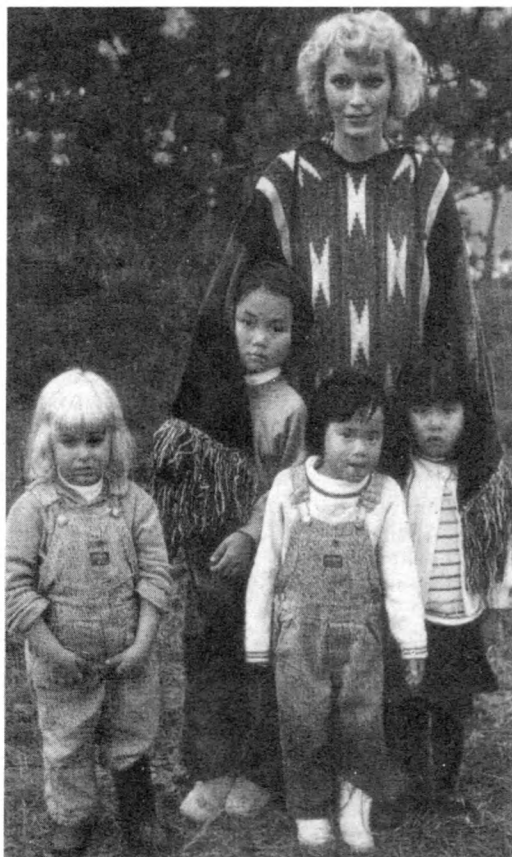


наоборот. На премьерах в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе картина имела бешеный успех и уже названа американской критикой шедевром.

А «лав стори» Вуди Аллена по-прежнему волнует умы. В американских и европейских газетах — все новые подробности, все новые психологические, социологические, а также кино- и литературоведческие спекуляции на эту тему. В чем дело? Европа, Америка и особенно Голливуд знавали массу ослепительных скандалов. Откуда такое долгое, всеобщее и пристальное внимание к этому — с Вуди Алленом в центре батального полотна?

Хорошо знающий и любящий свою Америку Вуди Аллен как-то заявил: «Есть как минимум четыре причины для того, чтобы возлюбленная родина рано или поздно меня линчевала: я очкарик, еврей, интеллигент, обожаю Европу — и всего этого не скрываю». При всем том Америка, удивляясь самой себе, обожает своего Вуди Аллена. Так же, как Европа, которую столько же восхищает то, что он ей «свой», сколько и то, что он остается волнующе чужим. Не глядятся ли Старый и Новый Свет друг в друга, не узнают ли друг друга — вечное родство и соперничество — в этом общем своем любимце?

А Вуди тем временем ускользает. Не дает себя присвоить. Не поддается вычислениям, опровергает любые прогнозы. Редко остается в тени, выпускает все новые фильмы и книги, пишет сценарии, снимается — то есть постоянно предъясняет себя и вроде бы дает себя разглядеть со всех сторон. Но постоянно же заставляет ощущать присутствие некой загадки, некоего притягательного, дразнящего своей неразрешимостью парадокса. Вот, к примеру, вопрос, имеющий непосредственное отношение к личности Вуди Аллена, а также к совершенному им в кино и литературе: что богаче — жизнь или искусство? Прекрасный повод поломать голову над этим вопросом, по-видимому, не имеющим ответа, дают житейские истории Вуди Аллена, фильмы Вуди Аллена, истории, сочиненные Вуди Алленом. Три из них мы предлагаем вашему вниманию.



Миа Ферроу с детьми в 1978 г. Слева направо: Флетчер, Сун-И, Дэйзи, Ларк.

## ВУДИ АЛЛЕН

*«Мне совершенно безразлично, сыграю ли я еще какую-нибудь роль или нет, меня даже мало заботит, удастся ли мне поставить еще один фильм, но меня бы ужасно огорчило, если бы мне не пришлось больше писать...»*

### РАЗМЫШЛЯЯ О ЖЕНЩИНАХ ЛОВБЕРГА

Пожалуй, ни одному писателю не удалось создать столь сильные и многогранные женские образы, как великому скандинавскому драматургу Йоргену Ловбергу, известному своим современникам как Йорген Ловберг. Измученный и ожесточенный сложными взаимоотношениями с противоположным полом, он подарил миру таких несхожих и незабываемых героинь, как Джени Ангстрем в пьесе «Всюду гуси» и миссис Спирингс в «Маминых галошах». Ловберг (урожденный Lövborg — однако позже он снял точки над «о» и разместил их над бровями) родился в Стокгольме в 1836 году и начал писать пьесы в возрасте четырнадцати лет. Первая из них (поставленная, когда драматургу исполнился шестьдесят один год) называлась «Корчась от смущения» и вызвала разношерстные отклики у критиков, однако откровенность темы (любовь к сыру) заставила консервативную публику покраснеть. В творчестве Ловберга можно выделить три периода. В первом был создан цикл пьес о мучене, отчаянье, страхе, ужасе и одиночестве (комедии). В пьесах второго цикла драматург исследовал перемены, происходившие в обществе (Ловберг сыграл решающую роль в переходе к более безопасным методам взвешивания сельди). И, наконец, — шесть великих трагедий, написанных уже перед смертью — в Стокгольме, в 1902 году, когда от перенапряжения у него отвалился нос.

Первой из знаменитых ловберговских героинь была Хедвиг Молдау в «Я предпочитаю петь по-тирольски». Эта пьеса — насмешливый вердикт великосветскому увлечению каллиграфией. Хедвиг знает, что Греггер Норстад использовал неверно разведенный известковый раствор, когда клал крышу

курятника; крыша обрушивается на Клавара Экдаля — отчего ему суждено ослепнуть и облысеть в одну ночь, — и Хедвиг начинают мучить угрызения совести. Следует заключительная сцена.

Хедвиг: Значит... она все-таки рухнула.

Доктор Рорлунд (после долгой паузы): Да. Она упала Экдалю прямо на лицо.

Хедвиг (с насмешкой): Что же ему понадобилось в курятнике?

Д-р Рорлунд: Он просто любил кур. Нет-нет, не всех, уверяю вас. Некоторых. (Многозначительно.). У него были любимицы.

Хедвиг: А Норстад? Где был он, когда... это произошло?

Д-р Рорлунд: Он натерся чесноком и прыгнул в погреб.

Хедвиг (себе): Я никогда не выйду замуж.

Д-р Рорлунд: О чем вы?

Хедвиг: Ни о чем. Идемте, доктор. Вам пора стирать кальсоны... Всем пора стирать кальсоны.

В Хедвиг впервые воплотились черты подлинно «новой» женщины; когда доктор Рорлунд советует ей попрыгать на месте до тех пор, пока Норстад не согласится выправить свою шляпу у шляпника, она лишь презрительно улыбается в ответ. Образ Хедвиг многим обязан сестре Ловберга, Хильде, женщине неврастеничной и властной, бывшей замужем за вспыльчивым финским мореходом, который в конце концов загарпунил ее. Ловберг боготворил Хильду и только благодаря ее влиянию избавился от привычки разговаривать со своей тростью.

Другая великая героиня Ловберга выведена в пьесе «Когда мы, гордые, кровоточили», драме ревности и страсти. Молтвик Дорф, укротитель анчоусов, узнаёт, что его брат Аовульф унаследовал деликатную болезнь их отца. Дорф обращается в суд, утверждая, что болезнь по праву принадлежит ему, но судья Мандерс принимает сто-

рону Аовульфа. Нетта Хольмквист, хорошая и самоуверенная актриса, пытается подбить Дорфа на шантаж: он должен угрожать Аовульфу, что сообщит куда следует, как однажды тот подделал подпись пингвина на страховых полисах. Следует четвертая сцена второго акта.

**Дорф:** О, Нетта! Все кончено! Все пропало!

**Нетта:** Для человека слабого — возможно. Но не для того, кто обладает мужеством!

**Дорф:** Мужеством?

**Нетта:** Мужеством сказать Парсону Сматерсу, что ему больше не на что надеяться: он никогда не сможет ходить и обречен скакать до конца своих дней.

**Дорф:** Нетта! Я не могу!

**Нетта:** Ха! Еще бы! Мне не следовало заблуждаться!

**Дорф:** Парсон Сматерс полностью доверяет Аовульфу. В свое время они делили последнюю пластинку жвачки. Да-да — меня еще не было на свете. О, Нетта...

**Нетта:** Хватит ныть. Банк не позволит Аовульфу еще раз перезаложить крендель. К тому же он съел половину.

**Дорф:** Нетта, что ты предлагаешь?

**Нетта:** То, что тысячи жен сделали бы ради своих мужей. — Аовульфа нужно опустить в рассол.

**Дорф:** Засолить собственного брата?

**Нетта:** А что? Чем ты ему обязан?

**Дорф:** Но это слишком жестоко. Нетта, а может быть, оставить ему деликатную болезнь отца? Возможно, мы нашли бы компромисс. Скажем, он уступил бы мне только симптомы?

**Нетта:** Компромисс! Ха! Как меня тошнит от твоей буржуазности! О, Молтвик, я так устала от нашего брака! Устала от твоих идей, твоих затей, твоих разговоров, от твоей привычки выходить к обеду в плюмаже!

**Дорф:** Нет! Не трогай плюмажа!

**Нетта:** (презрительно): Я хочу кое-что тебе рассказать. Об этом знаю только я и твоя мать. Ты гном.

**Дорф:** Что?

**Нетта:** Все в этом доме построено в специальном масштабе. Твой рост — всего сорок восемь дюймов.

**Дорф:** Нет! Нет! Замолчи! Вот, снова, снова эти ужасные боли!

**Нетта:** Да, Молтвик.

**Дорф:** Мои коленные чашечки... они дребезжат!

**Нетта:** Ничтожество.

**Дорф:** Нетта, Нетта, распахни ставни!

**Нетта:** Я закрыла их.

**Дорф:** Свет! Молтвику нужен свет!..

Для Ловберга Молтвик был символом старой, разлагающейся и умирающей Европы, а Нетта, напротив, — воплощением нового —

клокочущей, беспощадной, дарвиновской природной мощи, которой предстояло в течение полувека взорвать Европу и найти свое наивысшее воплощение в песнях Мориса Шевалье. В отношениях Нетты и Молтвика, как в зеркале, отразился брак Ловберга и Сири Брэкман, актрисы, служившей для него постоянным источником вдохновения все восемь часов их совместной жизни. Позже Ловберг был женат еще несколько раз, но уже только на манекенах из универмага.

Безусловно, самым совершенным женским образом среди героинь Ловберга стала миссис Сэнстед в «Спелых грушах», его последней натуралистической драме. (После «Груш» он экспериментировал с экспрессионизмом и написал пьесу, в которой всех персонажей звали Ловбергами, однако успеха она не имела, и в последние три года его жизни Ловберга уже не удалось выманить из большой плетеной корзины.) «Спелые груши» относятся к величайшим шедеврам драматурга, а заключительная сцена между миссис Сэнстед и ее невесткой Бертой сейчас, пожалуй, современна как никогда.

**Берта:** Ну скажи, что тебе нравится, как мы обставили дом! Конечно, пришлось нелегко, ты же знаешь, что за клад у чревовещателя.

**Миссис Сэнстед:** Обстановка... удобная.

**Берта:** Что? Всего лишь «удобная»?

**М-с Сэнстед:** Кто предложил обтянуть голову лося красным сатином?

**Берта:** Конечно, твой сын. Хенрик прирожденный декоратор.

**М-с Сэнстед** (внезапно): Хенрик — болван.

**Берта:** Нет.

**М-с Сэнстед:** Известно ли тебе, что до прошлой недели он не ведал, что такое снег?

**Берта:** Я не верю тебе!

**М-с Сэнстед:** Мой драгоценный сыночек! Знай же: Хенрик сидел в тюрьме! Его обвинили в неправильном произнесении слова «дифтонг»!

**Берта:** Нет!

**М-с Сэнстед:** Да! И обнаружили, что в комнате он хранил эскимо.

**Берта:** Я не желаю тебя слушать!

**М-с Сэнстед:** Придется, моя соловушка! Ведь так, кажется, тебя называет Хенрик?

**Берта** (плачет): Он зовет меня соловушкой! Да, а иногда дрозденком. И бегемотиной!

Плачут навзрыд.

**М-с Сэнстед:** Берта, милая Берта!.. Беруши Хенрика — не его беруши. Он взял их напрокат!

**Берта:** Мы должны помочь ему. Он должен узнать, что не сможет взлететь, сколько бы ни махал руками.

**М-с Сэнстед** (вдруг смеется): Хенрик знает

обо всем. Я рассказала ему, как ты от-носись к его подтяжкам.

**Берта:** Вот как?.. Ты играла со мной!

**М-с Сэнстед:** Называй как хочешь. Сейчас он в Осло.

**Берта:** В Осло?!

**М-с Сэнстед:** Герань он забрал с собой.

**Берта:** Вот как! Вот... как. (Уходит через застекленную дверь и медленно поднимается по лестнице.)

**М-с Сэнстед:** Вот так, моя соловушка,— он все-таки вырвался из твоих коготков. В это самое время через месяц Хенрик сможет осуществить свою заветную мечту: наконец-то он наполнит шляпу тлеющими углями. Ты надеялась, что сумела засадить его в клетку! Нет! Хенрик — дикий зверь, дитя природы! Типа какой-нибудь, скажем, чудесной мыши,— или вроде клеща! (Выстрел. Миссис Сэнстед бежит вверх. Крик. Возвращается бледная и трясущаяся.) Мертва... Вот она и счастлива. А я... я должна жить дальше. Сумерки сгущаются. Быстро сгущаются сумерки. Так быстро...— а мне еще надо перевесить традесканции.

Образом миссис Сэнстед Ловберг мстил матери. Женщина столь же неуравновешенная, она начинала воздушной гимнастикой в бродячем цирке; отец, Нильс Ловберг, работал живым пушечным ядром. Молодые встретились в воздухе и поженились прежде, чем коснулись земли. Привкус горечи медленно отравлял их семейную жизнь, и к тому времени, когда Ловбергу исполнилось шесть лет, родители уже ежедневно обменивались несколькими выстрелами. Эта атмосфера сильно действовала на впечатлительного мальчика, и вскоре он начал страдать первыми из своих знаменитых «беспокойств» и «настроений» (отчего многие годы не мог пройти мимо цыпленка-табака, не приподняв шляпы). Позже он рассказывал друзьям, что постоянно ощущал какое-то напряжение, пока писал «Спелые груши», и несколько раз явно слышал голос матери, спрашивавший, как добраться на остров Staten, к статуе Свободы!

## ВОПРОС

Предлагаемая одноактная пьеса основана на случае из жизни Авраама Линкольна. Случай то ли подлинный, то ли нет. Но я определенно утомился, пока писал.

### I

(Линкольн по-мальчишески нетерпеливо машет рукой Джорджу Дженнингсу, своему пресс-секретарю, приглашая войти)

**Дженнингс:** Мистер Линкольн, вы звали меня?

**Линкольн:** Да, Дженнингс. Входите. Садитесь.

**Дженнингс:** Слушаю, господин Президент. Линкольн (не может скрыть улыбку): Я хотел бы обсудить с вами одну идею.

**Дженнингс:** Прошу вас, сэр.

**Линкольн:** В следующий раз, когда мы устроим конференцию для прессы...

**Дженнингс:** Да, сэр...

**Линкольн:** И я попрошу задавать вопросы...

**Дженнингс:** Да, господин Президент...

**Линкольн:** Вы поднимете руку и спросите: «Господин Президент, какой длины, по вашему мнению, должны быть ноги у человека?»

**Дженнингс:** Прошу прощения?

**Линкольн:** Вы спросите меня: какой длины, по моему мнению, должны быть человеческие ноги.

**Дженнингс:** Не могу ли я узнать, зачем, сэр?

**Линкольн:** Зачем? Затем, что у меня есть очень хороший ответ.

**Дженнингс:** Какой?

**Линкольн:** Достаточно длинными, чтобы доставать до земли.

**Дженнингс:** Простите?

**Линкольн:** Достаточно длинными, чтобы доставать до земли. Вот такой ответ. Понимаете? «Как вы думаете, какой длины должны быть ноги у человека?»— «Достаточной, чтобы доставать до земли!»

**Дженнингс:** Ага.

**Линкольн:** Вы не находите, что это смешно?

**Дженнингс:** Могу я быть откровенен, господин Президент?

**Линкольн (удрученно):** Не знаю, а все очень смеялись.

**Дженнингс:** В самом деле?

**Линкольн:** Конечно. У меня были члены моего кабинета и несколько друзей; вдруг один человек задал этот вопрос, и я мгновенно нашелся, и все просто рухнуло.

**Дженнингс:** Могу я узнать, мистер Линкольн, в какой связи он задал этот вопрос?

**Линкольн:** Прошу прощения?

**Дженнингс:** Возможно, вы беседовали об анатомии? Или этот человек был хирургом или скульптором?

**Линкольн:** Почему же — э-э — нет, не думаю. Нет. Простой фермер, наверно.

**Дженнингс:** Но почему же его это интересовало?

**Линкольн:** Ну откуда мне знать? Все, что я знаю,— что он очень просил о встрече со мной.

**Дженнингс (участливо):** Понимаю...

**Линкольн:** Что с вами, Дженнингс? Вы побледнели.

**Дженнингс:** Какой странный вопрос!

Линкольн: Да,— но я остроумно нашелся. Я ответил моментально!

Дженнингс: Этого нельзя отрицать, мистер Линкольн.

Линкольн: Получилось очень смешно! Все члены кабинета просто упали!

Дженнингс: А потом человек сказал что-нибудь еще?

Линкольн: Он сказал «благодарю» и ушел.

Дженнингс: И вас не интересует, зачем он хотел получить ответ?

Линкольн: Как вам уже известно, я был очень доволен своим ответом. «Достаточно длинными, чтобы доставать до земли». Меня осенило как-то сразу. Я ни секунды не раздумывал.

Дженнингс: Понимаю, понимаю. Просто все это... ну... встревожило меня.

## II

(Линкольн и Мэри Тодд у себя в спальне: полночь. Мэри в кровати, Линкольн нервно ходит по комнате.)

Мэри: Ложись, Эйб. Что с тобой?

Линкольн: Сегодняшний посетитель. Этот вопрос. Не выходит из головы. Дженнингс завел меня...

Мэри: Забудь, Эйб.

Линкольн: Сам хочу, Мэри. Господи, неужели ты думаешь, я не хочу забыть? Но этот пронзительный взгляд... В нем была такая мольба! Отчего?.. Надо выпить.

Мэри: Не надо, Эйб.

Линкольн: Надо.

Мэри: Я сказала, не надо. Тебя и так последнее время постоянно бьет дрожь. Проклятая гражданская война!

Линкольн: При чем тут война. Брат мой не нашел во мне участия. Я был слишком занят тем, как бы поскорее рассмешить публику. Я оставил без внимания сложнейшую проблему — лишь бы вызвать пару ухмылок у моих советников. Все равно они меня ненавидят.

Мэри: Они любят тебя, Эйб.

Линкольн: Я тщеславен. Хотя, правда,— нашелся моментально.

Мэри: Да. Ты ответил мудро. Достаточно длинными, чтобы доставать до туловища.

Линкольн: До земли.

Мэри: Нет, ты сказал по-другому.

Линкольн: Ну как это по-другому?! Что же тогда смешного?

Мэри: А по-моему, так гораздо смешнее.

Линкольн: Так смешнее?

Мэри: Конечно.

Линкольн: Мэри, Господи, ты даже не понимаешь, о чем говоришь.

Мэри: Образ ног, которые поднимаются к...

Линкольн: ...Забудь об этом! Давай забудем! Где бурбон?

Мэри (удерживая бутылку): Не надо, Эйб! Тебе не стоит сегодня пить. Я не могу тебе позволить.

Линкольн: Мэри, что с нами случилось? Когда-то нам было так хорошо вдвоем.

Мэри (нежно): Пойди сюда, Эйб. Сегодня полнолуние, видишь? Как в ту ночь, когда мы встретились.

Линкольн: Нет, Мэри. Когда мы встретились, было новолуние.

Мэри: Полнолуние.

Линкольн: Новолуние.

Мэри: Полнолуние.

Линкольн: Я посмотрю в альманахе.

Мэри: О, Господи, Эйб, Бог с ним!

Линкольн: Прости меня.

Мэри: Все из-за этого вопроса, да? Про ноги? Он все еще мучает тебя?

Линкольн: Что же он имел в виду?

## III

(Хижина Билла Хейнса. Входит Хейнс, утомленный долгой скачкой; Алиса, его жена, откладывает корзинку с вязаньем и бежит навстречу.)

Алиса: Ну что, ты попросил? Он простит Эндрю?

Билл (себе): Ах, Алиса, я сделал такую глупость!

Алиса (горько): Что ж? Ты хочешь сказать, он не простил нашего мальчика?

Билл: Я не спрашивал его об этом.

Алиса: То есть? Как не спрашивал?

Билл: Не знаю, что на меня нашло. Он стоял передо мной. Президент Соединенных Штатов — в окружении важных людей. Члены кабинета, друзья. Потом ему доложили: «Мистер Линкольн, вот этот человек целый день проскакал на лошади, чтобы поговорить с вами. У него какой-то серьезный вопрос». По дороге я все время мысленно повторял: «Мистер Линкольн, сэр, наш мальчик Эндрю допустил оплошность. Я понимаю, что заснуть в карауле — серьезный проступок, но казнить такого молодого человека, по-моему, слишком жестоко. Господин Президент, сэр, не могли бы вы смягчить приговор?»

Алиса: Все правильно, так и надо было сказать.

Билл: Не знаю, как это вышло... Все эти ребята оставались на меня... И в общем, когда Президент сказал: «Слушаю вас, какой у вас вопрос?» — я спросил: «Мистер Линкольн, какой длины, по вашему мнению, должны быть человеческие ноги?»

Алиса: А?

Билл: Да. Так я спросил. Не спрашивай, как



это случилось. «Какой длины должны быть ноги у человека?»

Алиса: А при чем тут это?

Билл: Говорю тебе, не знаю.

Алиса: Его ноги? Какой длины у него ноги?

Билл: О, Алиса, прости меня.

Алиса: Какой длины должны быть ноги? Более идиотского вопроса я никогда не слышала.

Билл: Я понимаю, понимаю. Не напоминай мне об этом.

Алиса: Но почему именно длина ног? Я хочу сказать, тебя никогда особенно не интересовали ноги.

Билл: Я не заботился о смысле. Я позабыл свою просьбу. Я слышал, как тикают часы. И я испугался, что покажусь косноязычным.

Алиса: Мистер Линкольн что-нибудь сказал? Он ответил тебе?

Билл: Да. Он сказал: «Достаточной, чтобы доставать до земли».

Алиса: Достаточной, чтобы доставать до земли? Как это, черт возьми, понимать?

Билл: Кто его знает? Но все засмеялись. Ну, правда, эти ребята вообще благодарная аудитория.

Алиса (вдруг отворачивается): Может быть, на самом деле — ты не хочешь, чтоб Эндрю помиловали?

Билл: Что?

Алиса: Может быть, где-то в глубине души ты не хочешь, чтобы сыну смягчили приговор? Может быть, ты ревнуешь его?

Билл: Ты сошла с ума. Один — один. Я? Ревную?

Алиса: А что? Он сильнее тебя. Он лучше владеет киркой, топором и мотыгой. Никто так не чувствует землю, как он.

Билл: Замолчи! Замолчи!

Алиса: Давай посмотрим правде в глаза, Вильям: ты дерьмовый фермер.

Билл (в отчаянье, дрожащим голосом): Да, это так! Я ненавижу фермерство! Все семена кажутся мне на одно лицо! И все почвы! Я не могу отличить их от грязи! Ты с востока! — конечно, у вас там школы домоводства! Ну, смеяться надо мной! Презирай меня! Я ведь сажаю репу, а всходит кукуруза! — А ты никогда не думала, как это больно?!

Алиса: Если бы ты сделал наклейки на пакетиках с семенами, ты бы знал, что сажаешь.

Билл: Я хочу умереть! Все погибло!

(Внезапный стук. Алиса открывает дверь: на пороге — Авраам Линкольн собственной персоной, изможденный, с красными глазами.)

Линкольн: Мистер Хейнс?..

Билл: Президент Линкольн?..

Линкольн: Тот вопрос...

Билл: Я знаю, знаю, — я совершил такую глупость! Это единственное, что пришло мне в голову. Я так волновался!

(Хейнс падает на колени и плачет. Линкольн тоже плачет.)

Линкольн: Значит, я был прав. Это классическое *non sequitue\**

Билл: Да, конечно. Простите меня.

Линкольн (плачет навзрыд): Прощаю, прощаю. Встаньте. Подымитесь с колен. Сегодня же ваш мальчик получит прощение. И все, все мальчики, совершившие ошибку, тоже получают прощение. (Обнимает Хейнсов). Ваш идиотский вопрос заставил меня многое переоценить в моей жизни. За это я благодарю вас и люблю вас.

Алиса: Мы тоже кое-что переоценили, Эйб. Могу я вас так называть?

Линкольн: Да, конечно, зачем вы спрашиваете? Ребята, не найдется чего-нибудь перекусить? Человек проделал такой путь, — в конце концов, угостите хоть чем-нибудь.

(Хозяева начинают метать на стол хлеба и сыры, занавес опускается.)

## МОЯ АПОЛОГИЯ

Из всех знаменитых людей прошлого я больше всего хотел бы быть Сократом. Не только потому, что он великий мыслитель, — ведь я и сам, как известно, высказывал ряд чрезвычайно глубоких соображений, хотя мои главным образом касались стюардесс шведских авиалиний и некоторых типов наручников. Нет, глубокую симпатию к мудрейшему из греков всегда вызывала во мне его храбрость перед лицом смерти. Он решил не поступаться своими убеждениями и ценой жизни доказать их правоту. Лично я не так бесстрашно отношусь к смерти и от какого-нибудь внезапного громкого звука, вроде выстрела из выхлопной трубы, падаю прямо в объятия собеседника. Смерть Сократа придала его жизни высший смысл — то, чего начисто лишена моя, хотя и представляется до некоторой степени уместной Федеральному департаменту по налогам. Я хочу признаться, что не раз примерял на себя сандалины великого философа, но всегда тут же засыпал и видел следующий сон.

МОЯ ТЮРЕМНАЯ КАМЕРА. Обычно я сижу в одиночестве, работая над какой-нибудь проблемой рационального мышления,

\* «Non sequitue» — термин логики «не вытекает», «не следует».

например: можно ли считать вещь произведением искусства, если ею также удобно мыть плиту? Сейчас ко мне в гости пришли Агатон и Симмиас.

Агатон: О, мой добрый друг и мудрейший из мудрых. Как протекают дни твоего заключения?

Аллен: Что можем мы сказать о заключении, Агатон? Только тело подвержено ограничению. Моя мысль странствует свободно, не скованная четырьмя стенами, и поэтому я спрашиваю: существует ли на самом деле заключение?

Агатон: А если ты захочешь прогуляться?

Аллен: Хороший вопрос. Я не смогу.

(Мы сидим в классических позах, как изображают на фризях. Наконец, Агатон говорит):

Агатон: К сожалению, дело плохо. Тебя приговорили к смертной казни.

Аллен: Как неловко! Из-за меня Сенату приходится устраивать дебаты.

Агатон: Никаких дебатов. Единогласно.

Аллен: Правда?

Агатон: С первого голосования.

Аллен: Хммм. Я рассчитывал на большую поддержку.

Симмиас: Сенат возмущен твоими проектами утопического государства.

Аллен: Пожалуй, не надо было предлагать учредить пост Правителя-философа.

Симмиас: Особенно указывая пальцем на себя и многозначительно прочищая горло.

Аллен: И все же я не считаю моих палачей злом.

Агатон: Я тоже.

Аллен: Э-ээ, ну да, хорошо...— ибо что есть зло, как не избыток добра!

Агатон: Как это?

Аллен: Посмотрим следующим образом. Когда человек поет красивую песню,— это прекрасно. Но если он поет, и поет, и поет,— у его ближнего начинается головная боль.

Агатон: Верно.

Аллен: И если он сейчас же не прекратит петь, то иногда хочется засунуть ему носки в глотку.

Агатон: Да. Совершенно верно.

Аллен: Когда должны исполнить приговор?

Агатон: Который час?

Аллен: Сегодня?!

Агатон: Не хватает тюремных камер.

Аллен: Что ж. Да будет так. Пускай они возьмут мою жизнь. Пусть будет записано, что я погиб, не предав идеалов истины и независимого судопроизводства. Не плачь же, Агатон.

Агатон: Я не плачу. У меня аллергия.

Аллен: Ведь для человека мыслящего смерть — не конец, а начало.

Симмиас: Это как?

Аллен: Ну...— счас, минутку.

Симмиас: Я жду.

Аллен: Верно ли, Симмиас, что человек не существовал прежде своего рождения?

Симмиас: Совершенно верно.

Аллен: Что он не будет существовать после своей смерти?

Симмиас: Да. Я согласен.

Аллен: Хмм...

Симмиас: Итак?

Аллен: Счас, минутку. Я немного смущен.— Знаешь, меня здесь кормят одной бараниной — вечно непрожаренной...

Симмиас: Большинство людей считают, что смерть — конец всего. И, как следствие, боятся ее.

Аллен: Смерть есть форма небытия. То, чего нет, не существует. Поэтому смерти не существует. Существует только истина. Истина и красота. Они равнозначны, но не взаимозаменяемы.— Да, а что конкретно имеется в виду?

Агатон: Цикута.

Аллен (озадаченно): Цикута?

Агатон: Помнишь такую черную жидкость, что прожгла насквозь твой мраморный стол?

Аллен: Серьезно что ли?

Агатон: Всего один стакан. Правда, в запасе есть еще чаша, если ты вдруг что-нибудь прольешь.

Аллен: Интересно, это больно?

Агатон: Меня просили передать, чтобы ты постарался не устраивать сцен. Это действует на нервы другим заключенным.

Аллен: Хмм...

Агатон: Я сказал всем, что ты скорее храбро умрешь, чем откажешься от своих убеждений.

Аллен: Правильно, правильно. Э-э-э... мысль о ссылке не всплывала?

Агатон: Ссылать перестали с прошлого года. Слишком много волокиты.

Аллен: Конечно. Ага... (Расстроен и растерян, но стараюсь держать себя в руках.) Я... ну, да...— ну, а еще какие новости?

Агатон: Я увлекся учением Изозола. У него есть гениальная идея построения совершенно нового треугольника.

Аллен: Интересно... интересно... (Вдруг переставая храбриться.) Послушайте, я хочу поделиться с вами: я не хочу уходить! Я слишком молод!

Агатон: Но это твой шанс умереть за истину!

Аллен: Поймите меня правильно. Я всей душой за истину. Но с другой стороны, у меня через неделю заказан пир в Спарте, и я очень боюсь пропустить его. Мой черед платить. Вы ведь знаете спартанцев, они отчаянные драчуны.

**Симмиас:** Не трус ли наш величайший философ?

**Аллен:** Я не трус и не герой. Я что-то посредине.

**Симмиас:** Вошь дрожащая.

**Аллен:** Да, примерно.

**Агатон:** Но не ты ли доказывал, что смерти не существует?

**Аллен:** Ну, знаешь, я много чего доказывал. Нужно же платить за квартиру. Теории и небольшие наблюдения. Остроумные замечания время от времени. Максимум по случаю. Это вам, конечно, не маслины собирать, — но не будем и преувеличивать.

**Агатон:** Но ты же много раз доказывал, что душа бессмертна.

**Аллен:** Так оно и есть! На бумаге. Видите ли, философия совсем не так уж действительна, когда выходишь из класса.

**Симмиас:** А вечные «формы»? Ты говорил, каждая вещь всегда существовала и всегда будет существовать.

**Аллен:** Я имел в виду главным образом тяжелые вещи. Статуи и тому подобное. С людьми все совершенно иначе.

**Агатон:** А все рассуждения о том, что смерть и сон — одно?

**Аллен:** Верно. Но между ними есть разница: когда ты мертв, а кто-нибудь орет: «подъем! наступило утро!» — очень трудно найти шлепанцы.

(Входит палач с чашей цикуты.)

**Палач:** Опс, вот и я! Кто пьет яд?

**Агатон** (указывая на меня): Он.

**Аллен:** Мама, какая большая чаша! А она должна так дымиться?

**Палач:** Да. И выпей до конца, потому что яд часто остается на донышке.

**Аллен** (обычно здесь я веду себя иначе, чем Сократ, и, говорят, кричу во сне): Нет, не буду. Я не хочу умирать! Спасите! Нет! Пожалуйста!

(В паузе между отчаянными мольбами палач вручает мне бурлящее варево, и кажется, что все кончено. Но потом, видимо, благодаря инстинкту самосохранения, сон обычно изменяется, и входит Вестник.)

**Вестник:** Остановитесь! Сенат переголосовал! Обвинения сняты. Ваше значение переоценено и решено, что вас, наоборот, следует наградить.

**Аллен:** И все-таки! И все-таки! Они пришли в чувство! Я свободный человек! Я свободен! — и к тому же буду награжден! Скорее, Агатон и Симмиас, помогите собрать вещи. Я должен идти. Пракситель захочет поскорее приняться за мой бюст. Но перед уходом я расскажу вам притчу.

**Симмиас:** Нда, это, конечно, круто. Интересно, они сообщают, что творят?

**Аллен:** Несколько человек живут в темной пещере. Они понятия не имеют, что снаружи светит солнце. Им известен один свет, — неверные огоньки свечек, с помощью которых они ориентируются в темноте.

**Агатон:** Где они раздобыли свечи?

**Аллен:** Ну, будем считать, они у них просто есть и все.

**Агатон:** Живут в пещере и пользуются свечами? Неправдоподобно.

**Аллен:** Потом разберемся, считай, что это — «рыба».

**Агатон:** Ладно, ладно, не отвлекайся.

**Аллен:** И вот как-то раз один из обитателей пещеры выбирается наружу и видит внешний мир.

**Симмиас:** Во всем его блеске.

**Аллен:** Совершенно верно. Во всем его блеске.

**Агатон:** Он пытается рассказать остальным, но они не верят.

**Аллен:** Нет-нет. Он ничего никому не рассказывает.

**Агатон:** Не рассказывает?

**Аллен:** Нет. Он открывает мясную лавку, женится на танцовщице и умирает от кровоизлияния в мозг в сорок два.

Они хватают меня и вливают цикуту. Здесь я обычно просыпаюсь в холодном поту, и только, может быть, пара яиц и копченая семга могут меня успокоить.

Перевел с английского  
Олег Дорман

© Woody Allen

---

Редакция нашего журнала публикует  
за счет авторов  
в качестве коммерческих предложений  
синописы, аннотации, заявки, фрагменты сценариев  
и объявления о поиске спонсоров.

---



# ГАРЕНА КРАСНОВА

# МЕРИЛ СТРИП

Фрагменты из книги

**М**ерил Стрип... При упоминании этого имени в памяти возникает исполненная экспрессии и романтического пафоса картина: бушующая Атлантика накатывает на побережье огромные волны, разбивающиеся о камни мириадами сверкающих брызг. На самом краю мола, выступающего далеко в море, стоит высокая женщина, закутанная в черный плащ. Поглощенная созерцанием только ей одной видимой цели, скрытой за густой пеленой влаги, она не обращает внимания на разбушевавшуюся стихию. Всполохи молний озаряют ее нежное лицо. Порывы ветра треплют роскошные рыжие волосы. Молодой английский джентльмен покидает свою спутницу и спешит на помощь странной женщине. Но по сияющей улыбке, блеску глаз понимает, что в намерениях той нет ничего опасного. Она просто наслаждается бурей, грохочущей над Атлантическим побережьем. С этого момента судьбы женщины и джентльмена окажутся связанными в тугой узел.

Сара Вудраф, героиня фильма «Женщина французского лейтенанта», один из самых пленительных образов американского кино 80-х годов. Фальшивая и искренняя, беспомощная и агрессивная, чистая и порочная, романтическая и прагматичная, она появляется в маленьком городке Эстекс на южном побережье Англии словно специально для того, чтобы нарушить матриониальные планы английского джентльмена, и исчезает из его жизни так же таинственно, как входит в нее.

Сара Вудраф не только лучшая роль Мерил Стрип в кино. В истории этой молодой женщины, сумевшей подняться над унылой прозой бытия и окружить себя ореолом тайны, можно вычитать намеки на творческую судьбу самой Мерил Стрип, чье восхождение в Голливуде до сих пор мно-

гим представляется загадкой. Каким образом эта женщина с заурядной внешностью сумела стать самой блестящей звездой современного Голливуда? Почему ей, выросшей в тепличных условиях процветающей Америки, больше всего удаются образы героинь, не нашедших места в обществе? Что заставляет зрителей вновь и вновь искать встречи с этой актрисой? Ответ на эти вопросы — в творческой биографии Мерил Стрип, сумевшей за 12 лет работы в кино подняться много выше традиционного голливудского Олимпа.

Никто из жителей городка Бернардсвилль, что в штате Нью-Джерси, не смог бы вообразить, что дочка Гарри Стрипа II, менеджера крупной фармацевтической фирмы, станет актрисой, тем более знаменитой кинозвездой. В семье Стрипов было трое детей. Мэри Луиза (род. 22 июня 1949 года) считалась самой обделенной. Она носила очки с толстыми стеклами, зубную пластинку для исправления прикуса, к тому же была не по возрасту высока, тоща и привыкла, что в компании сверстников ее нередко принимали за учительницу. Так продолжалось до тех пор, пока Мерил не отважилась принять участие в конкурсе на звание самой красивой ученицы Бернардсвилльской школы. Она выбросила очки, сломала зубную пластинку, перекрасила свои тусклые волосы в платиновый цвет и начала готовиться к конкурсу. Поощряя стремление дочери стать красивой, родители построили бассейн с 25-метровой дорожкой. Благо, могли себе такое позволить. В выпускном классе школы Мерил добилась поставленной цели. Теперь она постоянно была на виду и даже начала выступать в школьных спектаклях. Мать, по профессии художница-иллюстратор, поддерживала в дочери тягу к искусству и нашла учи-



### Портрет

тельницу пения, с помощью которой Мерил начала шлифовать свое колоратурное сопрано.

Восемнадцатилетней девушкой Мерил поступила в Вассар — знаменитый колледж, принадлежащий к элитной лиге «Семь сестер» и созданный специально для воспитания интеллектуальных американок. В свое время там учились Жаклин Кеннеди-Онассис и Джейн Фонда. В Вассаре жизнь Мерил изменилась коренным образом. «В школе я была милой, спортивной девушкой, которая за свою школьную жизнь едва ли одолела семь книг,— вспоминала она.— Я читала только «Нью-Йоркер», да и то в основном страницы, посвященные спорту и светской жизни. Важнейший вопрос состоял в том, какое платье одеть в школу и как опередить соучениц на соревнованиях в бассейне. В Вассаре я открыла для себя книги Кьеркегора, Сартра, Бронте, Юнга и начала посещать курс «Введение в драму».

В Вассаре вчерашняя школьница, не привыкшая держать в руках книгу, стала первой студенткой и получила лестное предложение продолжить обучение в престижном Дартмутском колледже. Она посещала там курсы истории костюма, танцев и театрального искусства. А также написала пьесу о правах женщин и поставила ее в любительской труппе колледжа. Но в Дартмуте она чувствовала себя одиноко и вернулась в Вассар, к которому приросла душой.

Мерил продолжила обучение в Йель-

ском университете, славящемся на всю Америку своим студенческим театром. За три года в Йеле она сыграла в сорока спектаклях, в том числе в пьесах «Отец» и «Фрекен Юлия». А. Стриндберга, «Сон в летнюю ночь» и «Венецианский купец» В. Шекспира, «Кавказский меловой круг» Б. Брехта.

В студенческие годы отчетливо проявилось одно из самых примечательных качеств личности Мерил Стрип — умение приспосабливаться к обстоятельствам и становиться лидером. Качество это особенно неоченимо в шоу-бизнесе, где актер вынужден каждый раз принаравливаться к новой среде. Причем стремление к лидерству вовсе не явилось выражением желанья царствовать и повелевать. Что бы ни делала Мерил Стрип, она, по ее собственному признанию, всегда стремилась делать это чуть-чуть лучше других.

В 1975 году Мерил закончила Йель и сразу же отправилась в Нью-Йорк, где состоялось массовое прослушивание молодых актеров. На нее обратил внимание сам Джозеф Папп, руководитель Нью-Йоркского шекспировского фестиваля. «Впервые я услышал о Мерил Стрип, когда она еще училась в Йеле. Правда, суждения были различными. Одни называли ее интереснейшей актрисой, другие не признавали ее манеру, считая слишком аффектированной. Я сразу стал поклонником Мерил. Она так одарена, что не боится никакого риска. Папп был восхищен молодой актрисой и пригласил в свой театр. Слух о его открытии тотчас облетел Нью-Йорк, и вскоре к Мерил обратились представители «Феникстеатра», предложив на выбор несколько ролей. Мерил остановилась на пышнотелой южной красавице Линде в пьесе Теннесси Уильямса «27 вагонов с хлопком». Она долго ломала голову над тем, как приблизиться к образу, созданному Уильямсом, потом купила купальник большого размера, обложила его ватой и таким образом сумела создать впечатление пышной женской плоти. Когда спустя месяц зрители увидели Мерил в другом спектакле, то были несказанно поражены ее стройностью. Уже с первых шагов сценической деятельности она стремилась найти яркий выразительный рисунок роли. Изучение профессии дизайнера активно побуждало ее к поиску. В первый год на бродвейской сцене она сыграла в пьесах «Воспоминание о двух понедельниках» А. Миллера, «Секретная церемония» У. Джиллета, «Генрих IV» и «Мера за меру» В. Шекспира, «Непростые женщины и другие» У. Вассерстайна, «Вишневый сад» А. Чехова. Этот

удачный во всех отношениях год закончился для нее премией Нью-Йоркской критики и выдвижением на премию «Тони» — самую почетную награду в области американского театра.

Одним словом, ей сопутствовало фантастическое везение. Впрочем, «везение» не совсем то слово, которое может быть применимо к творчеству Мерил Стрип. Режиссеров подкупала ее способность легко и свободно, без видимых усилий, входить в роль, а блестящее театральное образование, полученное в лучших учебных заведениях Америки, позволяло прекрасно разбираться в стилях и направлениях. В отличие от многих коллег, она могла играть, полагаясь не только на интуицию и чувство, но и на интеллект. Ценен тонко чувствующий актер, но воистину бесценен исполнитель, у которого интуиция соединяется с умением осмыслить характер, сформулировать собственное представление о нем. К тому же Мерил Стрип была преисполнена энтузиазма, могла репетировать часами, пока не ощущала полного слияния со своими героями. И вполне понятно стремление режиссеров работать с ней.

В конце 70-х годов в Нью-Йорке появилась целая плеяда актеров, с равным успехом выступающих как на сцене театра, так и в кино. Это — Кевин Клайн, Уильям Харт, Том Беренджер, Свуси Картц, Глен Клоуз, Джон Малкович. Кинопродюсеры внимательно относились ко всему, что происходило в бродвейских театрах. Появление молодой актрисы, о которой с энтузиазмом говорил весь театральный мир, не прошло незамеченным. В 1976 году старейший режиссер Фред Циннеман предложил Мерил роль в фильме «Джулия» — экранизации рассказа знаменитой американской писательницы Лилян Хеллман, в котором она вспоминала двух подруг детства — Джулию и Энн-Мэри Треверс. Джейн Фонда играла саму Лилян, Ванесса Рейгрейв — Джулию, а Мерил Стрип — Энн-Мэри Треверс. Съемки продолжались неделю. Фред Циннеман был восхищен молодой актрисой и гордился отсытанием с ее участием материалом, но при окончательном монтаже, по требованию продюсеров, двадцатиминутный эпизод был сокращен до 70 секунд. Так что зрители даже не успели рассмотреть дебютантку.

В «Феникс-театре» Мерил познакомилась с Джоном Казалем, который стал ее первой настоящей любовью. Как многие актеры этого театра, Казаль активно снимался в кино. Широкую известность принесло ему участие в фильме Ф.-Ф. Коппола «Крест-



Портрет

ный отец», в котором он сыграл одного из сыновей Дона Корлеоне. На съемках «Крестного» завязалась его дружба с Робертом Де Ниро. В 1976 году Де Ниро подписал контракт на участие в фильме молодого режиссера Майкла Чимино «Охотник на оленей». Поскольку съемки должны были проходить вдали от Америки, в Таиланде, Де Ниро решил сколотить компанию близких друзей и уговорил Чимино пригласить на одну из ролей Джона Казалья, а тот в свою очередь замолвил слово за Мерил.

Съемки начались через год после подписания контракта, и за это время с Джоном Казалем начали происходить непонятные вещи — он быстро утомлялся, стал раздражительным, испытывал адские боли при ходьбе. Мерил упросила его сделать полное медицинское обследование. Оказалось, что Казаль болен раком костей, причем в последней, неизлечимой стадии. В Америке перед началом каждого крупного проекта полагается делать медицинское обследование главных исполнителей. Проведенные анализы еще раз подтвердили болезнь Казалья. Продюсеры воспротивились его участию в съемках. Мерил понимала, каким ударом может оказаться этот произнесенный вслух приговор. Она самостоятельно подготовила второй вариант сценария на тот случай, если Казаль не сможет выйти на площадку. И действительно, вскоре в состоянии Джона Казалья произошло резкое ухудшение, и вместо Таиланда он был вынужден отправиться в госпиталь.

В «Охотнике на оленей» Мерил играет



Кадр из фильма «Женщина французского лейтенанта»

небольшую роль Линды. Но как раз именно эта картина нагляднее всех последующих работ обнажает те качества Мерил Стрип, благодаря которым она стала выдающейся актрисой современного кино.

Мерил Стрип работает на площадке исто-во и вдохновенно, отдавая роли много больше того, что требует от нее режиссер. В сцене венчания она не только держит корону над головой невесты, но охорашивается, посылает влюбленные взгляды Мики, строит глазки Майку, кокетничает с гостями, завораживая зрителей выразительной игрой лица и тела.

Статика, столь выигрышная для актерских лиц типа Джоан Кроуфорд, губительна для Мерил Стрип. На статичных планах прежде всего бросаются в глаза недостатки ее лица — длинный нос, маленькие глаза, выпирающие скулы, большой рот. Актриса знает, что существует только одно действенное противоядие против ее заурадной внешности — вдохновенная игра, и блестяще пользуется этим.

Джон Казаль, усохший, лишенный жизненных сил, в этом фильме почти незаметен. В одном из эпизодов он с завистью кивает на приятеля: «А этот все толстеет и толстеет». Этой фразой, в сущности, и исчерпывается его участие в картине.

Весной 1977 года Мерил отправилась в Австрию, где начались съемки телесериала «Холокост». Эта картина должна была познакомить среднего американца с трагедией евреев во второй мировой войне. Мерил Стрип играет молодую белокурую вен-

ку Ингу Хельмс, влюбленную в еврейского юношу Карла Вейса. Еще детьми они поклялись стать мужем и женой. И хотя в общественной атмосфере Австрии все отчетливее звучат мотивы ненависти к евреям, Инга выходит замуж за Карла, которого любит нежной и трепетной любовью. Когда Карла бросают в концлагерь, Инга начинает борьбу за освобождение мужа, но оказывается бессильной перед человеко-ненавистнической идеологией нацизма, и Карл погибает.

На долю фильма выпал огромный успех, в том числе и восемь премий «Эмми» — американского телевизионного «Оскара». Мерил была названа лучшей актрисой года, но отказалась приехать на торжественную церемонию. Ни одна работа не вызвала в ней такого резкого протеста, как этот фильм. «Одна из самых страшных страниц в истории человечества низведена здесь до уровня «мыльной оперы». Чудовищно, что такой бездарный фильм, как «Холокост», снижал больше популярности, чем все серьезные театральные работы последних лет. Я ненавижу сценарий, а также то, что моя героиня Инга изображена так благородно, словно она и не живая женщина», — резко заявила она журналисту «Тайма».

Ничто не могло примирить актрису с этим фильмом. Судя по всему, он продолжает оставаться самым тяжелым воспоминанием ее жизни. Дело во многом объяснялось тем, что Джон Казаль умирал в госпитале, а она, выполняя условия заключенного год назад контракта, находилась вдали от него. В марте 1978 года, через две недели после ее возвращения из Европы, Джон Казаль умер. Ему исполнилось 42 года. В довершение ко всему объявилась законная жена Казалья, с которой он не поддерживал никаких отношений, и потребовала, чтобы Мерил освободила квартиру. Ее брат нашел ей временное пристанище в ателье своего друга, скульптора Дона Гаммера.

Как и Мерил, Дон учился в Йеле, где на факультете прикладных искусств изучал технику деревянной и металлической скульптуры. Начав выставляться еще студентом, Дон смог снимать большую мастерскую в Сохо, любимом пристанище нью-йоркских художников. В 1977 году состоялся вернисаж, который сделал его знаменитым на всю Америку. В 1977 году Дон развелся с первой женой и жил по-холостяцки в своем огромном ателье, проводя время в обществе танцовщиц из «Нью-Йорк-сити-балле». Легом 1978 года, к величайшему изумлению друзей, Мерил вышла замуж за Дона Гаммера, а 14 ноября 1979 го-



да на свет появился их первенец Генри, прозванный ближними Гиппи.

Но Джон Казаль не был забыт. Зимой 1984 года Мерил сделала крупный взнос в фонд мемориального театра двух актеров Уолтера Макгиппа и Джона Казалья. Будучи натурой чувствительной, но отнюдь не сентиментальной, Мерил Стрип никогда не цеплялась за прошлое, а напротив — всегда была устремлена в будущее, к новым творческим планам и свершениям, и это тоже способствовало ее стремительному продвижению вперед.

Хотя Мерил ненавидела ленту «Холокост», именно она сыграла решающую роль в ее актерской карьере. Вскоре после выхода фильма на телеэкраны она получила приглашение сняться в картинах «Совращение Джо Тайнена» Джерри Шацберга и «Манхэттен» Вуди Аллена. В «Совращении Джо Тайнена» она сыграла роль адвоката Кэрен Трейер, влюбленной в молодого сенатора Тайнена, кандидата в президенты от демократической партии. Они встречаются тайком, выкраивая время между деловыми раутами, но вскоре Тайнен, для которого карьера превыше любви, покидает Кэрен. «Не могу понять, как можно бросить такую женщину и вернуться к своей примитивной жене?! Ведь в Кэрен есть духовность, собственная этика, внутренняя сила, и она останется верна своим принципам. Это необыкновенная женщина!» — прокомментировала Мерил Стрип свою роль. Эта характеристика, собственно, может быть приложена ко всем ее героиням. Во всяком случае, сама она всегда стремилась выделить в них эти качества, хотя порой ей приходилось вступать в настоящую битву с режиссерами и продюсерами. Особенно остро эта борьба проходила на съемках ленты «Крамер против Крамера».

В центре фильма небольшая американская семья — муж, жена, ребенок. Муж работает в крупном рекламном агентстве на Мэдисон-авеню, его жена Джоанна занимается домашним хозяйством и воспитывает сына. Но однажды она сбегает из дома, бросив близкого на произвол судьбы. «Я просто возненавидела эту женщину. Среди моих знакомых нет ни одной, похожей на нее», — с возмущением заявила Мерил. Прочитав сценарий, она решила отказаться от роли. Но в ней выиграла воспитанница Вассара и Йеля, и она отправилась на встречу с создателями, дабы указать на их ошибку. В разговоре выяснилось, что никто не собирается поручать ей роль Джоанны. Следуя доброй голливудской традиции тиражировать достигнутое, продюсеры прочили ее на роль адвокатши Филлис, с которой



Кадр из фильма «Женщина французского лейтенанта»

сходится Тед после бегства жены. Но Мерил так убедительно проанализировала текст, выказала такое понимание проблем Джоанны, что роль поручили ей, пообещав внести в сценарий кое-какие изменения.

Засучив рукава она принялась за сценарную работу. Хотя право изменения сценария было оговорено в контракте Дастина Хоффмана, славящегося своим неуживчивым нравом и столкновениями с режиссерами, в силу склонности к лидерству Мерил Стрип преспокойно присвоила это право себе. Каждый день она начинала с того, что предлагала коллегам чуть-чуть поработать над сценарием. Однажды Дастин Хоффман разозлился настолько, что запустил в Мерил стаканом. Ударившись о стену, тот разбился у нее над головой, и прежде чем приступить к съемкам, она долго вытаскивала из волос осколки стекла.

Роман Эйвери Кормэна, по которому снимался фильм, от первой до последней страницы проникнут антифеминистским духом. Само бегство Джоанны от мужа и сына представлено в нем как поступок пресыщенной жизнью избалованной дамы. Мерил решила сделать все иначе. Уже в первый миг появления на экране ясно, что она находится на грани эмоционального срыва. Взгляд блуждает, тело сотрясается от рыданий. Героиня дошла до такой степени внутреннего дискомфорта, что вполне готова на крайний шаг — либо самоубийство, либо бегство от семьи.

Во второй раз Джоанна появляется на экране спустя несколько месяцев. Мню-

гое изменилось за это время. Тед потерял высокооплачиваемую работу в рекламном агентстве и посвятил себя воспитанию ребенка. Джоанна, напротив, весьма преуспела в жизни, занявшись проектированием спортивной одежды. И теперь она хочет забрать мальчика к себе. Естественно, что симпатии в этом эпизоде изначально принадлежат отцу. Но Мерил Стрип сделала все, чтобы зрители испытали если не расположение к героине, то хотя бы понимание ее проблем. С трудом подбирая



Кадр из фильма «Выбор Софи»

слова, Джоанна объясняет мужу причину своего странного бегства. Она говорит настолько искренне, так явственно борется с волнением, что невозможно не испытать сочувствия к этой страдающей, быть может, излишне тонкокожей героине. Мерил Стрип сделала все, чтобы образ Джоанны получился более теплым и человечным, хотя до конца изжить антифеминистский дух сценария не удалось.

Фильм был выдвинут на соискание премии «Оскар» по восьми разрядам (за режиссуру, сценарий, актерское исполнение и т. д.). Мерил получила один из них как актриса второго плана. Первая высота на пути признания была взята, причем с большим запасом. На церемонии вручения награды Мерил пришла в такое волнение, что после получения статуэтки, почувствовав дурноту, стремглав бросилась в туалет. Когда она вернулась, статуэтки в ее руках не было. По счастью, никто не покусился на эту драгоценность, забытую в туалете. Вечер закончился благополучно.

Как обмолвился однажды Дон Гаммер,

всю жизнь его жену одолевает боязнь не превратиться в Джоанну Крамер.

Каждая роль, сыгранная Мерил Стрип в начале творческого пути в кино, завоевывалась ею с боем. Причиной тому была ее заурядная, лишенная истинно голливудского глеймора внешность. Правда, некоторые зрители находили в лице актрисы особую прелесть, восхищались нежным овалом лица, высоким чистым лбом, прелестным ртом, тонкой розовой кожей и не боялись употреблять по отношению к своей любимице слово «красавица». Но те, кто не воспринимал этот тип внешности, не мог удержаться от колкостей и даже грубостей. «О, боже мой! Вы посмотрите на ее нос! Этот красный тонкий нос напоминает хобот муравья. И потом эти глаза!.. Если бы они были только маленькими и узкими. Нет! Это глаза курицы, которая одновременно кудахчет и кладет яйца!» — с убийственной иронией заметил как-то писатель Трумэн Капоте. Мерил страдала от подобных «комплиментов». С чувством горечи она вспоминала слова Дино Де Лаурентиса после просмотра «Крамер против Крамера»: «Она играет хорошо, но выглядит ужасно. Посмотрите на эти щеки!» Он сказал это по-итальянски. Но я учила в Вассаре европейские языки и потому все поняла. Ужасно обидно слышать такое!»

Спустя десятилетие, уже имея в активе несколько выдающихся ролей и престижных наград, Мерил Стрип позволила себе посмотреть на свою внешность более отстраненно. «Честно говоря, мне самой бывает непросто видеть свое лицо на экране. Большинство женщин в тысячу раз красивее меня. Мой нос слишком велик, мой рот слишком широк. К тому же у меня яйцеобразная голова. А с темными волосами я вообще похожа на дохлую рыбу». Критическое отношение к собственной внешности побуждало Мерил Стрип постоянно экспериментировать над собой, искать новый грим, цвет волос, прическу.

Внешность играла далеко не последнюю роль и при выборе актрисы на главную роль в фильме «Женщина французского лейтенанта» (по бестселлеру английского писателя Д. Фоулза). Его подготовка затянулась на 10 лет. В разные годы на эту роль пробовались Ванесса Редгрейв, Джулия Кристи, Фэй Данауэй, Сисси Спейсек, Дебора Уингер, Шарлотта Ремплинг, Дайана Китон. Через своих агентов Мерил дала понять, что роль Сары ее очень интересует. Рейс припомнил, что видел Мерил в спектакле «Укрощение строптивой», который произвел на него огромное впечатление. На смотрины он пригласил авто-

ра романа, который был разочарован заурядной внешностью претендентки. Однако как только Мерил начинала лицедействовать, самые безжалостные критики замолкали. То же самое произошло и на этот раз, тем более что в лице оператора Фредди Фрэнсиса она нашла горячего поклонника. «Когда мы познакомились, передо мной стояла заурядная молодая женщина, но во время съемок она тотально изменилась. Когда я смотрю на нее через объектив, в ее облике появляется что-то магиче-

несколько дней позвонила подруга и не узнала ее голоса, Мерил поняла, что вполне готова к съемкам.

Итак, что же стоит за этой фразой «женщина французского лейтенанта»? Какой смысл вкладывали в нее чопорные дамы из провинциального Эстекса, имевшие обыкновение следить за происходящим с неодобрительно поджатými губами? Бесспорно, она могла быть использована только по отношению к особе легкого поведения, осмелившейся стать женщиной, а не женой лейтенанта,



Кадр из фильма «Выбор Софи»

ское. Она имеет нечто, что превращает актеров в звезд кино и что может разглядеть только кинокамера». Фуолз тоже остался доволен пробами. Правда, его смущала американская манера разговора актрисы. На что Рейс беспечно заметил, что ее будет дублировать англичанка. Такого удара по самолюбию Мерил не могла пережить. Она наняла английского репетитора, и та на протяжении нескольких недель читала ей вслух произведения английских писательниц XIX века Джейн Остин и Джордж Элиот. Одним словом, когда через

к тому же еще и французского. Раненый в ногу, он целый месяц провел в доме, где Сара Вудраф служила гувернанткой. Она самоотверженно ухаживала за ним и, как утверждала молва, вступила с ним в предосудительную связь. И вот, наконец, Сара появляется на экране — скорбная, сухопарая девица со скромно потупленным взглядом, облаченная в глухо закрытое, унылое платье неопределенного черно-коричневого цвета и изрядно поношенную шляпку. Как же мало ее облик отвечает традиционному представлению о грехе и



Кадр из фильма «Выбор Софи»

блуде! Но едва она отбрасывает с головы капюшон ветхого плаща, как на плечи падает копна роскошных рыжих кудрей. Ослепительно белые зубы нервно покусывают розовую губку. Жаркий румянец полыхает на высоких скулах. Но самое главное — ее глаза, смотрящие чуть-чуть исподлобья. Их взгляд завораживает мистера Смитсона, лишает желанья связать себя браком с миленькой, но заурядной Эрнестиной. И когда в лесу он видит Сару, вольно раскинувшуюся на рыжем мху в девственном сумрачном лесу, его охватывает желание овладеть этой загадочной женщиной. Однако их первая ночь окрашена настроением скорби и неловкости. Вместо искусной любовницы он находит бледную, взволнованную предстоящей сценой девственницу. Наверно, это самая некрасивая любовная сцена в истории современного кино. Облаченная в грубую белую рубашу Сара сидит на краю постели, нервно теребит рыжие пряди. Взгляд блуждает, она близка к отчаянию, предстоящая близость пугает ее.

Честная девица, выдающая себя за куртизанку! Чаще всего случается наоборот: многопытные особы пытаются выдать себя за благонравных девиц. Но в этом как раз и проявляется особенность характера Сары Вудраф. «Если я не могу выйти замуж за равного мне человека, пусть я буду жить с позором. Я поставила себя вне рамок этого общества. Я не хочу быть похожей на всех этих дам!» — с пафосом восклицает Сара. Миф

о компрометирующей связи с французским офицером она пестует со сладостным мазохизмом, полностью растворяясь в нем. Соиздание его стало целью ее жизни, быть может, более реальным, чем сама жизнь. И когда Сара стоит на молу, пристально вглядываясь в даль моря, ни у кого нет сомнений, что она ждет своего французского любовника.

Сара Вудраф — один из самых загадочных женских образов, появившихся на западном экране в 80-е годы. Девственница, она с гордостью носит печать падшей женщины. Завладев сердцем богатого джентльмена, покидает его. И когда после нескольких лет непрерывных поисков Смитсон находит, наконец, Сару, она в очередной раз пытается отвергнуть его притязания. Эта женщина живет своей, скрытой от посторонних глаз, жизнью. Потому никто из окружающих не может понять ее логики и, тем более, объяснить ее.

Сара Вудраф в исполнении Мерил Стрип не мелкая провинциальная интриганка и не особа легкого поведения. Она — художница, чье пылкое воображение помогает преодолеть груз унылой реальности. Мерил Стрип раскрывает незаурядность своей героини, почти не прибегая к помощи слов. В каждом взгляде, жесте, повороте головы чувствуется натура сильная, незаурядная, вольнолюбивая. Какой свободой и энергией дышат ее движения, когда, глядя в зеркало, она уверенными штрихами набрасывает свой портрет! Как блестят ее глаза, когда она лежит, раскинувшись, посреди сумрачного леса, больше похожая на воительницу, чем на скромную гувернантку!

Посмотрев фильм, Фуолз остался доволен работой американской актрисы, сумевшей докопаться до самой сути его загадочной героини. Актрисой всерьез заинтересовалась пресса. Журнал «Тайм» посвятил ей главную статью под названием «Магическая Мерил». Журналисты бросились интервьюировать соратников и ближайших друзей актрисы. Большой подарок пресса получила от Джереми Айронса, исполнившего роль мистера Смитсона. Он заявил, что с Мерил их связывала настоящая любовная связь и потому постельные сцены были натуральными. Поскольку жизнь актрисы не изобиловала никакими сенсационными подробностями, эта новость обошла все журналы. Мерил махнула рукой. Оправдываться было бессмысленно, но она дала себе зарок отныне не сотрудничать с Айронсом и не подпускать журналистов к своей личной жизни.

Сара Вудраф — самый загадочный женский персонаж, появившийся на экране в 80-е годы. Вообще слово «самый» при-



### Кадр из фильма «Влюбленные»

ходится употреблять по отношению к творчеству Мерил Стрип значительно чаще, чем к другим актерам. Вот и про Софи Завистовски, героиню картины «Выбор Софи», можно сказать, что это самый трагический образ в американском кино 80-х годов.

Во время съемок ленты «В тишине ночи» Роберта Бентона Мерил узнала, что режиссер Алан Пакула приступил к экранизации романа Уильяма Стайрона «Выбор Софи», который она прочитала еще в Йеле. Воспоминание о фильме «Холокост» продолжало терзать душу, и Мерил любимы



Кадр из фильма «Дьяволица», Мэрил Стрип, Розанна Бар и Эд Бегли

средствами хотела вытравить из памяти тяжелое впечатление от этой работы. Правда, у Пакулы существовала твердая договоренность с Ханной Шигулой. Но Мэрил сделала все, чтобы роль перешла к ней. После «Женщины французского лейтенанта» это было совсем не сложно.

За три месяца до съемок она начала заниматься польским и немецким языками и так преуспела в этом, что когда

на съемки в павильон привели ее сына Гиппи, он долго рыдал, потому что у его мамы оказался чужой голос. Этот неуверенный, запинаящийся английский, на котором изъясняется Софи в Америке, стал важнейшей эмоциональной краской личности героини.

Действие фильма «Выбор Софи» происходит вскоре после окончания второй мировой войны в Нью-Йорке. Молодой писа-

тель Стинго знакомится со своими соседями, экстравагантной парой — Софи Завистовски и Натаном Ландау. Она — блондинка, ласковая, нежная, красивая, всегда элегантно одетая, тщательно причесанная, говорящая по-английски с певучим славянским акцентом. Он — экстравагантный, с холерическим темпераментом, склонный к эпатажу, артистическим жестам. Благодаря неумной фантазии Натана жизнь соседей казалась чередой непрерывных праздников, пикников, беззаботных развлечений. Правда, порой Натан был груб с подругой, мог ударить ее, устроить безобразную сцену ревности. А она покорно сносила его выходки и, забившись в угол, жалобно скулила, как маленькая собачонка, напуганная рассвирепевшим хозяином. Нет, эта женщина совсем не походила на пляжных подружек Стинго. Он влюбился в Софи и даже решил жениться на ней. «У твоих детей не должно быть такой матери», — ответила она и вернулась к Натану.

Юный Стинго смотрел на жизнь сквозь розовые очки. Если Софи и была ангелом, то только «падшим ангелом», носящим в своей душе трясину адских воспоминаний о прошлом. Это прошлое не только помешало ей ответить на чувства Стинго, но и стало причиной ее трагической гибели.

Медленно раскручивается нить повествования. Действие возвращается назад, к событиям второй мировой войны. Мы видим Софи, печатающую речь отца, варшавского профессора, фашиствующего идеолога «еврейского вопроса»; в кругу друзей-подпольщиков; рядом с возлюбленным Юзефом, вскоре казненным гестаповцами; в Освенциме, среди тысяч людей, обреченных немцами на скотское существование и гибель. В предпоследней сцене Софи обнажает перед Стинго кровоточащую рану своих воспоминаний — гибель детей в Освенциме. Гестаповцы не просто заставили Софи пройти через унижение лагерем, не просто уничтожили всех ее близких. Нет! Именно для нее, этой хрупкой, нежной, беззащитной женщины, они придумали чудовищную пытку.

Софи стоит в огромной очереди перед воротами Освенцима, прижимая к себе двоих детей — Яна и Еву. Один из эсэсовцев окидывает ее похотливым взглядом. Софи, чувствуя внимание к себе, начинает говорить тонким срывающимся голоском: «Я — полька, настоящая католичка. Я верю в бога Иисуса Христа. Я не еврейка! Пощадите меня». Эсэсовец резко обрывает ее, заявляя, что она должна выбрать сама, кто из детей будет уничтожен, а кто останется в живых. Он зорко следит за ней, видит, как она

крепче прижимает к себе мальчика, а девочка, сидящая на ее руке, остается как бы беззащитной. Солдат вырывает девочку из слабых рук Софи, а та лишь оцепенело смотрит вслед кричащей дочери. Софи нарушила главную заповедь материнской любви — до последнего дыхания защищать своих детей, погибнуть самой, но спасти их. Она попала в ловушку, подстроенную циничным эсэсовцем из лагерной охраны, — дьявол совратил ангела.

После того как Софи прикоснулась к самому страшному воспоминанию своей жизни, у нее не осталось сил жить дальше. На следующий день, приняв цианистый калий, они с Натаном ушли из жизни.

Бывают документальные фильмы, в которых объект наблюдения настолько отдается собственным воспоминаниям, что забывает о наблюдающей за ним камерой. Точно такое же ощущение оставляет и игра Мерил Стрип. Ее погружение в образ Софи было настолько глубоко, что Пакула не побоялся показать ее не просто на крупных, а на сверхкрупных планах — только глаза с безжизненным взглядом ослепшего от страданий человека и рот, из которого вырываются обрывочные, похожие на бред умирающего, звуки.

Материал фильма настолько драматичен, что представляется беспрюграмным для любой актрисы. Но Мерил Стрип не ограничилась возможностями, заложенными в сценарии, а стремилась заострить трактовку образа Софи, найти выразительный внешний рисунок. Она села на строгую диету и похудела на шесть килограммов. Это сразу же сказалось на ее лице, приобретшем сходство с черепом, обтянутым тонкой кожей. Такое ужасное лицо с запавшими щеками и ртом невозможно было бы создать никаким гримом. Когда, покачиваясь на ногах-палочках, прозрачная от истощения Софи бредет по непролазной грязи лагерного двора, это производит такое же угнетающее впечатление, что и документальные съемки концентрационных лагерей. Благодаря своему уникальному актерскому дару Мерил Стрип смогла многократно усилить образ этой трагической героини.

Актриса имела возможность встретиться на съемочной площадке со многими знаменитыми актерами — Дастином Хоффманом, Робертом Редфордом, Роем Шейдером, Джеком Николсоном, Вуди Алленом, Роберто де Ниро, Джином Хэкменом. Но ее дуэт с Кевином Клайном, исполнившим роль Натана, остается непревзойденным.

Для съемок был снят небольшой коттедж в Бруклине. По ходу действия впавший в ярость Натан спускал Софи с лестницы.



Кадр из фильма «Дьяволица», Мэрил Стрип, Эд Бегли



Клайн настолько вошел в образ, что выгнал Мерил за двери собняка, а она, напуганная яростью партнера, стала вопить на всю улицу. Быстро собралась толпа. Один прохожий поинтересовался, почему он избивает бедную женщину. Клайн бросил первую пришедшую в голову фразу: «Потому что она выдала зубную пасту из тюбика с другой стороны». Возмущенная ответом толпа стала угрожающе надвигаться на Клайна, и только тогда он вышел из образа.

За роль Софи Мерил Стрип получила своего второго «Оскара». В 1982 году список претендентов был как никогда представлен. Особенно большую опасность представляла Джессика Лэнг. Между актрисами установилось негласное соперничество, после того как Николсон предпочел выбрать Джессику партнершей в фильме «Почтальон всегда звонит дважды». Жюри приняло соломоново решение. Лэнг получила «Оскар» как актриса второго плана в фильме «Тутси», а Мерил Стрип — главного «Оскара». Отныне во всех журналах ее будут величать суперзвездой. Но особенно польстила ей похвала Уильяма Стайрона — консультанта картины: «Я наблюдал за Мерил Стрип, как она играла Софи. В один миг она создала характер такой жизненности, о котором я даже не мог мечтать, сидя за машинкой. Мне было непросто снова встретиться с моей Софи, теперь уже в облике Мерил». Что может быть лучше этого признания?!

В 1982 году Стрип начала сниматься в фильме «Силквуд», посвященном борьбе профсоюзной активистки, погибшей при таинственных обстоятельствах. К этому времени за Мерил утвердилась репутация непревзойденной исполнительницы тонких, интеллигентных, подверженных рефлексии женщин. Силквуд, простая работница из Техасской глубинки, никак не принадлежала к этой категории. Когда она впервые появляется на экране, вначале даже не осознаешь, что это Мерил Стрип. Небрежная стрижка каштановых волос, короткая, до середины бедра, юбочка, неизменная сигаретка в руке. Держится она развязно и вызывающе, ходит вихляющей, разболтанной походкой. Остра на язык, с него не сходят пошлые шуточки. Однако к финалу ленты от разболтанной девицы не осталось и следа. Превращение далекой от политики женщины в сознательного борца за права рабочих Мерил Стрип показывает настолько тонко и убедительно, с таким обилием психологических деталей, что не чувствуется

ни малейшей натяжки или преувеличения. «Я была очарована характером Кэрен. Она обладала юмором, была немножко сумасшедшей, ну совсем как я сама. Мне нравилось, что уже в сценарии она изображена со множеством слабостей и недостатков. Нечасто приходится играть такой характер», — вспоминала актриса. И она употребила весь свой талант, чтобы раскрыть перед зрителями драму этой женщины.

Поскольку имя Силквуд все еще было на слуху, фильм вызвал большой интерес публики. За первые 12 недель демонстрации его посмотрели 12 миллионов человек. Но самой большой наградой для Мерил явилось приглашение выступить с напутственной речью перед выпускниками Вассара 1983 года. Мало кто из голливудских актрис способен справиться с подобной задачей. Однако Мерил, вспомнив годы, проведенные в Вассаре и Йеле, написала речь, проникнутую гражданским пафосом и социальной мудростью. Вот маленький отрывок из нее:

«Когда я поехала в Калифорнию на церемонию вручения премии «Оскар», мне позвонил отец и сказал: «Если ты там выиграешь, то пусть твоя речь будет короткой и без политики». Но я с ним не согласилась. По мере того как росла моя известность, росла и моя ответственность за судьбы мира. На место стремлению промолчать пришла необходимость требовать от наших руководителей самое лучшее, сохранить условия жизни для моих детей, которые будут жить уже в XXI веке. Другими словами, я не только работаю в кино и на театральной сцене, но также и на той сцене, какой является наше общество».

4 августа 1983 года, через три месяца после выступления в Вассаре, Мерил родила дочку Мэри Уиллу. Едва оправившись от родов, она узнала еще одну приятную новость — городской университет Нью-Йорка присудил ей почетную степень доктора изящных искусств.

Сара Вудраф, Софи Завистовски, Кэрен Силквуд — эти три роли являются лучшими творениями актрисы в кино. Если бы она сыграла только одну из ролей, этого было бы достаточно, чтобы остаться в истории кино. Взойдя на вершину творческой пирамиды, Мерил не испытала чувства самозащиты. Напротив, стремление к расширению творческого диапазона стало неотъемлемой потребностью ее неуспокоенной натуры. Одной из сенсаций Бродвея в конце 70-х годов стал спектакль Джозефа Паппа «Алиса в стране чудес» по знаменитой книге Льюиса Кэрролла. Зрители стонали от восторга, видя, как Мерил резвилась на сцене, изображая маленькую девочку. Впер-

вые этот спектакль появился на Бродвее в 1978 году, но слава о нем продолжала жить, превращаясь в легенду. В 1983 году Папп возобновил спектакль, и в том же году он был заснят для телевидения с Мерил в роли Алисы. Однако больше всего в этот период повального триумфа Мерил хотелось сыграть в фильме о любви. Она дала наказ своим агентам, и вскоре они нашли сценарий, который так и назывался «Влюбленные». Ее партнером стал Роберт Де Ниро, с которым они снимались в фильме «Охотник на оленей».

День за днем Молли и Фрэнк ездят на работу в одной электричке, но не замечают друг друга, пока однажды, в самый канун Рождества, не сталкиваются в дверях роскошного книжного магазина. Летят на пол рождественские подарки. Подбирая их, герои знакомятся, влюбляются друг в друга. Молли замужем, но после смерти дочери между ней и мужем нет прежней теплоты. У Фрэнка двое сыновей и темпераментная жена итальянка, но их отношения дошли до такой точки, когда хочется начать все сначала. Вот главная причина, толкнувшая героев друг к другу.

Мерил играет милую, нежную, очень чувствительную, чуть старомодную женщину. Она проста и незатейлива, невероятно честна, и хотя разлюбила мужа, чувство порядочности не позволяет изменить ему. Когда они с Фрэнком приходят на тайное свидание и он страстно целует ее, она начинает испуленно рыдать.

Тот, кто хочет составить наиболее точное представление о личности Мерил Стрип, должен непременно посмотреть этот фильм. Многие его сцены снимались на Манхэттене, в непосредственной близости от дома Мерил, расположенного на западной стороне Центрального парка. Ее героиня ходит теми же маршрутами, которыми привыкла ходить Мерил Стрип, спеша в театр или по делам своего многочисленного семейства. Да и реплики, которыми обмениваются герои, навеяны реальностью современной нью-йоркской жизни. Режиссер Улу Гросбард не мешал актерам шлифовать диалог, примерять его к себе. Однажды Мерил, вполне вжившись в образ своей чуть старомодной героини, воскликнула: «Нет, нет, я не могу с вами пообедать! Я замужем!» На что Де Ниро с удивлением заметил: «А разве замужние не обедают?» Этот небольшой, возникший по ходу действия диалог затем вошел в фильм.

Зрители, однако, были разочарованы. Зная, что Стрип и Де Ниро всегда играют роли с двойным дном, они ждали поворота событий. Однако логика действия «Влюблен-

ных» совершенно непритязательна — встретились, полюбили, разлучились, встретились снова, чтобы уже никогда не расставаться.

Возможность предстать в образе необыкновенной женщины представилась Мерил Стрип очень скоро, когда она начала сниматься в фильме «Изобилие» (1984, реж. Ф. Скепси). Молоденькой девушкой ее героиня Сьюзен Трахерн принимала участие во второй мировой войне. Как резидент английского Сопrotивления на территории Франции она встречала английских парашютистов и помогала им перебраться вглубь французской территории. Ощущение риска, опасности идеально соответствовало ее деятельной, сильной натуре. А вот к мирной жизни она приспособилась с трудом. Ее не устраивала ни конторская работа, ни служба по устройству церемоний, ни телевидение. Однажды ею овладевает идея родить ребенка. И когда молодой человек, которого она выбрала в отцы, предлагает ей руку и сердце, она в гневе пытается застрелить его. Наконец она выходит замуж за молодого дипломата Раймонда Брока и фактически губит его карьеру. Как наваждение, ее преследует образ молодого парашютиста Лазара, ставшего символом героических военных дней. Они встречаются в самом конце фильма. Лазар, невзрачный человек, совсем не похож на героя войны. Да и сама Сьюзен кажется жалкой развалиной. Накурившись марихуаны, она забывается тяжелым сном. Собрав пожитки, Лазар потихоньку покидает подругу.

Но режиссер не хочет обрывать действие на этой безнадежной ноте. Оно возвращается назад к военным дням. Сьюзен, юная участница Сопrotивления, с восторгом приветствует победу. Старик француз, который доит неподалеку козу, удивлен столь бурным проявлением чувств. «Обычно англичане прячут свои чувства», — усмехается он. «Но ведь это глупо — прятать чувства. Хочется, чтобы в жизни было больше таких дней», — с энтузиазмом восклицает Сьюзен. Этот небольшой диалог может служить ключом к пониманию образа героини. Ей трудно жить в обществе, привыкшем прятать свои чувства. Стремление остаться самой собой, сохранить верность идеалам военного времени неизбежно приводит ее к бунту против современного общества.

Никогда прежде Мерил Стрип не доводилось создавать характер более колючий и неприятный. Взять ту же историю с Майком. Взгляд Сьюзен цепенеет, когда она слышит предложение выйти за него замуж. Нежный румянец сбегает с лица. Жестом сомнамбулы она вытаскивает из сумочки пистолет и стреляет прямо в голову не-

задачливому жениху. Лишь быстрая реакция спасает того от неминуемой гибели. Какая презрительная улыбка блуждает по ее лицу, когда она готовит обед для Раймонда Брока! И когда тот принимается за еду, Сьюзен с гримасой отвращения садится в отдалении и начинает чистить пистолет. Тем не менее сама Мерил Стрип была очарована своей героиней. «Мне нравится ее бескомпромиссность в выражении чувств, ее идеализм. Несмотря ни на что, она сохранила чистоту помыслов. Она как подросток, хотя дожила до среднего возраста. Мы знаем множество героев, которые вели себя подобным образом. Необычным является лишь то, что это — женщина».

Мерил понимала, что с прокатом фильма будут большие проблемы, и потому выразила желание встретиться с журналистами и даже позволила нескольким крупным еженедельникам сделать репортажи о своей семье, хотя всегда оберегала личную жизнь от посторонних взглядов. Но это не помогло, фильм провалился в прокате, и прежде всего в Англии. Как считал Дэвид Хэр, автор пьесы, по которой снят фильм, это случилось потому, что «во времена тэтчеризма идеалы военного времени оказались выброшенными за борт». Но дело, думается, не только в этом. Несмотря на все старания Ф. Скепси, его фильм напоминает заснятый на пленку театральный спектакль и в этом проигрывает даже такой неприязнательной ленте, как «Влюбленные». Ведь в ней чувствовалось дыхание настоящей жизни, подсмотренной добрым, а порой и насмешливым взглядом.

Не секрет, что чаще всего зрители направляются в кинотеатры, чтобы отдохнуть, расслабиться, насладиться зрелищем далекой экзотической жизни. Фильм «Из Африки» (1984, С. Поллак), съемки которого проходили в Кении, идеально соответствовал этому типу увлечения. И это одна из причин, почему «Изобилие» провалилось в прокате, а лента «Из Африки» стала фаворитом зрителей.

В основе фильма — жизнеописание популярной в начале XX века писательницы Карен Бликсен (выступала под псевдонимом Исаак Динессен), прославившейся описанием красот африканского континента. Ее жизнь была настолько увлекательна и драматична, что без труда вписалась в структуру захватывающего приключенческого фильма.

Карен провела в Африке пять лет. Это были трудные годы. Она перенесла тяжелейшую болезнь, которая лишила ее возможности иметь детей, заложила кофейную плантацию, первый урожай которой сторел

в пламени пожара. Развелась со своим легкомысленным мужем Брором. Полюбила охотника Дениса Хаттона, который разбился на самолете. В конце концов она потеряла все свое состояние и вернулась в Данию нищей. Словом, ее жизнь в Африке не была простой, но эти годы стали самыми счастливыми в ее жизни.

Чего хотела Карен, когда была совсем молоденькой девушкой? Быть счастливой, иметь семью. Но мужчины, которых она любила, предпочитали семейной жизни волю и опасные приключения, а другие ей были неинтересны. Долгими вечерами, сидя в одиночестве на своей ферме в Кении, Карен начала записывать истории, которые знала во множестве. Так началась ее писательская деятельность.

По свидетельству биографов — а жизни Карен Бликсен посвящено несколько книг, — она не была красавицей, но обладала особой утонченностью. Весь облик этой хрупкой женщины с лихорадочным румянцем на высоких скулах идеально соответствовал декадентскому идеалу, утвердившемуся в европейской культуре на стыке двух веков. Когда Карен в сопровождении своей борзой появляется на вокзале в Найроби, трудно поверить, что она сможет перенести тяготы африканской жизни. Но эта женщина с узкими плечами и кулачком, всегда прижатым к груди, преодолет все выпавшие на ее долю испытания.

Соприкосновение с магическим миром далекого континента раскрыло в ее личности свойства воистину героические. Однажды Карен была вынуждена отправиться в долгий поход по африканской саванне, чтобы доставить провиант отряду Брора. На первом ночном привале она без сна ворочается в палатке, растревоженная звуками саванны, а потом с виноватой улыбкой устраивается у костра рядом с неграми. Утром ее будит страшный рев. Двое львов рвут беззащитного буйвола. Негры бросаются врассыпную. Карен оказывается наедине с хищниками. Она стоит перед ними, сжимая в руке кнут. Вероятно, она потеряла всякое представление о реальности, когда когтистая лапа вонзилась в ее хрупкое плечо, и продолжала хлестать львов, пока те, поджав хвост, не убрались восвояси. С тех пор страх перед таинственной и опасной жизнью покинул Карен, на смену ему пришло страстное желание понять этот загадочный континент.

«Из Африки» — ностальгическая греза о безвозвратно ушедших в прошлое временах, когда человек и природа существовали в неразрывном единстве. Это целостное впечатление возникает во многом бла-



Кадр из фильма «Почтовые открытки с края пропасти»

годаря тому, что актеры здесь не просто играют свои роли на фоне прекрасного африканского пейзажа, а живут своими образами, освещая экран подлинностью переживаемых ими чувств.

В этом фильме Мерил Стрип впервые встретила на съемочной площадке с одним из самых знаменитых героев-любовников Голливуда Робертом Редфордом. Она слышала о нем немало скептических замечаний, однако после нескольких месяцев съемок преисполнилась к нему глубокого доверия. Необъяснимое умиротворение царит на экране, когда они появляются в кадре вместе. На берегу ручья Денис моет Карен голову. Сидя в шатре, раскинутом среди саванны, они слушают оперные арии, наблюдают проделки проказливых мартышек, заинтересовавшихся играющим патефоном. Соревнуются в стрельбе. Просто сидят обнявшись на фоне закатного неба. Какая-то неуловимая дымка окутывает изображение, а чуть замедленный ритм повествования ясно свидетельствует, что это не само действие, а воспоминание о нем, живущее в памяти человека, которому не сужде-

но вернуться в прошлое. И как настоящий прорыв в мечту, смотрятся кадры, в которых Карен и Денис поднимаются в воздух на маленьком самолете. Они летят навстречу закатному солнцу, которое окрашивает небо в фантастические краски. Воспоминание о теплом африканском солнце греет душу Карен Бликсен, когда долгими вечерами она сидела у камина в своем доме на севере Дании.

Биографии ведущих актеров недвусмысленно свидетельствуют, что высшая актерская доблесть проявляется не только в том, чтобы увлечь зрителей своей игрой, но и уметь стать при этом органической частью актерского ансамбля. Чувство ансамбля у Мерил Стрип в крови. Здесь проявляется ее солидная театральная подготовка. Рассказывая о лучших работах актрисы в кино, необходимо вспомнить и ее партнеров. Потому что она живет в них, раскрывается с их помощью так же явственно, как и с помощью своего таланта. Особенно органично этот дар проявился в фильме «Из Африки», где встретились суперзвезды Голливуда и актеры-любители,

представляющие на экране племя кекуев. Ключевой фигурой, связавшей воедино эти два разных мира, как раз и является героиня Мерил Стрип. Она виртуозно соединяет в своем исполнении возвышенный романтический стиль и реалистически достоверную манеру исполнения, не забывая придать своей игре оттенок меланхолии. В чем, безусловно, помогает ей удивительно выразительный гибкий голос.

Карен Бликсен была датчанкой, жившей в английской колонии. Мерил Стрип вновь пришлось приложить усилия, чтобы сообщить своему английскому некоторую шероховатость иностранной речи. Датский акцент придает обаяние и мелодичность ее голосу, особенно в той фразе, которая повторяется в действии как рефрен: «У меня была ферма в Африке». Произносимая с неизъяснимой печалью и тоской, она является паролем, открывающим зрителям доступ к магическому миру фильма.

Как и ее героиня, Мерил Стрип была очарована Африкой. «Когда я снималась в этом фильме, то была покорена чудесной африканской природой, зверями, погодой, шумами, запахами. Мысль о том, что мои дети должны расти в жестоком бетонном мире Нью-Йорка, повергла меня в глубокую печаль. И тогда я решила купить ферму возле небольшого озера в Коннектикуте и завела лошадей, чтобы мои дети имели возможность хоть как-то общаться с этим трепетным миром».

Желание еще раз пережить это незабываемое чувство единения с девственной природой побудило Мерил Стрип согласиться на роль в австралийском фильме «Крик в темноте», тем более что в основу сценария легло подлинное происшествие, потрясшее Австралию в начале 80-х годов. Во время пикника был похищен ребенок Чемберленов, семьи священника адвентистской церкви. Предполагалось, что его унесла дикая собака динго. Однако следователям удалось доказать, что ребенка убила его мать Мэри Чемберлен. Женщина попала в тюрьму. Вскоре под грузом неопровержимых улик дело было пересмотрено, и через четыре года Мэри вернулась из тюрьмы домой.

Когда Мерил прочитала сценарий, то была покорена волей, собранностью и решимостью героини. Она понимает, что ребенка не вернуть. На смену скорби приходит желание понять, каким образом собака расправилась с девочкой. Рассудительность и достоинство, с которым Мэри реагирует на события, вызывает глубокое возмущение окружающих. Они сходятся во мнении, что только убийца может с та-

кой холодностью относиться к гибели близкого существа. Поняв, что она приговорена обществом к тюрьме, Мэри предлагает мужу зачать нового ребенка, коль скоро Господь забрал у них малышку. Их третий ребенок родился в неволе.

Словом, Мерил Стрип играет бестрепетную героиню, но бестрепетность как раз и не свойственна ее натуре. Особенно привлекательна она в ролях, которые дают возможность показать игру чувств, раскрыть тонкость и женственность. Каждая ее героиня имеет свою загадку или тайну, и постепенное приближение к ней помогает создать увлекательный характер. Казалось бы, в истории Мэри Чемберлен тоже есть тайна. Окружающие убеждены, что она убила ребенка во время черной мессы, и даже находят кровь в автомобиле. Однако тайны нет никакой. Мэри — проста, чиста и бесхитростна, а кровь в автомобиле оказалась обыкновенной краской. Мерил уже приходилось играть бестрепетных героинь, например, в фильме Вуди Аллена «Манхэттен», и она осталась довольна своей работой.

К тому же внешний облик Мерил Стрип был смоделирован крайне неудачно. Мэри Чемберлен — мать троих детей. Она привыкла споро и быстро управляться с домашними делами — мыть, гладить, готовить. Семья — ее главная забота. О себе эта женщина не привыкла заботиться. Мешковатые платья, белые, аккуратно натянутые носки, ровно подстриженные под пажа черные волосы не придают ей обаяния. Естественно, создатели фильма стремились выявить в облике актрисы сходство с реальной Мэри Чемберлен, которая здравствует и поныне, живя в мире и согласии с мужем и тремя детьми. Но, наверно, в данном случае было бы лучше пригласить другую актрису. Тем не менее жюри Каннского фестиваля 1989 года очень высоко оценило работу Мерил Стрип и присудило ей премию за исполнение женской роли в фильме «Крик в темноте». Но, думается, эту награду нужно рассматривать как запоздалый знак признания европейцами мастерства актрисы № 1 американского кино.

Чем удивительна Мерил Стрип? Даже зная все особенности ее творческой манеры, нельзя со всей определенностью прогнозировать, какой будет ее следующая роль. Настоящим сюрпризом для всех явился фильм «Чертополох», в котором она снялась в перерыве между поездками в Африку и Австралию.

Действие «Чертополоха» происходит во времена великой депрессии, когда тысячи

американцев скитались по Америке в поисках работы. В маленький городок штата Олбани забредает бродяга Фрэнк, ушедший из этого городка много лет назад и оставивший здесь свою семью. Вокруг его сложных отношений с близкими и строится действие фильма.

У Фрэнка есть подружка Элен Арчер (Мерил Стрип). Когда-то она была превосходной пианисткой, много гастролировала, а потом пристрастилась к спиртному, опустилась, стала жалкой бродяжкой. Видимо, и по отношению к роли Элен Арчер не удастся избежать слова «самая», ибо Элен Арчер не только самая неприкаянная, но и самая непривлекательная героиня Мерил Стрип. Когда она появляется на экране, ковьяля на деревянных ногах-ходулях, вначале даже не понимаешь, что это Мерил Стрип. На лоб натянута старая малиновая шляпка, из-под которой торчит длинный красный нос. Воспаленные, набрякшие веки почти закрывают маленькие глазки. С немытого личика не сходит легкая гримаска боли. Всей своей поведкой она напоминает озябшую птичку, которая не знает, куда ей деваться от холода и дождя.

Творческому стилю Эктора Бабенко чужда романтизация. Он не верит в возможность преобразования таких людей и не любит хеппи энда. Когда его героиня усаживается за рояль и начинает играть, чужда не происходит.— никакая музыка не может согнать с этого чумазога, уродливого личика туповато-дурашливую, болезненную гримаску. Правда, на один миг Бабенко все же дает возможность увидеть Элен такой, какой она могла быть, если бы не пала так низко. С компанией бродяг Элен забредает в бар, где звучит красивая мелодия. Ноги сами несут ее к сцене. С трудом взобравшись на нее, она затягивает песню «Я люблю этого парня». Ее чистый, нежный голос заполняет пространство бара, вызывая улыбку на лицах посетителей. Фрэнк победно оглядывает зал. Но этот эпизод, возникший скорее как греза Фрэнка, мгновенно сменяется другим — жестко реалистическим. На сцене стоит пьяненькая бродяжка и надтреснутым голосом пытается прохрипеть какую-то мелодию. Зрители смотрят на певицу сначала с недоумением, а потом и с неприкрытой злостью. Элен спускается в зал и, подволакивая ногу, ковьялет к своему Фрэнку, единственному в этом зале поклоннику ее погибшего таланта.

Удивительно отнюдь не то, что голливудская звезда согласилась сняться в такой неприглядной роли, а та достоверность,

с которой она показала жизнь этой отверженной. Элен в исполнении Мерил Стрип — существо опустившееся, но не ожесточившееся, и это придает особую человечность созданному ею образу.

«Чертополох» — фильм Джека Николсона, но благодаря самоотверженной игре Мерил Стрип ее героиня заняла в нем далеко не последнее место. Она настолько прониклась драматичной судьбой своей героини, что в последней сцене — смерти бродяжки — впадала в коматозное состояние, чем изрядно напугала съемочную группу и прежде всего режиссера Эктора Бабенко.

За роль Элен Арчер Мерил Стрип получила приз нью-йоркской критики как лучшая исполнительница года. Принимая награду, она расплакалась: «Никак не могу привыкнуть к этому», — сказала она, шмыгая носом, к великому удовольствию журналистов.

Мерил Стрип имеет не только страстных поклонников, готовых увенчать призами каждый ее новый фильм, но и не менее яростных противников. К их числу принадлежит самый авторитетный критик Америки Полин Кейл. «Ее способность вызывать у зрителей поток слез действует на нервы. Я желаю ей, чтобы она помогала нам больше смеяться и меньше плакать», — сердито заметила она после появления на экранах картины «Из Африки». Мерил с удовольствием подняла перчатку, брошенную критиком, и даже была благодарна Полин Кейл, что та во всеуслышание объявила то, о чем она сама не раз думала. Мерил всегда хотела играть в комедии, но судьбе было угодно пестовать ее драматический талант.

Ее первым приобщением к комедийному жанру стала картина «Ревность». Она пользовалась грандиозным успехом у женщин и полным невниманием со стороны мужчин. Для режиссера Сьюзен Сейдельман это стало веским основанием, чтобы пригласить Мерил Стрип для участия в фильме «Дьяволица», городской комедии, в которой идет речь о бунте женщин против власти мужа.

Подчеркнем сразу, что прозвище «дьяволица» относится не к героине Мерил Стрип. Так в сердцах называет свою мстительную супругу Рут бухгалтер Боб Патчет. Ища прибежища от ее злокозненной, разрушительной натуры, он оказывается в объятиях ангелоподобной, к тому же весьма состоятельной писательницы Мэри Фишер. Ее роль как раз и исполняет Мерил Стрип.

Сценарий писался в расчете на популярную звезду американского телевидения Розанну Бэр. Необъятных размеров, курносыя,

с заплывшими от жира глазками, она создала на телеэкране образ неуклюжей домохозяйки, превратившейся в агрессивного монстра. Ее соперница Мэри Фишер олицетворяет качества, которых не доставало толстухе Рут, — блеск, светскость, богатство. И вот этих женщин судьбе угодно было сделать соперницами в борьбе за любовь заурядного бухгалтера Боба Патчета. И если в первом раунде этой борьбы победа останется за Мэри Фишер, второй она проиграет вчистую. Более того, поставленная перед необходимостью вести хозяйство и воспитывать детей Боба, она теряет свое великолепие и творческое воображение. И в результате ветреный Боб позволяет увлечь себя смазливой секретарше, подосланной к нему мстительной Рут.

Мерил Стрип неоднократно доказывала, что ей нет равных там, где нужно создать характер тонкий и трепетный, обнажить перед зрителями самую сердцевину трагических переживаний. В таких работах яснее всего проступает особенность ее творческого стиля — нервного, порывистого, основанного на игре чувств. В «Дьяволице» сама эстетика фильма заставляла актрису играть подчеркнуто шаржированно, без того углубления в суть образа, которое всегда составляло главное достоинство ее кинематографических работ.

Это не значит, что Мерил не дается комедия, но это должна быть комедия особого рода, которую лучше было бы назвать трагикомедией, а еще лучше — драмой с элементами сарказма. Именно в таком жанре поставил фильм «Картинки с края пропасти» (1990) один из любимых режиссеров Мерил Стрип Майк Николс. Это фильм о Голливуде, о неврозгах, которые преследуют актеров, об их бесправии перед волей продюсеров, о тяжелом актерском хлебе, о приверженности алкоголю и наркотикам. «На завтрак — джин, на обед — кокаин, на ужин — валиум». Эта шуточка имеет в Голливуде широкое хождение.

Героини фильма — две актрисы, мать и дочь. Мать, Дорис Мэн, алкоголичка, привыкшая с помощью виски снимать творческое напряжение. Ее дочь Сьюзен Вэл — наркоманка, кокаином глушит неуверенность в себе, пока однажды не оказывается в больнице. Там ее навещает мать. Но вместо приличествующих моменту слов сочувствия и сострадания мать разражается истерикой, чем окончательно выбивает дочь из колеи. Да, мать и дочь отнюдь не родственные души, в чем можно убедиться довольно скоро.

Дорис устраивает грандиозную вечеринку по поводу выхода дочери из клиники для

наркоманов. Едва переступив порог, Сьюзен попадает на шумное сборище. Не успевает она перевести дух, как мать заставляет ее петь. На лице Сьюзен мелькает смятение, когда она исподтишка оглядывает зал. Кажется, что мы даже слышим бешеный стук ее сердца, когда, подталкиваемая матерью, она идет к роялю и затем, повернувшись к зрителям спиной, пытается подстроиться под аккомпанемент. В этом вся Сьюзен, с ее неуверенностью в себе, страхом перед зрителями, перед матерью, перед будущим. Наконец она все же берет себя в руки и благополучно завершает песню под искренние аплодисменты зрителей.

Было известно, что Мерил Стрип обладает прекрасным голосом. Но подлинным сюрпризом явилось то, что она умеет петь с такой самоотдачей и проникновением в музыку. Разгоряченная прекрасной песней, Сьюзен кажется неотразимо привлекательной. Это замечают все, кто привык видеть ее понуро слоняющейся по студии. Зрители не хотят отпускать Сьюзен. И она, заражаясь энтузиазмом ею самой воспламенной аудитории, продолжает петь дальше, увлекая всех своим голосом, талантом, пластичностью. В последнем кадре фильма мы видим Сьюзен, в душевном порыве протянувшую руки к своим зрителям. И то, что Майк Николс счел необходимым завершить фильм этой замечательной сценой, является важным эмоциональным штрихом не только в истории Сьюзен Вэл, но и самой Мерил Стрип, совершившей с помощью этого фильма прорыв в одну из самых трудных сфер шоу-бизнеса. Несколько лет назад актриса должна была выступить в киномюзикле «Эвита». Жаль, что замысел не был доведен до конца. Музыкальный талант Мерил Стрип может принести зрителям немало радости.

В 80-е годы среди американских актрис была в ходу такая присказка: «Каждый год в Голливуде бывает лишь парочка хороших ролей, и те достаются Мерил Стрип». Действительно, ни одна из современных актрис не имеет за плечами столько выдающихся ролей. Девять выдвижений на премию «Оскар» и два «Оскара» говорят сами за себя. Впрочем, награда могло быть больше. При их распределении принимаются в расчет не только творческие основания, но и множество других, околохудожественных причин. Была ли права Американская Академия киноискусства, когда увенчала наградой Кэтрин Хепберн в фильме «У золотого озера», а не Мерил Стрип с ее лучшей ролью Сары Вудраф? Правильно ли поступила Академия, предпочтя Мерил Стрип



вующие формированию феномена Мерил Стрип как выдающегося явления современного кино. С самых первых шагов в искусстве она начала отдавать предпочтение образам женщин, стремящихся найти свое место в жизни. Иметь возможность самой определять собственную судьбу. Грандиозная битва, развернувшаяся вокруг образа Джоанны в фильме «Кramer против Крамера», наглядно выявила мировоззренческую позицию актрисы, ее нацеленность на реалистическое изображение проблем современных женщин. ярко выраженная феминистская направленность сыгранных ролей обеспечила Мерил Стрип симпатии женской аудитории. Не могла не вызвать уважения и безупречная личная жизнь актрисы. Как бы ни старались журналисты бульварной прессы, она не дала им ни единого повода использовать свое имя. А досужие домыслы, все же порой появлявшиеся, погибали, едва успев родиться. В 1991 году вместе с первой леди Америки Барбарой Буш Мерил Стрип была провозглашена «Лучшей матерью Америки». В том, что семья Стрип счастлива, огромная заслуга актрисы, мужественно защищающей своих близких от досужего интереса публики и прессы. Недавно на свет появился ее четвертый ребенок.

#### Кадр из фильма «Влюбленные»

(«Из Африки») чернокожую актрису Вупи Голдберг («Цвет лиловый»)? Наверно, у нее были веские основания. Сама Мерил Стрип была по-настоящему расстроена лишь однажды, когда «Оскар» ушел к Ширли Маклайн («Слова нежности»), а фильм «Силквуд», которому она отдала столько сил, остался без премий.

Безусловно, число «Оскаров» влияет на общественный престиж актера, но не является мериллом его таланта. Во всяком случае, никто не попытался поставить под сомнение авторитет Мерил Стрип как актрисы № 1 американского кино.

Сказать об уникальной одаренности Мерил Стрип значит не сказать ничего. А ведь дело заключается не только в том, что она обладает поразительной способностью в считанные доли секунды становиться тем персонажем, роль которого исполняет, обладает выразительной мимикой, чудесным голосом, фотогенична. Феномен Мерил Стрип — счастливое сочетание множества качеств, которые делают ее выдающейся актрисой.

Существуют другие причины, способст-

вующие формированию феномена Мерил Стрип как выдающегося явления современного кино. С самых первых шагов в искусстве она начала отдавать предпочтение образам женщин, стремящихся найти свое место в жизни. Иметь возможность самой определять собственную судьбу. Грандиозная битва, развернувшаяся вокруг образа Джоанны в фильме «Кramer против Крамера», наглядно выявила мировоззренческую позицию актрисы, ее нацеленность на реалистическое изображение проблем современных женщин. ярко выраженная феминистская направленность сыгранных ролей обеспечила Мерил Стрип симпатии женской аудитории. Не могла не вызвать уважения и безупречная личная жизнь актрисы. Как бы ни старались журналисты бульварной прессы, она не дала им ни единого повода использовать свое имя. А досужие домыслы, все же порой появлявшиеся, погибали, едва успев родиться. В 1991 году вместе с первой леди Америки Барбарой Буш Мерил Стрип была провозглашена «Лучшей матерью Америки». В том, что семья Стрип счастлива, огромная заслуга актрисы, мужественно защищающей своих близких от досужего интереса публики и прессы. Недавно на свет появился ее четвертый ребенок.

Несмотря на славу и достигнутое материальное благополучие (предполагается, что за двенадцать лет работы в кино Мерил Стрип заработала около 10 миллионов долларов), она не потеряла энтузиазма по отношению к кинематографу. Дастин Хоффман, с которым она пережила на площадке немало неприятных минут, вспоминал позднее: «Порой я ненавижу все ее штучки, но не мог не уважать. Она борется не за себя, а за своих героинь и не успокаивается, пока не одерживает победу». Такой Мерил Стрип остается до сих пор. Борьба за целостность воплощения образа всегда стоит в центре ее актерских устремлений.

В том типе кино, с которым связала свою судьбу актриса, ценится не внешняя эффектность действия, а тонкая игра чувств, психологически достоверная, порой неожиданная трактовка образа. Роберт Де Ниро, дважды встречавшийся с актрисой на съемочной площадке, сказал: «Игра Мерил Стрип полна сюрпризов. Для меня она крупнейшая актриса нашего времени». Громкая похвала, но, по-видимому, справедливая.



---

В ближайших номерах журнала читайте:

---

### **СЦЕНАРИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ**

**Никита Михалков, Рустам Ибрагимбеков «Сибирский цирюльник»** — продолжение киноромана.

**Эдуард Тополь «Красная площадь»** — окончание сценария

**Юрий Арабов «Юные годы Данта»** — кинороман

**Александр Бородянский, Карен Шахназаров «Сны»** — сценарий комедии

**Рустам Хамдамов «Анна Карамзофф»** — сценарий

**Пьер-Паоло Пазолини «Птицы большие и малые»** — сценарий

**Пол Шредер «Таксист»** — сценарий фильма Мартина Скорсезе, в котором Роберто де Ниро сыграл главную роль.

**Сценарии из классики мирового кинематографа Ингмара Бергмана, Жана Люка Годара, Лукино Висконти, Федерико Феллини и другие.**

### **СЦЕНАРИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ**

**«Рудольф Нуриев как он есть»** — сценарий биографического фильма о великом танцоре

**Софи Лорен** — сценарий автобиографического фильма актрисы.

**Александр Миндадзе, Ираклий Квирикадзе, Эфраим Севела, Валерий Залотуха, Анатолий Усов и другие** — заявки-победители первого русско-немецкого конкурса «Приз Эйзенштейна», организованного фирмой «Партнерство Скриба и Дайле», с последующей публикацией сценариев.

### **И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ**

**Интервью с отечественными и зарубежными кинодраматургами, в частности с Полом Шредером, отцом и сыном — Анатолием Гребневым и Александром Миндадзе, с Юрием Арабовым и др.;**

**«Дождь это просто дождь»** — интервью с Андреем Тарковским;

**«Ив Монтан, которого вы не знаете»** — воспоминания и строки из писем и дневников;

**«Актриса с даром быстрого перевоплощения»** — об американской кинозвезде Дженифер Джейсон Ли, выдвинутой на премию «Оскар»;

**Короткие рассказы кинематографистов.**

**Интервью с великим итальянским комиком Тото.**

**Под рубрикой «В мире кинобизнеса»** продолжаем публикацию обзора американских учебников сценарного мастерства, составленного Александром Червинским **«Как хорошо продать хороший сценарий»** — журнальный вариант.

# КАК ХОРОШО ПРОДАТЬ ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ

## Обзор американских учебников сценарного мастерства, составленный Александром Червинским

Нерушимое правило драматургии гласит:  
В драматургии нет нерушимых правил.

*Джордж Бернард Шоу*

**В**ообще-то, эту книжку вполне можно считать пособием «Как заработать миллион». Ведь она про то, как в Америке пишут киносценарии, а гонораром в миллион долларов за сценарий в Голливуде уже никого не удивишь. Напишите 200 страничек (это их размер сценария) и пожалуйте в кассу.

Не всем платят миллион за сценарий, но, бывает, миллион обламывается — и не только знаменитым сценаристам, но и начинающим. Миллион за две сотни страничек неплотного текста — совсем недурно. А если и меньше миллиона, тоже неплохо. Сегодня минимальная плата по правилам ихней Гильдии киносценаристов — 50 000 долларов! Стоит попробовать накатать эти 200 страничек, разве нет?

Вот американцы и пробуют накатать. Очень многие пробуют. Писание сценариев у них прямо-таки национальный вид спорта. Сотни тысяч американцев пишут сценарии и бомбардируют ими студии и публикуют заявки за свой счет в сборниках «Продюсерс дайджест» — вдруг какой-нибудь продюсер, режиссер или звезда прочтут и клюнут на гениальную идею. И бывает, клюют. Но чаще не клюют.

Чаще всего эти заявки и сценарии до продюсеров, режиссеров и звезд не доходят. Потому что даже гениально задуманный сценарий никто не будет читать, если он не написан профессионально. Или непрофессионально продается. Попытка непрофессионально работать в кинобизнесе — пустая трата времени. Поэтому американцы поумнее, с детства знающие, что время — деньги, учатся писать и продавать сценарии профессионально.

Они там верят, что у этого дела есть свои правила, приемы и им можно обучиться. А мы

не верим. Поэтому в Америке есть много мест, где учат сценарному мастерству — около двух сотен, а у нас — раз-два и обчелся. Поэтому там издают учебники по этому делу, у нас не издают. Этот будет первый.

Американские сценарные учебники написаны очень разными авторами — профессиональными драматургами или учителями, которые ноу хау, но сами в жизни ни одного сценария не написали. Авторы разные, и идеи — как писать — у них разные. Но самое удивительное, что не слишком они разные. Общего в этих книжках больше, чем различий.

Поэтому я, профессиональный драматург, всю жизнь писавший сценарии наугад, безо всяких правил, теперь, прочитав эти книжки, знаю — я потерял массу времени зря на интуитивные поиски давно известных приемов сценарного творчества. Правила есть, и научить им можно. Причем наука писания сценариев излагается в этих американских книжках, как в прочих их учебниках, очень доходчиво — шаг за шагом. Степ бай степ. Чтоб каждый понял. И гений, и не очень.

Вот я и решил изложить на русском языке эти американские идеи — взяв из книжек общее и пересказав степ бай степ.

Мне кажется, это будет полезное чтение и для профессионалов, и для тех, кто просто хочет заработать миллион.

*Александр Червинский*

## МОЖНО ЛИ ЭТОМУ НАУЧИТЬСЯ?

У разных людей желание написать сценарий возникает по-разному. Одни смотрят телевизор и думают: я бы мог сочинить и получше. Другие, забывшись в темноте кинозала, мечтают: если уж не получилось стать артистом — хоть каким-то образом иметь отношение к происходящему на экране — к этому волшебству, всемогуществу, славе и богатству. Третьи хотят испытать боль и чудо творчества — борьбу с чистым листом бумаги в попытке записать словами свое, заветное так, чтоб это стало интересно миллионам.

Вот так, каждый по-своему принимает решение попробовать. И тут же пугается и сам себя останавливает, не верит в успех.

Причины, по которым начинающий не верит в успех, всегда одни и те же.

Первая причина. Кому нужен еще один писака?

Вторая. Научиться творчеству невозможно.

Третья. Все зависит от знакомств, а не от моего таланта.

Четвертая. Напишу — а они украдут.

Пятая. Если даже я напишу и продам сценарий, они его изуродуют.

Шестая. Никогда не угадаешь, что им нужно.

Седьмая. Все, что им там требуется, — это идиотские комедии, секс и насилие.

Восьмая. Они заключают договоры только с известными сценаристами.

Девятая. Я же в глубине души знаю, что я бездарен...

Узнаете? Наверняка вы нашли здесь парочку или больше своих собственных сомнений и страхов, да? Поэтому вы или сразу прощаетесь с идеей писать сценарий, или решаете кинуться в эту авантюру наугад — все равно никаких гарантий успеха нет.

А тут еще и проблемы коммерции. Ведь они там все думают, КАК ПОТОМ ПРОДАТЬ ФИЛЬМ. Вот вы и решаете плюнуть на коммерцию и писать для себя или, наоборот, плюнуть на высокое искусство и просто зарабатывать деньги.

Так вот, все это — ерунда.

Вместо этого десятка неконструктивных мифов учебники предлагают начинающему сценаристу десятку конструктивных соображений, в справедливости которых авторов убедил многолетний опыт работы в американском кино. Вот эти соображения:

1. Цель сделать профессиональным сценаристом вполне достижима, при условии, что ПРОЦЕСС ПИСАНИЯ доставляет вам удовольствие.

Многие хотят написать сценарий. Важно хотеть писать сценарий. Улавливаете разницу? Это важная оговорка. Только если вам мила ежедневная рутина процесса бесконечного переписывания, только тогда последует награда в виде денег, славы и успеха. Но если вы полностью сосредоточены на идее написать сценарий и ухватить вашу долю денег, славы и успеха, оно может и не получиться. В любом случае, успех будет не таким блестящим, как вы ожидали.

2. Давным-давно доказано — мы все обладаем даром творчества. Ваша задача — не научиться творить, а научиться стимулировать ваши собственные творческие возможности. В этой книжке содержатся почерпнутые из разных американских учебников способы и приемы выявления, развития и «подталкивания» вашего творческого дара и сосредоточения его на сценарном творчестве.

3. Неважно, какая сверхсовременная технология будет использована при создании фильма, неважно, какие наиболее популярные звезды или режиссеры будут делать его, неважно, сколько заплатят Сильвестру Сталлоне. Основой успеха фильма всегда будет хорошая, здорово написанная история. **ПО ХОРОШЕМУ СЦЕНАРИЮ МОЖНО СНЯТЬ ПЛОХУЮ КАРТИНУ, НО НИКОГДА ЕЩЕ НЕ УДАВАЛОСЬ СДЕЛАТЬ НАОБОРОТ.** В кино все зависит от вас, от написанной вами истории.

4. Да, у Голливуда есть свои правила, но вы вполне можете изучить и соблюдать эти правила при писании сценариев. Самый простой способ — смотреть побольше фильмов, имевших успех, и пытаться понять, что в них есть общего. Кроме того, надо прислушиваться к пожеланиям и потребностям людей, связанных с покупкой сценариев и производством фильмов и ТВ программ. Эта книга содержит рекомендации, как отражать в вашем сценарии эти потребности и делать это ни в коем случае не за счет его художественных достоинств.

5. Все американские авторы утверждают: коммерческое и художественное вовсе не исключают друг друга.

6. Процесс сценарного творчества условно может быть разбит на последовательные шаги и стадии, следуя которым вы сможете написать сценарий не просто талантливый и эмоционально захватывающий, но и имеющий при этом «товарный вид».

7. Вы можете быть профессиональным сценаристом и жить в любой точке земного шара.

8. Вы можете сделать карьеру сценариста, не имея ни одного знакомого в радиусе тысячи миль от Голливуда.

9. Вы можете заработать кучу денег.

Все это звучит крайне несерьезно, да? Но таковы американцы. В их учебниках все вперемежку — серьезные идеи и шутки, деньги и вроде бы примитивные рекомендации, эмоции и глубокие идеи. Шутки попадают разные, но серьезные идеи, как правило, у разных авторов совпадают. Например, все начинается с истории.

## 2

### ИСТОРИЯ

Сценарии существовали за тысячи лет до изобретения кинематографа. Ваганты и менестрели рассказывали их на привалах у костров или во дворах замков. В пещерах и джунглях засыпающие дети просили родителей: «Расскажи сказку».

Кинозрители — вечные дети. Если вы хотите добиться у них успеха, сперва надо научиться правильно использовать самую простую вещь — трехчастную природу сценария. Казалось бы, очевидная истина — сценарий должен иметь начало, середину и конец. Но, при всей кажущейся простоте, идея эта имеет свои особенности, вот вам мнение об этом Джорджа Когана, замечательного тем, что во всей истории кино он был единственным человеком, одновременно выступавшим в качестве артиста, режиссера, продюсера, сценариста, поэта, композитора и исполнителя куплетов с четкой.

Этот современный Леонардо таким образом описывает Начало, Середину и Конец:

«В первом акте ваш парень влезает на дерево». «Под «вашим парнем» он имел в виду главное действующее лицо, героя. Под «деревом» — драматическую ситуацию.

«Во втором акте бросайте в него камни». Под киданием камней он имел в виду усилен-

ные проблем главного героя, почти сбрасывающих его с ветки, где он сидит.

«В третьем акте дайте ему слезть с дерева». Тут он имел в виду необходимость так или иначе решить проблемы главного героя.

Вроде бы это звучит слишком примитивно. Попробуйте подогнать под эту схему трагедию Шекспира.

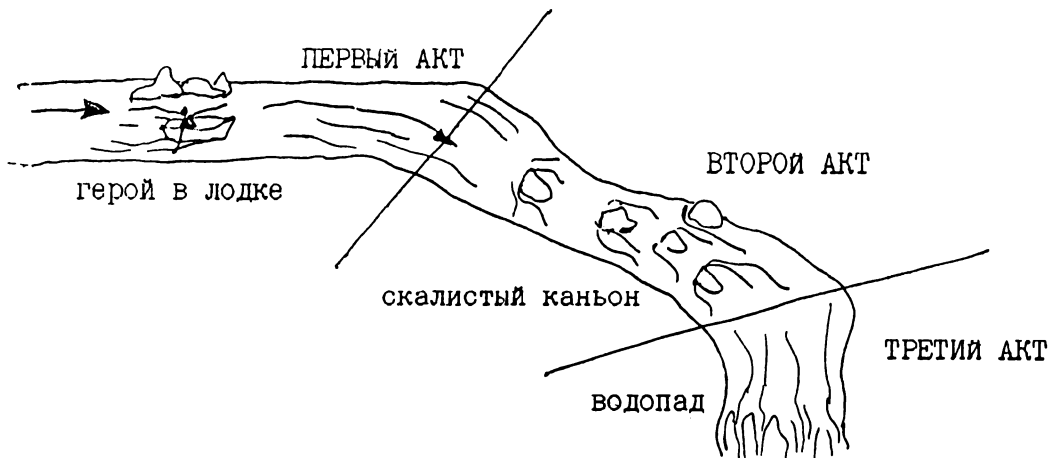
Наверное, это относится только к пресловутым триллерам со стрельбой и взрывающимися автомобилями, но не к истинным произведениям искусства, вроде «Кто-то пролетел над гнездом кукушки», «Таксист», «Кабаре»?

Оказывается, это ко всему относится. И к Шекспиру, и к «Кабаре». Подробно и серьезно это будет исследовано в следующих главах, а пока — в общих чертах.

Три акта — это относится к любому драматическому произведению. Все дело в том, что мы имеем в виду под словом «акт». Это не тот акт, после которого в традиционном театре опускается занавес и зрители идут в буфет, и не рекламная пауза по телевизору, во время которой спонсор пытается вам всучить свои акции, ботинки или корабли. Когда мы будем говорить об актах, мы будем иметь в виду три последовательные стадии в конструировании каждого сценария, совершенно незаметно для читателя (зрителя) перетекающие одна в другую.

Вот какую диаграмму предлагает Уэллс Рот, один из старейших голливудских сценаристов и преподавателей сценарного мастерства:

Первый акт. Диаграмма изображает реку, несущуюся в горном ущелье. В первом акте вы пускаете своего героя в плавание в углом челноке. Течение стремительно. У героя нет



пути назад. Река делает крутой поворот. Не видно, что нас ждет впереди.

Второй акт. За поворотом река полна водоворотов, подводных камней, скал. Впечатление, что проплыть по ней и остаться живым невозможно.

Третий акт. Река делает еще один крутой поворот. Теперь мы видим впереди смертельную опасность — огромный водопад. И вам решать, как поступить с вашим героем — покроете ли вы его славой победы или оплачете его поражение.

Будь это греческая трагедия, пятиактная шекспировская пьеса или четыре серии телевизионного фильма — все они построены на фундаменте трехчастной структуры — везде есть завязка, развитие и развязка.

## АКТ ПЕРВЫЙ

В большинстве драматических произведений первый акт выполняет четыре важные функции:

1. Представляет главное действующее лицо (или лица), героя (героиню) или протагониста. Это весьма существенно, ибо драматическое произведение рассказывает о людях. Не о стрельбе и трюках и не абстрактных идеях — а о человеческих характерах. Характер настолько важен в сценарии, что во всех книжках ему посвящается самая длинная глава.

Большинство знаменитых историй имеют в основе один главный характер или пару главных действующих лиц («Ромео и Джульетта», «Унесенные ветром», «Бонни и Клайд», «Полуночный ковбой» (Джон Войт и Дастин Хофман).

2. Еще одна примечательная фигура появляется обычно в первом акте. Это злодей, отрицательный герой, антагонист.

Никогда не преуменьшайте роль отрицательного героя. Конечно, кино и телевидение переполнено убогими персонажами такого рода, но помните лучшие примеры: Рода Стайгера в картине «Жаркой душной ночью», Джудит Андерсон в роли мисс Данверс из фильма «Ребекка», не говоря уже о шекспировском Шейлоке и большой белой акуле в «Челюстях».

Фигура злодея совершенно необходима вам по нескольким причинам. Во-первых, это его функция двигать дело к страшной катастрофе. Во-вторых, актеры обожают играть такие роли, потому что они, как правило, самые колоритные в фильме. В-третьих, создание таких персонажей — особенное удовольствие для автора. Вы можете поскучать в дело все дурное, что таится в вас, а потом сдобрить результат каплей жалости.

3. Третья важная задача первого акта — нарушить спокойствие зрителя, встряхнуть его, сразу поставив героя в критическое положение.

Почему это так важно?

Этот вопрос чаще всего задают люди вне кинобизнеса. Почему интерес к фильму вечно пытаются вызвать, рассказывая о насилии, сексе, болезни, изображая всяческие ужасы и стрессы?

Ответ на этот вопрос занимает фундаментальное место в теории драмы.

Потому что люди в обычном, спокойном состоянии не раскрывают себя.

Все мы большую часть своей жизни так или иначе скрываем свои чувства, свое истинное лицо, свою сущность. Подобно игроку в покер, вынужденному блефовать, чтоб скрыть наличие козырей или, наоборот, сделать вид, что они у него есть.

Зрители ходят в кино или смотрят телевизор именно для того, чтобы видеть человеческую натуру с сорванными масками. Драматическое произведение рассматривает людей под микроскопом, которым в сценарии является сюжет. Сюжет создает критические обстоятельства, при которых срываются маски будничного существования.

Вот почему драматургия — это искусство создавать критические ситуации. Поэтому и начинать ваш сценарий надо критической ситуацией. Более подробно об этом будет рассказано в главе «КАК НАЧАТЬ СЦЕНАРИЙ».

4. Четвертым элементом, необходимым в первом акте, является обозначение «альтернативного фактора». Другими словами, необходимо дать зрителю понять, что произойдет с вашим героем, если он не сумеет победить в критических обстоятельствах. Например.

В фильме «Челюсти» герой или убьет акулу, или она его заживо сожрет.

В каждой истории любви возлюбленные могут потерять друг друга. И зритель жаждет, чтоб этого не случилось.

Альтернативный фактор очень важен, чтобы поддерживать сопереживание зрителя, чтоб держать его в постоянном напряжении.

Если альтернативный фактор не задан, зритель в кинозале засыпает, а телезритель переключается на другой канал.

## ВТОРОЙ АКТ

Взгляните опять на диаграмму, где сценарий изображен в виде бурной реки.

Во втором действии река кипит водоворотами и усеяна подводными камнями. Герой в его утлой лодчонке вряд ли сумеет

преодолеть живым все эти ужасные препятствия.

Все эти водовороты и камни — авторские идеи ужесточения проблем, с которыми сталкивается герой. Они предполагают, что герою придется все хуже и хуже, прежде чем дело пойдет на поправку.

Это называется **осложнениями**.

Его лодка налетает на первый камень, и он теряет весла.

Потерявшая управление лодка налетает на второй камень, и вода устремляется в пробоину. Лодка врежется в третий — и самый большой камень, — и герой оказывается в воде. Горный поток, несущий его, поворачивает — и впереди мы видим водопад. И в этот момент мы обнаруживаем, что герой не умеет плавать!

Тут наступает момент истины. Пути назад нет. Это называется кульминацией. В истории трагической герой гибнет в водопаде. В жизнеутверждающем варианте автор вытаскивает его и укладывает сохнуть на берегу.

Эта средняя часть реки, каньон с осложнениями — обычно самая длинная часть истории. В получасовой телевизионной программе у вас есть время только для одного-двух осложнений сюжета. В часовом телефильме вы можете изобрести больше скалистых препятствий, что означает более изобретательно сработанный сюжет. В фильмах-гигантах вроде «Доктора Живаго» или «Крестного отца» осложнения могут продолжаться 90 минут или больше, пока вы не достигнете момента истины — водопада.

Попробуем исследовать роль осложнений в сюжете на следующем примере.

В фильме «Звуки музыки» Джулия Эндрюс, невинная нянечка из приюта, влюбляется в своего богатого хозяина Кристофера Пламмера. Она узнает, что он помолвлен с баронессой. Это создает серьезнейшее осложнение.

В «Контактах третьей степени» Ричард Дрейфус стремится доказать существование летающих тарелочек. Его проблема осложняется желанием военно-воздушных сил остановить его самостоятельные исследования. Он преодолевает все дорожные заслоны и достигает своей цели.

В сценарии «Вся президентская рать» два журналиста хотят распутать Уотергейтское дело. Осложнениями являются препятствия, чинимые на их пути официальным Вашингтоном и их собственной газетой. Несмотря ни на что, они добиваются успеха.

В старой доброй «Золушке» робкая героиня улизила с бала прежде, чем сексапильный принц спросил, как ее зовут. Она возвращается на свою кухню, подметает и моет пол.

Но теперь ее проблемы осложнены разбитым сердцем.

Таким образом, ваш второй акт вырастает из проблем, осложняющих кризисную ситуацию, обозначенную в первом акте. Во втором акте проблемы эти множатся и грозятся, пока протагониста не выносит в третий акт. Теперь он должен или преуспеть в любви, или потерпеть фиаско, или победить врагов, или погибнуть.

## ТРЕТИЙ АКТ

Если вы пишете третий акт трагедии, ваш протагонист гибнет в водопаде. Мы знаем примеры великих трагедий, но в современной практике такие темы встречаются не часто. Они подразумевают высочайший уровень творческого потенциала и результата. Более того, по причинам практическим, они труднее находят источники финансирования.

Тем, кто платит, как правило, надо быть сентиментальным во всем, что касается денег. Заработав капиталец, они ревностно заботятся о его росте. Они быстро смекают, что финалы со счастливым, по крайней мере с внушающим надежду, концом приносят больше долларов. Список разнообразных тому примеров включает: «Звездные войны», «Аферу», «Рокки», «Звуки музыки», «Выпускник», «Ад в поднебесье», «Моя прекрасная леди», «Контакты третьей степени» и «Челюсти». Их доходы исчисляются сотнями миллионов.

Эти мотивы подробнее исследуются в главе об окончаниях сценариев. Для начала примем во внимание неоспоримый вывод из практики билетных касс: массовый зритель предпочитает выигрывать проигрывать. Это предполагает, что профессиональный писатель должен знать, как извлечь вовремя своего героя из водопада и отправить на берег.

А действительно, как это сделать?

Тут применяется орудие, имеющееся в мастерской каждого сценариста. То, что в цирке называется лонжей. Невидимой веревкой, спасающей жизнь.

Вернитесь к вашей диаграмме и прибавьте еще одно действующее лицо — самого себя. Вы, автор, следуйте, как тень, за вашим героем по берегу своенравной реки. На плече у вас моток этой самой невидимой веревки. Когда его вот-вот снесет в водопад — вы бросаете ему конец. Но откуда, черт возьми, если говорить всерьез, взялся этот моток веревки?

Это вы должны знать. Вы сами его припасли где-то в первом или втором акте.

Самые простые примеры этой спасательной веревки дают детективные истории, когда

находка улики или неожиданный финт сыщика помогают в конце арестовать преступника.

Но ваша писательская лонжа — вовсе не ловкий трюк смышленного полицейского. Он является атрибутом всей истории драматического сюжетосложения. Давным-давно Марк Твен применял эту штуку в «Янки при дворе короля Артура». Помните, как героя чуть не поджарили, и он спасся, предсказав, что солнце почернеет и царство короля Артура падет. Его лонжой явилось солнечное затмение. Король Артур запаниковал и сделал героя-янки своим главным волшебником.

В «Челюстях» лонжой является динамит, которым герой взрывает акулу. Во многих приключенческих историях это особое умение, которым обладает герой, в вестернах — это способность шерифа вытащить пистолет быстрее, чем вытаскивает его злодей.

Это относится и к дамам. Помните у Шекспира, как Шейлок в «Венецианском купце» чуть не стал обладателем фунта мяса бедного Антонио. Его спасла Порция, благодаря знанию забытого венецианского закона, запрещавшего сделки, угрожающие

Разве хоровод и маленький оркестрик в финале не вызвал у вас в свое время такой же реакции: «Господи, ну конечно же!» Потому что вдруг, на наших глазах, произошло чудо счастливого конца, когда сработала лонжа, вовремя припрятанная автором в ткани предыдущих сцен фильма — во всех кадрах драматически не стыкующейся мозаики жизни героя. Которые, вдруг, сложились в этот хоровод и превратились в нечто простое и цельное.

Только помните, что ваша спасательная веревка не должна быть тем, что древние называли «Deux ex machina», т. е. «Бог из машины», когда сверху спустили на веревке платформу с богиней. Она все знала, все понимала и быстренько решала все проблемы. Это давно стало в драматургии классическим примером того, как не надо поступать автору. В современном виде подобное опасение звучит следующим образом: «Нельзя избавиться от злодея с помощью счастливой случайности или Господа Бога. Со злодеем должен расправиться ваш герой самостоятельно».

Еще раз, чтобы запомнить.

Первый акт (начало)	Второй акт (середина)	Третий акт (конец)
1. Представьте вашего главного героя 2. Поставьте его в критические обстоятельства 3. Представьте антагониста 4. Обозначьте альтернативу	Обостряйте проблемы вашего героя осложнениями	Решите его проблемы победой над злом или трагически

жизни гражданина. Этим лонжой-законом она и вытащила Антонио на берег.

И, конечно же, самая знаменитая лонжа в классической драматургии — это хрустальный башмачок Золушки. Она чуть не потеряла принца навеки. Но он явился с вовремя потерянным ею на балу хрустальным башмачком — и они до сих пор живы и счастливы.

Все зависит от того, какую лонжу вы приготовили, чтобы спасти вашего героя или героиню. Многие знаменитые лонжи так хороши, что придают дополнительный блеск истории и вызывают живую благодарность зрителя. Это тот момент, когда люди в зале переглядываются и умиленно шепчут: «Господи, ну конечно же...»

Господи, ну конечно же! И все это не так просто, как кажется. Потому что это касается не только приведенных здесь слишком, может быть, простых примеров. Вот вам еще пример. «Восемь с половиной» Феллини.

А вот что пишет Линда Сегер, автор книжки «КАК СДЕЛАТЬ ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ?»

«Вы только что закончили сценарий. И сами видите, что он получился. И вы уже показали его нескольким друзьям, которые сказали вам, что это лучше, чем у Спилберга. Но вас грызет сомнение — что-то в нем не так. Вроде бы где-то в середине одно с другим не сходится. И вы начинаете сомневаться. Ясно, что над сценарием надо поработать. Но где ошибка? Сценарий — вещь цельная. Нельзя изменить одну часть, не разбалансировав все остальное. Это дело тонкое, потому что, так же как процесс писания, процесс переписывания имеет начало, середину и конец».

Поэтому теперь, после того как вы получили предварительное и весьма прилизанное представление о взгляде американцев на сценарий, начнем с начала...

*Продолжение следует*

# ОН БЫЛ РАССЧИТАН НА БОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО КАРТИН...



В середине декабря умер Петр Попогребский. Пил. Сильно. Так, что серьезная жена Люся выделила его, разменялась, разъехались. Сохраняя при всем напряжении разрыва связь душевную, родственную. Замечательного вырастили сына.

Водка, конечно, дело привычное поэту на Руси — не с Есенина, Смелякова, Светлова началось, не Высоцким, Шпаликовым завершилось... И кто возьмется судить: характер ли тут больше виноват, мягковатый, или наша действительность, жестковатая. Губительная для поэта.

А Попогребский был поэтом. Драматургом. Писателем. Это стало очевидным уже из первых его рассказов и пьесы, с которыми он пришел на Высшие курсы.

И не читавший сочинений председатель приемной комиссии В. Е. Баскаков при одном взгляде на абитуриента насторожился: «А он не из этих? Не из диссидентов?» Мы поспешили его успокоить: «Что вы! Инженер, привержен производственной теме, реалист. Социалистический!»

Жесткое перо. Безжалостное к герою, а главное, к самому себе. Мог быть несправедлив в оценках, пристрастен. На все имел свои резоны. И сколько мы ни учили его на Курсах — смягчать, округлять, усреднять конфликты, для его же пользы, разумеется, для «проходимости», Петр не очень-то поддавался, хоть и пытался. И мы с облегчением возвращались всегда к первому варианту рукописи — шершавому, несовершенному, взаправдашнему. Так было и со сценарием «Стою над снегами» — расследованию аварии на атомной станции, написанному задолго до Чернобыля. Был там глубокий номенклатурных змей — кошмарный гадюшник уважаемых властителей жизни, готовых глотку перегрызть оппоненту, ради спасения собственной шкуры, какие тут к черту поиски истины!

Последующие, несочиненные аварии, съезды

и пленумы только подтвердили правоту таких оценок, резких характеристик героев нашего времени.

К сожалению на экране (и в этом Попогребский был не одинок) воплощались далеко не первые редакции его вещей. И премьеры, пусть даже «всесоюзные», не приносили ожидаемой радости.

Но он работал, с годами все труднее, не позволяя себе ни одной фальшивой ноты, как это случается со многими коллегами — неартистами, неписателями, неучеными, пусть даже титулованными, преуспевающими.

Жил трудно. Не исчерпав запас дружеских чувств, ведь была в этом человеке какая-то твердость, надежность, про таких говорят: с ним пошел бы в разведку.

Очень горько, что так короток оказался творческий век Попогребского — с премьеры лучшей его картины «День приема по личным вопросам» не прошло и двух десятков лет.

Он мог бы сказать о себе, как сказал А. П. Довженко: «Я был рассчитан на большее количество картин», книг, пьес, спектаклей...

Л. Агранович

Судьба свела нас на картине, которая, к сожалению, принесла нам одни разочарования. Наш сценарий приказом самого министра был возведен в ранг «госзаказа», но был смертельно искалечен в ходе съемок. А вот год нашей совместной работы с Петром Попогребским мне дорог и памятен. «Технар» по своей первой профессии, он был гуманитарий по призванию. Прекрасно знал поэзию, историю, философию. И наша работа над сценарием — в Болшево и Пицунде — проходила под «аккомпанемент» бесед, нередко уводивших нас от темы нашей задумки, (мы писали сценарий о конструкторе знаменитых ИЛ'ов — об Ильюшине).

Петр Попогребский был на десять лет моложе меня. Но и его поколение немало хлебнуло — война, эвакуация, полуголодное детство... Человек, рожденный в трагическом 37-м, он словно генетически впитал в себя боль этой незаживающей раны России. В нем чувствовался какой-то надрыв, какая-то глубоко затаенная боль, душевная драма, так мною и не разгаданная. Но внешне, в общении он был всегда ироничен, насмешлив, безукоризненно корректен и доброжелателен.

Ему не слишком везло на стезе драматургии. Человек необычайно одаренный, он не обладал так называемыми «деловыми» качествами многих своих коллег, не умел «дружить» с редакторами и режиссерами, от которых



так много зависело, не хотел и не мог браться за любой заказ. Начинающему автору было трудно найти себя в кинематографе 70-х годов, пробиться к экрану со своими авторскими идеями сквозь заслоны таких талантливых цензоров Госкино как павленки, кокоревы, орловы-дали...

Петру Попогребскому удалось сделать в кино несправедливо мало, его талант по существу не был оценен и востребован, несмотря на блестящий драматургический дебют на «Ленфильме» («День приема по личным вопросам»).

А потом настала смутная пора «перестройки», время «крутых» коммерческих сюжетов, зависимости от вкусов спонсоров-наторишей. Нет, Петр Попогребский, истинно русский интеллигент, был не ко двору и им...

Безмерно больно, когда так рано уходят люди, не раскрывшие и малую толику своего дарования, не осуществившие свои главные замыслы. Но сохранившие честь и достоинство нашей профессии.

Б. Добродеев

## МЫ ЖИЛИ ПО СОСЕДСТВУ...



С Вадимом Труниным нашу редакцию связывают все двадцать лет жизни, с первого дня. Он как нельзя лучше подходил для редколлегии журнала, созданного чтоб доказать, что киносценарий — полноправный жанр литературы. С одной стороны Вадим — профессиональный литератор, за плечами Литинститут, с другой — кинодраматург, автор популярнейшего «Белорусского вокзала». И молодой — ему еще не было тогда сорока лет...

Он сложно жил, трудно зарабатывал свой хлеб, не чураясь «черной» работы. И все это рядом с нами, у нас на глазах, а то и просто по соседству, — в последние годы Вадим возглавлял Центральную сценарную студию, с которой наша редакция делит «жилплощадь» в особняке по Воротниковскому переулку.

Во всем, что он делал. Трунин ни разу не предал самого главного — себя. С ним было легко работать — оставаясь верным себе он не предавал тех, кто с ним и за ним. В сложные времена, когда на заседаниях редколлегии разыгрывались бои, его мнение часто оказывалось решающим, и, что встречалось в те времена довольно редко, Вадим не менял его в зависимости от «направления ветров». Он был Профессионалом. С большой буквы. Короткие, емкие очень точные его рецензии писались исключительно для внутреннего пользования — но это был образец профессионального подхода. Сценарии, что выходили из-под его пера, практически все печатались на наших страницах — и это было честью для журнала.

Большой, толстый, уютный, что ли, добродушный, оптимист от природы — просто непонятно, как он мог в сценариях быть таким тонким психологом, резко закручивать сюжеты до невероятного эмоционального накала, — Вадим в самые тяжелые нынешние времена любил напевать «утешительную» американскую песенку: «Don't worry — be happy» ...И жизнь вокруг становилась с головы на ноги.

Он не собирался умирать. Думал сына воспитывать — маленького Вадима...

«Don't worry — be happy»...

Редакция журнала  
«Киносценарий»

**ВЕРДЯН А. М.**

**ИЦКОВ И. М.**

Гильдия кинодраматургов и редакция журнала «Киносценарий» оповещает о тяжелой утрате.

Не стало двух наших коллег, сценаристов документального кино, талантливых профессионалов.

Светлая память о них сохранится в наших сердцах.

## СОДЕРЖАНИЕ

### НЕПОСТАВЛЕННОЕ КИНО

2 Анатолий Гребнев «ПРОХИНДИАДА — 2»

### ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

41 Эдуард Тополь «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ» (Часть 1)

### АМЕРИКАНСКИЙ СТАЛИН

86 Поль Монаш «СТАЛИН»

106 Андрей Кончаловский, Анатолий Усов «БЛИЖНИЙ КРУГ»

### КИНОРОМАН

127 Рустам Ибрагимбеков, Никита Михалков «СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК»

### ИНТЕРВЬЮ

37 Марика Майорова «ЭДУАРД ТОПОЛЬ — ПИСАТЕЛЬ В АМЕРИКЕ»

80 Андрей Кодреску «В ГОЛОВЕ У БОББИ»

100 Александр Липков «АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ: ЧЕТЫРЕ ИНТЕРВЬЮ  
О «БЛИЖНЕМ КРУГЕ»

### ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

150 Илья Вайсфельд «КУДА ИСЧЕЗ МАЛЬЧИК?»

### РАССКАЗЫ ВУДИ АЛЛЕНА

155 Вуди Аллен РАССКАЗЫ

### ИЗ ЖИЗНИ ЗВЕЗД

152 ВУДИ АЛЛЕН — СЕКС — СИМВОЛ АМЕРИКИ

162 Гарена Краснова «МЕРИЛ СТРИП»

### БИЗНЕС В КИНО

184 Александр Червинский «КАК ХОРОШО ПРОДАТЬ ХОРОШИЙ  
СЦЕНАРИЙ»

### ПАМЯТИ ДРУГА

190 Леонид Агранович, Борис Добродеев «ОН БЫЛ РАССЧИТАН НА  
БОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО КАРТИН»

191 МЫ ЖИЛИ ПО СОСЕДСТВУ

Гл. редактор Н. РЮРИКОВА

Редакционно-общественный совет: В. АЗЕРНИКОВ, Э. АКОПОВ, И. ВАСИЛЬЕВА, А. ГРЕБНЕВ,  
А. ИНИН, Е. КЛЕЙНЕР, А. КРИНИЦЫНА, А. МАМИЛОВ, А. МЕДВЕДЕВ, В. МЕРЕЖКО,  
Н. РЯЗАНЦЕВА, М. СЕРГИЕНКО (отв. секретарь), П. ФИНН, В. ФРИД, А. ЧЕРВИНСКИЙ,  
В. ЧЕРНЫХ

Журнал оформил художник А. М. ПОЛЯК

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

---

Сдано в набор 18.01.93. Подписано к печати 22.02.93. Формат 70×100<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Усл. печ. л. 15,60. Уч.-изд. л. 24,19. Усл. кр. отт. 16,22. Печать офсетная.

Бумага типогр. «Сыктывкар». Гарн. таймс. Заказ № 143.

Акционерное общество «Киноцентр»

123376, Москва, Дружинниковская ул., 15. Тел. 205-30-01

Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., 12

---

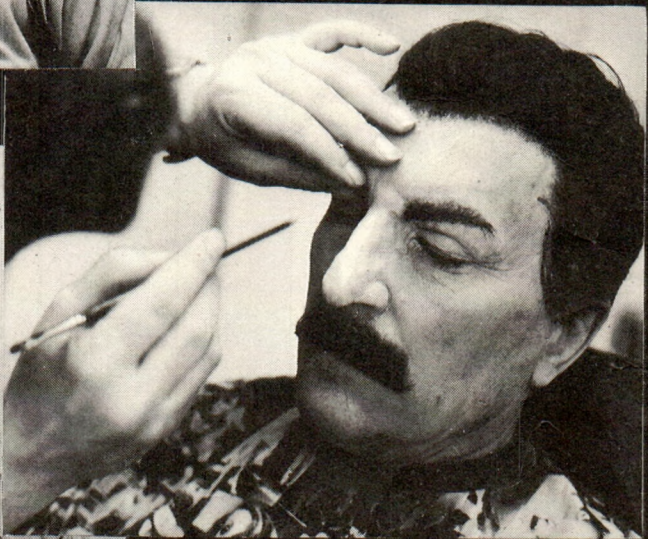
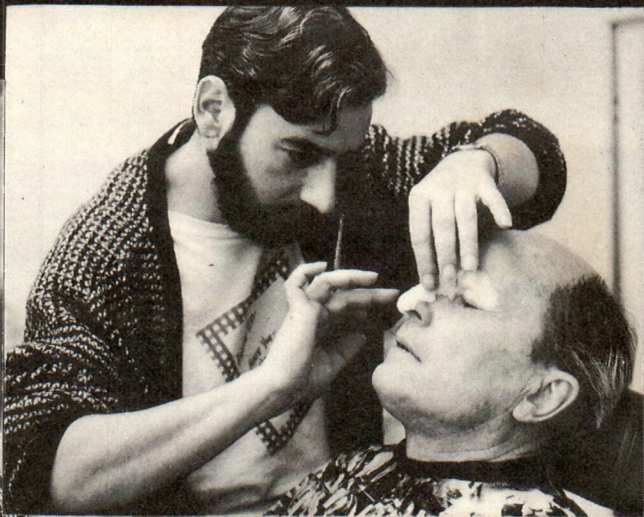
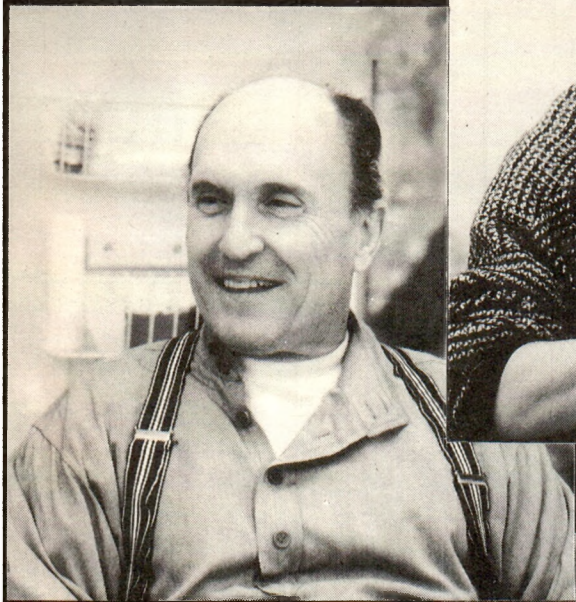
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат

Министерства печати и информации Российской Федерации

142300, г. Чехов Московской области

© «Киносценарии»

На первой странице обложки — Андрон Кончаловский; на последней — Ив Монтан



ак, посредством сложного грима, американский актер Роберт Дювалл превращается в Сталина.

«Нужно быть очень осторожным,— говорит Дювалл,— я часто вижу, как актеры позируют, играя исторические характеры. Слишком часто они пытаются сыграть историю, либо сыграть только оболочку своих героев. Историю невозможно играть. Невозможно сыграть стиль или эпоху. Нельзя играть оболочку. Вы должны передать каждый момент внутри этой оболочки.»

ИВ МОНТАН —

которого вы не знаете...

Читайте материал об Иве Монтане  
в нашем следующем номере

